

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

**ПРАВОВЫЕ И НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции,
посвященной памяти заслуженного деятеля науки
Российской Федерации, доктора юридических наук,
профессора В.П. Малкова

Чебоксары, 2–3 октября 2020 г.

В двух частях

Часть 2

Чебоксары
2020

УДК 347.122(063)

ББК Х021я43

П68

Редакционная коллегия:

А.Ю. Александров, С.В. Тасаков, Е.В. Иванова,
Е.В. Нечаева, Н.В. Семенова

Печатается по решению Ученого совета

Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова

П68 **Правовые** и нравственные аспекты функционирования гражданского общества: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посв. памяти засл. деятеля науки Российской Федерации, д-ра юрид. наук, проф. В.П. Малкова. Чебоксары, 2–3 октября 2020 г.: в 2 ч. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. – Ч. 2. – 490 с.

ISBN 978-5-7677-3133-6 (ч. 2)

ISBN 978-5-7677-3131-2

В сборнике материалов конференции представлены результаты исследований по актуальным проблемам правового регулирования общественных отношений, проблемам современного состояния и перспективам развития гражданского общества, соотношения нравственности и права в различных отраслях его жизни.

Для научных и практических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов.

ISBN 978-5-7677-3133-6 (ч. 2)

ISBN 978-5-7677-3131-2

УДК 347.122(063)

ББК Х021я43

© Издательство Чувашского
университета, 2020

ПОДХОД К КРИМИНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОГО ДЕЯНИЯ В РОССИИ

Т.Ф. Минязева, д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
ФГКОУ ВО «Московская академия
Следственного комитета Российской Федерации»,
ФГБОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
г. Москва

Аннотация. Анализируются признаки преступления и их соотношение с административной преюдицией, значением дефиниции «множественность деяний» в решении уголовно-правовых вопросов. Сделан вывод о том, что признание деяния преступлением не должно носить временный характер, зависеть от количества совершенных лицом аналогичных или тождественных деяний в течение определенного срока. Дана оценка составам преступлений с множественностью совершения деяний.

Ключевые слова: уголовная противоправность, общественная опасность, преступление, административная преюдиция, неоднократность, множественность.

THE APPROACH TO THE CRIMINALIZATION OF SOCIALLY DANGEROUS ACTS IN RUSSIA

T.F. Minyazeva

Abstract. The article analyzes the signs of crime and their relationship with administrative prejudice, the meaning of the definition of «plurality of acts» in solving criminal law issues. It is concluded that the recognition of an act as a crime should not be temporary, depend on the number of times a person committed a similar or identical act within a certain period. An assessment of the elements of crimes with a plurality of acts.

Keywords: criminal wrongfulness, public danger, crime, administrative prejudice, repetition, multiplicity.

Известный советский и российский учёный-правовед, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации В.П. Малков внес весомый вклад в развитие теории уголовного права в целом и институт множественности преступлений в частности [4]. Он разработал целостную теорию множественности именно *преступлений*, на основе которой применяются нормы уголовного закона.

В настоящее время поставлен вопрос о том, что анализ нововведений в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) позволяет осмысливать целесообразность идеи введения в научный оборот наряду с институтом «множественность

преступлений» нового института – «множественность совершения деяний».

Следует отметить, что не все изменения, вносимые в уголовный закон, согласуются с основными направлениями уголовной политики и не всегда должны создавать новые, не увязанные с теорией уголовного права институты. Таким изменением уголовного закона стало в настоящее время периодическое внедрение в него такого признака преступления, как административная преюдиция.

УК РФ действует уже более 20 лет. Создавался он на определенной концепции, по многим подходам к отражению основных институтов уголовного права схожей с УК РСФСР и не опровергнутой на уровне теории права до настоящего времени, однако по своему усмотрению изменяемой законодателем. Естественно, что за прошедший период многое менялось, уголовный закон стремился соответствовать темпам социально-экономических преобразований в стране и в него должны вноситься изменения и дополнения. В правотворчестве важно не исказить соотношение динамизма и стабильности закона, только разумное сочетание которых может способствовать развитию прогресса в праве. Вместе с тем анализ многочисленных изменений, вносимых в УК РФ, позволяет констатировать, что они не всегда разумны, целесообразны и основаны на взаимосвязи теории права и отражении ее положений в законе. Кроме того, нововведения в уголовный закон часто противоречат содержащимся в этом же законе положениям, основным институтам уголовного права.

Действующий уголовный закон сохранил в теории уголовного права так называемое «материальное» понятие преступления, основанное на абсолютизации такого признака уголовной противоправности, как «степень общественной опасности совершенного деяния». На этот признак в законе обращено внимание дважды: сначала при определении преступления (ч. 1 ст. 14 УК), затем в предписании о важности степени общественной опасности деяния – не «является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасно-

сти» (ч. 2 ст. 14 УК), иными словами, той степени общественной опасности, которая необходима для признания содеянного преступлением. Признак общественной опасности раскрывает социальную сущность преступного деяния. «Это объективное свойство преступления, не зависящее от воли законодателя...», отказываться от этого признака преступления не стоит [2. С. 311].

Малозначительное деяние не содержит «в себе состава преступления, может образовать состав иного правонарушения (например, административного или дисциплинарного)» [5. С. 314], нарушения гражданско-правовых обязательств, и в этих случаях к лицу, совершившему такое деяние, могут быть применены административные наказания, меры дисциплинарного воздействия или гражданско-правовые санкции. «Малозначительность деяния устанавливается в каждом конкретном случае по обстоятельствам дела. Возможность признания деяния малозначительным и не являющимся преступлением сигнализирует о коллизии *«между формальным и материальным признаками* преступления, то есть между уголовной противоправностью и общественной опасностью» [7. С. 95], которая разрешается в пользу ответственности материального признака. Установление малозначительности деяния относится к оценке его объективной стороны: выраженности деяния, наступившим последствиям, причинной связи, места, времени, обстановки, орудий и средств совершения. УК РСФСР 1926 г. в примечании к ст. 6 не признавал преступлением деяния, в силу *явной малозначительности* и отсутствия вредных последствий, лишенных характера общественно опасного. В ч. 2 ст. 7 УК РСФСР 1960 г. содержалось положение о том, что «не является преступлением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности». Аналогичное положение закреплено и в ч. 2 ст. 14 действующего УК РФ. То есть статус оценки содеянного как преступления традиционно определяется именно характером и степенью общественной опасности совершенного лицом деяния (действия или бездействия), а не оценкой степени опасности лица, его совершившего, зависящей от числа раз совер-

шения деяния. И именно ввиду степени опасности совершенного деяния, к лицу, не являющемуся субъектом преступления, например, находившемуся на момент совершения преступления в состоянии невменяемости, просто, по формальному признаку подпадания совершенного им деяния под нормы УК, применяются принудительные меры медицинского характера (п. «а» ч. 1 ст. 97 УК). Малозначительность деяния означает, что посягательство на тот или иной объект не могло причинить ему (объекту) заведомый для субъекта вред [3. С. 95]. «Субъективный критерий учитывается при оценке совершенного деяния и может повлиять на признание его малозначительным, когда оценка содеянного приводит к выводу о том, что лицо желало совершить именно это деяние и причинить именно эти последствия» [3. С. 114]. Например, лицо тайно берет сто рублей из лежащего на стуле кошелька потерпевшего с гораздо большей суммой.

Степень опасности деяния в большинстве составов преступлений уже четко просматривается в его внешних признаках – причиненном ущербе охраняемым законом отношениям. Признаки противоправности и степени общественной опасности взаимообусловлены. Это потом уже, когда будет установлено лицо, совершившее деяние, и, если оно будет наделено признаками субъекта, появятся и другие признаки преступления: виновность, угроза наказанием.

Но в 2011 г. законодатель решил иначе подойти к понятию «преступление» и стал криминализировать деяния (Федеральный закон от 21.07.2011 № 253-ФЗ – введена ст. 151.1 УК РФ) с учетом не его, этого деяния, степени общественной опасности, а с учетом повышенной, отметим, на время опасности лица. Так присущий преступлению признак «уголовная противоправность», отраженный в ч. 1 ст. 14 УК РФ словами «предусмотренные настоящим Кодексом» и увязанный со степенью общественной опасности совершенного субъектом деяния, в реформах стал превращаться в принцип «опасности лица» и послужил основой для дальнейшей криминализации деяний, признаваемых преступлением для отдельных лиц в зависимости от количества совершения ими аналогичных или тождественных деяний в течение определенного времени. Это, можно сказать, «временные преступления». Теперь это уже явно обозначенная

в законе тенденция выражается в «превращении» одного и того же по степени общественной опасности деяния из административного правонарушения в преступление, и по прошествии времени обратно, исходя из установления степени опасности лица, по сути, не воспринимающего содеянное как преступление.

Именно «уголовный закон составляет ядро в сфере средств уголовной политики, передает ее социальное значение. Соответственно пределы кодификации уголовного закона, под которым в основном понимается объем законодательно закрепляемой совокупности запрещающих уголовно-правовых норм, первичны по отношению к пределам кодификации запретов административной отраслевой принадлежности, востребованных в уголовной политике. Однако официальное признание получает другая позиция, в соответствии с которой пределы кодификации уголовно-правовых запретов зависимы от того, какая совокупность административно-правовых запретов закреплена законодательно» [2. С. 43].

В УК РФ с периодической регулярностью появляются новые статьи: ст. 212.1 – введена Федеральным законом от 21.07.2014 № 258-ФЗ; ст. 264.1 введена Федеральным законом от 31.12. 2014 № 528-ФЗ; ст. 215.4 – введена Федеральным законом от 30.12.2015 № 441-ФЗ; ст. 158.1 – введена Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ; этим же законом в ст. 157 – изменена редакция; ст. 171.4 – введена Федеральным законом от 26.07. 2017 № 203-ФЗ и др.).

Исключив неоднократность из института множественности (ст. 16 УК утратила силу Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ) и тем самым не повышая степень опасности неоднократно совершаемых лицом тождественных или однородных *преступлений* (неоднократность в соответствии с Федеральным законом № 162-ФЗ перестала являться и квалифицирующим отягчающим признаком ряда преступлений, и обстоятельством, отягчающим наказание), законодатель стал криминализировать, еще раз обратим внимание, «на время» (пока лицо считается «подвергнутым административному наказанию») в большинстве случаев, согласно ст. 4.6 КоАП РФ – в течение года. А в ст. 212.1 УК (Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, де-

монстрации, шествия или пикетирования) временные границы такого «превращения» приобрели замысловатые характеристики: деяние признается преступлением, если лицо, его совершившее, ранее привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.2 КОАП РФ *«более двух раз в течение ста восьмидесяти дней»*. В ч. 2 ст. 314.1 УК РФ неоднократно совершенным деяние признается при условии, что лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние *два раза в течение одного года*.

По прошествии времени, указанного в законе, совершение лицом все такого же деяния снова превращается в административное правонарушение.

Так в уголовном законе возродился термин «неоднократность», особо подчеркнем, с *иной смысловой нагрузкой*. И одно и то же по характеру и степени общественной опасности деяние превращается для определенного лица то в преступление, то в административное правонарушение, и так без ограничений, лишь бы время прошло. Между тем, еще раз подчеркнем, в ч. 1 ст. 14 УК РФ речь идет об опасности именно совершенного лицом *деяния*, а не об опасности лица в силу повторения им деяния, имеющего иную противоправность. Пока каждое из таких деяний оценивается как административное правонарушение, но кто знает, если идти по такому пути, то это может коснуться и гражданско-правовых деликтов, дисциплинарных, а может и моральных проступков? Вряд ли такой подход к понятию преступного деяния оправдан целью повышения эффективности борьбы с преступностью.

Итак, «неоднократность» как категорию, используемую в Особенной части УК РФ, не следует воспринимать как восстановление такой формы множественности преступлений, которая имела место в ст. 16 УК РФ до декабря 2003 г.

Тенденция конструкции составов преступлений по принципу «превращения» из административных правонарушений послужила основой появления единичных сложных составных преступлений, составы которых предусматривают повторные действия сами по себе, не являющиеся преступными [1. С. 169], и новой конструкции множественности: не преступлений,

а множественности «совершения деяний» [6. С. 16]. Вряд ли указанная конструкция способствует экономии репрессии, напротив, она порождает репрессию. Так, санкция ст. 158.1 предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до одного года, санкция ст. 264.1 – до двух лет, а санкции ст. 212.1, ч. 2 ст. 215.4 соответственно – до пяти лет, до четырех лет. А ведь правовая природа совершаемых деяний – административное правонарушение. Кроме того, совершение лицом, подвергнутым административному наказанию, в течение, например, одной-двух недель мелкой кражи и кражи, предусмотренной ч. 1 ст. 158 УК РФ, порождает превращение мелкой кражи в преступление и, соответственно, создает совокупность преступлений, предусмотренных ст. 158.1 и ч. 1 ст. 158 УК РФ, что также свидетельствует об усилении репрессии и усложнении правоприменения и приводит к принятию неоднозначных решений, обусловленных различными правилами оценки содеянного на законодательном и правоприменительном уровнях.

Для того чтобы избежать противоречивых решений, считаем, что в уголовном законе целесообразно отказаться от норм, устанавливающих административную преюдицию.

Литература

1. Квалификация преступлений: учеб. пособие / под ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. М., 2016.
2. Кленова Т.В. Основания разграничения уголовно-правового от административно-правового запрета // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIII междунар. науч.-практ. конф. (28–29 января 2016 г.). М., 2016.
3. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства. М., 2018.
4. Малков В.П. Множественность преступлений. Сущность, виды, правовое значение. Казань, 2006.
5. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. 6-е изд. М., 2018.
6. Тарасова Ю.А. Формы множественности преступлений и конструкции множественности совершения деяний в российском уголовном праве»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
7. Уголовное право России: учебник. Т. 1. Общая часть / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. 2-е изд. М., 2010.

О РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМИ НА УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

А.В. Мишин, канд. юрид. наук, доцент
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
г. Казань

Аннотация. Констатируется отсутствие криминалистических методических рекомендаций по расследованию преступлений, связанных с посягательствами на участников уголовного судопроизводства. Обосновывается практическая значимость формирования соответствующей криминалистической методики для следственной практики.

Ключевые слова: преступление, криминалистическая методика расследования, участники процесса, безопасность, противоправное посягательство.

TO THE QUESTION OF THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO ATTACKS ON PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

A.V. Mishin

Abstract. The article states the absence of forensic guidelines for the investigation of crimes related to attacks on participants in criminal proceedings. The practical significance of the formation of the corresponding forensic techniques for investigative practice is substantiated.

Keywords: crime, forensic investigation methods, participants in the process, security, unlawful assault.

Успешное раскрытие и расследование преступлений во многом определяется активным участием потерпевших, свидетелей и иных лиц, содействующих следственным органам посредством дачи показаний относительно установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Поэтому преступники и их окружение зачастую оказывают противоправное посягательство (воздействие) на указанных лиц с целью противодействия раскрытию и расследованию преступлений, уклонения от уголовной ответственности за содеянное¹. В связи с этим своевременное выявление и нейтрализация угро-

¹ Посягательство и воздействие по тексту понимаются как синонимы. Воздействие – система действий, имеющих целью повлиять на кого, что-нибудь; посягательство – покушение причинить вред, ущерб кому, чему-нибудь // Толковый словарь Ушакова Д.Н. 1935–1940 гг. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov>.

зы субъекта воздействия является гарантией обеспечения необходимых и достаточных условий для безопасного участия личности в производстве по уголовному делу.

Согласно официальным данным, в 2018 году в Российской Федерации было совершено более 500 преступлений, связанных с противоправными посягательствами на участников уголовного процесса [1. С. 4].

Практика показывает, что воздействие в отношении участников производства по делу имеет место при расследовании различных видов преступлений: убийств, грабежей и разбоев, преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, умышленного причинения вреда здоровью, умышленного уничтожения или повреждения имущества, вымогательства, бандитизма, краж, мошенничества и др.

Следует отметить, что противоправное воздействие, как правило, осуществляется после совершения преступления, т.е. является посткриминальным действием. Лишь в редких случаях такое воздействие оказывается до момента совершения преступления, а именно на стадии приготовления и покушения (ст. 30 УК РФ).

На наш взгляд, особую актуальность в настоящее время приобретает проблема определения криминалистического содержания процесса обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству. В связи с этим полагаем особо актуальной считать научную разработку методических и тактических основ расследования преступлений, связанных с противоправным посягательством на участников уголовного процесса (защищаемых лиц).

Представляется, что по уровню конкретизации методических рекомендаций методика расследования преступлений, связанных с посягательствами на участников уголовного судопроизводства, относится к высокой степени общности как методики расследования большой группы разнородных преступлений и, следовательно, может рассматриваться как комплексная криминалистическая методика расследования [2. С. 222]. Данная криминалистическая методика основывается одновременно на уголовно-правовой и иной криминалистически значимой, классификации преступлений.

Полагаем, что при формировании методики расследования преступлений, связанных с посягательством на участников процесса, следует учитывать:

- криминалистическую методико-познавательную значимость выделения группы преступлений, посягающих на безопасность участников уголовного судопроизводства;

- криминалистические основания групповой общности (объединения) преступлений, посягающих на безопасность участников процесса;

- криминалистические классификационные черты преступлений, посягающих на безопасность защищаемых лиц.

Информационно-методологической основой методики расследования преступлений, связанных с противоправным посягательством на защищаемых лиц, следует считать типовую криминалистическую характеристику таких преступлений. При этом необходимым элементом указанной характеристики является криминалистическая характеристика субъекта воздействия преступника на защищаемых лиц.

Типовая криминалистическая характеристика неправомерного воздействия должна использоваться субъектом доказывания для оценки следственной ситуации по расследуемому делу, оптимизации процесса решения тактических задач по обеспечению безопасности защищаемых лиц, а также выбору тактических приемов и тактических комбинаций при производстве следственных действий, сопряженных с применением уголовно-процессуальных мер безопасности.

Важно отметить, что методические положения по расследованию преступлений, связанных с посягательствами на участников уголовного судопроизводства, должны включать типовые черты следственных ситуаций, возникающих на отдельных этапах расследования данных преступлений, и ситуационные алгоритмы действий следователя; специфику взаимодействия следователя с подразделениями по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите.

При создании рассматриваемой криминалистической методики отдельного внимания заслуживает выявление особенностей тактики производства отдельных следственных действий, связанных с применением уголовно-процессуальных мер без-

опасности защищаемых лиц (тактика допроса под псевдонимом; тактика предъявления для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение защищаемого лица; тактика контроля и записи телефона и иных переговоров; тактика получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами).

Литература

1. Вопросы совершенствования деятельности по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите: информ.-справ. материалы Всерос. совещания-семинара МВД Российской Федерации. г. Краснодар, 2–4 октября 2019 г. Краснодар, 2019. С. 4.

2. Криминалистика: учебник / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М., 2014. Т. II. С. 222.

АВТОРИТАРИЗМ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ: ОПЫТ СИНГАПУРА

Д.Ю. Михайлов, студент

И.Ю. Семенова, ст. преподаватель

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. В статье затронуты проблемы функционирования современного политического режима в Республике Сингапур. Авторами предпринята попытка проанализировать исторический опыт государства в сфере государственного управления, включая вопросы избирательного права, социальной сферы, судебной системы, взаимоотношений институтов гражданского общества с органами власти. По результатам работы сделан вывод о возможности построения эффективной экономики в условиях автократии, что вызывает высокий исследовательский интерес к данной азиатской стране.

Ключевые слова: Республика Сингапур, Ли Кван Ю, автократия, авторитаризм, гражданское общество, избирательное право.

AUTHORITARIANISM AND ECONOMIC LIBERALISM: SINGAPORE 'S EXPERIENCE

D.Yu. Mikhailov, I.Yu. Semenova

Abstract. The article addresses the problems of the functioning of the modern political regime in the Republic of Singapore. The authors attempt to analyse the historical experience of the State in the field of public administration, including issues of electoral law, social sphere, judicial system, interaction of civil society

institutions with the authorities. The results of the work concluded that it is possible to build an effective economy in autocracy, which causes high research interest in this Asian country.

Keywords: Republic of Singapore, Lee Kuan Yew, autocracy, authoritarianism, civil society, suffrage.

Сингапур – город-государство в Юго-восточной Азии. Несмотря на свои небольшие размеры (является 192-й страной мира по площади территории) [1], уже более полувека демонстрирует высокие экономические показатели. Так, ВВП Сингапура (по паритету покупательной способности) на душу населения по состоянию на 2020 год составляет 105,689 долларов [2], что, по данным Международного валютного фонда, является третьим местом в рейтинге среди стран мира.

Резкий рост экономики Сингапура связан с персоной Ли Кван Ю, бывшего премьер-министром республики с 1959 по 1990 год. Являясь, безусловно, выдающейся личностью, как реформатор и государственный деятель он стал одним из авторов «экономического чуда». Когда он вступил в должность, ему пришлось бороться с существующей в стране высокой безработицей, коррупцией и нехваткой жилья, с чем лидер успешно справился.

Политический режим Ли Кван Ю некоторые исследователи называют «доброжелательной» диктатурой (от англ. benevolent) [3]. Основная идея, от которой никогда не отступал премьер-министр, состоит в том, что Сингапур и другие азиатские страны (например, Китай) не готовы к демократии западного образца, а требуют строгого управления на основах традиционного восточного коллективизма. Сложившаяся при нём система управления в государстве действительно была строгой, все политические противники Ли Кван Ю были репрессированы, а для граждан была сформирована жесткая система дозволенных, запретов и санкций за их нарушение. Политическая жизнь общества, что характерно для авторитарных режимов, была сосредоточена в руках одного лидера и правящей партии.

Согласно исследованию Economist Intelligence Unit, опубликованному в 2019 году, Сингапур занимает 75-е место в рейтинге DEMOCRACY INDEX [4]. Эксперты считают, что политический режим в Сингапуре является «несовершенной демо-

кратией». Если углубиться в критерии оценивания, то основной причиной такой неоднозначной характеристики является низкий уровень избирательного процесса и плюрализма (3.92 балла из 10).

На практике, начиная с 1959 года по сегодняшний день, в государстве прочно закрепилось доминирование правящей партии – Партии народного действия (People's Action Party), одним из основателей которой являлся сам Ли Кван Ю. На последних выборах партия заняла 83-е в Парламенте из 89 [5]. Сложно не ставить под сомнение популярность партии среди населения, поскольку ее политическая идеология направлена на благо государства и его граждан. Однако у исследователей вызывают определенные опасения методы политической борьбы, существующие в государстве. В 2011 году произошел инцидент с лидером второй по популярности партии в государстве – Демократической партии Сингапура Чи Сун Хуаном. Он был лишен права баллотироваться на всеобщие выборы 2011 года из-за непогашенного банкротства; после прошлых всеобщих выборов 2001 года премьер-министр Го Чок Тонг и сам Ли Кван Ю подали иск в суд на оппозиционера за клевету. По итогам судебного процесса суд обязал ответчика выплатить истцам ущерб в размере 300 000 и 200 000 долларов США соответственно, но, поскольку он был не в состоянии их выплатить, был признан банкротом и отстранен от участия в выборах [6].

Конституция Республики Сингапур в ч. 1 ст. 14 закрепляет право каждого гражданина на свободу речи и самовыражения, право собираться в мирных целях и без оружия; однако уже ч. 2 этой же статьи говорит о том, что парламент может законно ограничить данные права, если он сочтет ограничения необходимыми или целесообразными в интересах безопасности, общественного порядка или морали, а также в случаях клеветы и призывов к преступлениям [7]. Именно такого рода санкции, связанные с обвинением политических противников в клевете и дальнейшем ограничении их избирательных прав, свойственны политическому режиму Сингапура.

Другой, свойственной автократиям, чертой современного государства Сингапур являются некоторые проблемы с нарушением свободы слова и СМИ. По данным рейтинга свободы прес-

сы за 2019 год, ежегодно публикуемого имеющей консультативный статус про ООН и Совете Европы некоммерческой организацией Reporters Without Borders, Сингапур занял 151-е место среди стран мира [8]. Эксперты довольно критически отзываются о судебном и финансовом давлении на СМИ со стороны властей, в результате которых широко распространена самоцензура, в том числе и в рамках независимых СМИ. В 2018 году серьезные обвинения в клевете и распространении ложной информации были выдвинуты против пяти независимых новостных сайтов и по меньшей мере семи журналистов и блогеров. Также сингапурские власти начали рассылать журналистам электронные письма, угрожая им лишением свободы в случае, если они не удалят оскорбительные статьи.

Проведенное исследование позволяет прийти к определенным выводам, нашедшим практическое подтверждение. В современном политическом режиме Сингапура прослеживается ряд явных авторитарных черт. Среди них: концентрация власти в руках одной политической партии, использование недемократических методов борьбы за власть (например, путём подачи судебных исков на политических соперников с целью ограничить их пассивное избирательное право), действия, направленные на установления контроля над СМИ и их цензура.

Однако нельзя спорить с тем, что экономический рост государства за период с 1959 по 2020 год вывел страну с позиций страны третьего мира до третьего места в рейтинге стран по ВВП (ППС) на душу населения. Причиной этого является, главным образом, открытая для всего мира рыночная экономика, инвестиции в высокотехнологичные отрасли промышленности и создание конкурентного рынка финансовых услуг. Важное место занимает борьба с коррупцией и организация государственного управления на принципах меритократии, когда к руководству допускаются самые способные люди, независимо от их происхождения и достатка.

Государственное устройство Сингапура сочетает в себе две основные черты: экономический либерализм и политический авторитаризм (хоть и в значительно меньшей степени, чем он был в прошлом). Можно говорить, что Сингапур является примером эффективного государства, которое добилось высокого

уровня жизни для своих граждан. Динамика такова, что с течением времени остаются в прошлом откровенно диктаторские методы политической борьбы, и это дает основание предполагать, что в будущем в политическом устройстве Сингапура будут превалировать демократические институты. Опыт функционирования данной республики вызывает определенный исследовательский интерес.

Литература

1. The world fact book // cia.gov. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2147rank.html?countryname=Estonia&country-code=en®ionCode=eur&rank=133#en>.

2. World Economic Outlook Database // International monetary fund. URL: <https://goo-gl.ru/6d6Q>.

3. Obituary: Lee Kuan Yew, the benevolent dictator // Malay Mail. URL: <https://www.malaymail.com/news/malaysia/2015/03/23/obituary-lee-kuan-yew-the-benevolent-dictator/864591>.

4. Democracy Index 2019 // The economist intelligence unit. URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=democracyindex2019.

5. PAP racks up landslide win, takes 83 out of 89 seats // The business times. URL: <https://goo-gl.ru/6d6N>.

6. Chee Soon Juan // Wikipedia, the free encyclopedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Chee_Soon_Juan#Defamation_suit,_bankruptcy,_Tak_Boleh_Tahan_trial:_2002_-_2012.

7. Конституция Сингапура // Конституции государств (стран) мира. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=294>.

8. An alternative way to curtail press freedom // Reporters without borders. URL: <https://rsf.org/en/singapore>.

О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КАК УЧАСТНИКА СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА ПО РОССИЙСКОМУ И ЗАРУБЕЖНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

А.М. Могушков, аспирант
ФКОУ ВО «Академия права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний», г. Рязань

Аннотация. На основе анализа уголовно-процессуального законодательства России и ряда стран (Азербайджанской Республики, Республики Узбекистан, Республики Армения, Республики Беларусь) выявляется ряд недостатков регулирования процессуального положения представителя исправительного

учреждения как участника стадии исполнения приговора, в связи с чем определяется ряд направлений совершенствования российского законодательства.

Ключевые слова: стадия исполнения приговора, процессуальное положение представителя исправительного учреждения.

**ON THE ISSUE OF THE PROCEDURAL STATUS
OF A REPRESENTATIVE OF A CORRECTIONAL INSTITUTION
AS A PARTICIPANT IN THE EXECUTION STAGE
OF A SENTENCE UNDER RUSSIAN
AND FOREIGN LEGISLATION**

A.M. Mogushkov

Abstract. Based on the analysis of the criminal procedure legislation of Russia and a number of countries (Azerbaijan, Uzbekistan, Armenia, Belarus), the article identifies a number of shortcomings in the regulation of the procedural status of a representative of a correctional institution as a participant in the execution of a sentence, which determines a number of ways to improve Russian legislation.

Keywords: stage of execution of a sentence, procedural status of a representative of a correctional institution.

Во время исполнения приговора (гл. 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), представляющего особую стадию уголовного судопроизводства, рассматриваются и разрешаются вопросы, перечисленные в ст. 397 УПК РФ (об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания и др.).

Однако в юридической литературе [2; 4; 5. С. 43–52; 6. С. 121–127] уже устоявшимся является мнение о том, что регламентация этой стадии уголовного судопроизводства является сжатой, оставляющей большое количество вопросов, не отраженных в уголовно-процессуальном законодательстве, на субъективное усмотрение ее участников (судьи, прокурора, осужденного, представителя исправительного учреждения, потерпевшего и др.). Такой подход законодателя к регулированию стадии исполнения приговора проявляется прежде всего в том, что в ст. 399 УПК РФ в целом говорится только о судебном заседании и как бы между прочим – об отдельных правах и обязанностях его участников. Так, судебное заседание начинается с доклада представителя исправительного учреждения или иного учреждения или органа, подавшего представление, либо

с объяснения заявителя, затем исследуются представленные материалы, заслушиваются объяснения лиц, явившихся в судебное заседание, мнение прокурора, после чего судья выносит постановление (ч. 7 ст. 399 УПК РФ).

В результате специфика самой стадии исполнения приговора проецируется и на процессуальное положение ее участников, также имеющее многочисленные особенности.

Наиболее урегулировано процессуальное положение осужденного, который самостоятельно или с помощью адвоката вправе знакомиться с представленными в суд материалами, участвовать в их рассмотрении, заявлять ходатайства и отводы, давать объяснения, представлять документы (ч. 3 и 4 ст. 399 УПК РФ).

Таким образом, в ст. 399 УПК в основном обращается внимание на правовое положение только отдельных участников (судьи, осужденного и пр.) рассматриваемой стадии уголовного судопроизводства при практически полном игнорировании других ее участников, в том числе представителя исправительного учреждения [1; 3. С. 103–107; 7. С. 122–128]. Более того, в данной норме закона, например, у представителя исправительного учреждения, имеются лишь обязанности участвовать в судебном заседании и выступать с докладом без наличия таких прав, как: знакомиться с представленными в суд материалами, заявлять ходатайства и отводы и пр. В этом случае возможность принятия активного участия в судебном заседании у представителя администрации исправительного учреждения практически сведена к нулю, что вряд ли оправданно.

Между тем уголовно-процессуальное законодательство других стран содержит ряд интересных положений в изучаемой области.

В частности, в Уголовно-процессуальном кодексе Азербайджанской Республики (далее – УПК АР) имеется ст. 509, специально посвященная правам осужденного во время исполнения приговора суда, к которым относятся такие, как: представлять доказательства, знакомиться со всеми материалами и т.п.

Положения ст. 520 УПК АР точнее, чем в России, определяют процессуальное положение представителя учреждения или органа, исполняющего наказание. Так, он вправе принять уча-

стие в судебном заседании, объясняет, по какому поводу имело место обращение в суд (если соответствующие материалы направлялись по инициативе администрации учреждения или органа, исполняющего наказание. – *прим. авт.*), выступает по рассматриваемому вопросу, а также принимает участие в исследовании представленных доказательств.

Кроме того, по ст. 520 УПК АР при рассмотрении вопроса об освобождении осужденного от наказания в связи с болезнью в судебное заседание может быть вызван также представитель врачебной комиссии, давшей заключение (т.е. медицинский сотрудник, работающий в исправительном учреждении. – *прим. авт.*), который дает соответствующие показания. При этом суд имеет право вызвать и допросить лиц, подтверждающих или опровергающих указанные в обращении обстоятельства (т.е. и других сотрудников исправительного учреждения. – *прим. авт.*).

Очевидно, что процессуальный статус представителя исправительного учреждения более полно раскрыт и урегулирован в уголовно-процессуальном законодательстве АР по сравнению с УПК РФ и, более того, предусмотрена возможность участия в судебном заседании также и других его сотрудников.

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Узбекистан (далее – УПК РУ) также имеется отдельная ст. 532, посвященная правам осужденных в стадии исполнения приговора (давать показания, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, знакомиться со всеми материалами дела и пр.). При этом по ст. 542 УПК РУ представитель учреждения или органа, исполняющего наказание, обязан огласить соответствующее представление и вправе высказать свое мнение относительно сути рассматриваемого вопроса.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения (далее – УПК РА), в свою очередь, содержит ст. 429, касающуюся обеспечения прав осужденных в стадии исполнения приговора (представлять доказательства, возбуждать ходатайства и заявлять отводы, знакомиться со всеми материалами дела и т.п.).

Согласно ст. 438 УПК РА, в судебном заседании обязан присутствовать представитель органа, исполняющего наказание,

при рассмотрении в суде вопроса об условно-досрочном освобождении, замене неотбытой части наказания более мягким наказанием, переводе из учреждения одного режима в учреждение другого режима, а представитель врачебной комиссии, давшей заключение, – при разрешении судом вопроса об освобождении осужденного от наказания в связи с болезнью, из-за инвалидности или о помещении его в больницу. При этом представитель органа, исполняющего наказание, высказывает свое мнение относительно рассматриваемого вопроса.

Несколько иная ситуация в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК РБ), где рассматриваемые вопросы еще более полно урегулированы.

Так, в соответствии со ст. 402-2 УПК РБ, в судебное заседание вызывается, во-первых, представитель органа, исполняющего наказание, – при разрешении судом вопросов об условно-досрочном освобождении от наказания, о замене неотбытой части наказания более мягким наказанием и т.п.; во-вторых, председатель или член врачебно-консультационной комиссии, давшей заключение об освобождении осужденного от отбывания наказания в связи с болезнью, – при рассмотрении вопроса о соответствующем виде досрочного освобождения; в-третьих, представитель органа, осуществляющего контроль за поведением осужденных, – при рассмотрении судом вопросов, связанных с освобождением от наказания осужденного, в отношении которого исполнение наказания в виде лишения свободы было отсрочено, либо связанных с направлением этих лиц для отбывания наказания, назначенного приговором; и, в-четвертых, представитель администрации исправительного учреждения, – при рассмотрении судом вопросов установления, продления или прекращения превентивного надзора.

Порядок проведения судебного заседания в ст. 402-2 УПК РБ также более детально регламентирован: председательствующий открывает судебное заседание, объявляет, какой материал подлежит рассмотрению, состав суда, сообщает, кто является прокурором, устанавливает личность осужденного, полномочия других лиц (в том числе представителя учреждения или органа, исполняющего наказание. – *прим. авт.*) и т.п.; он опрашивает осужденного, а также вызванных в судебное заседание лиц,

имеются ли у них ходатайства; затем осуществляется доклад судьи, заслушивание явившихся в судебное заседание лиц, исследование имеющихся в деле документов, заслушивание заключения прокурора и т.д.

Таким образом, в отличие от российского подхода, по уголовно-процессуальному законодательству РБ представитель исправительного учреждения обязан присутствовать в судебном заседании при рассмотрении различных вопросов в стадии исполнения приговора и давать объяснения, но и обладает правом заявить соответствующие ходатайства.

В этом случае процессуальное положение представителя исправительного учреждения как участника стадии исполнения приговора при рассмотрении и разрешении судом соответствующих вопросов по российскому и зарубежному законодательству в целом характеризуется гораздо меньшим объемом прав, чем у осужденного. Вместе с тем ряд положений уголовно-процессуального законодательства некоторых стран позволяет говорить о целесообразности изменения ст. 399 УПК РФ.

Литература

1. Александрова О.П., Буданова Л.Ю. Правовое положение учреждений и органов, исполняющих наказания, на стадии исполнения приговора. М., 2014.
2. Клюкова М.Е. Участники доследственной проверки // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Тольятти, 2015. С. 54–60.
3. Крымов А.А. Права представителя администрации исправительного учреждения при разрешении судом вопросов, связанных с исполнением приговора // Юрид. мысль. 2015. № 2 (88). С. 103–107.
4. Левченко О.В., Гужва О.В., Караева А.А. Рассмотрение судом вопросов, связанных с исполнением приговора: теоретические и практические проблемы. М., 2018.
5. Николук В.В. Распространяется ли институт мер пресечения на стадию исполнения приговора? // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер. Право. 2015. Т. 15, № 4. С. 43–52.
6. Пупышева Л.А. Обеспечение судебной деятельности в сфере исполнения уголовных наказаний // Вестн. Кузбас. ин-та. 2016. № 2 (27). С. 121–127.
7. Шабалина Л.А. Полномочия администрации исправительного учреждения в обеспечении прав, свобод и законных интересов осужденного при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора // Юрид. мысль. 2012. № 4 (72). С. 122–128.

ОТСРОЧКА ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА: ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

М.Т. Могушкова, аспирант
ФКОУ ВО «Академия права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний», г. Рязань

Аннотация. На основе анализа уголовного и уголовно-процессуального законодательства России и ряда международных актов (Минимальных стандартных правил в отношении мер, не связанных с тюремным заключением; Правил, касающихся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы, и др.) определяется ряд направлений совершенствования российского законодательства относительно применения отсрочки исполнения приговора.

Ключевые слова: отсрочка исполнения приговора, отсрочка исполнения наказания, цели отсрочки.

DEFERRED SENTENCE: PROBLEMS OF RUSSIAN AND INTERNATIONAL REGULATION

M.T. Mogushkova

Abstract. Based on the analysis of the criminal and criminal procedure legislation of Russia and a number of international acts (standard Minimum rules for non-custodial measures, Rules concerning the treatment of women prisoners and non-custodial measures for women offenders, etc.), the article identifies a number of ways to improve Russian legislation on the application of deferred sentence.

Keywords: suspended sentence, postponement of execution of punishment, the purpose of delay.

В российском законодательстве (ст. 398 УПК РФ, ст. 82 УК РФ и др.) предусмотрены различные виды отсрочки исполнения приговора (исполнения наказания) в отношении: беременной женщины; женщины, имеющей ребенка в возрасте до четырнадцати лет; мужчины, имеющего ребенка в возрасте до четырнадцати лет и являющегося единственным родителем; лица, признанного больным наркоманией и изъявившего желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую реабилитацию, социальную реабилитацию; и т.д. [1. С. 255–258; 2. С. 121–125; 3. С. 291–293]). Однако их регулирование имеет ряд недостатков.

Так, в отношении беременной женщины, женщины, имеющей ребенка в возрасте до четырнадцати лет, мужчины, имею-

щему ребенка в возрасте до четырнадцати лет и являющегося единственным родителем, в УК РФ и УПК РФ прямо не указана цель применения отсрочки; условно она может заключаться в исправлении осужденного и предупреждении совершения новых преступлений. Однако в указанных законах также не определены другие серьезные вопросы, от которых прямо зависит эффективность применения отсрочки: основания ее отмены, полномочия органа, осуществляющего контроль за поведением осужденного, правовое положение осужденного и др.

Отсутствуют указания в УПК РФ о достижении каких-либо целей отсрочки также в отношении, во-первых, осужденного, признанного больным наркоманией и изъявившего желание добровольно пройти курс лечения от наркомании; во-вторых, тяжело больного осужденного; в-третьих, осужденного в случае наступления тяжких последствий или угрозы их возникновения для него самого или его близких родственников, вызванных пожаром или иным стихийным бедствием, тяжелой болезнью или смертью единственного трудоспособного члена семьи, другими исключительными обстоятельствами.

Более того, по УПК РФ факт совершения преступления осужденными, которым предоставлены различные виды отсрочек, необоснованно не приостанавливает их реализацию. Таким образом, по российскому законодательству различные серьезные вопросы применения разных видов отсрочек исполнения приговора (исполнения наказания) в большинстве случаев не определены, что нельзя назвать правильным.

На международном уровне также отсутствует всестороннее регулирование отсрочки исполнения приговора (исполнения наказания) [4. С. 202–209; 5]. В некоторых международных документах (Минимальных стандартных правилах, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, и др.) иногда отдаленно речь идет об отсрочке исполнения наказания (исполнения приговора), хотя данный термин обычно не используется.

Между тем Правила, касающиеся обращения с женщинами-заклученными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы, ориентированы на предупреждение преступлений, и в них прямо предусматривается

возможность отсрочки женщинам заключения под стражу, с учетом наилучшего обеспечения интересов ребенка или детей и организации надлежащего ухода за такими детьми.

В Минимальных стандартных правилах в отношении мер, не связанных с тюремным заключением, прямо предусматривается возможность применения отсрочки исполнения наказания наряду с другими мерами; имеются и другие положения, интересные для российского законодателя: при определении меры воздействия на правонарушителя следует учитывать возможность повторного совершения преступлений, возвращения лица к нормальной жизни в обществе, а при нарушении условий мера, не связанная с тюремным заключением, может быть изменена или отменена. При этом предусмотрено право правонарушителю обжаловать судебное или другое решение об отмене или изменении указанной меры, не связанной с тюремным заключением.

В других международных документах иногда отдаленно речь идет об отсрочке исполнения наказания (исполнения приговора), хотя данный термин обычно не используется:

– согласно Минимальным стандартным правилам в отношении обращения с заключенными (Правилам Нельсона Манделы), как правило, молодых людей не следует приговаривать к тюремному заключению (предварительное замечание 4) и следует заботиться о том, чтобы роды происходили не в женской тюрьме, а в гражданской больнице (пр. 28);

– Европейские пенитенциарные правила гласят, что заключенных следует направлять в учреждения открытого типа или чтобы им предоставляли широкие возможности общения с внешним миром (пр. 67.3), а программы исправительного воздействия должны также содержать условия предоставления отпуска из мест лишения свободы по причинам медицинского, образовательного, профессионального, семейного и иного социального характера (пр. 70.2) и т.п.

Таким образом, в международных документах при отсутствии всестороннего регулирования отсрочки исполнения приговора (исполнения наказания) все же имеются нормы, которые можно было бы учитывать при совершенствовании российского законодательства.

Литература

1. Гужва О.В. К проблеме защиты прав потерпевшего при решении вопроса об отсрочке исполнения приговора в части гражданского иска // Изв. Оренбург. гос. аграрн. ун-та. 2012. № 2 (34). С. 255–258.
2. Караева А.А. Отдельные вопросы отсрочки исполнения приговора в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации // Евразийск. юрид. журн. 2019. № 7 (134). С. 291–293.
3. Лавров В. Проблемы применения материальных и процессуальных норм при отсрочке исполнения приговора // Уголовное право. 2007. № 4. С. 121–125.
4. Панюшкина О.В. О совершенствовании международного и российского законодательства в сфере взаимного признания приговоров Российской Федерацией и государствами Евросоюза // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. № 1. С. 202–209.
5. Францифоров Ю.В., Несмачная Н.В. Выдача лица как вид международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве. М., 2019.

ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДСУДИМЫХ, СОВЕРШИВШИХ ПОВТОРНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, В РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Р.Р. Мубаракзанова, помощник заместителя председателя
Советский районный суд города Казани, г. Казань

Аннотация. Рассматривается проблема совершенствования уголовного законодательства в сфере правового положения несовершеннолетних, содержащихся в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа (далее – СУВУЗТ), совершивших повторные преступления.

Ключевые слова: несовершеннолетние, мера воздействия, цель, наказание, исправление, защита прав несовершеннолетних.

PROBLEMS OF PARTICIPATION OF JUVENILE DEFENDANTS WHO HAVE COMMITTED REPEATED CRIMES, IN THE PROCEEDINGS OF THE CRIMINAL CASE

R.R. Mubarakzanova

Abstract. The article deals with the problem of improving criminal legislation in the sphere of the legal status of minors held in a special educational institution of closed type (here in after – SUVUZT) who have committed repeated crimes.

Keywords: minors, measure of influence, purpose, punishment, correction, protection of the rights of minors.

Дети и преступления – понятия, которые в жизни не должны быть совместимы. Однако в последнее время несовершеннолетние все чаще совершают повторные преступления. Это связано с разными факторами: незрелой психикой, когда ребенок не отличает хорошего от плохого, недостаточным вниманием со стороны взрослых, когда ребенок предоставлен сам себе и учится на своих ошибках, материальным неблагополучием семьи, в которой ребенок испытывает не только желание иметь «сотовый телефон, как у всех», но и желание вкусно покушать, либо погоней за острыми ощущениями, когда у ребенка всё есть, но не хватает впечатлений.

Гл. 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) предусматривает особый порядок уголовного судопроизводства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних (ст. 420–432). Цель – предоставить им повышенный уровень гарантий [4]. Указанные гарантии направлены на то, чтобы не допускать оказания негативного влияния на подростков.

Про отрицательное влияние, оказываемое на несовершеннолетних, говорится и в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [4]. Такого рода влияние может иметь место на всех стадиях уголовного судопроизводства, в том числе и в результате применения процессуальных действий.

Допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого производится по общим правилам проведения допроса подозреваемого, обвиняемого, установленным в ст. 189, 190, 173 УПК РФ. Вместе с тем, учитывая, что в процессуальном действии участвует несовершеннолетний, закон установил дополнительные правила, которые должны соблюдаться при допросе несовершеннолетнего обвиняемого как на предварительном следствии, так и в суде.

Законодатель установил, что допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого не может продолжаться без перерыва более 2 часов, а в общей сложности – более 4 часов в день [4]. Кроме того, при допросе несовершеннолетне-

го в обязательном порядке должен присутствовать его защитник, законный представитель, а также в случае, когда подозреваемый, обвиняемый не достиг возраста шестнадцати лет либо достиг этого возраста, но страдает психическим расстройством либо отстает в психическом развитии, при проведении следственных действий присутствует педагог или психолог. В данном случае суды нередко сталкиваются с тем, что для проведения судебного следствия необходимо собрать всех вышеперечисленных лиц.

В производство Советского районного суда города Казани поступило уголовное дело в отношении несовершеннолетнего У., которому предъявлено обвинение в том, что в сентябре 2019 года он тайно похитил принадлежащий его матери М. сотовый телефон, стоимостью 12 000 рублей, причинив значительный материальный ущерб. Действия подсудимого квалифицированы органом предварительного расследования по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ как кража, т.е. тайное хищение чужого имущества, совершенное с причинением значительного ущерба гражданину. В ходе предварительного расследования в отношении несовершеннолетнего У. избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении по месту его жительства.

Из материалов уголовного дела следует, что несовершеннолетний У. на момент поступления уголовного дела в суд находился в ФГБПОУ «Щекинское специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа», расположенное в Тульской области. В указанном учреждении он содержится по приговору Советского районного суда города Казани от 12 декабря 2019 г., которым признан виновным в совершении аналогичного преступления – хищения у своей матери телевизора стоимостью 43 000 рублей.

Порядок, основания и условия помещения несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа регулируются положениями Федерального закона Российской Федерации «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее – Закона), ст. 92 УК РФ и ст. 432 УПК РФ. Согласно ст. 15 Закона [3], к специальным учебно-воспитательным уч-

реждениям закрытого типа органов управления образованием относятся и специальные общеобразовательные школы закрытого типа.

Как правило, помещение несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа применяется к подросткам, вышедшим из-под контроля родителей, не желающим учиться, склонным к противоправному и аморальному поведению, побегам. Главными задачами данного учреждения являются социальная и психологическая реабилитация подростка, коррекция их поведения, создание условий для получения образования, профессиональной подготовки.

При вынесении 12 декабря 2019 г. в отношении несовершеннолетнего У. приговора суд пришел к выводу (убеждению) о возможности исправления несовершеннолетнего У. и достижения целей уголовного наказания, указанных в ст. 43 УК РФ, без реального отбывания наказания в виде лишения свободы под контролем специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением осуждённых. Вместе с тем суд посчитал необходимым освободить несовершеннолетнего У. от наказания, применив положения ч. 2 ст. 92 УК РФ и поместил несовершеннолетнего У. в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа до достижения им 18 лет.

По общему требованию Закона, основанному на положении ч. 1 ст. 247 УПК РФ, судебное разбирательство уголовного дела проводится, за некоторыми исключениями, при обязательном участии подсудимого. В связи с необходимостью рассмотрения нового уголовного дела в отношении несовершеннолетнего У. (по факту кражи сотового телефона, принадлежащего его матери) у суда возникла проблема, связанная с обеспечением участия несовершеннолетнего подсудимого в судебном заседании. В соответствии со ст. 424 УПК РФ вызов несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, к следователю, дознавателю или в суд производится через его законных представителей, а если несовершеннолетний содержится в специализированном учреждении для несовершеннолетних, – через администрацию этого учреждения. Однако учреждение, в котором находится несовершеннолетний У.,

не осуществляет доставку несовершеннолетних в судебное заседание в другой субъект Российской Федерации.

Вопрос об организации доставления несовершеннолетнего подсудимого, содержащегося в специализированном учреждении, в том числе в случаях значительной удаленности таких учреждений от места судебного разбирательства, уголовно-процессуальным законом не урегулирован. В данной ситуации у суда отсутствуют правовые основания для этапирования несовершеннолетнего У. через конвойную службу МВД, поскольку в отношении него не избиралась мера пресечения в виде содержания под стражей, а также он фактически не лишился свободы. В конкретном случае судом возложена обязанность по доставлению подсудимого У. в судебное заседание на орган, осуществляющий предварительное расследование по уголовному делу и направивший его в суд, – ОП г. Казани.

На наш взгляд, в целях устранения указанного противоречия и для реализации права несовершеннолетнего на участие в судебном заседании (разбирательстве) на законодательном уровне необходимо поднять вопрос о возможности и целесообразности внесения изменений в действующее законодательство Российской Федерации, дополнив положения ст. 424 УПК РФ «возложением обязанности по доставлению несовершеннолетних подсудимых, содержащихся в СУВУЗТ, в судебное заседание, обеспечению их содержания в период рассмотрения дела, а при необходимости и последующее возвращение к месту содержания, на орган, осуществляющий предварительное расследование по уголовному делу».

Указанное предложение необходимо также отразить и в гл. 3 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», поскольку, опираясь на положения указанной главы, несовершеннолетние, не подлежащие уголовной ответственности, по решению суда помещаются в СУВУЗТ.

Приведенные предложения, на наш взгляд, позволят оптимизировать деятельность судов при решении вопроса об участии несовершеннолетних подсудимых в судебных заседаниях в производстве по уголовным делам.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 18.02.2020) // СЗ РФ. 1996. № 228.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 18.02.2020) // СЗ РФ. 2015. № 25.
3. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федер. закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
4. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Пост. Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.03.2020).
5. Основы уголовного судопроизводства: учебник. URL: <http://op.raj.ru/index.php/srednee-professionalnoe-obrazovanie-2/530-osnovy-ugolovno-go-sudo-proizvodstva> (дата обращения: 11.03.2020).

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОМОЩНИКА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА – ВАЖНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ В ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ ДЕТЯМ

Г.М. Муртазина, канд. юрид. наук
ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет
имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП)», г. Казань

Аннотация. Институт общественных помощников Уполномоченного по правам ребенка – это элемент гражданского общества и правового государства, который, являясь связующим звеном между жителями региона и Уполномоченным по правам ребенка, дополняет существующие средства защиты прав детей на местах, позволяет оперативно реагировать на обращения граждан.

Ключевые слова: Уполномоченный по правам ребенка, общественный помощник, детский омбудсмен, права и законные интересы ребенка.

THE OMBUDSMAN'S PUBLIC ASSISTANT INSTITUTE IS AN IMPORTANT COMPLEMENTARY TOOL IN LEGAL AID FOR CHILDREN

G.M. Murtazina

Abstract. The Institute of Public Assistants of the Ombudsman for the Rights of the Child is an element of civil society and the rule of law, which, as a link between residents of the region and the Ombudsman for Children, supplements existing means of protecting children's rights in the field and allows you to quickly respond to citizens' appeals.

Keywords: Commissioner for the Rights of the Child, Public Assistant, Children's Ombudsman, Rights and Legal Interests of the Child.

В 2020 году институту Уполномоченного по правам ребенка в Татарстане исполняется 10 лет. Татарстан стал одним из первых регионов, в котором была учреждена должность детского омбудсмена. Уполномоченный по правам ребенка выстраивает свою деятельность на основании Федерального закона от 27.12.2018 № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» [1] и Закона Республики Татарстан «Об Уполномоченном по правам ребенка в Республике Татарстан» [2].

В целях содействия уполномоченному в деятельности по защите и восстановлению прав детей, проживающих в Республике Татарстан, а также предоставления дополнительной возможности гражданам для обращения к уполномоченному на территории республики был создан институт общественных помощников Уполномоченного по правам ребёнка.

Первые общественные помощники появились еще в 2015 году. В 2019 году в Республике Татарстан на общественных началах осуществляли свою деятельность 42 общественных помощника Уполномоченного по правам ребенка в 42 районах (городах) республики [3].

Общественные помощники уполномоченного по правам ребенка назначаются из числа лиц, имеющих активную жизненную позицию, пользующихся общественным авторитетом и обладающих опытом работы в сфере защиты прав, свобод и законных интересов ребенка, постоянно проживающих на территории муниципальных образований республики.

Основными задачами помощников являются общественный контроль за состоянием соблюдения прав, свобод и законных интересов ребенка в Республике Татарстан, своевременное информирование Уполномоченного о положении дел в данных вопросах, а также правовое просвещение населения Республики Татарстан. Приоритет в работе общественных помощников сделан на оказание помощи конкретному человеку.

Развитие института общественных помощников представляет собой реальный ресурс расширения правозащитной дея-

тельности в республике в интересах детей. За четыре года его существования многие из общественных помощников стали эффективно работающими представителями регионального Уполномоченного по правам ребенка в своих муниципалитетах. Общественные помощники Уполномоченного реализуют различные формы работы, направленные в том числе на повышение доступности правовой помощи, расширение возможностей населения для обращения за защитой и восстановлением нарушенных прав, а также разъяснение жителям республики возможностей самостоятельной защиты своих законных прав и интересов, оказание консультативной помощи в подготовке обращений в уполномоченные органы и др.

Так, общественные помощники проводят прием граждан, по поручению Уполномоченного по правам ребенка участвуют в проверках по фактам нарушения прав детей; по поручению Уполномоченного по правам ребенка принимают участие в проверке летних оздоровительных организаций своих районов, в рамках Всероссийской акции «Безопасность детства» принимают участие в проверке детских площадок, мест для отдыха и купания, парков, скверов, образовательных организаций и прилегающих к ним территорий. Общественные помощники также самостоятельно организуют и проводят просветительские мероприятия, направленные на повышение правовой культуры несовершеннолетних, их родителей и педагогов [3].

Организационное обеспечение и методическое сопровождение деятельности общественных помощников осуществляется Аппаратом Уполномоченного по правам ребенка Республики Татарстан во главе с Г.Л. Удачиной совместно с органами местного самоуправления муниципальных районов (городских округов). В целях повышения уровня компетенций в сфере защиты прав детей Уполномоченным по правам ребенка периодически проводятся образовательные семинары.

Анализ деятельности общественных помощников показывает, что рассматриваемый институт востребован жителями республики и является важным дополнительным ресурсом в выстраиваемой системе защиты прав ребенка «на местах». Наличие в муниципальном образовании общественного помощника Уполномоченного по правам ребенка помогает людям

успешно решать многие проблемные вопросы на местном уровне без привлечения к их рассмотрению органов государственной власти, позволяет выявлять системные проблемы в различных сферах правового регулирования жизнедеятельности сельских и городских поселений. Через них вся информация доводится до регионального омбудсмена.

Помимо взрослых общественных помощников во всех муниципальных районах и городах республики работают и детские общественные помощники Уполномоченного по правам ребенка. Проект «Детская общественная приемная» реализуется для содействия в реализации и защите прав, законных интересов детей и подростков, проживающих на территории Республики Татарстан, и действует в республике уже 15 лет. За эти годы многие из первых его участников достигли определенных успехов в общественной жизни своего города, района, республики.

Таким образом, институт общественных помощников – важный дополнительный инструмент в правовой помощи детям и взрослым. Главный приоритет в их работе – помощь конкретному ребенку, объединение усилий в решении наиболее сложных жизненных проблем. Развитие института общественных помощников остается одной из перспективных задач в деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Республике Татарстан как подтвердивший свою востребованность и реальную пользу.

Литература

1. Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации: Федер. закон от 27.12.2018 № 501-ФЗ // Рос. газета. 2018. 29 дек.
2. Об Уполномоченном по правам ребенка в Республике Татарстан и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Татарстан: Закон Республики Татарстан от 01.08.2011 № 59-ЗРТ // Республика Татарстан. 2011. 6 авг.
3. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Республике Татарстан и соблюдении прав и законных интересов ребенка в Республике Татарстан в 2019 году. URL: <http://rtdety.tatarstan.ru/>

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ОБЛАСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Э.Т. Мусаев, канд. юрид. наук, доцент
Ташкентский государственный юридический университет,
г. Ташкент

Аннотация. Анализируются вопросы, связанные с проведением научных исследований по проблемам противодействия коррупции в сфере физической культуры и спорта, профилактикой преступлений и правонарушений в этой сфере, разработке предложений и дополнений в законодательство Республики Узбекистан в вышеназванной сфере.

Ключевые слова: закон, правопорядок, общество, государство, физическая культура, спорт, законодательство, правонарушение, коррупция, профилактика, научный анализ, противодействие.

THE MAIN DIRECTIONS OF COMBATING CORRUPTION IN THE FIELD OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

E.T. Musaev

Abstract. Analyzes the issues related to the conduct of scientific research on the problems of combating corruption in the field of physical culture and sports, prevention of crimes and offenses in this area, the development of proposals and amendments to the legislation of the Republic of Uzbekistan.

Keywords: law, law and order, society, state, physical culture, sports, legislation, crime, corruption, prevention, scientific analysis, counteraction.

Проблема профилактики коррупции должна занимать особое место в жизни любого государства, в том числе и в юридической науке.

Государственные политические и общественные деятели неоднократно подчеркивали, что в современных условиях речь идет о системном подходе к противодействию коррупции, об изменении роли каждого конкретного гражданина в системе профилактики. Правопорядок в стране, надежная защита граждан от преступных посягательств могут быть обеспечены только совместными усилиями государства и общества. Так, Президент Республики Узбекистан Ш. Мирзиёев в своём выступлении, по-

священном 27-й годовщине принятия Конституции Республики Узбекистан, подчеркнул: «С коррупцией мы никогда не сможем достичь поставленных целей» [3].

В Законе Республики Узбекистан «О противодействии коррупции дано следующее ее определение: «незаконное использование лицом своего должностного положения с целью получения материальной или нематериальной выгоды в личных интересах или в интересах иных лиц, а равно незаконное предоставление такой выгоды», а коррупционное правонарушение – «деяние, обладающее признаками коррупции, за совершение которого законодательством предусмотрена ответственность» [2].

Этот же Закон Республики Узбекистан определяет, что «научные исследования включают в себя проведение научных исследований по проблемам противодействия коррупции, разработку научных методик и рекомендаций, рациональное их введение в практику, прогнозирование и научный анализ эффективности применяемых в противодействии коррупции форм и методов» [2]. Конечно же, очевидно, что это касается и сферы физической культуры и спорта.

Можно привести в пример и слова Шахрама Гиясова, золотого призера чемпионатов мира и Азии по боксу: «Сейчас в боксе нет коррупции, но так было не всегда. До 2014 года я выходил пять раз в финал боев, и пять раз брал только серебро. Но из этих финалов я проиграл только один бой. Не знаю, что было с остальными боями. Может виноваты судьбы, не знаю. Это и помогло мне стать сильнее. Сейчас в боксе коррупции точно нет, поэтому он и развивается. Если во всех видах спорта искоренить коррупцию, то мы там тоже можем стать лучшими» [4].

К сожалению, на сегодняшний день в нашей стране мало исследованы темы, посвященные моральной, правовой, уголовно-правовой и криминологической профилактике нарушений в области физической культуры и спорта.

В криминологической литературе для обозначения деятельности, направленной на устранение (нейтрализацию) причин и условий преступности (например, коррупционной, экономической и т.д.), как правило, используются следующие термины: «профилактика», «предупреждение», «предотвращение», «пресечение», «превенция».

Обращаясь непосредственно к проблеме коррупции в сфере физической культуры и спорта, надо подчеркнуть, что спорт неуклонно развивается – не отстает от него и криминал. Коррупция в спорте распространяется различными способами, среди которых наравне с «классическими формами» и такие, как угрозы, шантаж, подкуп спортивных функционеров, участников соревнований, судей, финансовые махинации, договорные игры, физическое насилие и другие. Вспомним хотя бы скандалы в ФИФА и УЕФА, когда руководителей обвинили в коррупционных схемах, допинговые скандалы, связанные с обвинением многих ведущих российских спортсменов в применении запрещенных препаратов, а также связанные с нашими спортсменами-параолимпийцами, договорные матчи, так называемые «откаты» при подписании контрактов, не только в нашем, но и в мировом футболе.

Воздействие на коррупционные процессы должно осуществляться комплексно в четырех направлениях: общесоциальном, региональном, групповом (на уровне конкретного коллектива) и индивидуальном.

Общесоциальное воздействие представляет собой систему экономических, социальных, политических, идеологических, культурных и организационных мер, нацеленных на развитие экономики, повышение благосостояния народа, его культурного уровня, создание благоприятных условий для труда, быта и отдыха всех граждан.

Исходя из основных целей современной концепции борьбы с коррупцией, можно определить главные направления:

– устранение всех негативных факторов, порождающих коррупционные преступления и способствующих их совершению;

– выявление лиц, склонных к противоправному поведению, принятие к ним специальных мер (в том числе и воспитательно-го характера) в целях удержания от подобных деяний;

– проведение антикоррупционной экспертизы проектов всех значимых законодательных и иных правовых актов в сфере физической культуры и спорта в целях недопущения в них положений, прямо или косвенно способствующих совершению преступлений.

Нельзя забывать о следующих задачах:

- модернизация гражданского законодательства;
- расширение системы правового просвещения населения;
- дальнейшее развитие правовой основы противодействия коррупции;
- совершенствование правоприменительной практики правоохранительных органов и судов по делам, связанным с коррупцией;
- разработка организационных и правовых основ антикоррупционного мониторинга.

Все эти задачи предусмотрены в Законе Республики Узбекистан «О противодействии коррупции» [2].

Важно понимать, какие антикоррупционные меры конкретно следует принимать именно в сфере физической культуры и спорта. Конечно, они перекликаются с мерами в соответствии с антикоррупционным Законом Республики Узбекистан.

Необходимо акцентировать внимание на повышении уровня правосознания всех граждан страны, на правовом воспитании спортсменов и должностных лиц, работающих в сфере физкультуры и спорта.

Противодействию коррупции, утверждению принципов честности и неподкупности в жизни общества и на государственной службе может способствовать целый ряд факторов:

- 1) законодательные меры;
- 2) правила и кодексы поведения;
- 3) религиозные, политические, социальные нормы и ценности общества, требующие, чтобы чиновники были бескорыстными, порядочными и честными людьми;
- 4) осознание высшими должностными лицами своей ответственности перед обществом;
- 5) серьёзное отношение руководителей всех уровней к вопросам морали – как личной, так и общегосударственной.

Коррупция представляет собой сложное, самовоспроизводящееся явление, истоки которого неразрывно связаны с укладом жизни любого государства. Борьба с коррупцией в сфере физической культуры и спорта должна стать постоянной функцией государственных структур, общественных организаций, рядовых граждан, в связи с чем необходимо разрабатывать эко-

номические, социально-психологические и правовые механизмы противодействия распространению и самовоспроизводству коррупции.

Думается, что нам всем вместе следует более активно исследовать зарубежный опыт, расширять международное сотрудничество в сфере антикоррупционной политики. В сфере физкультуры и спорта целесообразно создание системы антикоррупционного контроля, которая включала бы парламентский, судебный, финансовый, ведомственный, общественный контроль, прокурорский надзор.

«Спортивная коррупция» не ограничивается рамками криминальных деликтов, она влечет как уголовную, так и административную, гражданскую, дисциплинарную ответственность.

Итак, учитывая значимость физической культуры и спорта в современном мире и в отдельном обществе, необходимо принять, по нашему мнению, дополнительные меры, а именно:

1) совершенствование законодательства в области физкультуры и спорта (например, в Республике Узбекистан до сих пор нет ст. 184 в Уголовном кодексе, как в Российской Федерации, – уголовная ответственность за коррупцию в спорте) [1];

2) создание комитета общественного контроля, формируемого на добровольных началах на основе квотного принципа по административно-территориальному и отраслевому признакам. В него, как нам представляется, в обязательном порядке должны войти и представители науки. Он мог бы заниматься борьбой с проявлениями коррупции, бюрократизма, посягательствами на все виды собственности, совершенствованием работы органов власти, проверкой исполнения принятых решений в органах государственной власти, контролем за соблюдением законодательства. Такой комитет мог бы функционировать при Олий Мажлисе;

3) введение должности спортивного омбудсмана при Олий Мажлисе Республики Узбекистан. Спортивный омбудсман защищал бы интересы наших спортсменов, нашего спорта, физкультурного движения как внутри страны, так и за рубежом, что положительно повлияло бы на спортивный, политический и социальный имидж страны в мире.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. М., 2018.
2. О противодействии коррупции: Закон Республики Узбекистан // Нац. база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: Lex.uz (дата обращения: 11.11.2019).
3. Выступление Президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева на торжественном собрании, посвященном 27-й годовщине Конституции Республики Узбекистан // Нац. база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: Lex.uz (дата обращения: 11.11.2019).
4. Шахрам Гиясов рассказал о коррупции в узбекском боксе. URL: <https://repost.uz/chto-s-korrupciey> (дата обращения: 11.11.2019).

О ПРАВАХ ПЛОДА В АНТЕНАТАЛЬНОМ ПЕРИОДЕ РАЗВИТИЯ

Р.Р. Мусина, ст. преподаватель

А.А. Камалов, студент

ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет
имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП)», г. Казань

Аннотация. Рассмотрены проблемы медико-юридической оценки деятельности медицинских работников при оказании медицинской помощи в случае гибели плода. Обосновывается вывод о том, что действующее законодательство в сфере защиты прав внутриутробного периода развития плода частично не соответствует современным стандартам, возникает необходимость совершенствования законов, предназначенных для защиты прав матери и плода.

Ключевые слова: врачебная ошибка, антенатальный период развития, перинатальный период развития, права плода, эмбрион.

ON THE RIGHTS OF THE FETUS IN THE ANTENATAL PERIOD OF DEVELOPMENT

R.R. Musina, A.A. Kamalov

Abstract. The article considers the problems of medical and legal assessment of the activities of medical workers in the provision of medical care in the event of fetal death. The conclusion is substantiated that the current legislation in the field of protection of the rights of the fetus of the fetus partially does not meet modern standards, there is a need to improve laws designed to protect the rights of the mother and the fetus.

Keywords: medical error, antenatal period of development, perinatal period of development, fetal rights, embryo.

Каждый год в Российской Федерации появляется на свет около 1,8 млн новорожденных. Известно, что родовой процесс

не всегда завершается благополучно. Показатели смертности плода в перинатальный период весьма высоки. Так, за 2019 г. зафиксировано 15 894 случая [3. С. 157]. К смерти новорожденного зачастую приводит масса причин, таких как ошибки и некомпетентность медицинского персонала, действия (бездействия) которого имеют большое значение в процессе родов. В тех случаях, когда в компетентности действий медицинского персонала возникают сомнения, которые выражаются в жалобах со стороны рожениц, имеется практика возбуждения уголовных дел. Работа медицинского персонала в родильных отделениях и женских консультациях закрепляется действующими нормативно-правовыми актами. Одним из основных нормативных актов, регулирующих оказание медицинской помощи роженицам в период беременности, является Приказ Минздрава России от 01.11.2012 № 572н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю “акушерство и гинекология” (за исключением использования вспомогательных репродуктивных технологий)» [1]. Данный акт закрепляет применение листов маршрутизации; в данном листе в необходимом порядке обязаны учитываться осложнения, протекающие в момент беременности, так же как и при экстрагенитальных болезнях. Помимо этого, оказание акушерской помощи закрепляется также в приказах, которые утверждены Министерством здравоохранения Российской Федерации. Более того, в качестве руководства для акушеров-гинекологов издано академическое пособие «Акушерство: национальное руководство», в котором подробно изложены рекомендации по всем основным патологиям и отклонениям. К тому же существуют: Федеральный закон от 25.12.2018 № 489-ФЗ «О внесении изменений в статью 40 Федерального закона “Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации” и Федеральный закон “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”»; в данных актах имеются уточнения по вопросам клинических рекомендаций, дающие им статус обязательных к применению [2]. На основе данных законов прописаны критерии оценки качества оказываемой медицинской помощи. Исходя из данных ФГБУ РЦСМЭ Минздрава России за последнее время, именно медицинские работники в сфере акушерства и гинекологии находят-

ся на втором месте по количеству зарегистрированных профессиональных правонарушений [4. С. 50–51]. Зачастую причинами для осуществления проверки и начала уголовных расследований, связанных с вопросами ненадлежащего оказания медобслуживания, являются обращения с жалобами в Следственный комитет Российской Федерации.

На данный момент участились случаи жалоб со стороны матерей на медицинский персонал, ввиду развития патологий и гибели новорожденных. Данная статистика свидетельствует о необходимости более детального рассмотрения возможности внесения изменений в уголовное законодательство, а именно в части признания за плодом правосубъектности и защиты его прав на поздних сроках формирования (свыше 22 недель) внутриутробного развития.

Первые шаги в данном направлении были предприняты в 2018 г., когда Следственный комитет Российской Федерации совместно с Нацмедпалатой подготавливали проект ст. 124.1 УК РФ «Ненадлежащее оказание помощи (медицинской услуги)». В проекте особое внимание уделялось правовому статусу плода: «Ненадлежащее оказание медицинской помощи вследствие нарушения медицинским работником своих профессиональных обязанностей, если это повлекло по неосторожности гибель плода человека и (или) причинение тяжкого вреда здоровью человека...». В данный момент настоящий вопрос активно обсуждается как внутри юридического и медицинского сообществ, так и между ними. При этом различные их представители зачастую занимают диаметрально противоположные позиции – ряд специалистов предлагает узаконить статус плода, в то время как другие выступают категорически против этого. Сторонники узаконивания статуса плода, подходя к вопросу сугубо формально, не учитывают целый ряд объективно присутствующих факторов, в частности, таких как: несовершенство технологий оценки состояния фето-плацентарной системы; несовершенство правового регулирования деятельности специализированных медицинских учреждений; несовершенство материально-технического и кадрового обеспечения медицинских учреждений; грубые дефекты в деятельности патологоанатомической и судебно-медицинских служб; низкий уровень подготовки сотруд-

ников следствия и судов при рассмотрении уголовных дел медицинского характера.

В свою очередь, сторонники отказа от рассмотрения вопроса узаконивания статуса плода также не учитывают ряд важных обстоятельств, состоящих в том, что, как правило, наступление неблагоприятных исходов является предотвратимым и зачастую они могут быть следствием дефектов оказания медицинской помощи. При этом очевидно, что с учетом несовершенства правового регулирования деятельности специализированных медицинских учреждений, материально-технического и кадрового обеспечения специализированных медицинских учреждений на фоне грубых дефектов в деятельности патолого-анатомической и судебно-медицинских служб в случае юридического закрепления статуса плода по акушерско-гинекологической службе Российской Федерации будет нанесен болезненный удар, последствиями которого явятся не столько значительные кадровые потери, сколько отказ специалистов от активной клинической позиции, поскольку основным приоритетом для них будет являться не решение задач медицинского характера, а обеспечение собственной юридической безопасности. Это, в свою очередь, повлечет за собой общее снижение качества специалистов и явные стратегические клинические потери другого рода, состоящие в радикальном снижении способности женщин фертильного возраста к деторождению в национальном масштабе, что в существующей демографической и социально-политической обстановке является неприемлемым, но которые, при всей их очевидности, невозможно будет рассматривать в юридическом поле.

Мы полагаем, что консенсус между конфликтующими сторонами может состоять в следующем: в научном обосновании и признании наличия прав плода; в признании существования комплекса проблем в области организации акушерско-гинекологической службы в Российской Федерации и разработке и осуществлении действий по их устранению; в признании существования комплекса проблем в организации патолого-анатомической [5] и судебно-медицинских служб в Российской Федерации и разработке и осуществлении действий по их устранению.

Литература

1. Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «Акушерство и гинекология» (за исключением использования вспомогательных репродуктивных технологий): Приказ Минздрава России от 01.11.2012 № 572н // Рос. газета (спец. вып.). 2013. № 90/1.

2. О внесении изменений в статью 40 Федерального закона «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: Федер. закон от 25.12.2018 № 489-ФЗ. URL: <https://rg.ru/2018/12/28/klinika-dok.html> (дата обращения: 25.03.2020).

3. Россия в цифрах. 2019: крат. стат. сб. М., 2019. 549 с.

4. Гончаренко Д.В., Дмитриева О.А. Проблемы оказания акушерско-гинекологической помощи в судебно-медицинском аспекте // Успехи совр. естествознания. 2007. № 6. С. 50–51.

5. Латыпова Э.Ю. Преступления, совершаемые врачами-патологоанатомами, – постановка проблемы // Проблемы противодействия преступности: опыт, современное состояние и пути решения: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., посв. памяти проф. В.А. Малюткина. Чебоксары, 2019. С. 160–168.

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ КАК ГАРАНТИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Д.В. Наметкин, канд. юрид. наук

Приволжский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Нижний Новгород

Аннотация. Приводится положительный опыт повышения эффективности деятельности по выявлению и расследованию преступлений в оборонно-промышленном комплексе. Анализируемая деятельность выступает инструментом повышения безопасности функционирования гражданского общества.

Ключевые слова: оперативно-розыскные мероприятия, следственные действия, оборонно-промышленный комплекс, органы дознания, органы предварительного следствия.

IMPROVING THE EFFICIENCY OF CRIME DETECTION AND INVESTIGATION IN THE MILITARY-INDUSTRIAL COMPLEX AS A GUARANTEE OF THE SECURITY OF CIVIL SOCIETY

D.V. Nametkin

Abstract. Describes the positive experience of improving the effectiveness of the identification and investigation of crimes in the military-industrial complex.

The analyzed activity acts as a tool to improve the security of the functioning of civil society.

Keywords: operational-search measures, investigative actions, military-industrial complex, bodies of inquiry, bodies of preliminary investigation.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [1], Военной доктрине Российской Федерации [2] и других программных документах подчеркивается важность выделения достаточных материальных и финансовых ресурсов на обеспечение национальной безопасности, их эффективного, рационального использования и расходования.

Учитывая важность задач, стоящих перед МВД России, в Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России (далее – ГУЭБиПК МВД России) в сентябре 2015 года создан специализированный отдел по борьбе с правонарушениями в оборонно-промышленном комплексе (далее – ОПК) и области космической деятельности, а также сформированы аналогичные подразделения (далее – подразделения ЭБиПК).

Сотрудниками ГУЭБиПК МВД России на постоянной основе реализуется комплекс организационных и практических мероприятий, направленных на предупреждение, выявление и пресечение преступлений, совершаемых в сфере ОПК.

Информация о результатах исполнения мероприятий раз в полугодие направляется в Генеральную прокуратуру Российской Федерации для обобщения и последующего доклада Президенту Российской Федерации, что свидетельствует о важности этой деятельности в правоохранительных органах.

При осуществлении мероприятий по декриминализации сферы ОПК особое внимание уделяется выявлению фактов хищений и нецелевого использования бюджетных средств, направляемых на поддержку предприятий ОПК, выполнение государственного оборонного заказа, модернизацию производства, научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки, пресечению коррупционных преступлений в указанной сфере.

На постоянной основе ГУЭБиПК МВД России осуществляется взаимодействие с органами предварительного следствия и дознания по выявлению и раскрытию преступлений в оборонной промышленности.

Представители ГУЭБиПК МВД России в рамках компетенции принимают участие в работе Правительственной комиссии и межведомственных рабочих групп по следующим направлениям:

- реализация мер по предупреждению банкротства стратегических предприятий и организаций, а также организаций ОПК;

- совершенствование законодательства Российской Федерации о банкротстве стратегических предприятий и организаций;

- противодействие правонарушениям в сфере гособоронзаказа;

- координация деятельности правоохранительных и контролирующих органов в целях соблюдения федерального законодательства в ОПК;

- обеспечение законности в ходе выявления, пресечения и расследования преступлений в ОПК.

По данным ФКУ «ГИАЦ МВД России», в результате принятых мер в январе – декабре 2019 года в сфере ОПК зарегистрировано 251 преступление, из которых 128, или 50,9% общего числа зарегистрированных преступлений данной категории, выявлено территориальными органами МВД России. При этом каждое восьмое преступление выявляется при непосредственном участии сотрудников ГУЭБиПК МВД России (16 преступлений).

Задokumentировано 135 преступлений, совершенных в крупном или особо крупном размере либо причинивших крупный ущерб. Размер причиненного материального ущерба составил более 2,8 млрд рублей, наложен арест на имущество, добровольно погашено, изъято имущества и денег на сумму около 2 млрд рублей).

В целях устранения имеющихся просчетов в организации оперативно-служебной деятельности по линии ОПК, оказания практической и методической помощи ГУЭБиПК МВД России организованы выезды в территориальные органы МВД России, в результате которых выявлен ряд системных проблем, в том числе:

- недостаточная организация работы с гражданами, оказывающими конфиденциальное содействие МВД России при осуществлении оперативно-розыскной деятельности;

- контроль за ходом и результатами оперативно-розыскной деятельности ведением дел оперативного учета со стороны ру-

ководства территориальных органов МВД России осуществляется не на должном уровне.

Необходимо отметить, что при организации расследования таких преступлений следственными подразделениями МВД России допускались нарушения организационного и процессуального плана.

Основными причинами сложившегося положения являются следующие:

– для проведения судебных экспертиз, необходимых по делам данной категории, требуется изъятие большого объема документов, местонахождение которых не всегда возможно установить;

– на стадии сбора материала не выясняются существенные вопросы, имеющие принципиальное значение для разграничения уголовного наказуемого деяния и гражданско-правового спора [3. С. 66].

Для исправления имеющихся недостатков и повышения эффективности выявления, расследования и раскрытия преступлений в оборонно-промышленном комплексе необходимо принять дополнительные меры по усилению ведомственного контроля.

Литература

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683 // СЗ РФ. 2016. № 1. Ст. 212.

2. Военная доктрина Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 25 дек. 2014 г. № Пр-2976 // Рос. газета. 2014. № 298.

3. Янин С.А. О некоторых аспектах организации расследования преступлений в сфере исполнения оборонного заказа и в оборонно-промышленном комплексе России // Вестн. Казан. юрид. института МВД России. 2016. № 4. С. 65–67.

НЕБЛАГОПОЛУЧНАЯ СЕМЬЯ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА КРИМИНАЛЬНУЮ АКТИВНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ ЖЕНСКОГО ПОЛА

М.Ф. Нестерова, магистрант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Рассматривается проблема влияния семьи на криминальную активность несовершеннолетних лиц женского пола, а также причины преступного поведения несовершеннолетних лиц женского пола.

Ключевые слова: несовершеннолетние лица женского пола, причины криминальной активности, неблагополучная семья, формирование личности несовершеннолетних.

DYSFUNCTIONAL FAMILY AS A FACTOR AFFECTING THE CRIMINAL ACTIVITY OF FEMALE MINORS

M.F. Nesterova

Abstract. The article deals with the problem of family influence on the criminal activity of female minors, which will help to understand the reasons for criminal behavior of female minors.

Keywords: female juvenile convicts, causes of criminal activity, dysfunctional family, formation of the personality of minors.

На сегодняшний день в Российской Федерации проблема подростковой преступности является важнейшим приоритетным направлением в правовой политике государства, которая должна осуществляться с учетом положительного опыта борьбы с преступностью несовершеннолетних как российского государства, так и зарубежных стран, а также принимая во внимание научные разработки исследователей в указанной сфере [4. С. 59].

Несовершеннолетних правонарушителей в возрасте от 14 до 18 лет большинство среди осужденных несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных колониях.

В научной литературе достаточно широко обсуждаются проблемы формирования личности несовершеннолетних преступников под влиянием недостатков и нарушений в семейном воспитании.

Одним из важных факторов, который оказывает влияние на процесс становления и формирования несовершеннолетнего как личности, является семья. Институт семьи играет важную роль в социализации личности, является первой общественной ступенью в жизни людей. Следовательно, именно семья будет оказывать наибольшее влияние на криминальное поведение несовершеннолетних лиц женского пола. Кроме того, важно рассмотреть вопрос отношения несовершеннолетних лиц женского пола к методам воспитания, которые применяются их родителями. От родителей и методов воспитания, которые они используют, зависит формирование представления ребенка о благопо-

лучной семейной жизни, о взглядах на окружающую обстановку и поведение в обществе.

Основными причинами возникновения у несовершеннолетних лиц женского пола, так же как и мужского пола, девиантного поведения выступают неправильный образ жизни семьи, отрицательная обстановка в ней. Но семья имеет гораздо большее значение для девушек, нежели для юношей. На этот счет Л.Н. Тимошенко отмечает следующее: «Ничто не может сравниться по силе влияния в вопросах подготовки девушек к личной жизни с той огромной ролью, какую играет семья. Семейное воспитание глубоко индивидуально и безгранично по содержанию. Оно затрагивает самые сокровенные, самые интимные стороны жизни девушек, которые не затрагиваются в общественном воспитании. Это богатство эмоционального мира, закладываемое семьей, становится фундаментом сферы социальных чувств личности девушек. Семья воспитывает их всем образом своей жизни, той духовно-нравственной атмосферой, которая господствует в ней, тем незаменимым богатством и теплотой, какие могут быть между очень близкими людьми» [7. С. 67, 72].

Девочки в большей степени чтят и следуют традициям семьи, поведение и образ жизни матери оказывают огромное влияние на ориентиры и жизненные установки девочек. Те манеры общения родителей и их нравы, которые преобладают в семье, уровень социальной ориентации, уровень духовности воспринимаются девочками без критики (еще недоступной по возрасту) и становятся для них нормой отношения к себе и окружающим [1. С. 149–150]. Именно поэтому отрицательная обстановка в семье, ее неблагополучие выступают основной причиной, которая определяет состояние и динамику преступного поведения несовершеннолетних женского пола.

Изучением семейных отношений у осужденных подростков, их особенностей, как в теории, так и в практике, занимались такие ученые, как В.В. Розанов, Т.А. Гурко, Т.Ю. Сергеева, Н.С. Данакин и др.

Среди лиц, находящихся в местах лишения свободы, в воспитательных колониях, несовершеннолетние осужденные женского пола составляют особую категорию. Им свойственна личностная и социальная деформация. Среди несовершеннолетних

лиц женского пола значительная часть – это выходцы из неблагополучных семей. У данной категории осужденных лиц низкий уровень духовности и культуры, отсутствуют необходимые жизненные навыки. У осужденных девушек эмоции доминируют над мыслительным процессом, что происходит в условиях изоляции. Это связано с тем, что для несовершеннолетних осужденных женского пола характерны эмоциональная распушенность, неумение сдерживать и контролировать себя во время конфликта. Они не осознают и не оценивают свои черты характера, неадекватно воспринимают окружающий мир и свои отношения с другими людьми [8. С. 21]. Для них свойственна двойственность отношения к одному и тому же объекту, что вызывает трудности в проведении воспитательной работы с ними [5. С. 15–21].

Согласно исследованиям А.Н. Ильяшенко [3. С. 42–45], большинство осужденных несовершеннолетних лиц женского пола воспитывались только матерью, т.е. в неполной семье. В таких семьях именно мать передает дочери свое мировоззрение, позицию о нравах в обществе, свое понимание жизни и жизненных ценностей, следовательно, дезорганизация семейных отношений отрицательно влияет на психологию девочек, у них формируется искаженное понимание позитивного поведения девушки, женщины как в семье, так и в обществе.

Для неполных семей чаще всего характерно тяжелое материальное положение, что влияет на формирование у несовершеннолетних лиц женского пола таких качеств, как жадность, хитрость, зависть, следовательно, и противоправное устремление.

В современном обществе брак как социальный институт становится более нестабильным. Согласно оценке специалистов каждый второй брак расторгается. Развод – это не просто прекращение отношений между мужчиной и женщиной, это разрушение семьи. Такая жизненная ситуация чаще всего наносит душевную травму и оставляет след в жизни девочки-подростка, что также может оказать влияние на криминальное поведение несовершеннолетних лиц женского пола. Исследования свидетельствуют о том, что чаще всего преступления совершаются девочками, чьи семьи распались именно в результате расторжения брака.

Однако необходимо указать, что не только неполные семьи оказывают влияние на девиантное поведение несовершеннолетних лиц женского пола, но и проживание в полной семье, в которой один из родителей пьянствует. В таком случае можно сказать, что в некоторых случаях семья наоборот перестает быть неблагоприятной для воспитания девочек, так как в результате развода из нее исключается негативное влияние на психику и формирование личности ребенка.

Кроме того, воспитание в семье зависит не только от материального положения, структуры, но и от эмоционального и нравственного настроения в семье. На основании проведенных исследований установлено, что у большинства несовершеннолетних лиц женского пола, совершивших преступление, кто-либо из членов семей имеет судимость. Несовершеннолетние из таких семей растут и воспитываются в условиях, способствующих формированию криминальной активности. Общение с членами семьи, которые обладают криминальным поведением, отражается на действиях девочек-подростков, проявляющихся в преступных посягательствах.

Многие исследования указывают, что большинство несовершеннолетних лиц женского пола привлечены к уголовной ответственности по тем же преступлениям, за которые ранее были судимы их родители.

Таким образом, та эмоциональная атмосфера, которая царит в семье, оказывает важное влияние на формирование психики и чувств ребенка, на развитие его эмоций. В семьях с взаимопониманием, с положительным эмоциональным климатом несовершеннолетние лица женского пола лучше усваивают нравственные и духовные ценности, требования своих родителей.

В заключение отметим, что в статье затронуты лишь некоторые факторы неблагополучия семей, однако это также позволяет сделать вывод о том, что семья, неблагоприятная обстановка в ней способствует формированию у несовершеннолетних лиц женского пола криминального поведения.

Литература

1. Алмазов Б.Н., Грищенко Л.А. О психологических особенностях отклоняющегося поведения несовершеннолетних правонарушительниц // Вопросы

борьбы с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность: межвуз. сб. науч. тр. Омск, 1984. С. 149–150.

2. Заурова Э.В. Отношение несовершеннолетних осужденных женского пола к поведению и методам воспитания родителей // Психопедагогика в правоохранит. органах. 2019. Т. 24, № 3(78). С. 300–305.

3. Ильяшенко А.Н. Преступность несовершеннолетних женского пола: состояние, причины, предупреждение. Воронеж, 2000. 125 с.

4. Клюкова М.Е., Верин А.Ю. О понятии несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого по УПК РФ // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: сб. материалов XIII Междунар. науч.-практ. конф.: в 5 т. Тольятти, 2016. С. 227–236.

5. Ковтуненко Л.В., Коломенцев Д.В. Роль семьи в воспитании и исправлении несовершеннолетних осужденных // Уголов.-исполнит. система: право, экономика, управление. 2008. № 4. С. 15–21.

6. Кузнецова И.А., Хмельницкая В.А. Проблемы изучения психодинамики личности несовершеннолетних осужденных // Вестн. Костром. гос. ун-та. Сер. Педагогика. Психология. Социокинетика. 2016. № 3. С. 107–110.

7. Тимошенко Л.Н. Воспитание старшеклассниц. М., 1983. С. 67, 72.

8. Шайкова М.В. Девиантное поведение личности несовершеннолетних женского пола и пути его коррекции: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1995. С. 21.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ЛИЦАМИ ЖЕНСКОГО ПОЛА

М.Ф. Нестерова, магистрант
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Рассматриваются специальные меры предупреждения преступности несовершеннолетних лиц женского пола, проблема профилактики преступлений, совершаемых несовершеннолетними лицами женского пола.

Ключевые слова: несовершеннолетние лица женского пола, меры предупреждения преступности несовершеннолетних, профилактика.

SPECIAL MEASURES TO PREVENT CRIMES COMMITTED BY FEMALE MINORS

M.F. Nesterova

Abstract. The article deals with special measures for the prevention of crime of female minors, the problem of the prevention of crimes committed by female minors.

Keywords: female minors, juvenile delinquency prevention measures, prevention.

Предупреждение преступности несовершеннолетних лиц женского пола является частью предупреждения преступности в целом, но при этом имеет определенную специфику, связанную прежде всего с особенностями названной группы лиц.

Предупреждение преступности в криминологии обозначается как совокупность мероприятий, включающих в себя деятельность как государственных и муниципальных органов, так и юридических и физических лиц в пределах их компетенции с целью снижения риска совершения преступлений путем выявления и устранения факторов, способствующих им [2. С. 627–637]. Учитывая особенности преступности несовершеннолетних лиц женского пола, причин и условий, способствующих ей, профилактические меры по предупреждению преступности названных лиц будут иметь свою определенную специфику.

Формирование психологических особенностей человека начинается с раннего возраста. Ученые считают, что в возрасте от одного года до двух лет активно усваиваются нормы поведения, ценности и культура семьи, а к пяти годам у человека закладывается около 40% черт характера [3. С. 62, 65]. Следовательно, предупреждение преступности несовершеннолетних женского пола напрямую зависит от раннего предупреждения неблагополучия семьи.

Первоочередной специальной мерой по предупреждению факторов, способствующих преступности несовершеннолетних женского пола, выступает выявление и диагностика неблагополучных семей. Выявление неблагополучных семей – достаточно сложный и трудоемкий процесс, однако своевременное выявление и профилактическая работа с такими семьями, считаем, позволит значительно снизить количество преступлений, совершаемых несовершеннолетними лицами женского пола. Кроме того, важно, чтобы такие семьи брались на контроль до того, как ребенок попадет в поле зрения правоохранительных органов по причине совершения противоправного деяния, и тогда ребенок может приобрести статус несовершеннолетнего

подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления [5. С. 227–236].

Факторы семейного неблагополучия характеризуются сложностью их выявления, для этого рекомендуется в дошкольных и учебных заведениях проводить анкетирование как самих девочек, так и их родителей, родственников (дедушек, бабушек, братьев, сестер) об отношениях в семье, ценностях и культуре. К разработке таких анкет, а также к проведению анкетирования следует привлекать педагогов, психологов, юристов-криминологов, социологов и других специалистов [4. С. 96–97].

А.А. Агальцова также указывает на необходимость использования бесед с девочками, их родителями, соседями, представителями администрации, сотрудниками учебных и воспитательных заведений и другими лицами, имеющими соответствующую информацию, для выявления неблагополучных семей [1. С. 18–21].

Профилактические мероприятия представляют собой взаимосвязанные меры. Такие меры должны включать в себя меры социально-правовой, педагогической, медико-психологической помощи семьям. Для эффективной нормализации обстановки в неблагополучных семьях, предупреждения неблагоприятного воздействия на несовершеннолетних лиц женского пола профилактические мероприятия должны носить комплексный характер (меры убеждения в сочетании с принуждением и помощью).

Например, по мнению А.А. Агальцовой, оказание помощи семьям в бытовом и трудовом устройстве должно сочетаться с воспитательными мероприятиями. Только таким образом возможно достижение наибольшей эффективности при проведении профилактической работы. Поэтому формы реагирования правоохранительных органов на противоправное поведение несовершеннолетних лиц женского пола должны рассматриваться как институт, дополняющий общую систему социальных мер [1. С. 18–21].

Другой специальной мерой по предупреждению преступного поведения несовершеннолетних лиц женского пола выступает совершенствование профилактической работы в школьных и дошкольных учреждениях.

Первостепенной задачей педагогических работников в системе школьного и дошкольного воспитания становится установление дифференциального подхода к воспитанию учащихся. Разрабатывая план воспитательной и профилактической работы с несовершеннолетними лицами женского пола, склонных к аморальному поведению, педагогам необходимо учитывать психологические особенности девочек и мальчиков, различия в значимости образования для них, степень овладения предметами, различия в учебных интересах и др.

При проведении воспитательной работы с трудными девочками-подростками требуется уделять особое внимание развитию нравственных качеств, которых не хватает, а также искоренению отрицательных качеств. В каждой девочке, девушке следует находить задатки положительного качества, опираясь на него, определять дальнейшие перспективы развития личности. Кроме того, говоря о перевоспитании, необходимо обратить внимание на то, что педагогические меры должны применяться в системе (семья, школа, общественность), а не по отдельности.

По мнению Л.Н. Тимощенко, такая система мер сработает и приведет к положительным результатам при таких условиях, как: организация деятельности несовершеннолетних лиц женского пола в воспитательном коллективе, т.е. включение их в общественную деятельность, активный труд; осмысления и самооценка своего поведения; воспитания чувства ответственности за свое поведение [6. С. 70].

Важной составляющей при формировании у несовершеннолетних женского пола «правильного» поведения является правовое воспитание. Правовое воспитание предполагает разъяснение смысла и значения российских законов, выработку привычки соблюдать закон, формирование убежденности в целесообразности и необходимости следовать правилам и нормам закона. В отношении несовершеннолетних лиц женского пола правовое воспитание имеет также свою специфику. Психолог Ю.А. Тюменева, согласно проведенному исследованию, указывает, что в разные периоды подросткового возраста эмоциональное отношение детей разного пола к регулированию поведения нормами и законами различно. Девочки в начале подросткового возраста избегают «анормативности», а к концу –

наоборот, возможно их стремление к «анормативной» среде. Мальчики в течение подросткового возраста сменяют свои предпочтения, тогда как к концу подросткового возраста приходят к пониманию правовых норм, их ценностей и необходимости соблюдения [7. С. 17].

С учетом психологических особенностей несовершеннолетних лиц женского пола А.Н. Ильяшенко считает, что для того, чтобы нормы права вошли в самосознание девочек-подростков, необходимо проводить правовое воспитание в следующих формах: ролевые игры, моделирование ситуации и ее анализ (с приглашением юристов), индивидуальные беседы по правовым вопросам, использование положительного примера значимых для девочки-подростка людей и др. [4. С. 112–113].

Таким образом, для достижения наибольшего результата при проведении профилактических мероприятий по предупреждению преступного поведения несовершеннолетних лиц женского пола необходимо использовать меры в совокупности, учитывая различные стороны жизни ребенка (семья, школа, общественность).

В системе мониторинга и статистического учета необходимо определить показатели учета преступлений, совершаемых несовершеннолетними женского пола (субъекты, объекты, причины и условия преступлений, принятые меры и результаты их воздействия), иначе невозможно оценить результативность принимаемых различными ведомствами профилактических мер.

Литература

1. Агальцова А.А. К вопросу о профилактике преступности несовершеннолетних женского пола // Уголов.-исполнит. право. 2009. № 1. С. 18–21.
2. Жубрин Р.В. Предупреждение преступности на современном этапе развития российского общества: понятие, содержание, принципы // Всероссий. криминолог. журн. 2016. Т. 10, № 4. С. 627–637.
3. Игошев К.Е., Миньковский Г.М. Семья, дети, школа. М., 1989. С. 62, 65.
4. Ильяшенко А.Н. Преступность несовершеннолетних женского пола: состояние, причины, предупреждение. Воронеж, 2000. 126 с.
5. Ключова М.Е., Верин А.Ю. О понятии несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого по УПК РФ // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: сб. материалов XIII Междунар. науч.-практ. конф.: в 5 т. Тольятти, 2016. С. 227–236.
6. Тимошенко Л.Н. Воспитание старшекласниц. М., 1990. С. 70.
7. Тюменева Ю.А. Половозрастная идентичность как определяющий фактор становления социальной компетентности подростка: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Красноярск, 1998. С. 17.

ПРИЧИННЫЙ КОМПЛЕКС ЖЕНСКОЙ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ

Е.В. Нечаева, канд. юрид. наук, доцент,
В.В. Пояга, магистрант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Причастность женщин к преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, на сегодняшний день является актуальной проблемой, в связи с чем в настоящей статье исследуются общие и специфические причины совершения женщинами наркопреступлений.

Ключевые слова: наркотические средства, женщина, женская наркопреступность, общество, преступление, причинный комплекс, бедность, наркомафия, социальные сети, психологические особенности.

ROOTS AND CAUSES OF FEMALE DRUG – RELATED CRIMES

E.V. Nechaeva, V.V. Poyata

Abstract. Participation of women in crimes related to illicit traffic in narcotic drugs is currently an urgent problem, therefore the present paper examines the general and specific reasons for women to commit the drug-related crimes.

Keywords: narcotic drugs, women, female drug-related crimes, society, crime, causal complex, poverty, drug addiction, social networks, psychological constitution.

Женский наркотизм – это наркотизм, поразивший женщин с учетом как их заболеваемости наркоманией и совершения ими наркопреступлений, так и того «вклада», который они вносят в распространение наркотиков и наркомании, в том числе посредством разного рода наркопреступлений [3. С. 6].

Статистические данные о состоянии преступности в России за 2019 год, представленные Генеральной прокуратурой Российской Федерации, свидетельствуют, с одной стороны, о том, что женщины совершают меньше преступлений, чем мужчины, с другой – в структуре преступности процент преступлений, совершаемых женщинами, в том числе в сфере оборота наркотиков, занимает значительное место, и с каждым годом их число растет [4]. Рассматриваемый вид женской преступности стремительно приближается к мужской, следовательно, делает ее более

опасной и требует детального анализа её причин и условий. К таковым следует отнести все возможные социальные недостатки, которые коренятся в различных сферах российского общества – политические, экономические, социальные, духовно-нравственные и др.

Общий причинный комплекс, предопределяющий совершение женским полом наркопреступлений, практически не отличается от комплекса причин, толкающих мужчин на совершение тех же деяний, но все же отличия имеются.

Причинами совершения наркопреступлений прежде всего выступают низкий уровень материального благополучия, невысокая заработная плата, особенно в регионах, тяжелые условия труда, а также безработица. Особо следует отметить такой фактор, как закредитованность населения. Возможность легко получить деньги от различных кредитных организаций приводит к тому, что люди, а чаще всего это женщины, попадают в долговую кабалу, вызванную не сколько самими займами, сколько высокими процентными ставками за пользование денежными средствами. Указанные факторы подталкивают женщин на совершение преступлений, в том числе и связанных с незаконным оборотом наркотических средств, поскольку, например, их сбыт приносит порой очень высокие доходы. Причем зачастую сами женщины-сбытчики не употребляют наркотики. Но есть и такая категория женщин, которые осознанно избирают для себя в качестве средства лёгкого заработка незаконную деятельность, не желая трудоустроиваться в легальном секторе экономики. Бедность населения, обострившаяся в последнее время, одна из основных проблем России, которая определяет значительный процент преступности в стране. Последствия данной проблемы как экономически, так и социально-психологически указывают на то, что данное явление представляет опасность как для отдельной личности, так и всего общества в целом. Поэтому требуется активное вмешательство государства в контроль по реализации социальных программ, направленных на обеспечение социальной стабильности граждан Российской Федерации, содействию их занятости и личностному развитию.

Во-вторых, причиной криминального наркотизма является немедицинское потребление российскими гражданами наркоти-

ческих средств и психотропных веществ. В особенно бедственной ситуации оказываются женщины, столкнувшиеся с указанной проблемой. Особенность женской наркомании заключается в том, что зависимость к наркотикам развивается гораздо стремительнее, чем у мужчин, а также труднее поддается лечению. Нейротропные вещества влекут за собой разрушение физического, психологического и духовного здоровья. У наркозависимых женщин искажается система жизненных ценностей, разрушаются чувства женственности, угасает чувство материнства, заботы о себе и своей семье. Она становится психологически уязвимой, легко управляемой, её легче склонить к противозаконным действиям. Женщина-наркоманка в поисках очередной «дозы» готова пойти на всё, в прямом смысле этого слова. У наркоманок притупляется чувство страха и опасности. Наркомания – прямая спутница наркопреступности. Следует отметить, что указанные факторы представляют реальную угрозу для генофонда нации. Безответственность женщин, связавшихся с наркотиками, приводит к атрофированию репродуктивной функции. Увеличивается количество мертворожденных детей, а также детей, родившихся с различными патологиями. Женщины отказываются от таких детей, пополняя процент сирот. Сказанное подчеркивает важность проблемы предупреждения женской наркомании и наркопреступности как двух взаимосвязанных и взаимообусловленных негативных социальных явлений современного российского общества [3. С. 158].

Способствуют процветанию преступности средства массовой информации, информационно-коммуникационные сети, в том числе сеть «Интернет» [5. С. 349–353]. В социальных сетях ведется активная пропаганда криминального образа жизни, субкультуры наркомана. Тысячи тематических аморальных сообществ, фото, видео, доступные каждому зарегистрированному пользователю социальной сети, искажают реальность. Жизненные явления упрощаются, многие из них воспринимаются всего лишь как модели. Поведение в социальных сетях изначально не соответствует тому, что принято в реальной жизни. Однако со временем искаженное мировоззрение переносится в реальность. Под негативное влияние интернета попадают люди разного возраста и пола, особенно несовершеннолетние

[1. С. 792–795]. Многие представительницы прекрасной половины человечества, следуя пагубной моде, стремятся к риску и острым ощущениям, девиантному демонстративному поведению. Информация, размещаемая в Интернет-паутине, приводит к разрушению ценностных ориентиров, пренебрежению к закону, что, в свою очередь, увеличивает процент совершения наркопреступлений.

Кроме вышеуказанных факторов наркопреступность обусловливается следующими причинами, которые присущи исследуемому виду преступности в силу особенностей социального статуса женщины в современном обществе.

В.Е. Эминов отмечал, что «именно в семье – сила и слабость государства» [6. С. 79]. В XXI веке наблюдается тенденция разрушения традиционных семейных ценностей, что непременно приводит к росту преступности. Многие женщины уже не выступают в роли «хранительницы домашнего очага», не исполняют исконно женские обязанности либо исполняют их ненадлежащим образом. Опасность отстранения от традиционных ценностей состоит в том, что женщине, имеющей семью (супруга, детей), гораздо труднее преступить закон. А если нет семьи, следовательно, и нет соответствующих обязанностей, и женщина значительно легче идёт на совершение преступления в силу того, что ей нечем дорожить и нечего терять.

Существенное криминологическое значение имеет нестабильное психоэмоциональное состояние, сопровождающее женщину в современной жизни, которое оказывает отрицательное влияние на её поведение. Она сама не замечает, как становится грубой, агрессивной, раздражительной и циничной. Психотравмирующие факторы постепенно ведут к утрате ею смысла жизни. В этой ситуации в целях самоутверждения женщина склонна совершать необдуманные поступки, включая и уголовно наказуемые деяния.

Следствием формирования мотивации к совершению женщинами преступлений является уравнивание женского и мужского пола во всех сферах жизнедеятельности. На сегодняшний день 50% числа рабочих и служащих приходится на женщин. В результате у них проявляются такие мужские черты характера, как настойчивость, лидерство, жесткость, выносливость.

Данное обстоятельство, несомненно, уравнивает и вероятную возможность совершения женщинам преступлений. Лица женского пола всё активнее участвуют в незаконном обороте наркотиков. Уходя со второстепенных ролей, женщины нередко приобретают главные. Они сбывают наркотики, организуют и содержат притоны для потребления наркотических средств, выполняют разнообразные, в том числе руководящие, функции в организованных преступных формированиях, специализирующихся на незаконном обороте наркотиков.

Причинный комплекс женской наркопреступности, безусловно, не ограничивается факторами и условиями, рассмотренными в данной статье. Тем не менее представленное небольшое исследование позволяет сделать вывод, что комплекс причин женской наркопреступности определяется действием причин общего и специфического характера. Из общих причин стоит выделить низкий уровень благополучия, болезненное пристрастие к наркотикам, а также отрицательное влияние средств массовой информации и сети «Интернет», из специфических причин – ослабление института семьи и разрушение традиционных семейных ценностей, гендерное равенство, психоэмоциональный дискомфорт женщины, возникший в результате трудных жизненных обстоятельств.

Литература

1. Гильманов Э.М. Противодействие противоправным и опасным формам поведения несовершеннолетних // Достижения, проблемы и перспективы развития нефтегазовой отрасли: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Альметьевск, 2018. С. 792–795.
2. Киркина Н.В. Женщина – наркоманка и наркопреступница // Пробелы в рос. законодательстве. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenschina-narkomanka-i-narkoprestupnitsa> (дата обращения: 21.02.2020).
3. Кобец П.Н. Факторы, способствующие употреблению несовершеннолетними женского пола наркотических средств и психотропных веществ // Вопр. ювенал. юстиции. 2012. № 4. С. 6–10.
4. Правовой портал статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/social_portrait (дата обращения: 28.02.2020).
5. Умаров М.Р., Нечаева Е.В. Незаконный оборот наркотиков в Интернете // Уголовно-правовая превенция в сфере оборота наркотических средств или психотропных веществ, алкогольной и спиртосодержащей продукции (региональный аспект): сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2015. С. 349–353.

6. Эминов В.Е. Причины преступности в России: криминологический и социально-психологический анализ. М., 2011. 128 с.

ТЕРРОРИЗМ И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕСТУПНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Г.А. Нечипоренко, заместитель руководителя
Оперативный штаб в Челябинской области, г. Челябинск

Аннотация. Несмотря на то, что преступные организации часто прибегают к террору и вступают в союз с террористами, вполне очевидно, что их цели не совпадают с идеологией террористов. Транснациональные группировки прибегают к террористическим актам лишь для создания благоприятных условий своей преступной деятельности. В целом они готовы осуществлять свою деятельность в рамках существующей системы, пока это возможно. Политические цели преступных групп направлены против конкретной политики в области обеспечения законности и не ставят задачей свержение существующих органов власти (большая часть которой коррумпирована ими). Напротив, террористические группы участвуют в преступной деятельности: торговле наркотическими средствами или оружием с целью получения средств, необходимых им для эффективного выполнения политических задач. Однако при этом все больше проявляется тенденция к их слиянию.

Ключевые слова: терроризм, транснациональная преступность, мигранты, террористическая деятельность.

TERRORISM AND TRANSNATIONAL CRIMINAL ORGANIZATIONS

G.A. Nechiporenko

Abstract. Despite the fact that criminal organizations often resort to terror and enter into an alliance with terrorists, it is quite obvious that the goals of these organizations do not coincide with the ideology of terrorists. Transnational groups resort to terrorist acts only to create favorable conditions for their criminal activity. In general, they are ready to carry out their activities within the existing system, as long as possible. The political goals of criminal groups are directed against a specific rule of law policy and do not set the task of overthrowing the existing authorities (most of which are corrupt by them). On the contrary, terrorist groups engage in criminal activities: trafficking in narcotic drugs or weapons, in order to obtain the funds they need to effectively carry out political tasks. However, at the same time, there is an increasing tendency to merge them.

Keywords: terrorism, transnational crime, migrants, terrorist activity.

Транснациональные преступники неоднократно использовали тактику террористических акций для того, чтобы помешать

расследованиям, ликвидировать активных сотрудников правоохранительных органов, обязать судей к вынесению более мягких приговоров и создать благоприятную обстановку для продолжения ими преступной деятельности. Поэтому транснациональные группировки готовы устанавливать прямые связи с теми, кто прибегает к тактике насилия в политических целях. Например, наркодельцы в Перу вынуждены были заключить союз с террористической организацией «Сендеро луминосо» в целях обеспечения защиты тех, кто выращивает коку, и торговцев наркотическими средствами в обмен на часть доходов, получаемых от их продажи. Эта связь представляет собой деловые взаимоотношения, в которых каждая сторона использует другую для достижения соответствующих целей.

Другим фактором, способствующим слиянию международного терроризма с транснациональной преступностью, является изменившаяся политическая обстановка. С окончанием «холодной войны» международный терроризм утратил государственное покровительство и его финансовую поддержку. Все большее количество государств пытаются не попадать под критерии, по которым их могут внести в списки поддерживающих государственный терроризм стран. С ослаблением материальной поддержки со стороны правительства террористические организации все чаще обращаются к преступной деятельности в качестве альтернативного источника финансирования политического терроризма. В этих обстоятельствах количество сделок, связанных с предоставлением оружия в обмен на незаконную продукцию или услуги, вероятно, будет расти.

Слиянию преступной и террористической деятельности способствуют также технологические возможности. Хищения ядерных материалов и возможность их использования в целях крупномасштабного шантажа свидетельствуют о стирании грани между вымогательством и политическим терроризмом. Возможен вариант, когда транснациональные преступные организации похищают ядерные материалы и продают их террористам, если сами не хотят воспользоваться ими для шантажа правительства. Следует осознать, что возрастание контактов между ними еще больше затруднит применение как традиционных мер

по борьбе с преступностью, так и специальных стратегий противостояния терроризму.

В 2019 году в России силовики задержали 41 лидера террористов. Во время антитеррористических операций силовые структуры ликвидировали 32 бандита, в том числе девять главарей. Были задержаны 41 главарь, 241 боевик и 606 пособников террористов [1].

Секретарь Совета безопасности России Николай Патрушев констатировал рост вовлеченности мигрантов в террористическую деятельность в Центральной России и экспансию в страну законспирированных ячеек экстремистов. На выездном совещании в г. Туле по вопросам безопасности в Центральной России, которое состоялось 4 октября 2019 года, он сообщил, что количество преступлений, совершенных мигрантами, остается значительным. Особенно беспокоит рост их вовлеченности в террористическую деятельность. На этом фоне особую опасность представляет экспансия на российскую территорию посредством миграции законспирированных ячеек международных экстремистских и террористических организаций, сказал Патрушев. В связи с этим он попросил «не снижать взятые темпы работы по декриминализации миграционной сферы». Одновременно призвал всех руководителей регионов Центральной России найти возможности на повышение антитеррористической защищенности мест массового пребывания людей, так как в этой работе отмечаются недостатки, например, из общего числа мест массового пребывания людей в ЦФО 11% не прошли обследование и категорирование, а 22% не имеют паспортов безопасности. По-прежнему остается значительным количество преступлений, совершенных самими мигрантами. При этом Центральный федеральный округ остается наиболее привлекательным для приезжих из других стран. В то же время анализ оперативной обстановки говорит о высоком уровне нарушений миграционного законодательства и проявлениях коррупции в этой сфере.

По данным Патрушева, только в 2018 году в ЦФО ликвидировано 15 каналов незаконной миграции, возбуждено 186 уголовных дел в отношении коррупционеров, потворствовавших этому явлению. Кроме того, в этом и прошлом году было рас-

крыто почти 29 тысяч преступлений, связанных с нелегальными мигрантами. По-прежнему фиксируется множество фактов фиктивной постановки на учет иностранных граждан и подделок их миграционных документов [2].

Глава Антитеррористического центра СНГ Андрей Новиков сообщил, что возвращающихся в страны СНГ боевиков будут ресоциализировать. О программе ресоциализации и адаптации Новиков рассказал 18 февраля на 13-м совещании руководителей антитеррористических центров государств-участников СНГ. Россия, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и Киргизия уже апробировали эти программы. Новиков отметил, что участвовавшие в боевых действиях люди часто возвращаются домой с женами и детьми.

В целом ряде случаев в некоторых государствах СНГ проработаны не только алгоритмы возвращения таких лиц, но созданы и апробированы программы адаптации и ресоциализации. Специальные программы реализуются в Казахстане, Узбекистане, Таджикистане, Киргизии, России. Это, действительно, уникальный опыт.

Антитеррористический центр готовит для ООН обзор лучших практик стран Содружества по профилактической работе с вернувшимися боевиками, отбывшими уголовное наказание, и их семьями [3].

Литература

1. В России в 2019 г. задержали 41 главаря террористов. URL: <https://www.rod-pravo.org/v-rossii-v-2019-g-zaderzhali-41-glavarya-terroristov/> (дата обращения: 23.03.2020).

2. Патрушев: растет число мигрантов, вливающих в террористическое подполье. URL: <https://www.rod-pravo.org/patrushev-rastet-chislo-migrantov-vlivayushhixya-v-terroristicheskoe-podpole/> (дата обращения: 21.03.2020).

3. В СНГ боевиков ИГИЛ будут адаптировать и ресоциализировать. URL: <https://www.rod-pravo.org/v-sng-boevikov-igil-budut-adaptirovat-i-resocializirovat/> (дата обращения: 23.03.2020).

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

А.З. Николаев, доцент МЧС по г. Новочебоксарск

Аннотация. Рассматриваются характеристики деятельности субъектов Российской Федерации по формированию и реализации государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности. Обозначены проблемы формирования государственной политики на региональном уровне. Приведены рекомендации, направленные на совершенствование деятельности субъектов Российской Федерации по формированию и реализации государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность, экономическая безопасность, нормативно-правовое регулирование, стратегия.

LEGAL ASPECTS OF INSURING ECONOMIC SECURITY OF RUSSIA

A.Z. Nikolaev

Abstract. The characteristics of the activities of the constituent entities of the Russian Federation on the formation and implementation of state policy in the field of ensuring economic security are considered. The problems of the formation of state policy at the regional level are identified. Recommendations are given aimed at improving the activities of the constituent entities of the Russian Federation on the formation and implementation of state policy in the field of ensuring economic security.

Keywords: national security, economic security, legal regulation, strategy.

Экономическая безопасность является составной частью национальной безопасности Российской Федерации и отражением сложной и динамичной социально-экономической системы, состояние которой определяется динамикой множества прогнозируемых и непрогнозируемых факторов.

Теоретическое осмысление сущности, содержания экономической безопасности, различных аспектов ее проявления и обеспечения является предметом экономической и юридической науки уже достаточно давно.

В настоящее время в условиях нестабильности мировой экономики, применения ограничительных экономических мер, введенных рядом стран против Российской Федерации, а также

пандемии новой коронавирусной инфекции вопрос экономической безопасности России является весьма актуальным.

Понятие экономической безопасности закреплено в Указе Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» и определено как состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации. Правовую основу стратегии экономической безопасности Российской Федерации составляют Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» и от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», другие федеральные законы, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации.

Кроме того, стратегия экономической безопасности Российской Федерации является основой для формирования и реализации государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности на федеральном, региональном, муниципальном и отраслевом уровнях. Однако формирование государственной политики на региональном уровне в сфере экономической безопасности является недостаточным [4]. Так, нормативные и стратегические документы в области экономической безопасности приняты лишь в нескольких субъектах Российской Федерации (Калининградской области, Республике Калмыкия) [1].

Для организации региональной системы защиты, своевременно реагирующей на возможные негативные явления и их последствия в социально-экономической сфере, необходимо, чтобы в ее состав входили следующие взаимосвязанные и взаимозависимые элементы внутренней структуры категории «экономическая безопасность»: самообеспеченность, прогрессивное развитие, стабильность, устойчивость, экономическая независимость.

Вместе с тем практика развития финансовой системы субъектов Российской Федерации четко свидетельствует о том, что их зависимость от финансовых средств из консолидированного бюджета Российской Федерации возрастает практически ежегодно [5]. При этом повышается количество вопросов регионального и местного значения, ответственность за решение которых законодательство возлагает на субъекты Российской Федерации, лишая их финансовой самостоятельности в принятии решений. В плане обеспечения экономической безопасности региону проще не принимать рискованных решений, чем пожинать негативные последствия ситуации, затрагиваемой этими решениями. В противном случае возникает риск неисполнения определенных поручений или контрольных показателей, по которым ежегодно отчитывается глава исполнительной власти перед Президентом Российской Федерации.

Следует сказать, что развитие российских регионов по состоянию ключевых элементов экономической безопасности осуществляется неравномерно. Более того, сама эта неравномерность создает дополнительный риск, способствующий слабоуправляемым миграционным тенденциям, существенно трансформирующим сложившуюся в стране систему расселения и, как следствие, риск оказания значительного влияния на экономическую безопасность отдельных регионов в негативную сторону. Демографическое опустынивание большинства районов России (как сельских, так и городских) делает проблематичным их устойчивое экономическое развитие, что существенно снижает их социальную привлекательность и отражается на показателях экономической безопасности как района, так и всей России.

В заключение можно сказать следующее. В целях укрепления экономической безопасности Российской Федерации необходимо активизировать работу по формированию государственной политики в области экономической безопасности на региональном уровне, которая в настоящее время осуществляется недостаточно эффективно [3, 4]. При этом формирование данной политики должно осуществляться с учетом индивидуальных характеристик и особенностей каждого региона. Их развитие по состоянию ключевых элементов экономической безопасно-

сти должно осуществляться равномерно, при этом их финансовая самостоятельность должна повышаться. Данные меры позволяют не только увеличить показатели социальной привлекательности отдельных территорий, но и оптимизировать работу всей системы экономической безопасности России.

Литература

1. Бадылевич Р.В., Ульченко М.В., Кондратович Д.Л. Практика правового регулирования обеспечения экономической безопасности на федеральном и региональном уровнях // *Фундамент. исследования*. 2019. № 7. С. 13–20.

2. Мячина Т.А., Перепелкин В.И. Проведение государственной дактилоскопической регистрации как государственная функция // *Актуальные проблемы юрид. науки и правоприменит. практики: сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф., посв. 25-летию юрид. факультета*. Чебоксары, 2016. С. 443–446.

3. Николаева Н.Ю., Перепелкин В.И. Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с загрязнением окружающей среды // *Национальная безопасность в экологической сфере: проблемы теории и практики: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф.* Чебоксары, 2017. С. 556–558.

4. Николаева А.Ю., Перепелкин В.И. Профилактика преступлений, связанных с незаконной охотой // *Национальная безопасность в экологической сфере: проблемы теории и практики: сб. Междунар. науч.-практ. конф.* Чебоксары, 2017. С. 437–439.

5. Рой О. М. Безопасность как объект публичного управления // *Управленческие науки*. 2018. № 1. Т. 8. С. 52–61.

АФФИЛИРОВАННЫЕ ЛИЦА: ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ И ВИДЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Г.Ю. Носаненко, канд. полит. наук

Р.В. Гаврилюк, канд. юрид. наук, доцент

А.А. Уразов, магистрант

ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет
имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП)», г. Казань

Аннотация. Рассматриваются основные подходы к вопросу о конструкции юридического лица, правосубъектности юридических и аффилированных с ними лиц и злоупотреблениях в праве. Отмечается, что вопрос о корпоративной ответственности является спорным. Обсуждается современная отечественная особенность единственно возможной, прямой ответственности основного общества перед его кредиторами, когда оно правомочно давать обязательные указания дочернему. Прослеживается, что доктрина «снятия корпо-

ративной вуали» пока не поддерживается практикой российских судов. Подводятся итоги об отсутствии видимых границ ответственности юридических и аффилированных лиц, что разрушительно сказывается на современных корпоративных правоотношениях, приводит к злоупотреблениям в праве и отрыву законодательства от реальности.

Ключевые слова: аффилиация, корпоративная вуаль, злоупотребление правом, проникающая ответственность, прямая ответственность, реверсивная (обратная) ответственность, принцип добросовестности.

AFFILIATES: ABUSE OF RIGHTS AND TYPES OF LIABILITY

G.Yu. Nosanenko, R.V. Gavrilyuk, A.A. Urazov

Abstract. Considers the main approaches to the question of the structure of a legal entity, the legal personality of legal entities and their affiliates, and abuses of law. It is noted that the issue of corporate responsibility is controversial. The article discusses the modern domestic feature of the only possible, direct responsibility of the main company to its creditors, when it is authorized to give mandatory instructions to the subsidiary. It can be seen that the doctrine of «removing the corporate veil» is not yet supported by the practice of Russian courts. The article summarizes the absence of visible boundaries of responsibility of legal entities and affiliates, which has a devastating effect on modern corporate legal relations, leads to abuse of law and separation of legislation from reality.

Keywords: affinity, corporate veil, abuse of rights, pervasive liability, direct liability, reverse liability, the principle of good faith.

В современном российском обществе, которое идет по пути развития принципа свободы личности [1], важное место занимают добровольческие (некоммерческие) и предпринимательские практики. И те, и другие строятся на идеях гражданского равенства, рациональных законов и демократии [7. С. 98]. Однако если первые, выражающие интересы отдельных, мало защищённых групп, максимально открыты, так как существуют на основе добровольных пожертвований и грантов, то вторые ради сохранения и преувеличения собственной прибыли не пренебрегают возможностью ухода в тень. Одной из предпосылок, дающих юридическим лицам такую возможность, выступает современное учение о юридических лицах, базирующееся на принципах отделения юридической личности (самостоятельной правосубъектности) и имущества корпорации от личности и имущества ее участников (принцип отделения) и ограничения

ответственности учредителей (участников) корпорации по ее долгам их вкладами в ее имущество [6. С. 6]. Иначе говоря, признающее, что личное имущество участников корпорации должно быть защищено от притязаний третьих лиц.

Напомним, что споры по поводу конструкции юридического лица (фиктивной или реальной) не прекращаются еще со времен Древнего Рима [3]. И, хотя римское право так и не предложило четкой ее модели, в сфере частного права оно стало рассматривать юридическое лицо так же, как и лицо физическое. Такой подход послужил основой для появления теории персонификации, разработанной Фридрихом Савиньи [16], и многочисленных теорий его критиков: Эрнста Зительмана [19], Алоиса фон Бринца [14], Рудольфа фон Иеринга [4. С. 6] и др.

Ввиду различных подходов к вопросу о правосубъектности юридических и аффилированных с ними лиц и неоднозначной юридической практике, встал вопрос о добросовестности их действий и запрете злоупотребления правом. В последнее время наиболее часто (не совсем обоснованно) ставится вопрос о выделении особого вида корпоративной ответственности, существующей наряду с договорной и деликтной, – так называемого корпоративного деликта [11. С. 151]. Сразу оговоримся, что злоупотребление корпоративным правом необходимо рассматривать как особое гражданское правонарушение, поскольку корпоративные отношения при отсутствии специальных предписаний регулируются общими положениями гражданского права [12. С. 51].

В подходах к определению сути злоупотребления корпоративными правами высказываются различные точки зрения. Так, Г.Л. Адамович связывает его с желанием одних получить необоснованную выгоду, играя на корпоративных противоречиях других [3. С. 51–55]. Ему возражает С.Д. Радченко, подчеркивая, что злоупотребление корпоративными правами состоит в том, что указанные права осуществляются в противоречии с общим корпоративным интересом, в то время как между акционерами (участниками) никаких правоотношений не существует [8. С. 69–70].

Анализ зарубежной судебной практики показывает, что если принцип отделения имущества корпорации от личности и имущества ее участников нарушает принцип добросовестности, то суды могут отождествить формально юридически обособленных лиц в качестве единого субъекта права [18. Р. 325–326]. В теории такой вид ответственности аффилированных лиц получил название «проникающая ответственность», она, как правило, защищает интересы кредиторов и является прямой. Некоторые ученые (особенно американские) указывают на возможность применения так называемой «обратной» (реверсивной) ответственности, которая допускает обращение взыскания на имущество подконтрольной организации по долгам ее участников [13. Р. 14–33]. Некоторые говорят о недопустимости подхода реверсивной ответственности [15. Р. 667–704]. Неоднозначность теоретических взглядов приводит к тому, что доказывание по таким делам требует огромных усилий [17. Р. 1].

В нашей стране законодательство, регулирующее отношения аффилированных лиц, находится в самом начале формирования и едва успевает за практикой. В нем можно выделить один механизм, позволяющий достигнуть сходных результатов, предусматривающий преимущественно внутреннюю ответственность участников перед самим зависимым юридическим лицом; и один вид прямой ответственности основного общества перед его кредиторами вне рамок банкротства – в случае, когда основное общество правомочно давать обязательные указания дочернему [5. С. 71–80]. Кроме того, несмотря на попытки применения доктрины «снятия корпоративной вуали» ФАС Восточно-Сибирского [1], Дальневосточного [2] и других округов, ни в одном из них не удалось добиться судебной поддержки.

На основании изложенного приходим к заключению, что неоднозначность теории, непонимание самого термина «срывание корпоративной вуали», отсутствие видимых границ ответственности юридических и аффилированных лиц разрушительно сказывается на современных корпоративных правоотношениях, приводит к злоупотреблениям в праве и отрыву законодательства от реальности.

Литература

1. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 10.07.2014 по делу № А19-10256/2013. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVS&n=82252#016628774735002327> (дата обращения: 19.02.2020).
2. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 12.08.2013 № Ф03-3534/2013 по делу № А73-15127/2012. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=124735009408447642665641295&cacheid=7E466B9E337A56C747361D0196B1EE41&mode=splus&base=ADV&n=71423&rnd=0.07293011988134457#13tqayzdnra> (дата обращения: 19.02.2020).
3. Адамович Г.Л. Злоупотребление правом как основание признания сделки недействительной // Корпоративный юрист. 2009. № 5. С. 51–55.
4. Азаревич Д.И. Из курса лекций по римскому праву: Юридические лица. Условия // Временник Демидовского Юридического Лицея. Ярославль, 1882. 84 с.
5. Быканов Д.Д. Снятие корпоративной вуали по праву США, Нидерландов и России // Закон. 2014. № 7. С. 71–80.
6. Гаврилюк Р.В., Носаненко Г.Ю., Уразов А.А. Теории сущности юридического лица // Междунар. науч.-исследоват. журн. 2020. № 2 (92). Ч. 2. С. 6–8.
7. Носаненко Г.Ю. Институализация общественных объединений в России // Балтийск. гуманист. журн. 2013. № 4 (5). С. 98–101.
8. Радченко С.Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России. М., 2010. 224 с.
9. Скоробогатов А.В., Носаненко Г.Ю., Краснов А.В. История государства и права зарубежных стран. Казань, 2015. 668 с.
10. Скоробогатов А.В., Кадыров Б.Г., Агапов О.Д. и др. Российская цивилизация. Казань, 2012. 272 с.
11. Смирнова Я.А. Злоупотребление корпоративными правами участниками хозяйственных обществ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 246 с.
12. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М., 2014. 456 с.
13. Blumberg P.I., Strasser K.A., Georgakopoulos N.L. et al. Blumberg on Corporate Groups. New York, 2004. 5604 p.
14. Brinz A., Deichert A. Lehrbuch der Pandekten. Deichert, 1876. 2 v. 826 p.
15. Gaertner M.J. Reverse piercing the corporate veil: should corporation owners have it both ways? // William and Mary Law Review. 1989. Vol. 30. № 3. P. 667–704.
16. Savigny F.C.v. System des heutigen römischen Rechts. Berlin 1840. 560 p.
17. Smith G.B., Hall T.J. Piercing the Corporate Veil Claims and Discovery // New York Law Journal. 2010. Vol. 243. № 73. P. 1.
18. Van Dongen R.C. Identificatie in het rechtspersonenrecht: rechtsvergelijkende beschouwingen over «Piercing the corporate veil» in het interne en internationaal privaatrecht van Nederland, Duitsland, Zwitserland, New York en Texas. Rotterdam, 1995. 362 p.
19. Zitelmann E. Begriff und Wesen des sogenannten juristischen Personen. Leipzig, 1873. 132 p.

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В ИССЛЕДОВАНИИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА И ДОПРОСЕ ЭКСПЕРТА В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ КАК ФОРМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Е.В. Павлова, заместитель начальника
уголовно-судебного управления
Прокуратура Московской области, г. Москва

Аннотация. Рассматриваются отдельные вопросы участия прокурора в исследовании судом апелляционной инстанции заключений и показаний эксперта.

Ключевые слова: противодействие преступности, уголовное преследование, судебная экспертиза, заключение эксперта, показания эксперта, прокурор, апелляционное производство, законность и обоснованность приговора.

PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN THE INVESTIGATION OF THE EXPERT'S OPINION AND THE INTERROGATION OF THE EXPERT IN THE COURT OF APPEAL AS A FORM OF COMBATING CRIME

E.V. Pavlova

Abstract. Discusses certain issues of the participation of the prosecutor in the examination of the expert's opinions and testimonies by the court of appeal.

Keywords: crime counteraction, criminal prosecution, judicial examination, expert opinion, expert testimony, prosecutor, appeal proceedings, legality and validity of the sentence.

Участие прокурора в судебных стадиях уголовного судопроизводства – важное средство обеспечения вынесения судом законного, обоснованного и справедливого решения, отвечающего закрепленному в ст. 6 УПК РФ принципу назначения уголовного судопроизводства, заключающемуся в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Прокурор – единственный участник процесса, осуществляющий уголовное преследование в суде. Это дает основание рассматривать выполнение им данной функции как участие в противодействии преступности, представляющее собой многоэтапный процесс, в который включены не только сотрудники

оперативно-розыскных органов, следователи, дознаватели, эксперты, прокуроры, но также суды. Несмотря на то, что суд не является органом уголовного преследования, только он уполномочен признать лицо виновным в инкриминированном ему преступлении и решить вопрос о виде и размере его ответственности. Данное исключительное полномочие суда закреплено в ст. 49 Конституции Российской Федерации, устанавливающей презумпцию невиновности, согласно которой каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в установленном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Апелляционное производство в уголовном процессе является дополнительной гарантией вынесения судом законного, обоснованного и справедливого приговора по уголовному делу [3. С. 41]. Как отмечает О.В. Качалова, именно апелляция является реальной гарантией оперативного и всестороннего устранения ошибок, допущенных судом первой инстанции, для достижения целей и задач судопроизводства. Ни один из последующих этапов проверки судебных решений не является столь полным и эффективным, как апелляция, поскольку суд вышестоящей инстанции вправе проверять не только правовую, но и фактическую сторону дела [1. С. 38].

Конкретные основания апелляционного обжалования судебного решения в законе не определены, из чего следует, что оно может быть обжаловано уполномоченными на то лицами по любому основанию, но при соблюдении определенных условий, предусмотренных ст. 389.3 УПК РФ. При этом закон (ст. 389.15 УПК РФ) устанавливает исчерпывающий перечень оснований отмены или изменения решения суда первой инстанции в апелляционном порядке, к которым отнесены:

1) несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции;

2) существенное нарушение уголовно-процессуального закона;

3) неправильное применение уголовного закона;

4) несправедливость приговора;

5) установление ряда предусмотренных ч. 1 и п. 1 ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ обстоятельств, препятствующих вынесению судебного решения.

Существенное нарушение уголовно-процессуального закона является одним из наиболее частых оснований отмены судебных решений в апелляционном порядке. Анализируя данное основание, судья Верховного Суда Российской Федерации А.С. Червоткин резюмирует, что не всякое формальное нарушение положений процессуального закона может послужить основанием для отмены решения суда первой инстанции. Существенным может быть признано лишь такое нарушение уголовно-процессуального закона, которое в данном деле путем лишения или ограничения гарантированных законом прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения его процедуры или иным путем повлияло или могло повлиять на постановление законного, обоснованного и справедливого приговора [5. С. 298].

В числе распространенных нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих отмену приговора, – нарушения порядка назначения и проведения экспертизы, несоответствие выводов эксперта выводам органов следствия, либо их неполнота, не устраненная в суде первой инстанции. Участвующий в апелляционном разбирательстве прокурор должен проявлять в таких случаях инициативу и активность, требовать исследования заключения или показаний эксперта в суде апелляционной инстанции при очевидной к тому необходимости. Это требование базируется на положениях ст. 389.13 УПК РФ, предусматривающей возможность исследования по ходатайству стороны доказательств, которые не были исследованы судом первой инстанции. Реализуя данное право, прокурор обеспечивает выполнение не только требования уголовно-процессуального закона, но и требования, содержащегося в п. 20 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства», обязывающего участвующих в суде апелляционной инстанции государственных обвинителей и (или) иных прокуроров заявлять мотивированные ходатайства о проверке доказательств, об исследовании доказательств, которые не были исследованы судом первой инстанции, всемерно способствовать

вынесению судом законного, обоснованного и справедливого судебного решения. О значении роли прокурора при исследовании заключения эксперта при рассмотрении уголовного дела в порядке апелляционного производства свидетельствует следующий пример.

Приговором Одинцовского городского суда Московской области 17 апреля 2018 г. З. осужден за незаконное хранение без цели сбыта героина в крупном размере по ч. 2 ст. 228 УК РФ. В апелляционной жалобе З. и его защитник заявляли, наряду с другими доводами, о недопустимости положенной в основу приговора повторной химической экспертизы, оспаривая наличие в изъятом у З. пакете запрещенного к обороту диацетилморфина, указывали на нарушение экспертом методики, а также порядка и методов проведения экспертного исследования. Участвующий в апелляционном процессе прокурор пришел к выводу о невозможности вынесения апелляционного решения без допроса эксперта по доводам жалоб защиты, так как они не были надлежаще проверены судом первой инстанции. По его ходатайству был допрошен эксперт, проводивший первичную экспертизу и имеющий стаж экспертной деятельности с 1995 года. Он дал подробные показания о примененных методиках, а также порядке и методах проведения экспертизы, опровергнув доводы защиты. Имеющиеся сомнения в допустимости доказательства были устранены, а приговор оставлен без изменения [2].

Еще одним примером эффективных действий прокурора является надзорный пересмотр судебных решений в отношении М., осужденного приговором Саратовского областного суда по п. «к» ч. 2 ст. 105 и п. «б» ч. 3 ст. 132 УК РФ. При рассмотрении дела в апелляционном порядке Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор отменила и вынесла апелляционный приговор, признав М. виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 105 и п. «б» ч. 3 ст. 132 УК РФ. В основу апелляционного приговора были положены заключения первичной и дополнительной судебно-медицинских экспертиз, а также показания судебно-медицинского эксперта в суде первой инстанции. Суд апелляционной инстанции счел, что содержащиеся в них сведения подтверждают показания осужденного о механизме причи-

нения потерпевшей телесных повреждений. Однако при этом ни заключения обеих экспертиз, ни показания эксперта суд апелляционной инстанции не исследовал. Не была дана оценка выводу эксперта о невозможности установления последовательности причинения потерпевшей телесных повреждений и исключена возможность их причинения после ее удушения. В связи с этим заместитель Генерального прокурора Российской Федерации в надзорном представлении поставил вопрос об отмене апелляционного приговора с передачей дела на новое апелляционное рассмотрение ввиду допущенных существенных нарушений закона, которые выразились в искажении фактических обстоятельств дела, что повлекло неправильную правовую квалификацию содеянного осужденным.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по надзорному представлению и надзорной жалобе потерпевшей, признал допущенное Судебной коллегией нарушение существенным и повлиявшим на исход дела, искажающим суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия. В связи с названными и другими обстоятельствами уголовное дело в отношении М. было направлено на новое апелляционное рассмотрение. По его результатам приговор суда первой инстанции был оставлен без изменения [4. С. 53–54].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Уголовно-процессуальная деятельность на каждой ее стадии носит ретроспективный характер, поскольку и расследование преступления, и рассмотрение уголовного дела о нем в суде всегда связано с установлением обстоятельств криминального события, произошедшего в прошлом времени. Именно обстоятельства этого преступления, сформулированные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, составляют предмет и пределы судебного разбирательства, на что указывается в ст. 252 УПК РФ. При этом нередко предмет исследования в суде первой инстанции включает и определенные обстоятельства, связанные с процедурой предварительного расследования, проведения отдельных оперативно-розыскных мероприятий, а также назначения и производства экспертизы и т.п.

2. Предмет апелляционного процесса шире предмета исследования в суде первой инстанции, поскольку помимо перечисленных элементов охватывает и процедуру рассмотрения уголовного дела судом первой инстанции. Если эта процедура включает исследование заключения и показаний эксперта, то суд апелляционной инстанции исследует вопрос о законности обоснования ими решения суда первой инстанции. При несогласии с выводами суда в этой части данные доказательства подлежат исследованию и оценке, что должно быть отражено в протоколе судебного заседания.

3. Если в апелляционной жалобе или апелляционном представлении утверждается об обосновании приговора суда первой инстанции спорным заключением и показаниями эксперта, то участвующий в заседании суда апелляционной инстанции государственный обвинитель или иной прокурор обязан в пределах его компетенции принять меры к исследованию этих доказательств, заявляя соответствующие ходатайства. Отказ суда апелляционной инстанции в их удовлетворении является законным основанием для обращения с кассационным представлением в соответствующую судебную инстанцию.

Литература

1. Апелляция в уголовном судопроизводстве: науч.-практ. пособие / В.В. Ершов, Г.И. Загорский, О.В. Качалова и др. М., 2013.
2. Архив Московского областного суда 2018 г. Уголовное дело № 22-4602.
3. Большая юридическая энциклопедия / авт. колл. В.В. Аванесян, С.В. Андреева и др. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010.
4. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 7.
5. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: прак. пособие: в 2 ч. / под ред. В.М. Лебедева. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2016. Ч. 2.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЙ «ПРАВО» И «НРАВСТВЕННОСТЬ»: ФИЛОСОФСКИЙ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

М.В. Павлова, канд. пед. наук, доцент
Чебоксарский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Московский политехнический университет», г. Чебоксары
Т.Н. Петрова, д-р пед. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»,
г. Йошкар-Ола

Аннотация. Раскрыта сущность и содержание термина «нравственно-правовая культура» в контексте соотношения понятий «право» и «нравственность» в философском и психолого-педагогическом аспектах.

Ключевые слова: нравственно-правовая культура, нравственность, право, нравственно-правовые ценности, религиозное сознание, правосознание.

EVOLUTION OF THE CONCEPTS OF «LAW» AND «MORALITY»: PHILOSOPHICAL AND PSYCHOLOGICAL-PEDAGOGICAL ASPECTS

M.V. Pavlova, T.N. Petrova

Abstract. Reveals the essence and content of the term «moral and legal culture» in the context of the relationship between the concepts of «law» and «morality» in the philosophical and psychological and pedagogical aspects.

Keywords: moral and legal culture, morality, law, moral and legal values, religious consciousness, legal awareness.

Для раскрытия эволюции религиозно-философского и психолого-педагогического аспекта понятия «нравственно-правовая культура» нам необходимо на основе соотносительного анализа основных структурных компонентов нравственно-правовой культуры – нравственности и права – изложить научные идеи и толкования этих понятий в историко-философской ретроспективе.

Анализ истории развития отдельных видов социального регулятора поведения общества показывает, что в Древности в системе форм общественного сознания таковой являлась мифология, в Средневековье – религия, а в Новое время – мораль и политика, в основе которых лежат понятия «нравственность» и «право».

Многие ученые и философы еще с давних времен рассматривали проблему нравственно-правовой культуры человека сквозь призму формирования у личности нравственно-правового религиозного сознания, главной особенностью которого было общение с ежедневной не только реальной, но и вымышленной действительностью. Это помогало людям справляться с жизненными трудностями, обрести веру в собственные силы, поверить в завтрашний день и т.п. и способствовало процессу их социализации.

Право и нравственность, являясь видами социальных норм, т.е. правилами социально значимого поведения, представляли собой наиболее важные и распространённые регуляторы общественных отношений. Древнегреческие философы (Демокрит, Сократ, Платон, Аристотель) под правом понимали систему общеобязательных формальных норм, представляющих собой волю государства, основанных на идеях добра, справедливости, гуманизма, охраняемых государственной волей, силой государственного принуждения, и указывали на значимость двух этих видов социально-поведенческих норм, их сходство и различие.

Нравственность представляет собой отношение человека ко всему окружающему (друг к другу, обществу, государству, семье, коллективу и т.п.) в соответствии со своими жизненными принципами, взглядами, оценками, убеждениями и регулирование своего поведения в соответствии с нормами.

Психолого-педагогический аспект этих понятий заключается в том, что они затрагивают область потребностей, интересов, эмоций, мотивов, норм и установок и т.д. Также сюда входит отношение человека к самому себе, чувство собственного достоинства, осознание себя как личности.

Рассматривая термины «нравственность» и «право» как взаимосвязанные понятия, мы полагаем, что нравственную культуру необходимо формировать как стержень правовой культуры.

Иеромонах Даниил Чадаев в одной из своих публикаций понятие «право» рассматривает с нравственных позиций и нравственность как аксиологическую, т.е. ценностную и неотъемлемую составляющую права. Он пишет: «Сегодня трудно найти более важную и в то же время непростую тему для иссле-

дования, чем проблема нравственной составляющей права. ...Нравственность и право являются фундаментальными ценностными, аксиологическими формами человеческого бытия, нераздельно связанными между собой генетическими и историческими нитями, но в то же время все больше удаляющимися друг от друга в представлении современного общества. Этот вопрос приобретает сегодня большую значимость и в связи с развитием и усложнением государственно-общественных отношений. Социально-философская мысль всегда обращала весьма пристальное внимание на вопросы правосознания, в том числе на обоснование и оправдание правового идеала, связи права и нравственности» [7].

Отметим, что на регулятивном и воспитательном уровнях право и мораль сосуществуют как суверенные и равноправные явления. И обеспечение социально адекватной, законопослушной личности в современных условиях возможно лишь через формирование нравственного и правового сознания одновременно, через развитую мировоззренческую культуру.

Подходы исследователей к пониманию нравственно-правовой культуры неоднозначны, но большинство из них сходятся во мнении, что важными структурными элементами ее являются нормы права и нравственности, которые активно регулируют морально-бытовые и наиболее значимые общественные отношения.

Выдающиеся представители немецкой классической философии И. Кант и Г. Гегель проблему соотношения нравственности и права рассматривали на основе разработанной ими теории «чистого разума»: «Действуй так, что максимы, которыми руководствуется твоя воля, могли бы стать принципом всеобщего законодательства» [2]. Они возвышают роль и значение морали над правом как социально-нормативного регулятора.

В начале XX века проблему соотношения права и нравственности в российской философии права рассматривали П. Нежданов, В.С. Соловьев, И.А. Ильин и др.

По мнению П. Нежданова, и право, и нравственность исходят из существа человеческой личности, требуют к себе особого уважения. Правом определяются вытекающие отсюда отношения внешней свободы, а нравственность касается только внут-

ренных помыслов, но в этом заключается и требование уважения к праву как выражению человеческой личности. Когда действие внушено не страхом внешнего наказания, а сознанием долга, оно получает нравственный характер [4].

Новое видение этих понятий ввели русские философы В.С. Соловьев, И.А. Ильин и др. Они подчёркивали, что право есть минимум нравственности или юридически оформленная мораль. Право – средство реализации нравственно-гуманистических идеалов общества и без нравственности право невысказуемо.

В.С. Соловьев в своей работе «Право и нравственность. Очерки из прикладной этики» рассматривает нравственность и право с позиции автономной ценности каждого из этих понятий, считая их самостоятельными началами. Он дал определение права в его объективном отношении к нравственности следующим образом: «...*право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или такого порядка, который не допускает известных крайних проявлений зла*» [6].

А. Яценко, поддерживая позицию В.С. Соловьева, подчеркивает невозможность обособленности права от нравственности: «Право есть именно принудительно осуществляемый минимум нравственности. Оно не может быть понято как начало самостоятельное и отдельное от нравственности. Из этого следует, что как правовые, так и нравственные начала в сознании имеют различные состояния» [8].

Следует особо отметить труды выдающегося русского философа И.А. Ильина, который рассматривал правовое сознание в неразрывном единстве с государственным, нравственным и религиозным сознанием. Он выдвигал три основных правила здорового правосознания:

1) соблюдать добровольно действующие законы и бороться лояльно за новые и лучшие общеобязательные правила поведения. Под лояльностью он понимал согласованность с действующим в государстве основным законом – Конституцией;

2) признавать добровольно и соблюдать законы своей страны. По его мнению, это единственный способ поддерживать правопорядок в государстве и в то же время оставаться свободным человеком;

3) человек должен освобождать себя внутренне посредством добровольного самообязывания и искать свободу только через закон и под законом. Русский философ И.А. Ильин убежден, что если бы современный человек захотел и сумел признать в действительности хотя бы эти три основных правила здорового правосознания, то началось бы обновление всего социального и политического строя современного государства [1].

Современные исследователи – философы, культурологи, педагоги (А.А. Вербицкий, М.С. Завлянова, Е.О. Галицких, Е.А. Лукашева, В.П. Сальников, Г.П. Скамницкая, Р.А. Ромашов и др.) – считают, что праву всегда должна предшествовать нравственность, которая является основой формирования нравственно-правовой культуры человека. Правомерное всегда воспринимается обществом как прекрасное и прежде всего оценивается с нравственной точки зрения. Переплетаясь и накладываясь друг на друга, эти два понятия создают феномен «нравственно-правовое воспитание». Эту мысль верно подчеркивает в своей научной работе И.Д. Мишина: «...право “воспитывает, регулируя”, а мораль “регулирует, воспитывая”. Функция такого воспитания заключается в формировании поведения, предусматривающего активное и сознательное исполнение норм нравственности и права [3].

Таким образом, анализ соответствующей литературы в контексте исследуемой проблемы показал, что единого взгляда на проблему соотношения права и нравственности нет. Опираясь на те и другие мнения, мы сделали вывод, что есть точки соприкосновения, определяющие сходство и различие этих двух понятий – «нравственность» и «право», а именно:

- являются исторически фундаментальными общечеловеческими ценностями (справедливость, честность, свобода, честь, достоинство);

- относятся к категории оценочной характеристики в отношении отдельной личности и общества в целом;

- регулируют общественные отношения и выступают в качестве методологической основы нравственно-правовой культуры;

- нравственность является исторической и вечной категорией по своему происхождению, право же в этом плане несколь-

ко современное понятие, ибо появилось лишь с возникновением государственности;

– и нравственные, и правовые нормы людьми соблюдаются осознанно и добровольно, ибо нравственные нормы ни в каких документах письменно не фиксированы, существуют только в сознании людей, а правовые нормы зафиксированы еще и в нормативных актах; за нарушение нравственных норм применяются в качестве санкций меры общественного воздействия, осуждения;

– нравственность регулирует как морально-бытовые отношения, так и наиболее значимые общественные отношения, а право – только наиболее важные и значимые общественные отношения, т.е. не все отношения регулируются нормами права.

Литература

1. Ильин И.А. Путь духовного обновления: собр. соч.: в 10 т. М., 1993. Т. 1. 400 с.
2. Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 4. Ч. 2: Метафизика нравов. М., 1967. 480 с.
3. Мишина И.Д. Нравственные ценности в праве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. 200 с.
4. Нежданов П. Нравственность. М., 1898. 179 с.
5. Петрова Т.Н., Павлова М.В. Формирование нравственно-правовой культуры студентов вуза: теория и практика. М., 2015. 136 с.
6. Соловьев В.С. Собр. соч. 2-е изд. СПб., 1914. Т. 8. 624 с.
7. Чадаев Д. Нравственность как аксиологический аспект права. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/3631149.html> (дата обращения: 12.02.2020).
8. Яценко А. Теория федерализма: опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912. 852 с.

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО: ЗНАЧЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

А.С. Панова, канд. юрид. наук, доцент
ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет
имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП)», г. Казань

Аннотация. Рассмотрен институт государственно-частного партнерства. Раскрываются задачи, на решение которых данный институт направлен. Указаны основные правовые принципы реализации государственно-частного партнерства в России. Показаны особенности правоприменительной практики, связанной с исполнением соглашений о государственно-частном партнерстве.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, соглашение о государственно-частном партнерстве, публичный партнер, частный партнер.

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP: THE IMPORTANCE AND FEATURES OF ENFORCEMENT

A.S. Panova

Abstract. Devotes to the consideration of the institution of public-private partnership. The tasks for which this institution is aimed are disclosed. The basic legal principles of the implementation of public-private partnerships in Russia are indicated. The article shows the features of law enforcement practice related to the implementation of public-private partnership agreements.

Keywords: public-private partnership, public-private partnership agreement, public partner, private partner.

Государственно-частное партнерство – институт относительно новый для российской правовой действительности. Он рассчитан прежде всего на привлечение инвестиций в экономику Российской Федерации, а также на содействие решению задач, возложенных на органы государственной власти в части организации поступления на рынок товаров (работ, услуг) высокого качества, безопасных для жизни и здоровья населения.

Несмотря на то, что государственно-частное партнерство представляет собой форму взаимодействия публичной власти и частного бизнеса, при которой предприниматели могут инвестировать свои ресурсы в новые объекты, направлено оно в значительной степени на решение задач, связанных с обеспечением публичных интересов. Здесь нужно исходить из того, что активное привлечение частных инвестиций в инвестиционные проекты, осуществляемые в целях реализации публичных интересов, в настоящее время становится важным трендом мирового инвестиционного рынка, что, в частности, обуславливает развитие законодательства о различных формах государственно-частного партнерства [4. С. 579]. Такое партнерство может осуществляться в формах концессионных соглашений, соглашений о разделе продукции, договоров аренды, доверительного управления и других договорных и корпоративных конструкций, а также с применением специальных правовых механизмов и правовых режимов территорий со специальными режимами

осуществления предпринимательской деятельности, механизмов развития и освоения территорий, предусмотренных градостроительным законодательством, проектного финансирования и др. [3. С. 531].

О нацеленности государственно-частного партнерства на решение задач, связанных с обеспечением публичных интересов, свидетельствует и тот факт, что объектами соглашения о таком партнерстве могут выступать транспорт общего пользования, за исключением метрополитена, объекты железнодорожного транспорта, морские порты, аэропорты, объекты по производству, передаче и распределению электрической энергии, объекты здравоохранения, объекты благоустройства территорий и т.п.

Основными правовыми принципами реализации государственно-частного партнерства в России являются:

1) открытость и доступность информации о государственно-частном партнерстве для всех субъектов предпринимательской деятельности, за исключением сведений, составляющих государственную тайну и иную охраняемую законом информацию;

2) обеспечение конкуренции, а также равных условий доступа и участия в государственно-частном партнерстве;

3) отсутствие дискриминации в отношении субъектов предпринимательства, желающих участвовать в государственно-частном партнерстве;

4) добросовестное исполнение сторонами соглашения о государственно-частном партнерстве обязательств по такому соглашению;

5) справедливое распределение рисков и обязательств между сторонами соглашения о государственно-частном партнерстве;

6) свобода заключения такого соглашения.

За последние годы накоплен значительный массив правоприменительной практики о государственно-частном партнерстве. Значительную долю этой практики составляют гражданско-правовые споры. Приведем два типичных примера. В одном случае соглашение было заключено между публичным партнером (Министерством строительства Кировской области – далее Министерство) и частным партнером (ООО «Комплексные энергетические решения» – далее ООО), согласно которому ча-

стный партнер принимает на себя обязательства выполнить работы по проектированию и строительству объектов теплоснабжения Кировской области, а публичный партнер берет на себя обязательства приобрести результат деятельности частного партнера. Впоследствии были выявлены дефекты, а именно – котельная имела недостатки, не выдавала проектную мощность 19 МВт, при этом ООО полагало, что недостатки носят эксплуатационный характер. Доказательств проведения ООО пусконаладочных работ, позволяющих использовать котельную в качестве источника теплоснабжения с заявленной в соглашении мощностью, частный партнер не предоставил. Иные доказательства того, что котельная достигала проектной мощности на момент сдачи объекта заказчику, также отсутствовали. Таким образом, частный партнер данное дело проиграл [1].

В другом случае спор возник между ООО «Соцсфера Томской домостроительной компании» (далее – ООО, частный партнер) и муниципальным образованием «город Томск» в лице соответствующих департаментов и администрации города Томска (далее – публичный партнер). Частный партнер требовал от публичного партнера возмещения убытков в связи с несвоевременным исполнением публичным партнером принятых на себя в рамках заключенного между ними соглашения о государственно-частном партнерстве обязательств. Обязательства касались совершения публичным партнером с частным партнером договоров купли-продажи (выкупа) объектов, созданных частным партнером (зданий, предназначенных для размещения дошкольных образовательных учреждений на территории девяти муниципальных образований Томской области). В дальнейшем публичный партнер утверждал, что у него отсутствовали необходимые для заключения договоров купли-продажи бюджетные ассигнования, поэтому обязательства по выкупу объектов им исполнены не были. В ходе судебного разбирательства было установлено, что по вине муниципального образования ООО понесло убытки. При этом суд указал на то, что отсутствие денежных средств у субъекта, финансируемого за счет бюджетных ассигнований, не освобождает его от ответственности за нарушение обязательства перед частно-правовым контрагентом [2]. В заключение отметим, что споры гражданско-право-

вого характера в области частно-правового партнерства могут возникать по самым различным вопросам исполнения соглашений о государственно-частном партнерстве. Вызвано это тем обстоятельством, что основной правовой формой отношений государственно-частного партнерства является договор, заключенный субъектами с учетом их интересов и положений гражданского законодательства России о договорах, но к которому применяется особый порядок его заключения, распределения рисков, затрат и прибыли между его участниками.

Литература

1. Постановление Арбитражного Суда Волго-Вятского округа от 3 апреля 2019 г. по делу № А28-10296/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Арбитражного Суда Западно-Сибирского округа от 21 марта 2017 г. по делу № А67-3589/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Белицкая А.В. Понятие и правовое обеспечение государственно-частного партнерства // Предпринимательское право Российской Федерации: учебник / отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2017. С. 531.
4. Белицкая А.В. Правовые стимулы активизации инвестиционной деятельности: российский и зарубежный опыт // Предпринимательское право: современный взгляд / отв. ред. С.А. Карелина, П.Г. Лахно, И.С. Шиткина. М., 2019. С. 579.

ФОРМИРОВАНИЕ ТВОРЧЕСКОГО ВОООБРАЖЕНИЯ И НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА СРЕДСТВАМИ ЭТНОПЕДАГОГИКИ

Т.В. Патова, магистрант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический
университет имени И.Я. Яковлева», г. Чебоксары

Аннотация. Раскрыты особенности развития творческого воображения у детей дошкольного возраста, нравственности с использованием средств этнопедагогика.

Ключевые слова: творчество, воображение, творческое воображение, образ, творческая деятельность, дети дошкольного возраста, нравственность, этнопедагогика.

THE FORMATION OF THE CREATIVE IMAGINATION AND MORAL VALUES IN PRESCHOOL CHILDREN BY MEANS OF ETHNOPELAGOGICS

T.V. Patova

Abstract. The article reveals the features of the development of creative imagination in preschool children, morality using the means of ethnopedagogics.

Keywords: creativity, imagination, creative imagination, image, creative activity, preschool children, morality, ethnopedagogics.

Дошкольный возраст – один из важнейших этапов развития и воспитания всесторонне развитой личности. Время даёт возможность ещё раз не только теоретически, но и на практике доказать важность и ценность дошкольного возраста для становления личности человека. Об этом свидетельствуют как возросший в России интерес к проблемам дошкольного детства, так и преобразования, которые происходят в настоящее время в российском образовании: процессы модернизации распространяются и на дошкольную ступень. В частности, Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования» (далее – ФГОС), утверждённый Приказом Минобрнауки России от 17.10.2013 № 1155 (ред. от 21.01.2019), определяет основу образовательной программы каждого российского детского сада и выдвигает в качестве основной цели педагогической работы развитие каждого ребёнка [1].

Л.С. Выготский, изучая проблему развития детского творчества, пишет о том, что «обыденное представление о творчестве не соответствует научному: конечно, высшее выражение творчества до сих пор доступно только немногим избранным гениям человечества. Но в каждодневной окружающей нас жизни творчество есть необходимое условие существования, и все, что выходит за пределы рутины и в чем заключена хоть йота нового, обязана своим происхождением творческому процессу человека» [4. С. 26]. Б.М. Теплов указывает, что «раннее вовлечение детей (и не только особо одаренных) в творческую деятельность очень полезно для общего художественного развития, вполне естественно для ребенка, и вполне отвечает его потребностям и возможностям» [12]. Исследования А.М. Матюшкина

и А.Я. Пономарева позволяют рассматривать творческую деятельность как отношение субъекта деятельности к своему труду (удовлетворенность работой, стремление к самостоятельности в ее выполнении; положительная мотивация в ходе ее решения) и процесс решения творческих задач (самостоятельный перенос ранее усвоенных знаний, умений, способов деятельности в новые ситуации, видение проблемы и функции известного объекта) [9. С. 278; 10. С. 176].

Следовательно, можно сделать вывод о том, что творческая деятельность – это результат и одновременно важное условие дальнейшего развития личности, ее достижений.

Творческое воображение – это процесс создания совершенно нового, оригинального образа (произведения), не существующего до сих пор в действительности. Оно выражается в создании образов таких объектов, которых не было в жизненном опыте ребенка [11. С. 376]. Из этого следует, что творческое воображение зависит от многих факторов: возраста, умственного развития и особенностей развития (присутствия какого-либо нарушения психофизического развития), индивидуальных особенностей личности (устойчивости, осознанности и направленности мотивов; особенностей коммуникации; степени самореализации и оценки собственной деятельности; черт характера и темперамента) и, что очень важно, от разработанности процесса обучения и воспитания. Как отмечает С.В. Велиева, целесообразно опираться на психофизиологические индикаторы актуальных психических состояний, выразительные компоненты, проявляющиеся в особенностях поведения и пантомимики, вербальные и соматические проявления ребенка, результаты его деятельности [2. С. 373].

В то же время развитие человека с рождения и в течение всей жизни связано с нравственностью, которая сопровождает ребенка прежде всего в семье, а также в образовательно-воспитательной среде, представленной детским садом, школой [6. С. 192]. Г.Н. Волков также подчеркивал, что «творческие способности детей нельзя развивать без обращения к традициям своего народа, к своим исконным корням» [2. С. 86]. На ранних этапах обучения и воспитания, в том числе в семье, надо акцен-

тировать внимание на этических аспектах взаимодействия в обществе и окружающей среде [8. С. 210].

Народная педагогика содержит как идеал нравственности и его воспитания, так и пути, средства, условия его достижения. Ее ценности помогают направить современный учебно-воспитательный процесс на формирование национального самосознания у подрастающего поколения, развитие у него понимания роли своей нации, этноса в мировой культуре [5. С. 51]. Народная педагогика в едином ансамбле с устным народным творчеством, народным декоративно-прикладным искусством, праздничной культурой составляет целостную воспитательную концепцию, которая нашла своё отражение в современных педагогических подходах и технологиях воспитания.

Средства народной педагогики (природа, религия, местность, язык, литература, пословицы и поговорки, загадки, сказки, былины, мифы, предания, народные песни, игры, традиции, обряды, трудовое воспитание) содержательно наполняют интегративный процесс воспитания яркими художественными образами. В современном дошкольном образовании эти методы применяются в разных формах организации детской деятельности: в творческих мастерских, мастер-классах, кружках, в разных формах сотворчества с народным мастером, художником, родителями и сверстниками, на выставках и музеях, обычаях, обрядовых и национально-традиционных праздниках и т.д.

Создание целостной системы творческого воображения дошкольников средствами народной педагогики требует новых подходов в контексте современной парадигмы образования – модернизации всех ступеней общественного образования на основе гуманизации и гуманитаризации педагогического процесса. Предотвращение культурной депривации состоит в создании системы форм и способов, оптимальных для данного региона, осуществлении образовательного процесса и требует взаимодействия структур разного уровня: федерального, регионального, муниципального и дошкольной образовательной организации [7. С. 18].

И в настоящее время очень важно не упустить крупницы народной мудрости, народных традиций и обычаев; сохранить, преумножить и передать их будущим поколениям. Основной

задачей работы можно считать формирование творческого воображения и нравственного отношения к своей семье, городу, стране, к природе родного края, к культурному наследию своего народа.

Таким образом, погружая детей дошкольного возраста в этнокультурную среду, можно надеяться на позитивный результат – воспитание личности, осознающей свою этническую принадлежность, имеющую высокие духовно-нравственные ориентиры, желающей жить и трудиться во благо своего народа, своей малой и большой Родины.

Литература

1. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования: Приказ Минобрнауки России от 17.10.2013 № 1155 (ред. от 21.01.2019) (зарегистрирован в Минюсте России 14.11.2013 № 30384).
2. Велиева С.В. Особенности динамики психических состояний на протяжении дошкольного возраста // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. 10, № 2 (41). С. 367–373.
3. Волков Г.Н. Этнопедагогика: учебник. М., 1999. 168 с.
4. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте: психол. очерк: кн. для учителя. М., 1991. 92 с.
5. Дулина Г.С., Велиева С.В. Духовность и нравственность как смыслообразующие характеристики молодежной среды // Психологические проблемы современного общества. Чебоксары, 2010. С. 48–53.
6. Дулина Г.С., Захарова А.Н. Духовно-нравственные основы семейного воспитания в современном обществе // Семья в современном обществе: от традиций к инновациям: сб. ст межвуз. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2008. С. 191–196.
7. Захарова А.Н., Дулина Г.С. Социально-психологические особенности семейных отношений православных верующих // Глобальный науч. потенциал. 2015. № 4 (49). С. 16–19.
8. Иванова Е.В., Семенова Н.В., Иванова В.В. Формирование эколого-правовой компетенции у школьников на основе этнокультурных традиций и обычаев // Вестн. Чуваш. гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковлева. 2018. № 3 (99). С. 208–216.
9. Матюшкин А.М. Мышление, обучение, творчество. М.; Воронеж, 2003. 720 с.
10. Пономарев Я.А. Психология творчества и педагогика. М., 1976. 280 с.
11. Рогов Е.И. Настольная книга практического психолога в образовании: учеб. пособие. М., 1995. 529 с.
12. Теплов Б.М. Способности и одаренность. URL: <http://www.psychology.ru/library/p001.stm> (дата обращения: 02.05.2020).

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ОХРАНЫ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

Т.А. Патшина, ст. преподаватель
Н.Б. Малинина, ст. преподаватель
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Анализируются вопросы, связанные с проблемой охраны как правового объекта, понятием «предпринимательская деятельность», правовым сознанием, экономической свободой и ответственностью личности.

Ключевые слова: государство, право, законы, предпринимательская деятельность, защита предпринимательской деятельности.

ENTREPRENEURIAL ACTIVITY AS AN OBJECT OF PROTECTION IN THE LEGAL STATE

Т.А. Patshina, N.B. Malinina

Abstract. The article analyzes issues related to the problem of protection as a legal entity, the concepts of entrepreneurial activity, legal consciousness, economic freedom and individual responsibility.

Keywords: state, law, laws, entrepreneurial activity, protection of entrepreneurial activity.

Предпринимательская деятельность справедливо рассматривается отечественными специалистами в области уголовного права и криминологии как объект уголовно-правовой охраны. В настоящее время предпринимательская деятельность представляет собой уникальный социально-юридический феномен, имеющий правовую и социальную ценность, большое влияние как на государственную, так и общественную жизнь, а в итоге – на судьбы наших граждан. Современное положение дел в стране нуждается в разработке стратегических приоритетов в решении социально-экономических проблем. Широкое развитие предпринимательства, а на наш взгляд, даже снижение доли вмешательства со стороны государства в частный бизнес (разумеется, в пределах разумного) является куда более чем положительным моментом для развития предпринимательства в нашей стране.

Развитие предпринимательства означает увеличение широкой прослойки российского общества, ориентированной на ини-

циативную и самостоятельную деятельность, направленную на систематическое получение прибыли, способной на риск и полную личную ответственность как за результаты, так и последствия своей хозяйственной деятельности. Это определенная «каста» предпринимателей, которые во многих развитых странах представляют опору национальной рыночной экономики, а в нашей стране, к сожалению, находятся на начальном этапе формирования, укрепления и развития.

Прошло уже более двадцати пяти лет, как курс развития России официально был направлен на построение рыночного демократического государства, основанного и работающего на основе правовых принципов. Указанное развитие должно опираться на соответствующие институты, и такой опорой должна послужить рыночная экономика [8. С. 325].

Государство в указанных хозяйственных взаимоотношениях должно выступать в качестве их регулятора с минимальным вмешательством в их деятельность. Однако государство как регулятор одновременно участвует в обеспечении и защите публичных интересов, что с точки зрения диалектики соответствует принципу «практика как критерии истины» [6. С. 344].

В новых экономических реалиях, в которых Россия оказалась в последнее время в период введения против страны санкций, рассматриваемые теоретические аспекты, несмотря на разработанность и систематизацию, снова набирают свою значимость, ввиду открывающихся возможностей в развитии предпринимательства и соответственно – предпринимательских отношений.

Характер поднятых в рамках статьи вопросов привел нас к необходимости обращения к научным трудам, посвященным не только специфическим областям гражданского и предпринимательского права, но и проблемам теории права в целом, а также более узким вопросам совершенствования законодательного и правоприменительного процесса, сущности и природы взаимодействия вышеуказанных феноменов.

На сегодняшний день существует острая необходимость глубокого и всестороннего исследования сущности и причин взаимодействия предпринимательского права в предмете гражд-

данского права в рамках общей задачи правового регулирования предпринимательской деятельности.

Переходя к изучению понятия предпринимательских отношений, по нашему мнению, необходимо подробнее рассмотреть понятие «предпринимательская деятельность». Указанный подход считаем логичным, так как предпринимательские отношения возникают при осуществлении предпринимательской деятельности между соответствующими субъектами. Прежде всего предпринимательская деятельность представляется нам разновидностью экономической деятельности, которой гарантируется свобода, но и предусматривается особая ответственность за нарушение предпринимателями обязательств. При этом рисковый характер не является сущностным признаком предпринимательской деятельности.

К следующему признаку можно отнести то, что предпринимательская деятельность направлена прежде всего на систематическое получение прибыли. Указанный признак также закреплен в Гражданском кодексе Российской Федерации.

Анализируя специальную юридическую литературу по предпринимательскому праву, мы пришли к заключению, что практически все авторы сходятся в одном – а именно в том, что отечественный законодатель, толком не определяя понятие «прибыль», а также понятие «систематичности ее (т.е. прибыли) получение», приводит лишь определение самой предпринимательской деятельности, что до сих пор вызывает критику ученых-юристов и дает стимул к толкованию указанных терминов [2. С. 120]. Также указанное усматривается и из совместных статей авторов, занимающихся проблематикой предпринимательских отношений [4. С. 100].

По мнению цивилистов, в настоящее время необходимо разработать комплексный, межотраслевой правовой способ регулирования новых для России видов предпринимательской активности, таких как социальное и экологическое предпринимательство, для субъектов которых прибыль является не самоцелью, а средством решения социальных и экологических проблем. Мы не можем согласиться с обозначенным мнением и точкой зрения, предлагающимся учеными в данной части, ввиду того, что отечественный законодатель заблаговременно

предусмотрел, что если какое-либо юридическое лицо не преследует цели извлечения прибыли, то оно может зарегистрироваться в Минюсте в качестве соответствующей некоммерческой организации. Полагаем, что правильным, с учетом потребностей юридической практики, является закрепление в анализируемом определении именно одной из возможных целей предпринимательства – получение прибыли [3. С. 130].

На сегодняшний день Россия как никогда нуждается в развитии малого и среднего бизнеса, особенно в условиях санкций, действующих в отношении нашей страны уже несколько лет [7. С. 445]. Для этого российский законодатель прилагает значительные усилия, например, осуществляет либерализацию законодательства, регулирующего доступ на рынок новых хозяйствующих субъектов.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1. Предпринимательскую деятельность можно подразделить на две разновидности:

а) законная (легитимная) – такая деятельность является объектом уголовно-правовой охраны;

б) незаконная (нелегальная) – преследуется законом, на наиболее опасные для общества виды незаконной предпринимательской деятельности (например, по незаконному сбыту наркотических средств и психотропных веществ) [5. С. 80] распространяется ряд уголовно-правовых запретов.

2. Под преступным деянием, посягающим на предпринимательскую деятельность, принято понимать относящееся к разряду преступлений в сфере экономической деятельности преступление, непосредственным объектом которого является предпринимательская деятельность, т.е. самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве.

3. В состав группы преступных деяний, посягающих на предпринимательскую деятельность, отечественный законодатель включил деяния, предусмотренные ст. 169, 171, 171.1, 171.2, 172, 172.1, 172.2, 173.1, 173.2, 178, 195, 196, 197 УК РФ.

4. Группу преступных деяний, посягающих на предпринимательскую деятельность, можно условно разделить на две подгруппы:

а) посягательства, препятствующие осуществлению законной предпринимательской деятельности (ст. 169, 178 УК РФ);

б) посягательства, образующие незаконную предпринимательскую деятельность (ст. 171, 171.1, 171.2, 172, 172.1, 172.2, 195, 196 УК РФ) [1].

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Кузьмин Ю.А. Место правосознания в системе общественного сознания // Вестн. Чуваш. ун-та. 2009. № 1. С. 116–122.

3. Кузьмин Ю.А. Личность наркопреступника // Уголовно-правовая превенция в сфере оборота наркотических средств или психотропных веществ, алкогольной и спиртосодержащей продукции (региональный аспект): сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2015. С. 132–136.

4. Кузьмин Ю.А. Актуальность принципов диалектики для совершенствования правового сознания // Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. 2017. № 3-2 (77). С. 99–102.

5. Кузьмин Ю.А. Актуальные проблемы отечественной криминологии // Трансформация социальных систем: проблемы и поиски путей решения: сб. науч. тр. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Ковылкино, 2015. С. 76–80.

6. Кузьмин Ю.А., Перепелкин В.И. Профилактика преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф., посв. Дню юриста. Чебоксары, 2015. С. 343–347.

7. Кузьмин Ю.А., Патшина Т.А. Актуальные проблемы обеспечения миграционной безопасности России // Правовые и нравственные аспекты обеспечения безопасности личности и государства на современном этапе политических и экономических санкций: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Чебоксары, 2016. С. 444–447.

8. Кузьмин Ю.А., Патшина Т.А. Латентная преступность // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2013. С. 324–327.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НРАВСТВЕННО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Т.Н. Петрова, д-р пед. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»,
г. Йошкар-Ола

М.В. Павлова, канд. пед. наук, доцент
Чебоксарский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Московский политехнический университет»,
г. Чебоксары

Аннотация. Целью статьи является выявление педагогических условий формирования нравственно-правовой культуры студентов и раскрытие педагогического потенциала образовательно-воспитательной среды вуза, которая авторами названа как рефлексивно ориентированная.

Ключевые слова: нравственно-правовая культура, нравственно-правовое сознание, педагогические условия, рефлексивно ориентированная образовательно-воспитательная среда, нравственно-правовые ценности.

PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE FORMATION OF MORAL AND LEGAL CULTURE OF STUDENTS AT THE UNIVERSITY

T.N. Petrova, M.V. Pavlova

Abstract. The purpose is to identify the pedagogical conditions for the formation of moral and legal culture of students and to reveal the pedagogical potential of the educational environment of the University, which the authors call reflexively oriented.

Keywords: moral and legal culture, moral and legal consciousness, pedagogical conditions, reflexively oriented educational environment, moral and legal values.

Стремительные изменения в общественно-политической и экономической жизни оказывают большое влияние на развитие и социализацию личности студента вуза, которая осуществляется в сложной и взаимообусловленной системе социально-культурных, технологических и психологических факторов. Эти определяющие условия жизнедеятельности в свою очередь меняют социальное пространство, следовательно, и характер образовательной, социальной среды в системе высшего образования.

Формирование нравственно-правовой культуры студентов в условиях среды вуза – это сложный и длительный процесс, который зависит прежде всего от уровня нравственно-правового сознания личности студента, от того, насколько эффективно восприняты и осмыслены им основные нравственно-правовые ценности. В связи с этим положением вполне правомерно заявляем, что нравственно-правовую культуру студентов определяет степень развитости их нравственно-правового сознания.

По мнению великого русского педагога-классика К.Д. Ушинского, нравственность – «та почва, на которой вырастают семена правовой воспитанности, ибо понимание правовой нормы, необходимости неукоснительного следования ее предписаниям приходит через нравственное сознание, которое является ядром активной жизненной позиции личности» [4]. Однако при этом необходимо учесть, что характер поведения и уровень активности личности во многом зависят от признания права социальной ценностью, т.е. позитивного отношения студентов к нравственным и правовым нормам, нравственно-правовым явлениям, основанного на знаниях о нравственности и праве, восприятии этой ценности на субъективном уровне. Нравственно-правовые знания, получаемые в вузе в ходе изучения правовых, социально-гуманитарных дисциплин, выступают как совокупность этих представлений, которые запечатываются в памяти, обобщаются в результате высшей психической деятельности, мышления и языка. В связи с этим нравственно-правовое сознание можно рассматривать как совокупность нравственных и правовых представлений, идей, взглядов, чувств, эмоций, отражающих нравственно-правовую действительность в форме нормативно-регулирующих социальное поведение студентов правил, выражающих ее оценочное, психологическое отношение к явлениям в общественной жизни, деятельности, действиям и поступкам, регулирующих социально- и личностно значимое нравственно-правовое поведение.

Нравственно-правовая культура студента, таким образом, характеризуется наличием уровня знаний о принятых в обществе нормах и ценностных установках, ценностным отношением к нравственности и праву, способностью к принятию самостоятельных решений в социальной и учебной деятельности и кор-

рекцияй собственного поведения на основе осмысления и осознания поступков.

Практика показывает, что зачастую недостаточность развития у студенческой молодежи индивидуального самосознания как в профессиональной, так и в личностной сфере приводит к отчуждению от общества, снижению уровня нравственно-правовой культуры. В настоящее время усложнилась общая обстановка в учебных заведениях, зафиксированы случаи употребления в них наркотиков, студенты нередко имеют обедненные нравственные ориентиры и не всегда соблюдают элементарные правила поведения. Все это заставляет вносить коррективы в воспитательную работу, проводить обязательные мероприятия по формированию нравственно-правовой культуры студентов, требует от руководства, куратора больших затрат времени.

В современной дидактике условия рассматриваются как совокупность факторов, компонентов учебного процесса, обеспечивающих успешность обучения. В работе известного ученого А.Я. Найна «педагогическое условие» трактуется как совокупность объективных возможностей содержания, форм, методов, педагогических приемов и материально-пространственной среды, направленных на решение поставленных в исследовании задач [1]. Исходя из этого, нравственно-правовая культура в вузе наиболее эффективно будет складываться при реализации следующих педагогических условий:

– формирование рефлексивно ориентированной образовательно-воспитательной среды вуза, основными компонентами которой являются: образовательный процесс, студенческий клуб, студенческий деканат, спортивный клуб, клуб по интересам, пресс-служба, студенческое самоуправление, центр по трудоустройству, студенческое научное сообщество, способствующие развитию нравственно-правовой культуры у студентов;

– повышение уровня нравственно-правового сознания студентов с первого курса, что должно содействовать снижению преступности и предотвращению социальных проблем, вызванных безнравственностью в среде студенческой молодежи и в обществе в целом;

– определение функций куратора в формировании нравственно-правовой культуры студентов как основного субъекта об-

разовательно-воспитательной среды вуза, направляющего воспитательную деятельность студентов вуза;

– реализация социально-адаптирующих (развивающих у студентов компетенции преодоления сложных проблем вхождения в общество) мероприятий правовой направленности и включение обучающихся в деятельность студенческого самоуправления [2].

Реализация вышеназванных педагогических условий, как показала практика, способствует эффективности формирования у студентов вузов нравственно-правовой культуры.

Исследователи отмечают, что только целенаправленно созданное пространство создает атмосферу ценностей и образцов успешного нравственно-правового поведения в экономической среде, которая служит источником развития как личности, так и общности студентов. Реализация данного условия может стать ключевым элементом, способствующим развитию нравственно-правовой культуры студента, необходимой ему в будущем для выполнения основной социальной роли – человека, способного строить правовые отношения с другими [3; 5].

Эффективность формирования нравственно-правовой культуры студентов обеспечивает рефлексивно ориентированная образовательно-воспитательная среда вуза, под которой мы понимаем организованную систему факторов, способствующих развитию нравственного и правового сознания в процессе активной нравственно-правовой деятельности студентов, ориентированной на нравственно-правовые ценности (гражданский долг, честь, патриотизм, гражданская ответственность, самостоятельность, дисциплинированность, законопослушание, доброжелательность, справедливость и др.), выработке у них позитивного нравственно-правового поведения на основе построения отношений «субъект и субъект» («педагог – студент», «куратор – студент», «студент – студент» и т.п.). В этом процессе главную роль играет воспитательная работа в вузе, главным организатором которой является куратор как основной субъект. При правильной организации такой работы успешно реализуется положительный опыт социального поведения в условиях взаимного и группового общения, у студентов формируется положительная ценностная нравственно-правовая ориентация.

Надо особо отметить, что при формировании нравственно-правовой культуры студентов мы использовали следующий педагогический потенциал рефлексивно ориентированной образовательно-воспитательной среды вуза: интегрирующую возможность социально-гуманитарных дисциплин с целью выработки у студентов жизненных ориентиров, базирующихся на нравственно-правовых ценностях; систему факторов, влияющих на нравственно-правовое самосознание студентов, способствующих развитию их мировоззренческой позиции, интеграции в конструктивные отношения с окружающей средой, принятию самостоятельных решений и коррекции собственного поведения в социальной и учебной деятельности на основе осмысления и осознания поступков; многообразии форм и методов организации воспитательных внеаудиторных занятий в целях развития социальной и правовой ответственности и инициативности через активное участие в нравственно-правовой деятельности и работе студенческого совета, студенческого самоуправления, в проведение благотворительных акций и т.д.

Практика показала, что создание рефлексивно ориентированной образовательно-воспитательной среды возможно путем расширения структуры деятельности и общения в вузе, путем создания ситуации культурного самоопределения для каждого студента с первого курса на основе нравственного выбора. Приобщение студентов к нравственно-правовой культуре в Чебоксарском институте (филиале) Московского политехнического университета осуществляется именно в процессе специально организованной образовательно-воспитательной среды вуза, так как это способствует снижению культурной неопределенности при вхождении студента в новую среду и повышает эффективность его социальной адаптации, развивает в студентах активность, инициативность. Обогащение педагогического потенциала рефлексивно ориентированной образовательно-воспитательной среды вуза способствует проявлению ценностной, эмоциональной и поведенческой автономии студентов, и это происходит путем привлечения студентов с первого курса к организации решения вопросов ее функционирования, реализации программ, направленных на стимулирование инициативы и активности студентов в нравственно-правовой деятельности.

Студенту, столкнувшемуся с новой средой, необходимо помочь не потерять жизненные ориентиры, базирующиеся на нравственном, правовом императиве, чувстве истинного патриотизма, гражданской ответственности, осуществление которой обеспечит согласие, стабильность, устойчивость в настоящем и будущем, за который личную ответственность несет каждый преподаватель и куратор.

Таким образом, для эффективного формирования нравственно-правовой культуры в образовательно-воспитательной среде вуза необходимо разработать комплекс педагогических условий, систему нравственно-правовых ценностей, доступную для восприятия всеми студентами, четко сформулировать принципы и нормы поведения и отношений в вузе, желательных с точки зрения нравственно-правовой культуры. Элементы нравственно-правовой культуры отражаются в локальных документах вуза и транслируются студентам с помощью разнообразных средств внутренней коммуникации.

Литература

1. Найн А.Я. Инновации в образовании. Челябинск, 1995. 288 с.
2. Петрова Т.Н., Павлова М.В. Формирование нравственно-правовой культуры студентов вуза: теория и практика. М., 2015. 136 с.
3. Сластенин В.А., Каширин В.П. Психология и педагогика: учеб. пособие для высш. пед. учеб. заведений. М., 2006. 480 с.
4. Ушинский К.Д. Избр. пед. соч.: в 2 т. М., 1939. Т. 2. 500 с.
5. Юртаева Т.Б. Развитие нравственно-правовой культуры студента в культурно-образовательном пространстве // Проблемы и перспективы развития образования: материалы междунар. науч. конф. Пермь, 2011. Т. II. С. 158–161.

НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ СОВЕРШЕНИЮ И ПРЕПЯТСТВУЮЩИЕ РАССЛЕДОВАНИЮ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Т.Г. Погодина, д-р мед. наук, профессор
ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства
внутренних дел Российской Федерации», г. Нижний Новгород

Аннотация. Рассмотрена проблема «фиктивной» диспансеризации, способы выявления служебного подлога. Анализируются причины латентности:

закрытая корпоративность, специфичность знаний, сильное контролирующее начало. Уделено внимание вопросам «моральной коррупции», лежащей в основе совершения отдельных преступлений экономической направленности в сфере здравоохранения.

Ключевые слова: коррупционные преступления, охрана здоровья граждан, диспансеризация.

MORAL PROBLEMS THAT FACILITATE THE COMMISSION AND IMPEDE THE INVESTIGATION OF CERTAIN TYPES OF ECONOMIC CRIMES IN THE FIELD OF HEALTH

T.G. Pogodina

Abstract. Considers the problem of «fictitious» medical examination, methods of revealing official forgery. The causes of latency are analyzed: closed corporatism, specificity of knowledge, a strong controlling principle. Attention is paid to the issues of «moral corruption» that underlies the commission of certain economic crimes in the health sector.

Keywords: corruption crimes, health protection of citizens, medical examination.

С развитием экономических отношений в сфере охраны здоровья граждан неизбежно появляются новые преступления, связанные с имущественным интересом субъектов. Среди них должностные преступления, которые, зачастую, не связаны напрямую с лечебной деятельностью. К ним могут быть отнесены преступления в сфере государственных закупок, растрата и хищение денежных средств выделяемых медицинской организации; подделка документов, связанных со здоровьем граждан; незаконное подтверждение либо сокрытие медицинских фактов (чаще всего – телесных повреждений, состояния опьянения); учет фиктивных пациентов; вымогательство незаконного вознаграждения за официально бесплатные услуги и др. [3. С. 35]. Так, в 2017 году по ч. 2 ст. 290 УК РФ была осуждена заведующая отделением в Екатеринбурге, получившая взятку в размере 1000 рублей за выдачу фиктивного листка временной нетрудоспособности. В Кемерово в 2018 году задержаны члены организованной преступной группы, которые под руководством заведующей лабораторией областного центра по профилактике и борьбе со СПИДом, занимались продажей иностранным

гражданам фальшивых сертификатов об отсутствии у них ВИЧ-инфекции.

Субъектами коррупционных преступлений в сфере здравоохранения являются работники, не обязательно медицинские, выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в учреждениях системы здравоохранения, у которых есть доступ к медицинской и иной документации.

В настоящее время среди экономических преступлений на первый план выходит фиктивная диспансеризация. По данным Г.Э. Улумбековой (2017), финансовые затраты на эти медосмотры составляют около 3% общего объема средств ОМС на оказание медицинской помощи [4. С. 38]. За каждого пациента, проходящего диспансеризацию, в поликлинику через страховые организации поступает в среднем 1600 рублей из территориального фонда. Часть этих денег может расходоваться на премии медицинскому персоналу. По данным СМИ, несколько лет назад Росздрав провел проверку всех медицинских учреждений страны, участвовавших в диспансеризации, в результате чего нарушения были выявлены в 56% поликлиник [1]. По ее результатам были возбуждены десятки уголовных дел по ст. 292, 159, 285 УК РФ (служебный подлог, мошенничество, злоупотребление должностными полномочиями). Так, в Томской области прокуратура направила в суд уголовное дело в отношении врача поликлиники, которую обвиняют в мошенничестве (ч. 3 ст. 159 УК РФ). Не обеспечивая плановый показатель диспансеризации, но желая получать ежемесячные стимулирующие выплаты, врач составила фиктивные документы в отношении 96 граждан. В 2017 году был вынесен приговор за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 292 УК РФ (14 эпизодов), врачу общей практики У.М. Курбановой, заполнившей учетные формы № 131/у и № 131/у-МК 14 пациентов, не прошедших диспансеризацию в действительности. Расследование таких преступлений имеет целый ряд особенностей, на что указывали в своих трудах В.Ю. Голубовский (2018), М.В. Тузлукова (2017) и др. [2].

Медицинскую профессиональную среду отличает закрытая корпоративность, специфичность знаний, сильное контроли-

рующее начало, что способствует противодействию расследованию по делам о преступлениях коррупционного характера, а также связанных с врачебными ошибками, которые также наносят значительный экономический ущерб. Обнаружение таких преступлений представляет определенную сложность, поскольку отсутствует потерпевший, заинтересованный в его выявлении. Это определяет их латентность.

Более того, в современном обществе появился такой термин, как «моральная коррупция», непосредственно связанный с деятельностью медицинского работника, который не преследует задачу личного обогащения. Основной целью является «благо» учреждения. Приписки в отчетах позволяют организации получить дополнительные средства из фонда ОМС, которые могут использоваться в процессе трудовой деятельности организации.

В соответствии с данными Счетной палаты, уровень таких приписок в медицинских организациях, когда лечатся «мертвые души», превысил в 2017 году 36 миллиардов рублей, или 2,3% средств ОМС, которые поступили страховщикам для исполнения территориальных программ государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медпомощи в 2017–2018 годах.

Предмет преступления – информация, содержащаяся в официальных письменных документах, имеющих определенные реквизиты (штампы, печати), исходящих из медицинской организации и подписанных должностным лицом.

Служебный подлог может быть выявлен в процессе ведомственного контроля в виде медико-экономического контроля и медико-экономической экспертизы, проводимых специалистами территориального фонда ОМС в соответствии со ст. 40 Федерального закона от 29.11.2010 № 326-ФЗ (ред. от 06.02.2019) «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации».

Эти исследования проводятся специалистами врачами, имеющими стаж работы по соответствующей специальности не менее десяти лет, прошедшими специальную подготовку по вопросам экспертной деятельности в сфере обязательного медицинского страхования и включенными в территориальный реестр экспертов качества медицинской помощи. Но, как прави-

ло, для того, чтобы установить наличие приписок в отчетной документации (в виде фиктивных пациентов, анализов, обследований), необходимы специальные следственные действия (опрос пациентов о выполненных обследованиях, прохождении профосмотра и пр.).

Как известно, интеллектуальный подлог установить достаточно сложно, так как медицинский персонал собственноручно вносит фальсифицированные данные в медицинскую документацию. Выявление этих фактов может быть результатом взаимодействия сотрудников подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел с представителями Министерства здравоохранения, территориальных фондов ОМС в ходе проведения специальных следственных действий (допрос свидетелей, почерковедческая экспертиза).

Для профилактики таких преступлений необходимо предоставить застрахованным лицам право изучать содержание своих медицинских карт, что даст возможность отслеживать расходование средств на оказание им медицинских услуг. Особенно помогут в этом электронные медицинские карты, ознакомиться с которыми пациент может на портале государственных услуг.

Необходимы также меры по совершенствованию существующей административной системы, когда с медучреждений спрашивают выполнение запланированных показателей по профосмотрам; на врачей давит администрация учреждения, но при этом явка пациентов не достаточна. Заинтересованность в прохождении диспансеризации отсутствует не только у работодателей, но и самих граждан. Таким образом, сам существующий в настоящее время механизм профилактической медицины является предпосылкой совершения подобных преступлений экономической направленности.

Литература

1. Больные души. URL: rg.ru/2017/01/26...pripisok-pri-dispanserizacii.html.
2. Голубовский В.Ю., Кунц Е.В. Врачебные преступления: проблемы привлечения к уголовной ответственности и их расследование // Рос. следователь. 2018. № 11. С. 37–40.
3. Погодина Т.Г. К проблеме противодействия преступлениям коррупционной направленности в сфере охраны здоровья граждан в России // Тактико-

методические особенности расследования экономических и иных преступлений. Казань, 2018. С. 35–38.

4. Улумбекова Г.Э., Власов В.В. Анализ медико-экономической эффективности проведения диспансеризации населения России и ее перспективы // Вестник ВШОУЗ. 2017. № 4. С. 36–41.

КРИПТОВАЛЮТА КАК ПРЕДМЕТ КОРРУПЦИОННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В.А. Полтарыхин, зам. начальника управления –
начальник отдела организации деятельности территориальных
подразделений ЭБиПК

Главное управление Министерства внутренних дел
Российской Федерации по Алтайскому краю, г. Барнаул

Аннотация. Рассмотрены следующие вопросы: возможность признания криптовалюты предметом коррупционного преступления, в частности дачи и получения взятки. Анализируются изменения, внесенные в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации 24 декабря 2019 г., в частности, п. 9, в котором упоминаются цифровые права, полученные в качестве взятки, и возможность использования доходов от них. Автор приходит к выводу, что в соответствии со сложившейся практикой, неоднозначностью формулировок Верховного Суда Российской Федерации, уголовно-правовой доктриной в настоящее время невозможно однозначно решить вопрос о признании криптовалюты предметом коррупционных преступлений.

Ключевые слова: коррупционное преступление, биткоины, криптовалюта, цифровые права, предмет взятки.

CRYPTOCURRENCY AS THE SUBJECT OF A CORRUPTION CRIME

V.A. Poltoryhin

Abstract. The author considers the following issues: the possibility of a cryptocurrency the subject of corruption crimes, in particular giving and receiving bribes; analyzed changes in the Resolution of Plenum of the Supreme Court 24.12.2019 G. in particular, p. 9, which mentions digital rights obtained as a bribe and the possibility of using the proceeds from them. The author comes to the conclusion that in accordance with the established practice, ambiguity of the wording of the Supreme Court of the Russian Federation, criminal law doctrine, it is currently impossible to unambiguously resolve the issue of the possibility of recognizing cryptocurrency as the subject of corruption crimes.

Keywords: corruption crime, bitcoins, cryptocurrency, digital rights, the subject of the bribe.

Получение взяток в биткоинах становится одним из «трендов» коррупционной преступности. У криптовалют существуют очевидные преимущества для использования в коррупционных схемах по сравнению с наличными, а тем более безналичными переводами. Во-первых, использование криптовалюты является анонимным: инфраструктура криптовалютных сетей имеет огромное количество сервисов-холдеров, где можно создать собственный кошелек абсолютно анонимно, не проходя верификацию по паспортным данным. Несмотря на то, что технология блокчейн позволяет со стопроцентной точностью отследить движение всех виртуальных монет. Однако, если принадлежность определенному лицу кошелька, где хранится виртуальная валюта, не подтверждена (т.е. лицо не идентифицировано по паспорту или иным образом, позволяющим достоверно установить личность владельца), все транзакции с данного ресурса-холдера будут обезличены. Во-вторых, при совершении сделки, в том числе противоправной, с использованием криптовалюты нет необходимости в посредниках, в том числе банках, нет необходимости «снимать» наличные, передавать их, потребность в личных встречах отсутствует, что также существенным образом затрудняет работу оперативных сотрудников и доказывание преступления в рамках уголовного дела. В-третьих, эффективные технологии противодействия подобным противоправным действиям в настоящее время отсутствуют. В уголовно-процессуальном законодательстве нет процессуальной формы, позволяющей фиксировать при помощи специальных средств преступную деятельность (доказательства). Процедура дачи взятки становится простой, технологичной и безопасной для участников.

Способствовали росту «популярности» биткоинов как предмета взятки и выпущенные в декабре 2017 г. рекомендации Минтруда России по предоставлению сведений о доходах и имуществе чиновников и членов их семей за 2017 г. В справке о доходах чиновникам не нужно указывать виртуальные валюты. В основу данных разъяснений положено то, что криптовалюты никак не регулируются законами [8]. Следовательно, получение вознаграждения в виртуальной валюте не подлежит какому-либо учету со стороны государства на вполне легальных основаниях.

Изложенное требует создания в кратчайшие сроки эффективного правового механизма противодействия подобного рода преступлениям.

На законодательном уровне в настоящее время предпринимаются некоторые шаги по легализации криптовалюты в качестве объекта правового оборота. С 1 октября 2019 г. цифровые права официально отнесены к объектам гражданских прав. Соответствующие изменения внесены в ст. 128 ГК РФ Федеральным законом № 34-ФЗ от 18 марта 2019 г. Цифровые активы по факту признали «законным имуществом» для целей налогообложения и учёта при расчётах с кредиторами в процедурах банкротства. Разъяснения по вопросу отражения доходов российских организаций от операций с криптовалютой даны в Письме Министерства финансов Российской Федерации от 9 февраля 2018 г. № 03-03-06/1/8061. Судами биткоин признавался ликвидным имуществом, за счёт которого могут быть удовлетворены права кредиторов. В гражданском праве сложился общий подход к признанию криптовалюты как особого вида «иного имущества» [5].

От гражданско-правового определения виртуальной валюты напрямую зависит ее статус как предмета и средства преступного посяательства [7. С. 130]. Под предметом преступления необходимо понимать объект материального мира, на который преступник оказывает прямое воздействие в ходе преступления [2. С. 23]. В уголовном праве в настоящее время нет единого подхода к определению криптовалюты как предмета преступления. Ряд ученых скептически относятся к возможности признания криптовалюты предметом преступления в силу неопределенности ее правового статуса [6. С. 179]. Мы придерживаемся иного мнения: наиболее правильно и дальновидно рассматривать криптовалюту как иное имущество для целей привлечения к уголовной ответственности. Ее следует признать предметом таких преступлений, как дача и получение взятки, коммерческий подкуп, посредничество во взяточничестве и коммерческом подкупе. На сегодняшний день она может быть как самостоятельным средством платежа, так и средством обмена на любую национальную валюту [4. С. 413].

Вероятно, что правоприменительная практика пойдет именно по этому пути. Учитывая повышенный криминогенный потенциал виртуальной валюты, ее использование в криминальных целях будет только повышаться. Большая роль в противодействии коррупционной преступности, совершаемой с использованием виртуальных валют, отведена разъяснениям высшей судебной инстанции, изложенным в измененном в декабре 2019 г. Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (в редакции Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 г. № 59). В п. 9 указанного Постановления содержится указание на цифровые права и возможность получения дохода от их использования – материальная выгода для взяткополучателя. Многими юристами такое указание Верховного Суда Российской Федерации (предметами взяточничества могут быть и имущественные права) было расценено как однозначное признание токенов предметом коррупционного преступления при наличии их денежной оценки [1].

Однако, по нашему мнению, не все так однозначно в данном Постановлении: точного указания на то, что криптовалюта как цифровой актив является предметом взяточничества, нет. Соответственно, возможны совершенно разнообразные подходы к пониманию п. 9 указанного Постановления, в том числе основанные и на сформировавшихся научных подходах к предмету рассматриваемого преступления как объекту материального мира. Конечно, в научной литературе имеются и иные подходы к предмету взятки, согласно которым предмет взятки может и не иметь материального выражения, что объясняется отсутствием закрепления обязательности данного признака. Наоборот, для квалификации существенна связь предмета и объекта взяточничества: первый из них должен порождать намерение посягнуть на охраняемые уголовным законом правоотношения, относящиеся к объекту ч. 1 ст. 290 УК РФ [3. С. 78]. Однако изложены лишь различные научные трактовки, что еще больше говорит о проблеме: возможно ли рассматривать криптовалюты как предмет взяточничества?

По нашему мнению, в настоящее время, несмотря на некоторые разъяснения, изложенные в цитируемом Постановлении, получение взятки в криптовалюте по-прежнему возможно и до конца не урегулировано, так как нет определенности, подпадает ли криптовалюта под понятие цифрового права и может ли незаконное вознаграждение (взятка) быть передано в виртуальной валюте.

Полагаем, что изложенную проблему, сколь долго бы мы ее не обсуждали на страницах научной литературы, можно устранить только путем прямого указания на возможность привлечения к уголовной ответственности за получение взятки в криптовалюте в соответствующих разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации.

Литература

1. Верховный Суд: токены могут быть предметом взятки. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5e020d079a7947f21885aef0> (дата обращения: 23.03.2020).
2. Гаухман Л.Д. Объект преступления. М., 1992. 559 с.
3. Жидик Н.А. Отсутствие преимуществ нематериального характера в предмете взятки // Альманах мировой науки. № 2016. 12-2 (15). С. 75–79.
4. Коренная А.А., Тыдыкова Н.В. Криптовалюта как предмет и средство совершения // Всерос. криминолог. журнал. 2019. Т. 13, № 3. С. 408–415.
5. Криптовалюта как предмет преступления: проблемы квалификации и защиты. URL: <https://pravo.ru/opinion/215852/> (дата обращения: 23.03.2020).
6. Рубцова А.С. Криптовалюты: предмет и средство совершения преступления // Вестн. ун-та им. О.Е. Кутафина. 2018. № 12. С. 172–182.
7. Сидоренко Э.Л. Правовой статус криптовалют в Российской Федерации // Экономика. Налоги. Право. 2018. № 2. С. 130–133.
8. Чиновники смогут брать взятки криптовалютами. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2018/01/24/748769-chinovniki-vzyatki-kriptovalyutami> (дата обращения: 23.03.2020.)
9. Постановление 9-го ААС от 15.05.2018 по делу № А40-124668/2017 // СПС «Гарант».
10. Постановление 9-го ААС от 18.04.2019 по делу № А40-12639/2016 // СПС «Гарант».

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЖЕНСКОЙ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ

В.В. Поята, магистрант
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Проанализировано состояние наркопреступности в Российской Федерации. Определяются наиболее существенные для общества и государства последствия женского наркотизма и связанной с ним преступности. Рассматриваются возможные пути разрешения сложившейся негативной ситуации в сфере уголовно-правового противодействия женской наркопреступности в России. Сделан вывод о необходимости реформирования некоторых положений действующего уголовного законодательства.

Ключевые слова: преступление, наркопреступность, женщина, наркозависимость, общество, наркотики, психотропные вещества, последствия, лечение, уголовное законодательство.

IMPROVEMENT OF THE RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION IN COUNTERING FEMALE DRUG-RELATED CRIMES

V.V. Poyata

Abstract. The paper contains analyses of the drug-related crimes status in the Russian Federation. It defines the most significant consequences of female drug addiction and the related crimes for the society and the state. The article addresses possible ways to resolve the current negative situation in the sphere of criminal legal counteraction to female drug-related crimes in Russia. It is concluded that some provisions of the current criminal legislation need to be renewed.

Keywords: crime, drug-related crimes, drug addiction, society, drugs, psychotropic substances, consequences, treatment, criminal legislation.

Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, – актуальная проблема во всем мире, а вопросы их предупреждения занимают ключевое место в уголовной политике многих государств, в том числе и России. Вопрос о видах преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в науке и практике уголовного права решается неоднозначно. Л.И. Романова включает в наркопреступность большое количество разнообразных преступлений, тем или иным образом свя-

занных с наркотиками, в том числе преступления, совершаемые потребителями, хронически больными наркоманией, и многие другие деяния [6. С. 134]. Такой позиции придерживаются многие исследователи [5. С. 349–353]. Анализ состояния преступности в России, представленный Генеральной прокуратурой Российской Федерации, показал, что в 2017 году зарегистрировано 208 681 тысяча преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ. В 2018 году данный показатель снизился до 200 306, а в 2019 году составил 190 197 тысяч зарегистрированных преступлений [7. С. 32]. Статистика свидетельствует о снижении количества наркопреступлений, однако в общей структуре преступности данная категория по-прежнему имеет высокие показатели. Кроме того, указанные цифры не в полной мере отражают действительность, поскольку латентность наркопреступлений в разы больше общеуголовной. Латентность наркотизма в женской среде всегда гораздо выше, чем среди мужчин. В настоящее время женская наркопреступность не удивляет, она стала, к глубокому сожалению, обыденным явлением. Наблюдается и активное омоложение криминального наркотизма. В совокупности вышеуказанные факторы негативно влияют на демографию, разрушают физическое и духовное здоровье российского общества, а также основные социальные ценности и устои. В связи со значимой социальной ролью женщины считаем, что российское уголовное законодательство в сфере противодействия женской наркопреступности нуждается в совершенствовании. Исследование сущности женской наркомании, наркотизма и наркопреступности позволило сформулировать некоторые выводы и обоснованные предложения по указанной проблеме.

В России наказание за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, является одним из самых суровых. На сегодняшний день сложилась ситуация, что к уголовной ответственности массово привлекаются непосредственно рядовые потребители и сбытчики, в то время как организованный наркобизнес остается в тени. Ежегодно тысячи женщин, больных наркоманией и занимающиеся сбытом, получают реальные сроки лишения свободы. Зачастую у наркопотребителя

при себе имеется именно такая масса наркотика, которой оказывается достаточно для возбуждения уголовного дела. В среднем, в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 01.10.2012 № 1002 крупным размером признаются от одного до нескольких граммов наркотического средства или психотропного вещества. Отметим, что объем смеси определяется по её общему весу, а не по весу активного (наркотического) компонента, что является существенным моментом при возбуждении уголовных дел. Такие размеры, по сути, являются «разовой дозой» для потребителя. Именно те, у кого обнаружили несколько грамм, составляют львиную долю осуждённых по известной всем ст. 228 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). За реально крупные и особо крупные размеры на скамье подсудимых оказываются единицы. Максимальное наказание, предусмотренное в законодательстве по указанному деянию, составляет пятнадцать лет лишения свободы.

Уголовное законодательство Российской Федерации отличается гуманным содержанием по отношению к лицам, больным наркоманией, даже если они совершили преступление. Это отражается в ст. 82.1 УК РФ, которая предусматривает отсрочку отбывания наказания больным наркоманией, однако возможность отсрочки предусмотрена только для осужденных за преступления небольшой тяжести [3. С. 367]. Отсрочку отбывания наказания в виде лишения свободы до окончания лечения, медицинской и социальной реабилитации могут получить осужденные по ч. 1 ст. 228 УК РФ. На лиц, осужденных, например, по ч. 2, отсрочка не распространяется, поскольку это уже тяжкое преступление. Таким образом, получается, что государство не оказывает медико-социальную реабилитацию наркозависимым гражданам, совершившим преступления, относящиеся к более тяжкой категории, чем небольшая, а попросту осуждает к реальному сроку лишения свободы. А мы понимаем, что в условиях лишения свободы медицинскую и социальную реабилитацию на должном уровне осуществить не представляется возможным. Некоторые аспекты содержания принципа гуманизма в уголовном праве рассматривались и другими авторами [4].

В настоящее время в пенитенциарных учреждениях России 40% женщин отбывают наказание именно за наркопреступления. Для многих наказание в виде лишения свободы оказывается жестоким и разрушительным жизненным испытанием. Женщина, оказавшись в месте лишения свободы, переживает огромный стресс – ограниченное пространство, строгий распорядок дня, постоянная публичность, новое окружение. Помимо адаптации, в отличие от здоровых женщин, у наркозависимых наблюдается абстинентный синдром (ломка), который сопровождается сильными болями во всём теле, головокружениями, мышечными спазмами, припадками, бессонницей, психозами и т.д. Полностью симптомы наркотической абстиненции проходят по истечении несколько месяцев, но это не свидетельствует о полном выздоровлении, поскольку психологическая зависимость остается. Наркологи отмечают, что наркоманы в тюрьме способны перенести длительную ремиссию, однако потом наступает срыв.

Излечивает ли полностью от наркозависимости лишение свободы? Достигаются ли цели наказания? Решается ли проблема наркомании в стране? Однозначно нет.

В большинстве случаев на свободу женщина выходит все тем же больным человеком, но при этом сломленной и озлобленной на мир. От таких женщин отказываются близкие люди, их бросают мужья, на свободе их никто не ждёт. Длительное тюремное заключение приводит к тому, что бывшие заключенные оказываются социально дезадаптированными, им тяжело трудоустроиться, у некоторых нет жилья. Только небольшой процент осужденных женщин после освобождения возвращается к законопослушному образу жизни. Социологические исследования показывают, что многие снова оказываются в плену своего прошлого. В результате – новая судимость, и это в лучшем случае.

Дети женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы, в подавляющем большинстве случаев являются потенциальными воспитанниками детских домов и интернатов, так как средний по России срок осуждения женщин составляет 3,5 года, а дети в доме ребенка могут находиться лишь до трехлетнего возраста [1. С. 14]. По существу, дети становятся сиротами.

тами при живых матерях. Хорошо, если ребенок заключенной женщины находится на попечении близких родственников или приемных родителей, усыновителей, поскольку большинство выпускников детских домов вновь пополняют армию алкоголиков, наркоманов, преступников.

Кроме того, такая уголовная политика создает огромную нагрузку на бюджет государства. Российские тюрьмы переполнены трудоспособными женщинами, изъятыми из экономики страны и общества.

Закон должен быть более благосклонен и гуманен к женщинам, которые столкнулись с проблемой наркозависимости и криминального наркотизма. На основании изложенного, считаем целесообразным внести некоторые изменения в действующее законодательство Российской Федерации.

Во-первых, необходимо привести Постановление Правительства Российской Федерации от 01.10.2012 № 1002 в соответствие с разовыми и суточными дозами наркозависимых (крупный размер должен составлять хотя бы суточную дозу, а не разовую/меньше разовой). Для отнесения количества наркотических средств и психотропных веществ к значительным, крупным и особо крупным размерам должны существовать четкие обоснованные критерии на основе комплексного научного исследования и законодательно закрепленные.

Во-вторых, существующая редакция ст. 228 УК РФ требует изменений. Представляется необходимым перевести преступления по указанной статье в категорию менее тяжких преступлений, снизить наказание за их совершение.

Следует распространить положения ст. 82.1 УК РФ, ст. 398 Уголовно-процессуального кодекса на лиц, осужденных к лишению свободы за совершение преступлений, предусмотренных не только первой, но и второй частью ст. 228 УК РФ.

Гуманизация преступлений, связанных с незаконным наркооборотом без цели сбыта, будет побуждать наркозависимых граждан к отказу от потребления наркотиков. После реабилитации и ресоциализации у тысячи женщин появится «второй шанс», они смогут вернуться к здоровому и законопослушному образу жизни.

Как верно отмечается в юридической литературе, исключительно «силовая» стратегия дает сбои при осуществлении ее на направление противодействия женской наркопреступности, но полностью отказаться от нее современная уголовная политика пока все же не может. Применение ее должно широко «подкрепляться» мерами криминологического, профилактического, социального и иного характера [2. С. 136].

Литература

1. Вандышева Л.В. Особенности развития коммуникативных способностей воспитанников детского дома // Дети и старики как группы риска: миссия социальной работы в обществе переходного типа: сб. ст. и материалов Междунар. конф. 15–17 мая 2000 года. Самара, 2000. С. 14.
2. Грязнов И.М., Кириллов М.А., Панченко П.Н. Женские лики наркопреступности: состояние проблемы, законодательство, практика. Н. Новгород, 2006. 376 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А.И. Чучаева. М., 2020. 1536 с.
4. Латыпова Э.Ю., Нечаева Е.В. Спорные вопросы содержания принципа гуманизма в уголовном праве // Вестн. юрид. ин-та МВД России. 2019. № 3 (37). С. 355–360.
5. Правовой портал статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/social_portrait (дата обращения: 28.02.2020).
6. Романова Л.И. Наркопреступность: криминологическая и уголовно-правовая характеристика: учеб.-метод. пособие. 2-е изд. Владивосток, 2009. 314 с.
7. Умаров М.Р., Нечаева Е.В. Незаконный оборот наркотиков в Интернете // Уголовно-правовая превенция в сфере оборота наркотических средств или психотропных веществ, алкогольной и спиртосодержащей продукции (региональный аспект): сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2015. С. 349–353.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ КАК ИНАЯ МЕРА БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Р.М. Рамазанов, заместитель начальника
Управление Судебного департамента
при Верховном Суде Российской Федерации
в Республике Татарстан, г. Казань

Аннотация. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса предусматривает различные правовые средства, включая уголовно-процессу-

альные, которые перечислены в ч. 3 ст. 11 УПК РФ. В судебном заседании установлена возможность проведения закрытого процесса и допрос судом защищаемого лица без оглашения его подлинных данных. Рассматривается применение видеоконференц-связи как дополнительной меры безопасности, прямо не указанной в ч. 3 ст. 11 УПК РФ.

Ключевые слова: защита свидетелей, безопасность, меры защиты, уголовное дело, противодействие суду, видеоконференц-связь, баланс обвинения и защиты.

USE OF VIDEOCONFERENCING IN COURT SESSION AS ANOTHER SECURITY MEASURE FOR PARTICIPANTS IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

R.M. Ramazanov

Abstract. Ensuring the safety of participants in criminal proceedings provides for various legal means, including criminal procedure, which are listed in Part 3 of Article 11 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The court session established the possibility of conducting a closed trial and questioning the protected person by the court without disclosing his or her true data. We are considered as another security measure – the use of videoconferencing as an additional security measure, not explicitly specified in Part 3 of Article 11 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: witness protection, safety, measures of protection, criminal case, counteraction to court, video conferencing, balance of charge and defence.

Меры безопасности участников российского уголовного процесса различны как по своему содержанию, так и по отраслевой принадлежности. В ч. 3 ст. 11 УПК РФ содержатся пять уголовно-процессуальных мер безопасности, которые могут быть применены по уголовному делу и непосредственно направлены на безопасное участие в уголовном деле граждан. Проблеме установления надлежащих гарантий участия граждан в уголовном деле в настоящее время уделено достаточное внимание со стороны многих ученых. Институт безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства детально рассмотрен в работах О.А. Зайцева [17; 18; 23], А.Ю. Епихина [11; 12; 13] и других ученых [8; 10], в том числе с позиций проблем междисциплинарного исследования института безопасности участников уголовного процесса [14; 15; 16].

Уголовно-процессуальным законом видеоконференц-связь не отнесена непосредственно к системе мер безопасности, но,

по нашему мнению, может быть использована именно в качестве самостоятельной меры, позволяющей обеспечить безопасность отдельных участников уголовного дела.

Применение видеоконференц-связи с уголовном судопроизводстве, в частности, в судебном заседании, было введено в действующее уголовно-процессуальное законодательство на основании Федерального закона от 20.03.2011 № 39-ФЗ [1].

По утверждению Л.В. Брусницына, в ходе судебного разбирательства средства видеосвязи как мера безопасности применяются в Австрии, США, Великобритании, Франции, Бельгии, Италии и других странах [7]. Такая констатация вполне очевидна, так как защита свидетелей и потерпевших от преступных посягательств в связи с их содействием уголовному правосудию является проблемой многих государств, включая Россию.

Анализ внесенных в современный российский Уголовно-процессуальный кодекс изменений и дополнений, регулирующих применение видеоконференц-связи в уголовном деле, делает возможным выделение определенных по времени (хронологии) пяти этапов.

Впервые необходимость применения видеотехнологий в уголовном процессе в свое время была продиктована оперативностью разрешения судом процессуальных вопросов и значительными расстояниями между местом нахождения участника процесса, как правило, осужденного, и местом рассмотрения судом ходатайства или жалобы. Как представляется, именно по этим основным причинам и была введена процессуальная возможность суда кассационной инстанции общаться посредством видео с осужденным при рассмотрении заявлений с его стороны или от его защитника (ч. 3 ст. 376 УПК РФ). Таким образом, применение видеоконференц-связи существенно сократило как сроки решения процедурных вопросов, так и уменьшило судебные издержки, связанные с этапированием осужденного к месту судебного разбирательства.

Второй этап расширения возможностей применения видеосвязи можно связать с принятием Федерального закона от 27.12.2009 № 346-ФЗ, который внес изменения в ст. 35 УПК РФ о возможности изменения подсудности и участия обвиняемого в решении этого вопроса в судебном заседании «путем исполь-

зования систем видеоконференц-связи» [2]. Такое дистанционное участие обвиняемого обеспечивало определенную безопасность состава суда (ч. 4 ст. 35 УПК РФ), поскольку изменение относилось только к строго определенному перечню составов преступления (ст. 205, 205.1, 205.2, 206, 208, 209, 211, 277–279, 360 УК РФ). Кроме того, эта процедура предоставляла обвиняемому право на участие в решении судом вопроса об изменении территориальной подсудности. Обратим внимание на то, что *обвиняемый* мог участвовать в такой форме только по решению суда (ч. 6 ст. 35 УПК РФ). Такая формулировка, на наш взгляд, не совсем логична с позиций применения уголовно-процессуальных терминов в УПК [19. С. 99]. Если решается вопрос о подсудности, то материалы уголовного дела находятся в суде. Следовательно, статус обвиняемого уже изменен на подсудимого. Именно этот термин «подсудимый» и должен применяться в указанной правовой норме. Соответствующие изменения следует внести в ч. 6 ст. 35 УПК РФ.

Третий этап связан с принятием Федерального закона от 29.12.2010 № 433-ФЗ, который существенно изменил апелляционное и кассационное производства в российском уголовном процессе [3].

Изменения внесены в ч. 2 ст. 389.12 УПК РФ: установлено правило, согласно которому «по решению суда обеспечивается право участвовать в судебном заседании непосредственно либо путем использования систем видеоконференц-связи». Кроме того, право использования системы видеоконференц-связи судом апелляционной инстанции установлено в ч. 8 ст. 389.12 УПК РФ. Немаловажным стало дополнение перечня прав лица, содержащегося под стражей, или осужденного, отбывающего наказание в виде лишения свободы, участвовать в судебном заседании непосредственно либо путем использования систем видеоконференц-связи при условии заявления ими ходатайства об этом (ч. 2 ст. 401.13 УПК РФ). Отметим, что эта норма устанавливает две формы такого участия в судебном заседании: очную и дистанционную. При этом предоставление видеоконференц-связи вместо личного участия при наличии об этом ходатайства будет расцениваться как существенное нарушение права на защиту.

Четвертый этап – принятие Федерального закона от 20.03.2011 № 39-ФЗ, на основании которого была дополнена новая ч. 4 в ст. 240 УПК РФ и в ст. 278 УПК РФ о возможности участия в судебном заседании свидетеля и потерпевшего с использованием видеоконференц-связи. Этот же закон дополнил содержание УК РФ новой ст. 278.1 УПК РФ «Особенности допроса свидетеля путем использования систем видеоконференц-связи» [4].

Пятым этапом можно констатировать принятие Федерального закона 20.03.2011 № 40-ФЗ, которым было дополнено содержание ч. 2 ст. 399 УПК РФ, регулирующей судебный порядок рассмотрения процессуальных вопросов в стадии исполнения приговора: «при наличии ходатайства осужденного об участии в судебном заседании суд обязан обеспечить его непосредственное участие в судебном заседании либо предоставить возможность изложить свою позицию путем использования систем видеоконференц-связи» [5].

В целом анализ перечисленных законов позволяет сделать вывод о том, что законодатель, внедряя в российское уголовное судопроизводство видео-технологии, обеспечивает, с одной стороны, реализацию права подсудимого на участие в судебном заседании, с другой – дает возможность свидетелю участвовать в суде, не претерпевая множество проблем, связанных с явкой в суд по месту рассмотрения дела. Кроме того, такая процессуальная форма общения суда с участниками процесса обеспечивает безопасность и независимость принятия судебного решения по уголовному делу.

На применение допросов посредством такой связи в качестве меры безопасности ориентируют международно-правовые акты, в частности, Руководство для сотрудников системы уголовного правосудия в отношении осуществления Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью (принято резолюцией ЭКОСОС ООН в 1990 г.) [6]. Допустимость применения видеоконференц-связи для предотвращения посткриминального воздействия на потерпевших и свидетелей, проживающих на территории под юрисдикцией суда, рассматривающего уголовное дело, поддерживается и иными учеными [21].

Следует согласиться с предложением М.А. Носачевой, которая считает целесообразным дополнить содержание п. 5 ч. 2 ст. 281 УПК РФ: «...5) при необходимости обеспечения безопасности потерпевшего или свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц» [22]. Такая необходимость уже назрела в связи с внедрением различными способами своевременного и безопасного для участников рассмотрения уголовного дела по существу.

На наш взгляд, важным в процессе применения такой связи в судебном разбирательстве является решение проблемы надлежащего обеспечения баланса возможностей стороны обвинения и защиты в доказывании обстоятельств по уголовному делу.

В литературе справедливо отмечается важность допустимости и достоверности доказательств, которые были получены судом посредством применения видеоконференц-связи: такая оценка доказательств во многом зависит и от качества связи и степени ее защищенности [22].

Таким образом, возможность применения видеоконференц-связи в судебном разбирательстве по уголовному делу для обеспечения безопасности участников процесса может быть реализована путем:

1) применения уголовно-процессуальной аналогии со ст. 278.1 УПК РФ;

2) внесения изменений и дополнений в ч. 1 ст. 278.1 УПК РФ: после слов «...путем использования систем видеоконференц-связи» дополнить словами «в том числе для обеспечения безопасности участников процесса».

Литература

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 20.03.2011 № 39-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 13. Ст. 1686.

2. О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 27.12.2009 № 346-ФЗ // СЗ РФ. 2009. № 52 (ч. 1). Ст. 6422.

3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федер. закон от 29.12.2010 № 433-ФЗ (ред. от 31.12.2014) // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 45.

4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 20.03.2011 № 39-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 13. Ст. 1686.

5. О внесении изменений в статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 20.03.2011 № 40-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 13. Ст. 1687.

6. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (принята 29.11.1985 Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН) // Документ опубликован не был.

7. Брусницын Л.В. Комментарий законодательства об обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства (постатейный). М., 2009. 304 с.

8. Головина Е.В. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса в системе мер преодоления противодействия расследованию должностных преступлений // Вестн. Восточ.-Сибир. ин-та Мин-ва внутренних дел России. 2019. № 1 (88). С. 150–161.

9. Дмитриева А.А. Применение мер безопасности в отношении лиц, действующих правосудию на стадии возбуждения уголовного дела // Рос. следователь. 2017. № 4. С. 16–19.

10. Епихин А.Ю. Защита законных прав и интересов свидетеля в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995.

11. Епихин А.Ю. Концепция безопасности личности в уголовном судопроизводстве. Сыктывкар, 2004.

12. Епихин А.Ю. Поводы и основания применения и реализации мер безопасности защищаемых лиц в уголовном судопроизводстве // Вестн. Коми респ. академии гос. службы и управления. Сер. Государство и право. 2004. № 7. С. 4–11.

13. Епихин А.Ю. Совершенствование правового регулирования безопасности личности в новом УПК РФ // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. Право. 2003. № 1. С. 115–122.

14. Епихин А.Ю., Мишин А.В. Допрос потерпевшего, свидетеля под псевдонимом в досудебном и судебном производствах (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты) // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. Экономика и право. 2019. Т. 29, № 4. С. 480–486.

15. Епихин А.Ю., Мишин А.В. Междисциплинарные проблемы допроса защищаемого лица в судебном разбирательстве по уголовному делу // Проблемы противодействия преступности: опыт, современное состояние и пути решения: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., посв. памяти проф. В.А. Мажуткина. Чебоксары, 2019. С. 94–100.

16. Епихин А.Ю., Мишин А.В. Особенности обеспечения безопасности потерпевших и свидетелей в судебном производстве по уголовным делам // Уголовное судопроизводство: современное состояние и основные направления совершенствования: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посв. 50-летию юбилею д-ра юрид. наук, проф. А.В. Гриненко. М., 2016. С. 108–111.

17. Зайцев О.А. Концепция государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2006. № 3 (53). С. 77–81.

18. Зайцев О.А. Правовые основы и практика обеспечения участия свидетеля на предварительном следствии. М., 1995.

19. Зайцев О.А., Епихин А.Ю. К вопросу о чистоте употребления уголовно-процессуальных понятий // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. Экономика и право. 2017. Т. 27, № 2. С. 99–102.

20. Качалов В.И., Качалова О.В. Об использовании видеоконференц-связи в судебном производстве по уголовным делам // Рос. судья. 2017. № 12. С. 34–38.

21. Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и др.; под ред. Л.В. Головки. М., 2016. 1278 с.

22. Носачева М.А. О возможности оглашения в суде показаний, данных потерпевшим на стадии предварительного расследования // Рос. следователь. 2008. № 10.

23. Щерба С.П., Зайцев О.А. Обеспечение прав потерпевших и свидетелей на предварительном следствии. М., 1995.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ

Э.В. Рахимова, ст. юрисконсульт

Управление Федеральной службы исполнения наказаний
по Республике Татарстан, г. Казань

Аннотация. Анализируются проблемы, выявленные при проведении социальной работы с осужденными в местах лишения свободы. Обосновываются пути решения данного вопроса, позволяющие облегчить процесс адаптации осужденных.

Ключевые слова: адаптация в местах лишения свободы, осужденные, социальная работа с осужденными.

PROBLEMS OF SOCIAL ADAPTATION CONDEMNED

E.V. Rakhimova

Abstract. The article analyzes the problems identified during social work with prisoners in prison. The ways of solving this issue are substantiated, allowing to facilitate the process of their adaptation.

Keywords: adaptation in places of deprivation of liberty, convicts, social work with convicts.

Одной из наиболее трудных социальных проблем, не перестающих на протяжении длительного периода времени быть предметом исследования, является социальная адаптация лиц, находящихся в местах лишения свободы. Условия пенитенциарных учреждений предполагают коренную перестройку человеческого поведения, поскольку оно в корне отличается от обыч-

ных условий жизни рядового гражданина и здесь очень важен процесс приспособления осужденного к пребыванию в местах лишения свободы, их социальная адаптация. Многие авторы неоднократно поднимали данную проблему в своих исследованиях [9. С. 205–209; 1; 6. С. 177–180].

Социальная адаптация в местах лишения свободы имеет следующие особенности: процесс адаптации проходит в жесткой правовой регламентации условий жизни, педагогической неблагоприятной среде, ограниченные возможности взаимодействия с социумом, потребность расширения социально-педагогических средств сопровождения процесса ресоциализации осужденных, своеобразие подходов и технологий привлечения осужденных к полезному труду, недоработанный механизм межведомственного взаимодействия исправительных учреждений с другими институтами в социально-педагогической поддержке осужденных и др. [6].

Адаптация лиц, находящихся в местах лишения свободы, является одной из наиболее трудных социальных проблем, не перестающих на протяжении длительного периода времени быть предметом исследования. Здесь можно выделить две особенности процесса социальной адаптации:

– данный процесс воздействует на особую категорию граждан – осужденных;

– он всегда в той или иной мере связан с моментами принуждения, с которыми сталкивается осужденный, и закономерно вытекает из института судимости.

Пенитенциарная система является особым инструментом правоприменения, призванным обеспечить исполнение наказания по приговору суда в части лишения свободы. Лишение свободы или, говоря иначе, ее ограничение на определенный промежуток времени, является мощным воздействующим фактором на личность, допустившую отклонение от нормального правового поведения [7].

В исправительных учреждениях личность сталкивается с условиями жизни, которые разительно отличаются от привычных условий жизнедеятельности на свободе. Естественно, осужденный вынужден к ним адаптироваться, и этот процесс имеет свою специфику в зависимости от психологического и социаль-

ного типа: пола, возраста, характера совершенного преступления, срока осуждения и других факторов. Но в любом случае отбывание наказания в виде лишения свободы является одним из стрессовых факторов, который оказывает влияние на всю последующую жизнь человека. И в связи с этим важное значение приобретает исследование социальной адаптации заключенных к условиям лишения свободы, поскольку после освобождения личность, как правило, возвращается в общество, и ее дальнейшая жизненная активность, характер и содержание во многом определяются тем, что в процессе социальной адаптации в местах лишения свободы было изменено или сохранено личностью на уровне психологических и социальных установок и ориентаций, какой личностью выйдет осужденный из исправительного учреждения: озлобленной, агрессивной, ослабленной духом или наоборот. Таким образом, характер социальной адаптации осужденных в местах лишения свободы определяет дальнейшее поведение личности на свободе и, соответственно, влияет на уровень и характер преступности в стране, что и определяет социальную актуальность данного исследования.

Современная российская система наказания в виде лишения свободы не выполняет свою функциональную роль, о чем свидетельствует высокий уровень рецидивной преступности в стране, не способствует исправлению осужденных, где они в условиях, подавляющих личное достоинство, в большинстве своем подвержены дезадаптации, что и способствует росту рецидива в обществе, не способном воспринимать осужденного как личность [5]. Очевидно, что со стороны законодательной и исполнительной власти требуется качественно новый подход к решению задач и реализации функций уголовно-исполнительной системы, дальнейшей оптимизации пенитенциарной деятельности, повышению уровня организации и эффективности исполнения уголовного наказания, приближению условий и порядка его отбывания к международным стандартам. К сожалению, на данный момент российская пенитенциарная система далека от того, чтобы стать исправительной системой, да и возможно ли исправить человека, лишив его не только свободы, но и собственного достоинства, как это часто происходит в российских тюрьмах?

Социальная адаптация осужденных в местах лишения свободы является производным от общественных условий функционирования общества, его уровня свободы, отношения к закону, человеку и его правам. Необходимо пересмотреть основы функционирования уголовно-исправительной системы российского государства и прежде всего обратить внимание на механизм и характер протекания процесса ресоциализации осужденных в местах лишения свободы в рамках исследования особенностей социальной адаптации заключенных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, и выявить основные факторы, влияющие на данный процесс.

Проблема социальной адаптации осужденных в местах лишения свободы актуальна по нескольким причинам. Во-первых, в местах лишения свободы личность сталкивается с условиями жизни, которые разительно отличаются от привычных условий жизнедеятельности на свободе. Естественно, осужденный вынужден к ним адаптироваться, и этот процесс имеет свою специфику в зависимости от психологического и социального типа, пола, возраста, характера совершенного преступления, срока осуждения и других факторов. Но в любом случае отбывание наказания в виде лишения свободы является одним из тех стрессовых факторов, который оказывает влияние на всю последующую жизнь человека. Характер социальной адаптации осужденных в местах лишения свободы определяет дальнейшее поведение личности на свободе и, соответственно, влияет на уровень и характер преступности в стране.

Специфика адаптационного процесса в местах лишения свободы связана с тюремной субкультурой, в рамках которой и приходится адаптироваться заключенным. Сущность тюремной субкультуры заключается в том, что она основана на стратификации сообщества заключенных, в котором имеются различные статусные позиции и положение, права и обязанности в сфере неформального общения. Свобода выбора заключенного, как правило, ограничена сводом тюремных правил, нарушение которых является наказуемым самим сообществом заключенных [1; 6. С. 177–180].

От того, какой характер примет социальная адаптация, зависит дальнейшая судьба осужденного, а на макроуровне

от степени эффективности социальной адаптации заключенных зависит уровень рецидивной преступности, который в современном российском обществе имеет тенденцию роста. Следовательно, пенитенциарная система российского общества требует коренного преобразования в соответствии с международными стандартами, в которых за основу берется уважение и соблюдение прав осужденного, а также неущемление его человеческого достоинства.

В российской уголовно-исправительной системе наказание в виде лишения свободы превращается в лишение человеческого достоинства, что никогда не будет способствовать исправлению личности осужденного, наоборот – закрепляет и делает более устойчивой криминализацию сознания заключенных.

Можно выделить две особенности процесса социальной адаптации: данный процесс воздействует на особую категорию граждан – осужденных, и он всегда в той или иной мере связан с элементами принуждения, которые являются последствиями отбывания наказания, вытекающими из института судимости. Как нам представляется, процесс социальной адаптации распадается на две взаимосвязанные стадии: 1) нравственной, правовой, психологической и организационной подготовки осужденных в исправительных учреждениях к жизни на свободе (исправление); 2) приспособления осужденных к условиям жизни на свободе, определения ими своих социальных позиций и ролей, восприятия требований и системы ценностных ориентаций нового социального окружения, руководство этим процессом со стороны государства и общества. Итак, субъект в определенном моменте своей жизни неправильно усваивает норму общества, следствием чего является неправомерное поведение и совершение преступления. После этого у субъекта начинается привыкание к условиям изоляции в местах лишения свободы. Попав в новую обстановку, субъект принимает новые социальные нормы, отличные от норм внешнего мира, в результате чего развивается несоответствие между установками осужденного и установками общества на свободе. Чтобы вернуться к нормальной жизни после освобождения, осужденный вынужден вновь ломать сложившуюся систему ценностей и адаптироваться к условиям изменившегося мира. Это возможно благодаря

внешним факторам, а также благодаря собственным адаптивным способностям.

Применение уголовного наказания в виде изоляции от общества влечет за собой ослабление, а нередко и полный разрыв социальных связей осужденных, влияет на формирование дезадаптивной направленности в поведении, что нередко является условием совершения новых преступлений.

Вообще под адаптацией заключенных следует понимать принятие и применение ими своих личностных качеств и средств для преодоления внутреннего кризиса, связанного с заключением.

В литературе выделяют два способа адаптации к изменившимся условиям: адекватный и неадекватный. Основными признаками адекватной реакции являются: соответствие поведения осужденного реальной информации о перспективах его пребывания в местах лишения свободы; соблюдение им режима отбывания наказания, требований администрации; способность контролировать свое поведение и эмоции. Для неадекватной (патологической) реакции характерно проявление психопатологических признаков у лица, считавшегося до осуждения психически здоровым.

Нормальная адаптация заключается в том, что существенных изменений в поведенческих и других факторах заключенного не наблюдается, т.е. его состояние близко к состоянию до его помещения в места лишения свободы. Это означает то, что лицо адекватно оценивает сложившуюся ситуацию и способно анализировать свои дальнейшие действия при пребывании в местах лишения свободы.

Но есть и случаи, когда на лицо не оказывается психологического давления из-за лишения свободы и данная ситуация для него является не столь новой и он располагает с чувством полного комфорта в данном месте.

Неадекватная реакция на лишение свободы подразумевает дезадаптивное поведение; сюда относятся различного рода фобии, тревожно-депрессивные реакции и реакции, которые включают в себя негативные состояния лица.

Вообще выделяют несколько стадий приспособления заключенного к данным условиям.

Первая – фаза первоначальной адаптации – включает трудности, с которыми сталкивается лицо как только прибывает в места лишения свободы.

Фаза общей ориентировки заключается в том, что прибывший в исправительное учреждение осужденный на месте знакомится с условиями отбывания наказания, выявляет степень соответствия фактической ситуации той информации, которую он получил в период пребывания в следственном изоляторе и в ходе психологической подготовки.

После 5–6 месяцев заключения начинается новая фаза – фаза нивелировки. Синдром лишенного свободы делает заключенных похожих друг на друга и это проявляется в мимике, жестах, походке и других факторах.

Завершающая фаза – фаза завершения адаптации предполагает появление у заключенных определенных целей, которые он стремится реализовывать в новых условиях, т.е. в местах лишения свободы.

При анализе характера социальной адаптации заключенного к условиям лишения свободы следует учитывать вид режима, отношение осужденного к приговору, количество судимостей, время нахождения в исправительном учреждении, индивидуальные особенности осужденного, возраст, пол, семейное и социальное положение и другие факторы.

Необходимо подчеркнуть и то, что места лишения свободы особенно влияют на психику подростков, которая еще не достаточно окрепла. Подавляющее большинство подростков становятся правонарушителями в силу их психологических аномалий, а при приспособлении к криминальной субкультуре в местах лишения свободы у подростков усваиваются антисоциальные личностные качества, которые их толкают в дальнейшем на нарушение закона. Именно поэтому данная группа должна находиться под пристальным вниманием сотрудников исправительных учреждений для динамичного воспитательного процесса. Именно кризис семьи, а также семейных ценностей является основной для роста проституции, наркомании, алкоголизма и роста девиантности и делинквентности в молодежной среде, а также среди женщин.

Все перечисленное относится к проводимой в настоящее время в исправительных учреждениях социальной работе (деятельности) в отношении осужденных. И характеризуется это наличием тенденций, отражающих динамику развития социальных отношений как в России, так и в международном сообществе. К ним относятся: повышение значимости общечеловеческих, гуманистических ценностей; изменение социально-правового статуса осужденных в сторону его либерализации, гуманизации и демократизации; открытость деятельности учреждений пенитенциарной системы для сотрудничества с отечественными и международными организациями различной направленности; возрастающая роль народных и национальных ценностей; взаимодействие исправительных учреждений с религиозными организациями, различными институтами государства и общества.

Все это нашло отражение в уголовно-исполнительном законодательстве (уголовно-исполнительном кодексе), где наиболее характерной чертой является его определенно сформулированная социальная направленность. Впервые в уголовно-исполнительном законодательстве России в самостоятельные категории выделяются цели и задачи данной отрасли права, при этом подчеркивается, что основными целями (ст. 1) УИК РФ являются исправление осужденных и предупреждение рецидивной преступности. В ст. 12 УИК РФ впервые гарантировано право осужденных на социальное обеспечение, включая получение пенсий и социальных пособий. Ст. 14 УИК РФ закрепляет право на свободу совести и свободу вероисповедания осужденных. Признаки гуманизации отечественного законодательства и российского общества в целом является включение в новый УИК РФ главы 22, регламентирующей порядок и механизм оказания социальной помощи осужденным, освобождаемым из мест лишения свободы [4].

Основным постулатом социальной деятельности в пенитенциарной системе должна быть установка ее проведения в строгом соответствии с принципами, заложенными в Уголовно-исполнительном кодексе. Соблюдение этих принципов достаточно, чтобы сделать условия отбывания наказания осужденных приемлемыми для их жизнедеятельности. Цель социальной дея-

тельности в местах лишения свободы представляет собой профессиональную деятельность по оказанию помощи индивидуам, группам или общинам людей, испытывающим проблемы в адаптации, для улучшения или восстановления их способности к социальному функционированию, создания благоприятных условий в социуме, развития и творчества [3].

В связи с этим следует иметь в виду, что осужденные представляют определенную часть населения страны, среди которой достаточно большой процент возвращается к прежнему образу жизни на свободе, к обществу после отбывания срока заключения. И, к сожалению, в настоящее время в российском обществе приобретает большую популярность субкультура преступного мира, проникающая в общество и распространяющаяся через субъектов этого мира, впитавших ее не иначе, как в местах лишения свободы в процессе социальной адаптации. Следовательно, проблема социальной адаптации заключенных в местах лишения свободы приобретает не столько узко социальный характер, сколько выходит за рамки преступной среды, так как оказывает непосредственное влияние на массовую культуру, проникая во все слои населения, во все общественно значимые сферы (экономику, политику, искусство). Также следует обратить внимание на то, что процесс адаптации заключенных в местах лишения свободы имеет свою специфику, связанную прежде всего с условиями отсутствия свободы, которая выступает основной категорией объяснения и осуществления адаптационного процесса [2; 6].

Для того чтобы адаптация проходила успешно, необходимо как можно больше знать о факторах, способствующих или препятствующих ее эффективности, чтобы оказывать на них целенаправленное влияние для реализации основной цели, которая в данном случае стоит перед учреждениями, где содержатся лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы. Лишение свободы представляет собой изоляцию преступника от общества в виде заточения осужденного в тюрьму (крепость, лагерь, колонию и или иное подобное учреждение) и помещение его в такие условия, при которых он лишается обычных связей и контактов со своим прежним окружением или обществом в целом.

Существуют субъективные и объективные обстоятельства, способствующие процессу адаптации заключенного в местах лишения свободы или затрудняющие его.

К объективным факторам, влияющим на процесс адаптации осужденных, относятся:

- условия внешней среды, окружающей личность в данное время (вид режима, условия работы, место расположения исправительного учреждения и т.д.);

- условия, в которых личность находилась до того, как попала в места лишения свободы;

- пространственно-временные условия в новой для заключенного социальной ситуации (срок отбывания и уже отбытого наказания);

- субъективная система связей и отношений, в которую включается осужденный в новой адаптивной ситуации (коллектив и социально-психологический климат в нем, его традиции и культура в целом, отношение работников администрации к осужденным и т.д.);

- материально-бытовые условия, такие как условия проживания, питания, обеспечение одеждой и предметами личного потребления, медицинское обслуживание и т.п.

Субъективные факторы, влияющие на процесс адаптации осужденных, в целом относятся к системе его психологической структуры и обусловлены наличием или отсутствием тех или иных индивидуальных качеств и свойств характера, необходимых для «выживания» в местах лишения свободы и успешной адаптации в них.

К субъективным факторам, влияющим на процесс адаптации осужденных, относятся следующие:

- уровень коммуникативности адаптанта;

- степень комфортности заключенного (податливость человека внешнему воздействию, давлению малой группы или коллектива в целом);

- уровень конфликтности заключенного;

- характер совершенного преступления;

- наличие семейных и иных родственных связей и характер взаимодействия и взаимоотношений с родственниками;

- «история» заключенного (наличие судимостей и т.д.);

– отношение осужденного к своему заключению и соответственная установка (либо ее отсутствие) на исправление.

Рассмотрим подробнее факторы объективного характера с параллельным определением степени их успешности в контексте влияния на адаптационный процесс. На успешность адаптации оказывают воздействие пространственно-временные параметры, прежде всего сроки отбывания и уже отбытого наказания. Чем больше срок, тем тяжелее с моральной точки зрения индивиду смириться с ролью «лишенного свободы». Сказывается на процессе адаптации также место дислокации исправительного учреждения: природно-климатические условия данного региона проживания, удаленность от места жительства осужденных и т.д.

Необходимо учитывать, что, чем больше отличаются новые условия от прежних, тем труднее будет проходить адаптация осужденных. Другими словами, представитель неблагополучной социальной среды, не знавший ласки матери, ее любви и вообще тепла семейного очага, гораздо быстрее адаптируется к условиям в местах лишения свободы. Да, как правило, большинство из заключенных, особенно среди несовершеннолетних, отбывающих наказание в местах лишения свободы, являются выходцами из неблагополучных семей с низким материальным достатком, уровнем образования и социальным статусом в целом. В молодежной среде уровень криминализации является одним из определяющих показателей социальной заболеваемости российской молодежи, активно воспринимающей нормы и ценности криминального мира.

Все вышеперечисленное является частью процесса адаптации осужденных в местах лишения свободы, на которые необходимо обратить внимание при проведении пенитенциарной социальной деятельности. По сути, социальная деятельность в местах лишения свободы, на наш взгляд, является одной из составляющих процесса адаптации осужденных, своеобразным проявлением конгломерата сложных факторов внутренней социосреды, отражающей дифференциацию внешних социальных процессов. И именно пенитенциарная система призвана выполнять множественные функции, в том числе и функции смены мировоззренческих установок заключенных, которые должны

подвергнуться социально значимым и определенным изменениям правового поведения осужденных.

Литература

1. Баранов Ю.В. Стадии ресоциализации осужденных в свете новых социолого-антропологических воззрений и социальной философии. СПб., 2006.
2. Васильченко О.В. Социальная адаптация осужденных в местах лишения свободы: автореф. дис. по ВАК РФ 22.00.04. Ростов н/Д., 2008.
3. Галагузова М.А. Социальная работа с осужденными: учеб. пособие. М., 2002.
4. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / под ред. П.Г. Мищенкова. М., 1997.
5. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003.
6. Нечаева Е.В., Вырлан Е.В. Социальная адаптация лиц, освобожденных от отбывания наказания за преступления в сфере оборота наркотических средств // Уголовно-правовая превенция в сфере оборота наркотических средств или психотропных веществ, алкогольной и спиртосодержащей продукции (региональный аспект): сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2015. С. 177–180.
7. Морозов В.М., Виноградов В.В. Социальная работа в уголовно-исполнительной системе. Владимир, 2006.
8. Хромин Е., Шишов Е. К вопросу о формировании правовой культуры в условиях пенитенциарной системы // Законность. 2001. № 10.
9. Antonov I.O., Verin A.Y., Klyukova M.E., Nechaeva E.V. Improvement of institution of parole release and its implementation practices // Journal of Educational and Social Research. 2019. Т. 9, № 4. P. 205–209.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСКРЫТИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Р.Р. Рахматуллин, канд. юрид. наук, доцент
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет», г. Казань

Аннотация. Раскрытие многих преступлений осуществляется в условиях противодействия, что существенно затрудняет достижение задач уголовного процесса. В целях структуризации противодействия используется термин «криминалистическая характеристика противодействия», однако ученые по-разному представляют структуру данной категории. Автор обозначает свою позицию о месте данной категории в учении о противодействии.

Ключевые слова: преступление, криминалистическая характеристика, противодействие, учение, раскрытие, расследование, преодоление, выявление, нейтрализация.

GENERAL CHARACTERISTICS OF COUNTERACTION TO DISCLOSURE OF CRIMES

R.R. Rakhmatullin

Abstract. Many crimes are solved under counteraction conditions, which significantly complicate the achievement of the objectives of the criminal process. In order to structure the counteraction, the term «forensic characterization of the counteraction» is used, but scientists have different ideas about the structure of this phenomenon. The author expresses his position on the place of this category in the doctrine of counteraction.

Keywords: forensic characterization, the opposition, the teachings, disclosure, investigation, negotiation, pre-emption, detection, neutralization.

Изучение научной литературы, посвященной проблеме противодействия раскрытию и расследованию преступлений, показало, что это явление возможно и необходимо структурировать. В ряде работ в целях структуризации противодействия используется термин «криминалистическая характеристика противодействия» [3. С. 43]. Безусловно, здесь речь идет о заимствовании этого термина от известного в криминалистике термина «криминалистическая характеристика преступлений».

Вместе с тем мы считаем неоправданным практически полное заимствование данного термина при изучении проблемы противодействия раскрытию преступлений. С одной стороны, говорить об иной криминалистической характеристике и трактовать ее в том ключе, в котором она изначально возникла, развивалась и существует в криминалистике, не совсем корректно. С другой – в будущем неизбежны зачастую неоправданные дискуссии о практической и научной состоятельности категории «криминалистическая характеристика противодействия» из-за отсутствия в ней сведений о динамике развертывания и протекания противодействия во всех его фазах.

Известный криминалист современности Р.С. Белкин утверждал, что криминалистическая характеристика преступлений из-за отсутствия в ней сведений о подобной динамике как научная категория изжила себя, не оправдала возлагавшихся на нее надежд ученых и практиков, превратилась в иллюзию [1. С. 267]. Криминалистическую характеристику преступлений следует рассматривать как научную абстракцию, «начальную эмпириче-

скую форму обобщения следственной практики» [2. С. 128; 3. С. 97], исходную базу для разработки методики расследования преступлений соответствующего вида. При этом ответом научной мысли на вызов следственной практики явилось возникновение в науке понятий «механизм преступления», «механизм преступной деятельности» [4. С. 345].

В этой ситуации правомерно при структуризации противодействия говорить об общей характеристике противодействия раскрытию преступлений, под которой следует понимать систему сведений о типичных криминалистически значимых особенностях противодействия раскрытию преступлений определенного вида или категории. Содержательно структуру общей характеристики противодействия можно представить в виде ее элементов: субъект и объект противодействия (воздействия); цель, мотив и способ противодействия; признаки и факторы (детерминанты) противодействия; результат противодействия.

Субъекты противодействия раскрытию преступлений – это прежде всего лица, совершившие преступление, а также иные лица, заинтересованные в сокрытии данного преступления или преследующие иные цели в пользу преступника. Под общим *объектом* противодействия следует понимать процесс выявления и расследования, условия их производства. Непосредственным объектом являются источники и носители криминалистически значимой информации, на которые с целью воспрепятствования установлению истины оказывается воздействие (свидетели и иные лица, сотрудничающие со следствием, уголовное дело при его похищении и др.).

Важно по каждому делу уточнить *мотивы* противодействия (стремление уклониться от уголовной ответственности; скрыть соучастников, смягчить наказание; страх перед расправой со стороны других участников преступления; боязнь мести; угрозы, шантаж; корысть). Наиболее встречающимся *способом* противодействия является сокрытие преступления, а также психическое или физическое воздействие на свидетелей с целью добиться от них желаемого для субъекта воздействия поведения.

На наш взгляд, к полноправным элементам общей характеристики противодействия раскрытию преступлений можно отнести *признаки* и *факторы* противодействия, ведь они отража-

ются в объективной действительности и в сознании людей – в виде материальных и идеальных следов. Например, следы побоев на теле свидетеля могут говорить о признаках воздействия, а наличие родственных связей между обвиняемым и свидетелем – о факторе противодействия.

Результат противодействия с точки зрения достижения его целей чаще бывает положительным, когда значительная доля нераскрытых преступлений (45%) может свидетельствовать о реализации целей преступников (никто из них не привлечен к уголовной ответственности, уголовное дело приостановлено); частично положительным (обвиняемые осуждены, но добились значительного смягчения наказания; прекращено преследование в отношении отдельных членов преступной группы и др.); отрицательным, когда преступная группа установлена и избличена в совершении преступлений, по уголовному делу вынесен обвинительный приговор, вступивший в законную силу.

В целом общая характеристика противодействия раскрытию преступлений для правоохранительной практики имеет прежде всего поисковое, ориентирующее значение при первых признаках противодействия. В этом ее главное назначение. Обращение следователя к наиболее значимым элементам общей характеристики противодействия способно привести к осознанию им того, что отдельные лица намерены или уже принимают меры по уклонению от ответственности, стремясь при этом затруднить раскрытие преступления.

Следует помнить, общая характеристика противодействия является лишь базовой структурой для определения механизма противодействия, представляющей собой сложную динамическую систему с рядом последовательных процессов взаимодействия, следствием которых является появление следов-отражений, содержащих криминалистически значимую информацию о противодействии раскрытию, его субъектах и объектах.

Литература

1. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 267.
2. Ищенко Е.П., Колдин В.Я. Типовая информационная модель преступления как основа методики расследования // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 2006. № 6 (269). С. 128.

3. Крестовников О.Ф., Колдин В.Я. Системно-деятельностный анализ методологии криминалистики / под общ. ред. В.Я. Колдина. М., 2013. 272 с.

4. Криминалистика: Расследование преступлений в сфере экономики: учебник / под ред. проф. В.Д. Грабовского, доц. А.Ф. Лубина. Н. Новгород, 1995. С. 345.

5. Рубцов В.Г. Противодействие расследованию деятельности преступных формирований, организованных на этнической основе, и криминалистические методы его преодоления / под ред. В.П. Лаврова. М., 2011. С. 43.

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАРЯДОВ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ ПОЛИЦИИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ОБЕСПЕЧЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА, ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГРАЖДАН

А.В. Рогов, Е.А. Андреев

Отдельный батальон патрульно-постовой службы
полиции УМВД России, г. Чебоксары

Аннотация. Рассматриваются отдельные вопросы организации деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации на примере работы патрульно-постовой службы полиции по реализации государственной политики в сфере охраны общественного порядка, обеспечения общественной безопасности, личной безопасности граждан, а также предупреждения правонарушений и противодействия преступности.

Ключевые слова: патрульно-постовая служба полиции, правонарушения, преступления, общественный порядок, общественная безопасность, личная безопасность граждан.

FEATURES OF THE ACTIVITIES OF POLICE PATROL UNITS FOR THE PREVENTION OF CRIMES, AS WELL AS ENSURING PUBLIC ORDER, PUBLIC SAFETY AND PERSONAL SECURITY OF CITIZENS

A.V. Rogov, E.A. Andreev

Abstract. The article discusses certain issues of the organization of activities in the internal affairs bodies of the Russian Federation using the example of the work of the police patrol service to implement state policy in the field of public order protection, ensuring public safety, personal security of citizens, as well as preventing crime and combating crime.

Keywords: police patrol service, offenses, crimes, public order, public safety, personal safety of citizens.

Органы внутренних дел Российской Федерации в лице их служб и подразделений занимают особое место среди субъектов профилактической деятельности преступлений и административных правонарушений, а также обеспечения общественного порядка, общественной безопасности и личной безопасности граждан. Согласно положениям ведомственных приказов МВД России от 17.01.2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» [2] и от 29 января 2008 г. № 80 «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции» [1], сотрудники патрульно-постовой службы полиции (далее – ППСП) в целях предупреждения преступлений, а также обеспечения общественного порядка, общественной безопасности и личной безопасности граждан обязаны:

1) проверять самостоятельно либо с участием сотрудников других подразделений органов внутренних дел на маршрутах патрулирования места наиболее вероятного совершения преступлений, укрытия лиц, склонных к совершению преступлений, с целью предупреждения совершения с их стороны общественно опасных деяний, а также места концентрации криминогенного элемента несовершеннолетних, в том числе групп несовершеннолетних;

2) пресекать случаи распития гражданами спиртных напитков, употребления наркотических средств и психотропных веществ в общественных местах, факты совершения ими мелкого хулиганства, других нарушений общественного порядка;

3) выявлять заблудившихся детей и подростков, безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, а также несовершеннолетних правонарушителей, в том числе находящихся в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения, передавать их родителям или лицам, их заменяющим, в необходимых случаях доставлять таких лиц в дежурную часть территориальных органов МВД России или подразделения по делам несовершеннолетних (если они находятся вне помещения горрайоргана внутренних дел);

4) выявлять и задерживать в ходе несения службы лиц, находящихся в розыске за совершение преступлений, скрываю-

щихся от дознания, следствия, суда, отбывания наказания, без вести пропавших;

5) оказывать необходимую помощь гражданам, находящимся в беспомощном и опасном для их жизни и здоровья состоянии;

6) взаимодействовать с сотрудниками других подразделений органов внутренних дел по вопросам предупреждения и раскрытия преступлений, выявлению лиц, занимающихся незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, в том числе их сбытом;

7) принимать все необходимые меры, направленные на предупреждение совершения террористических актов в местах массового пребывания граждан;

8) осуществлять мероприятия по проверке документов в целях выявления лиц, подозреваемых в принадлежности к террористическим и экстремистским организациям, а также незаконно перевозящих оружие, боеприпасы, взрывные устройства, взрывчатые, зажигательные, химические, сильнодействующие ядовитые вещества, наркотические средства и психотропные вещества, террористическую и экстремистскую литературу;

9) контролировать на улицах и в иных общественных местах в пределах своей компетенции соблюдение лицами, освобожденными из мест лишения свободы [4. С. 45], установленных для них в соответствии с законом ограничений;

10) осуществлять разъяснительную работу среди граждан по соблюдению ими общественного порядка.

Указанные обязанности выполняются исходя из таких задач, стоящих перед сотрудниками патрульно-постовой службы полиции, как обеспечение правопорядка на улицах, объектах транспорта и в других общественных местах, а также обеспечение безопасности личности, предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений на постах и маршрутах патрулирования [8. С. 45].

Особенности деятельности нарядов ППСП по предупреждению и пресечению преступлений, административных правонарушений, а также обеспечения общественного порядка, общественной безопасности и личной безопасности граждан определяются характером и видами совершаемых административ-

ных правонарушений и преступлений [9. С. 145–149]. В случаях недопущения совершения данных административных правонарушений, посягающих на общественный порядок, сотрудники ППСП своим присутствием в местах большого скопления людей создают условия, препятствующие их совершению [10. С. 113–117].

В целях же профилактики административных правонарушений и преступлений, связанных с нарушением общественного порядка, сотрудникам ППСП необходимо осуществлять следующий комплекс мероприятий во время несения службы на постах или маршрутах патрулирования:

1) в ходе наблюдения за поведением людей большее внимание уделять местам концентрации криминогенного элемента;

2) осуществлять разъяснительную работу среди населения по соблюдению ими норм и правил общественного поведения, а также меры безопасности при пользовании источниками повышенной опасности;

3) контролировать в поле зрения места, предназначенные для отдыха людей (лавочки, беседки, детские площадки);

4) обращать внимание на лиц, осуществляющих перевозку оружия, боеприпасов, патронов к нему, с целью установления законности рассматриваемых действий;

5) отслеживать по имеющимся ориентировкам разыскиваемых лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений [7. С. 404–411];

6) быстро и качественно реагировать на изменения оперативной обстановки в местах патрулирования, при необходимости докладывать и составлять процессуальные документы [6. С. 470–473];

7) обращать внимание и принимать соответствующие меры по оказанию помощи гражданам, утратившим способность к передвижению.

Особенность деятельности нарядов ППСП по предупреждению и пресечению правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних лиц заключается в следующем. В частности, принимая участие в борьбе с правонарушениями и преступлениями среди несовершеннолетних лиц, детской безнадзорностью, ППСП обязаны выполнять следующие действия:

– предупреждать и пресекать преступления и иные правонарушения со стороны несовершеннолетних на улицах, объектах транспорта и в других общественных местах;

– выявлять заблудившихся детей, подростков, находящихся в состоянии алкогольного, токсического или наркотического опьянения, доставлять таких несовершеннолетних в дежурную часть территориального органа МВД России на районном или городском уровнях;

– принимать меры к выявлению групп несовершеннолетних антиобщественной направленности, установлению мест их концентрации, докладывать о них оперативному дежурному, а также информировать участкового уполномоченного полиции и инспектора по делам несовершеннолетних, обслуживающих данный участок;

– знать на патрулируемой территории несовершеннолетних, вернувшихся из воспитательно-трудовых колоний, осужденных к лишению свободы условно или с отсрочкой исполнения приговора, контролировать их поведение в общественных местах, обо всех правонарушениях с их стороны информировать инспектора по делам несовершеннолетних;

– выявлять взрослых лиц, вовлекающих несовершеннолетних в азартные игры, употребление спиртных напитков, наркотических средств и психотропных веществ, совершение правонарушений либо иных антиобщественных действий, и докладывать о них оперативному дежурному, сотруднику уголовного розыска, участковому уполномоченному полиции и инспектору по делам несовершеннолетних;

– принимать меры по недопущению нахождения несовершеннолетних в ночное время в общественных местах без сопровождения родителей (иных законных представителей) или лиц, осуществляющих мероприятия с участием детей;

– участвовать в процессе доказывания по уголовным делам с участием несовершеннолетних лиц [5. С. 118–120], а также в производстве необходимых следственных действий [3. С. 136–139].

Реализация целей и задач, поставленных перед сотрудниками ППС с учетом вышеприведенных специфических черт, позволяет обеспечивать общественную безопасность, обществен-

ный порядок и личную безопасность граждан. Стоит отметить, что обеспечение общественной безопасности, охрана общественного порядка, личной безопасности граждан, а также профилактика преступлений и правонарушений зависит не только от подразделений ППСП, но и от деятельности оперативно-розыскных подразделений, органов дознания, следствия и других заинтересованных правоохранительных органов.

Литература

1. Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции: Приказ МВД России от 29 января 2008 г. № 80 // Бюл. нормат. актов федер. органов исполнит. власти. 2008. № 27.

2. О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений: Приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19 // Текст приказа официально опубликован не был.

3. Маркелов А.Г., Нефедов М.А. Особенности проведения отдельных следственных действий с использованием инновационных технологий по уголовным делам в сфере экономики // Юрид. наука и практика. Вестн. Нижегород. академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 136–139.

4. Маркелов А.Г., Дмитриева О.В. Производство по уголовному делу в суде кассационной инстанции: учеб. пособие. Чебоксары, 2009. С. 45.

5. Маркелов А.Г., Купцов В.А. Идея процессуального компромисса как способа доказывания в современном уголовном судопроизводстве // Вестн. Рос. ун-та кооперации. 2016. № 3 (25). С. 118–120.

6. Маркелов А.Г. К вопросу о применении юридических конструкций при составлении процессуальных документов по уголовному делу // Юрид. техника. 2013. № 7-2. С. 470–473.

7. Маркелов А.Г. Идея доказательственного компромисса при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением по уголовному делу // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2018. № 3 (33). С. 404–411.

8. Маркелов А.Г. Дознание в органах внутренних дел: учеб. пособие. Чебоксары, 2017. С. 45.

9. Маркелов А.Г. О компромиссе при прекращении уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. 2018. № 1. С. 145–149.

10. Маркелов А.Г., Купцов В.А. Право на телефонный разговор в уголовном судопроизводстве России: гарантии и проблемы реализации // Вестн. Рос. ун-та кооперации. 2016. № 2 (24). С. 113–117.

ПРАВОВЫЕ И НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ КРИМИНАЛИСТИКИ

В.И. Романов, канд. юрид. наук, доцент
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет», г. Казань

Аннотация. Рассматривается роль и значение правовых и нравственных аспектов технических средств криминалистики в уголовном процессе. Уделяется внимание нравственным вопросам применения технических средств криминалистики в расследовании преступлений. Автор полагает, что игнорирование нравственных, моральных норм в части применения средств криминалистической техники наносит вред авторитету правоприменительных органов и привлечению невиновных к уголовной ответственности.

Ключевые слова: нравственность, криминалистика, технические средства криминалистики, расследование.

LEGAL AND MORAL ASPECTS OF CRIMINAL PROCEDURAL ACTIVITY USING FORENSIC TECHNOLOGY

V.I. Romanov

Abstract. Discusses the role and significance of the legal and moral aspects of the technical means of criminalistics in the criminal process. Attention is paid to the moral issues of the use of forensic technology in crime investigation. The author believes that ignoring moral, moral standards, in terms of the use of forensic techniques, is detrimental to the credibility of law enforcement agencies and bringing innocent people to criminal responsibility.

Keywords: morality, forensic science, technical means of forensics.

Нравственные начала уголовно-процессуальной деятельности играют очень большую роль в жизни современного общества.

Любое расследование – напряженный процесс. Достаточно сказать, что в 2019 году Следственным комитетом в суд направлено 88 719 уголовных дел, из них свыше 6,5 тысяч – о преступлениях коррупционной направленности. Расследовано 299 преступлений террористического характера и 151 преступлений экстремистской направленности, 14 863 преступления, совершенные в отношении несовершеннолетних. В суд направлено

8 379 дел в отношении 8 952 лиц, совершивших преступления против детей [2. С. 9].

В связи с этим особая роль отводится нравственным основам следственной деятельности. Обеспечение норм нравственности особо важно при производстве следственных дел с участием подозреваемого, обвиняемого, а также потерпевшего, свидетелей и законных представителей. Именно при производстве оперативных мероприятий, а в последующем – следственных действий, закладываются своего рода основы правового воспитания участников процессуальных действий и оперативных мероприятий.

Проблема этики, нравственности в деятельности следственных органов, должностных лиц, занимающихся доследственной проверкой, предварительным расследованием, в настоящее время приобретает особую значимость. Даже самый высокий профессионализм лиц, занимающихся расследованием, имеющих в своем арсенале современные технические средства криминалистики, теряет свою ценность, если он лишен нравственного смысла и содержания.

По данным нашего исследования, более половины опрошенных следователей высказались в пользу принесения моральных соображений и ценностей в жертву раскрытия преступлений. Каждый третий заявил, что в своей следственной практике отступал от этических норм при производстве следственных действий. Отсюда и низкий уровень доверия к правоохранительным органам.

Технические средства криминалистики – это приборы, аппаратура, оборудование, инструменты, приспособления, принадлежности и материалы, а также комплекты технических средств различного криминалистического назначения, применяемые для обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательств. Появляются также технические средства исследования электронных носителей информации. К такой технике относятся: универсальное устройство извлечения судебной информации (UFED – Universal Forensic Extraction Device), мобильный криминалист (XRY, MOBILedit, Таратула и др.). При этом данная криминалистическая техника позволяет работать практически с любой моделью мобильных устройств, в том чис-

ле поврежденными устройствами, планшетными компьютерами на основе любой операционной системы, навигаторами, картами памяти, флеш-картами.

В некоторых нормах УПК РФ требования нравственности выражены особенно отчетливо. Так, в ч. 3 ст. 9 говорится о том, что никто из участников уголовного судопроизводства не может быть подвергнут насилию, пыткам, жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению. В ч. 4 ст. 164 отмечается, что при производстве следственных действий недопустимо применение насилия, угроз и иных незаконных мер, создающих опасность для жизни и здоровья участвующих в них лиц. В ч. 6 той же статьи упоминается, что если в ходе следственного действия применяются технические средства, о них нужно заранее, перед началом предупредить участвующих в следственном действии лиц. К сожалению, на практике это выглядит иначе, не предупреждают, а ставят в известность о применении технических средств и тем самым как бы снимают с себя ответственность за применение средств криминалистической техники. А перечень технических средств обширен, велик, их арсенал все время пополняется. Полагаем, что надо не только поставить в известность, а порой и разъяснить, пояснить их суть и значение. В результате воплотится в реальность один из главных принципов уголовного судопроизводства, названный в ч.1 ст. 6 УПК РФ – защита прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступления, защита личности от незаконного, необоснованного обвинения, осуждения. В связи с этим полагаем, что нельзя использовать технические средства криминалистики как средство обмана, угрозы или шантажа, например, допрашиваемого. Известен случай, когда подозреваемому демонстрировали видеозапись другого участника, подозреваемого в убийстве, без звукового сопровождения. При этом допрашиваемому было сказано, что его соучастник якобы признался и дает признательные показания. Недопустимость подобного приема очевидна, использование современных цифровых средств видеофиксации – это довольно распространенное явление.

В криминалистической литературе достаточно обстоятельно изложены технические случаи, когда в ходе допроса следует использовать звукозапись [3. С. 316]. Вместе с тем, на наш

взгляд, тактически неоправданно и безнравственно применение звукозаписи при допросе потерпевшего или свидетеля, в отношении которых в целях обеспечения безопасности следователь принимает меры по сохранению в тайне их персональных данных. В процессе последующего ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, а вместе с тем и с материалами аудиозаписи (в порядке ч. 1 ст. 217 УПК РФ) потерпевший и свидетель будут идентифицированы, и, конечно же, их безопасность никто не гарантирует.

Внедрение в следственную практику новейших цифровых технологий является одним из основополагающих направлений развития современной криминалистики. В настоящее время только в Следственном комитете работают семь, в том числе окружных, ДНК-лабораторий. В 2019 году в Иркутской области с помощью молекулярно-генетических экспертиз раскрыта серия преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, совершенная местным жителем в отношении 25 женщин в период с 1992 по 2019 год на территории г. Тулуна. Преступник под угрозой ножа отводил потерпевших в безлюдные места, совершал насильственные действия, после чего похищал золотые украшения, носимые вещи, а также иные ценности. В уголовном судопроизводстве такие преступления называют преступлениями против нравственности. Раскрыть их крайне сложно. Современные технологии позволяют это сделать и установить подозреваемого. В то же время следует отметить, что ДНК-идентификация требует самого внимательного отношения к тому, как она применяется в следственной практике. Неправомерное, незаконное расшифрование и использование этой информации может нанести непоправимый моральный, социальный и иной вред ее носителю, повлечь существенное нарушение его конституционных и гражданских прав. Возможно использование полученной генетической информации и против биологических родственников, иных лиц, попавших в сферу уголовного судопроизводства.

Следует различать две стороны допустимости технических средств при производстве предварительного расследования: а) процессуально-нравственную, когда сбор доказательственной информации сопровождается ограничением прав и свобод, либо

нарушением неприкосновенности личности (например, при дактилоскопировании отпечатков пальцев, отобрании образцов ДНК для экспертного исследования, образцов подногтевого содержания, крови, спермы, волос и т.п. для криминалистического исследования); б) нравственную, когда использование технических средств не затрагивает права и свободы личности, но имеет большое значение для лица, вовлеченного в орбиту уголовно-процессуального расследования (например, специальное исследование в порядке ч. 3 ст. 144 УПК РФ для принятия в последующем процессуального решения для возбуждения уголовного дела или отказа в нем).

В первом случае использование тех или иных технических средств в неустановленном законом процессуальном порядке недопустимо и должно рассматриваться как нарушение законности. Во втором – все зависит от нравственной позиции специалиста, следователя-криминалиста, его профессионализма. Ведь речь идет не об экспертном исследовании, а о специальном исследовании, проводимом с применением технических средств в качестве доследственной проверки по материалам расследования.

Следует обращать внимание на соответствие технических средств криминалистики нравственным требованиям. Мы полагаем, что нравственный критерий допустимости технических средств в уголовном судопроизводстве предполагает: а) использование указанных средств в нравственно-оправданных целях; б) полное соответствие процесса их применения нравственным принципам и правовым нормам. И, как справедливо отмечается в криминалистической литературе, нравственность использования технических средств криминалистики в уголовном судопроизводстве должна находить свое конкретное выражение в следующем:

- 1) морально-оправданных целях, которым они призваны служить;
- 2) прогрессивном и гуманном содержании таких средств;
- 3) применении их в условиях нравственного обусловленного порядка применения, соответствия требованиям высокой культуры применения.

Нравственные аспекты применения технических средств связаны с вопросами правового характера. Вместе с тем нравственные аспекты неадекватны правовым. На наш взгляд, нравственные вопросы использования технических средств в криминалистике следует рассматривать не только с позиции уголовно-процессуального законодательства, но и Конституции Российской Федерации, Всеобщей декларации прав и свобод человека, других международных актов о правах человека.

Игнорирование нравственных, уголовно-процессуальных норм действующего законодательства в части использования современных технических средств криминалистики наносит непоправимый ущерб авторитету правоохранительных органов и, как следствие, привлечению к уголовной ответственности невиновных.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (по состоянию на 1 февраля 2020 г.). М., 2020.
2. Бастрыкин А.И. Кто против закона? Никто // Рос. газета. 2020. 15 янв. С. 9.
3. Егоров Н.Н. Криминалистика: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М., 2015. С. 316.

НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ ПРИМЕНЕНИЯ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Е.В. Романова, специалист сgm-проектов
ПАО «Банк «Финансовая Корпорация Открытие»»,
г. Ульяновск

Аннотация. Анализируются вопросы практического применения систем видеоконференц-связи, а также наличие несовершенств при проведении судебного разбирательства посредством данного способа. Предлагаются конкретные пути устранения выявленных проблем.

Ключевые слова: видеоконференц-связь, судопроизводство, программа «Скуре», правосудие.

THE MORAL ASPECT OF THE USE OF VIDEO CONFERENCING IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA: THE REALITY AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

E.V. Romanova

Abstract. Analyzes the practical application of video conferencing systems, as well as the shortcomings in the conduct of the trial by means of this method. Specific solutions to the problems identified are proposed.

Keywords: video conferencing, legal, program «Skype», justice.

Мир не стоит на месте, развиваются технологии, а вместе с ними и различные отрасли права. Так и уголовно-процессуальное право из года в год претерпевает новые изменения, пополняется новыми нормами, поправками. Говоря о технологиях, стоит отметить, что за последние двадцать лет в уголовном судопроизводстве начали активно использоваться технические средства, а именно средства для проведения видеоконференц-связи (далее – ВКС).

Согласно уголовно-процессуальному законодательству при необходимости суд, рассматривающий уголовное дело, может провести допрос свидетеля путем использования систем ВКС (ст. 278.1 УПК РФ). Об этом суд должен вынести решение. После этого он поручает другому суду, который находится по месту жительства свидетеля, организовать путем использования систем ВКС все необходимое для проведения допроса свидетеля. Помимо этого непосредственность и устность судебного разбирательства подразумевает то, что свидетель и потерпевший также могут быть допрошены судом путем использования систем ВКС (ч. 4 ст. 340 УПК РФ).

Опрос, проведенный среди студентов заочного отделения юридического факультета ЧГУ им. И.Н. Ульянова, показал, что на вопрос «Знали ли вы о том, что судебное разбирательство может проходить с помощью системы ВКС?» большинство ответили «знал(а)». На следующий вопрос «Как вы относитесь к применению систем ВКС в уголовном судопроизводстве?» были получены следующие ответы: «положительно» – 53%, «нейтрально» – 37%, «отрицательно» – 10%. Большинство респондентов считают, что введение и применение системы ВКС

имеет больше плюсов, чем минусов (71% – «больше плюсов», 29% – «больше минусов»). Как мы видим, возникает необходимость более детального исследования данного вопроса.

Однозначно можно сказать, что при проведении судебных разбирательств посредством систем ВКС экономятся временные и финансовые затраты, выделяемые из госбюджета, например, для доставления осужденного из следственного изолятора в суд для участия в процессе, также сокращается срок судебного разбирательства [1. С. 352]. К особенностям судебного заседания в формате ВКС относится присутствие второго судьи и секретаря с особым процессуальным статусом.

ВКС применяется при проведении заседаний, в том числе предварительных, как по инициативе суда, так и по ходатайству участников процесса, к которым законодателем отнесены не только стороны, но и свидетели, эксперты, специалисты, переводчики, важным условием является наличие технической возможности [2. С. 200]. С помощью ВКС можно получать объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, пояснения экспертов и специалистов. Для проведения судебного разбирательства с помощью системы ВКС необходимо заявить ходатайство, которое нужно подавать заранее, а именно не позднее, чем за пять рабочих дней до заседания. Однако оно может быть отклонено лишь в случае, если нет технических возможностей, либо если судебное заседание проходит в закрытом порядке.

На данный момент материально-техническое обеспечение судов Российской Федерации еще не достигло необходимого уровня [4. С. 299]. Не во всех судах есть техника для проведения ВКС, для этого нужны немалые денежные средства. Финансирование расходов на материально-техническое обеспечение деятельности судов и органов судейского сообщества осуществляется в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации за счет средств федерального бюджета.

В Верховном Суде Чувашской Республике ВКС применяется с 2006 года. С помощью данной подсистемы рассматриваются дела кассационной и надзорной инстанции с участием лиц, находящихся под стражей либо отбывающих наказание в виде лишения свободы. Для этих целей оборудованы три зала апелляционной инстанции, зал заседаний президиума, а также два

кабинета в следственном изоляторе в г. Чебоксары и один кабинет в изоляторе г. Цивильск. ВКС позволяет проводить заседания с лицами, которые содержатся на территории республики, а также за ее пределами. Система ВКС применяется и в районных судах республики. В случае применения технических устройств в протоколе судебного заседания отражаются сведения об использовании аудио-, видеозаписи, ВКС и (или) иных технических средств [6. С. 440].

Немаловажной считается проблема, что в УПК РФ (гл. 8) в перечне участников уголовного судопроизводства не указывается технический специалист, т.е. тот человек, который непосредственно отвечает за оснащение зала судебных заседаний техническими средствами и осуществление судебного разбирательства с помощью ВКС. На данный момент в судах, как правило, эти действия выполняют секретарь суда либо секретарь судебного заседания [5. С. 361]. Считаем, что это не совсем правильно, так как на секретарей возложено достаточно много обязанностей. По-нашему мнению, организацией проведения судебного разбирательства в режиме ВКС должен заниматься человек, обладающий специальными знаниями в информационно-технической сфере, потому что в процессе заседания могут случиться технические неполадки, которые, возможно, сможет устранить лишь специалист [7. С. 68], при невозможности их устранения судебное разбирательство откладывают.

Следующая проблема, которую мы выявили, касается программы, с помощью которых проводятся ВКС. Случаются злоупотребления с использованием ВКС, зачастую происходит их подмена. Например, суды часто используют программу «Skype». На наш взгляд, нужно создать единую федеральную программу, например «Правосудие», с помощью которой суды Российской Федерации будут проводить ВКС. Это обезопасит нашу страну от вмешательства иностранных государств в судебные дела Российской Федерации.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

– ВКС является эффективным способом защиты прав и интересов граждан, однако в Российской Федерации этому институту необходимо дальнейшее развитие и модернизация – создание единой федеральной программы для ВКС;

- технического специалиста нужно закрепить в УПК РФ как иного участника уголовного судопроизводства;
- необходимо увеличить финансирование судов для оснащения материально-техническими средствами для проведения судебных разбирательств с помощью систем ВКС.

Надеемся, что в ближайшее время государству удастся устранить многие проблемы реализации проведения ВКС.

Литература

1. Максимов Н.В., Илларионова Д.А. Несколько мыслей о процессуальном институте привлечения несовершеннолетнего лица в качестве обвиняемого по уголовному делу // Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2018. С. 350–357.
2. Корнеева О.В., Ефимов А.В. Отдельные проблемы совершенствования уголовного законодательства России на современном этапе // Новеллы российского законодательства в контексте стратегии национальной безопасности: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2016. С. 200–204.
3. Максимов Н.В., Кузьмин Ю.А. Проблема истины при вероятностном выводе судебной экспертизы // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов 4-й Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2014. С. 406–409.
4. Максимов Н.В. Деятельность эксперта-криминалиста как часть криминалистического сопровождения при расследовании преступлений // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2012. С. 299–303.
5. Максимов Н.В. О достоинствах и недостатках таблицы А. Бертильона для определения роста преступника по следу обуви // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. материалов XXI Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2016. С. 361–365.
6. Маркелов А.Г., Саливаров В.Я., Максимов Н.В. Некоторые проблемы соблюдения прав и законных интересов потерпевшего в компромиссных процедурах уголовного судопроизводства России // Трансформация социальных систем: проблемы и поиски путей решения: сб. науч. тр. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Саранск, 2017. С. 440–442.
7. Чулахов В.Н. Криминалистическое значение и особенности исследования навыков изготовителя самодельного огнестрельного оружия // Вестн. криминалистики. 2000. № 1. С. 68–71.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

А.Н. Рыбаков, канд. экон. наук, Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Чувашской Республике, г. Чебоксары
С.Н. Тихонов, помощник Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Чувашской Республике, г. Чебоксары

Аннотация. Рассмотрены вопросы дальнейшего совершенствования нормативного регулирования в сфере улучшения правового положения осужденных. Авторами статьи высказаны конкретные предложения о внесении изменений в действующее законодательство в части условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, изменения вида исправительного учреждения и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Ключевые слова: улучшение правового положения осужденных, изменение законодательства, ускорение исправления осужденных и возвращения их в социальную среду.

SOME IMPROVEMENT ISSUES LEGISLATION IN THE FIELD OF LEGAL IMPROVEMENT STATUS OF CONVICTED PRISONERS

A.N. Rybakov, S.N. Tikhonov

Abstract. The article is devoted to the issues of further improvement of regulatory regulation in the field of improving the legal status of convicts. The authors of the article made specific proposals to amend the current legislation in terms of conditional early release from serving a sentence, changing the type of correctional institution and replacing the unserved part of the sentence with a more lenient type of punishment.

Keywords: improving the legal status of convicts, changing legislation, speeding up the correction of convicts and their return to the social environment.

Практика предоставления осужденным условно-досрочного освобождения (УДО) от отбывания наказания, изменения вида исправительного учреждения и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания (улучшения их правового положения) свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования. Правильное и комплексное использование этих мер способствует как ускорению исправления осужденных, так и возвращению в социальную

среду, о чем неоднократно говорилось в исследованиях ряда авторов [5. С. 205–209; 6. С. 6–10; 7. С. 183–186].

В ч. 3 ст. 79 УК РФ (УДО) и ч. 2 ст. 80 УК РФ (замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания) предусмотрена одинаковая по срокам возможность УДО и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания – при фактическом отбытии осужденным не менее одной трети срока наказания (преступление небольшой и средней тяжести) и половины срока наказания (тяжкое преступление) соответственно [1].

При идентичных пределах (сроках) наступления возможности улучшить свое правовое положение осужденными, как правило, выбирается кардинальный вариант УДО, который на практике оказывается зачастую нереализуемым.

Поэтому представляется необходимым «расчлнить» установленные законом сроки отбытия наказания. В частности, в ч. 2 ст. 80 УК РФ уменьшить сроки фактического отбытия наказания для возможности подачи ходатайства о замене неотбытой части наказания, установив их на уровне – одной четверти срока наказания (преступление небольшой и средней тяжести) и одной трети срока наказания (тяжкое преступление) (как вариант – «кроме преступлений против жизни и здоровья»).

«Рациональное зерно» видится в упрощении предварительных условий для перевода осужденного в колонию-поселение. Для этого следует исключить из п. «в» ч. 2 ст. 78 УИК РФ обязательное требование о нахождении осужденного в «облегченных условиях содержания» на момент подачи обращения об изменении вида исправительного учреждения [2]. На наш взгляд, упоминания требования о «положительно характеризующихся осужденных» в уголовно-исполнительном законе уже вполне достаточно.

Для установления степени исправления осужденного в ст. 79 УК РФ требуется конкретизировать критерии поведения осужденных, соответствующие их УДО. Нынешняя «размытость» критериев ведет к произвольному толкованию их на практике. Следует также внести изменения в УК РФ, УИК РФ и нормативные правовые акты Минюста России для разработки оценочного стандарта и ограничения рамок субъективного усмотрения администрации пенитенциарной системы.

Развитию института улучшения правового положения осужденных препятствует архаичность системы дисциплинарной ответственности лиц, осужденных к лишению свободы.

Так, процедура производства по делам о дисциплинарных проступках ни в УИК РФ, ни в ведомственных нормативных правовых актах полноценно не раскрыта. В УИК РФ имеются лишь нормы, регулирующие порядок применения взысканий, а также определяющие круг должностных лиц и их полномочия в указанной сфере. Кроме того, вопросы дисциплинарной ответственности осужденных не детализированы в ведомственных нормативных актах Минюста России.

В связи с этим предлагается закрепить в ст. 117 УИК РФ положение о том, что вопросы наложения дисциплинарных взысканий на осужденных решаются исключительно дисциплинарной комиссией исправительного учреждения, состав которой утверждается начальником учреждения. Для образца можно использовать действующую систему дисциплинарного воздействия на лиц, осужденных к принудительным работам (ст. 60.15 УИК РФ), в отношении которых применяется институт дисциплинарных комиссий, созданных в исправительных центрах [2]. Особенность данной схемы в том, что все налагаемые взыскания проводятся через решение указанной комиссии, что значительно повышает шансы осужденного на объективную оценку допущенного им проступка.

В целом Минюсту России необходимо принять нормативный правовой акт, структурно регламентирующий систему мер дисциплинарного воздействия на осужденных, порядок, условия и процедуру их привлечения к дисциплинарной ответственности (возбуждение дисциплинарного производства, дисциплинарное расследование, рассмотрение дел, исполнение решений о наказании, обжалование и опротестование решений, правовые последствия наказаний). Как вариант, нормативный правовой акт в виде Дисциплинарного положения.

Практика УДО осужденных продолжает оставаться неоднородной и отчасти иррациональной, что подтверждается статистическими данными судов и ФСИН России.

На судебные процессы по рассмотрению ходатайств осужденных об УДО предлагается ввести институт присяжных засе-

дателей, поскольку присяжные в определенной степени способствуют укреплению демократических основ уголовного судопроизводства и повышению общественного доверия к системе российского правосудия. Такая прогрессивная форма уголовного судопроизводства с 1 июня 2018 г. начала применяться на уровне всех районных судов [3].

Путем внесения изменений в законодательство следует открыть реальные перспективы вовлечения гражданского общества в эти процессы. Специфика рассмотрения материалов об УДО, в отличие от рассмотрения уголовных дел, не требует от присяжных юридического образования и специальных познаний при принятии решения о том, заслуживает человек свободы или нет. Присяжные будут руководствоваться личной трактовкой обстоятельств, связанных с поведением осужденного, и непредвзятой оценкой представленных суду доказательств исправления осужденного.

Также предлагается воссоздать широкую практику проведения выездных заседаний судов на территории исправительных учреждений по рассмотрению ходатайств осужденных об УДО, изменении вида исправительного учреждения и смягчении наказания.

Применяемые в ходе судебных заседаний дистанционные системы видеоконференц-связи, проводимые под бдительным контролем администрации, не позволяют в полной мере выявить обстоятельства дела и объективно оценить осужденного по причине отсутствия непосредственного вербального контакта. Воспитательная функция суда не потеряла своей актуальности ввиду того, что она содержится в самой природе уголовного судопроизводства. Позитивные результаты советского пенитенциарного опыта говорят о том, что проведение показательных заседаний судов в расположении исправительного учреждения выполняет искомую предупредительно-профилактическую роль.

Остается весьма спорным существование неизжитой системы благотворительных пожертвований (гуманитарной помощи) для нужд учреждений, исполняющих уголовные наказания.

Согласно п. 19 ст. 14 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих наказания в виде лишения свободы» этим учреждениям предоставлено право принимать

во владение и пользование от учреждений, организаций и предприятий любых организационно-правовых форм, а также граждан материально-технические ресурсы, финансовые средства и имущество [4]. Причем это право не нашло развития и детализированного выражения в подзаконных нормативных актах Минюста России.

Положительное мнение администрации по поводу возможности улучшения правового положения «платежеспособного» осужденного зачастую увязывается с поступающим к нему предложением решить этот вопрос при условии выделения его родственниками для нужд исправительного учреждения благотворительных пожертвований в виде финансовых средств, имущества и материально-технических ресурсов. При всех заявленных общепользительных целях система данных пожертвований продолжает оставаться элементом давления на осужденных и лазейкой для злоупотреблений со стороны недобросовестных сотрудников уголовно-исполнительной системы, на деле осуществляющих «торговлю свободой».

В современных условиях достаточности бюджетного финансирования ФСИН России получаемая гуманитарная помощь по своим объемам не играет существенной роли в укреплении материальной базы учреждений, но выпячивает ненужную корыстно-заинтересованную связь между администрацией и осужденными. Поэтому предлагается внести изменения в названный федеральный закон, исключив из него право пенитенциарных учреждений принимать благотворительные пожертвования.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей: Федер. закон от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
4. Об учреждениях и органах, исполняющих наказания в виде лишения свободы: Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5. Antonov I.O., Verin A.Y., Klyukova M.E., Nechaeva E.V. Improvement of institution of parole release and its implementation practices // Journal of Educational and Social Research. 2019. Т. 9, № 4. С. 205–209.

6. Epikhin A.Y., Zaitsev O.A., Tasakov S.V. et al. The Purpose of «Correction» in the Russian Criminal and Criminal and Executive Law // Journal of Politics and Law. 2019. Vol. 12, № 5. P. 6–10. URL: <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/jpl/article/view/0/40594/>

7. Epikhin A.Yu., Zaitsev O.A., Tasakov S.V. et al. The Correctional Process in Russian Penitentiary Institutions // The Journal of Social Sciences Research. 2018. № 1. P. 183–186. URL: https://arpgweb.com/journal/journal/7/special_issue

ВОПРОСЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Н.С. Салаев, д-р юрид. наук, и.о. профессора
Ташкентский государственный юридический университет,
г. Ташкент

Аннотация. Анализируются важнейшие вопросы ресоциализации осужденных в пенитенциарных учреждениях Республики Узбекистан, вопросы совершенствования деятельности сотрудников пенитенциарных учреждений по исправлению и оказанию помощи осужденным. Содержатся выводы и рекомендации по совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства Республики Узбекистан.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное законодательство, пенитенциарные учреждения, осужденный, ресоциализация, профилактика, нравственность, исполнение наказаний.

ISSUES OF RESOCIALIZATION IN THE PENITENTIARY SYSTEM AND PROSPECTS FOR ITS IMPROVEMENT IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

N.S. Salaev

Abstract. This article analyzes the most important issues of resocialization of convicts in penitentiary institutions of the Republic of Uzbekistan, issues of improving the activities of penitentiary staff to correct and provide assistance to convicts. At the end of the article, conclusions and recommendations on improving the enforcement legislation of the Republic of Uzbekistan were presented.

Keywords: criminal-executive legislation, penitentiary institutions, convict, re-socialization, prevention, morality, execution of punishments.

Изменения в социально-политическом и экономическом развитии общества в современный период отражаются на деятельности органов и учреждений по исполнению наказаний. Реформирование данной системы, подчиненное происходящим государственным преобразованиям в стране, одновременно означает изменения в уголовно-исполнительном законодательстве, правовом регулировании и деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы любого государства, в частности Республики Узбекистан. В Концепции совершенствования уголовно-исполнительного законодательства Республики Узбекистан в 2019–2021 годах, утвержденной Постановлением Президента Республики Узбекистан от 7 ноября 2018 года № ПП–4006, в качестве важных задач предусмотрены совершенствование деятельности органов, исполняющих наказания, и другие меры уголовно-правового воздействия с позиции обеспечения эффективной воспитательной работы и исправления осужденных, а также дальнейшее расширение круга прав осужденных в соответствии с общепризнанными международными стандартами и передовым зарубежным опытом [1].

Происходящие в настоящее время реформы в Республике Узбекистан во исполнение вышеуказанной Концепции предполагают в корне изменить подход к осуществляемой в государстве уголовной и уголовно-исполнительной политике. Важным направлением научных исследований являются научные исследования деятельности персонала учреждений по исполнению наказания во всем богатстве проблем, которые при этом возникают: требования к персоналу и его подбор; обучение и профессиональная подготовка персонала; социальная защита и льготы персонала; условия труда и эффективность деятельности персонала; предупреждение коррупции и профессиональной деформации персонала; ответственность персонала и т.д. [2. С. 36].

Основной целью превентивной деятельности колоний по исполнению наказаний являются требования, направленные на повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня мировых стандартов обращения с осужденными и потребностей общественного развития; сокращение рецидивной преступности среди лиц, отбывших наказания, за счет приоритета социальной работы в местах лише-

ния свободы и развития системы социальной реабилитации; обеспечение гуманизации условий содержания осужденных, соблюдение их прав и законных интересов [5. С. 35].

В настоящее время социальная, психологическая и воспитательная работа рассматриваются как взаимосвязанные и взаимообуславливающие элементы для ресоциализации осужденных и освоения ими основных социальных функций в качестве необходимого условия исправления и успешной адаптации в обществе после освобождения.

Представляется, что цели и задачи социальной работы должны стать основой координации деятельности учреждений пенитенциарной системы в применении средств исправительного воздействия. Социальная защита, помощь и реабилитация будут ориентированы как на реализацию прав и свобод осужденных, так и на их исправление и ресоциализацию [10. С. 79–80]. На наш взгляд, следует при каждом пенитенциарном учреждении создать комнаты психологической помощи, что является положительным шагом.

Современная организация исправительно-профилактического воздействия в колониях предполагает отказ от отрядной системы и переход к индивидуальным и групповым формам исправительного воздействия, направленным на формирование духовно-нравственных основ личности и основанным на социальных приоритетах. В обязательном порядке должны создаваться условия для обеспечения физического развития и самовоспитания осужденных, повышения их культурного и образовательного уровня, организации досуга, художественного творчества.

При переходе от методов коллективного воспитания к системе индивидуально-профилактической работы с осужденными возникает необходимость замены должностей начальников отрядов на должности социальных педагогов. При этом перераспределение функциональных обязанностей нынешних начальников отрядов целесообразно осуществить между специалистами по социальной работе, психологами и социальными педагогами [4. С. 58].

При организации и проведении воспитательной работы с осужденными следует отдавать приоритет индивидуальным

формам. Групповые формы целесообразно использовать при условии формирования однородных по составу групп осужденных (численностью не более 10 человек). В отношении осужденных, содержащихся в колониях-поселениях, необходимо максимально использовать такие положительные факторы, как наличие семьи, социальные связи с прежними трудовыми коллективами.

Осужденных с достаточным образовательным уровнем следует привлекать для организации работы кружков, клубов по интересам, проведения спортивных и воспитательных мероприятий.

С лицами, содержащимися в колониях-поселениях с обычным наблюдением, в большей мере, чем с другими категориями осужденных, возможна реализация функции самовоспитания. От администраций колоний-поселений требуется создание необходимых условий для обеспечения потребностей осужденных в поддержании и развитии образовательного, профессионального и культурного уровня, удовлетворения духовных запросов. В этом плане следует активно использовать взаимодействие с учреждениями образования и культуры, религиозными объединениями, представителями общественности, заботиться о регулярном поступлении в библиотеки учреждений научно-популярных изданий, художественной литературы [6. С. 3].

Проведение с осужденными занятий по правовому и нравственному воспитанию, профориентация, закрепление и развитие трудовых навыков, искоренение вредных привычек и пропаганда здорового образа жизни являются необходимым условием для осознания осужденными собственной вины, анализа причин совершенного преступления и предупреждения противоправного поведения в будущем. Таким осужденным следует разъяснять, что целью наказания являются не только исправление и профилактика совершения новых преступлений, но и восстановление социальной справедливости.

Осужденный должен понимать справедливость назначенного наказания и рассматривать его как социальную компенсацию того ущерба, который он причинил в результате совершенного им преступления. Кроме того, смысл проводимой с осужденными работы состоит также в том, чтобы предотвратить деформа-

цию их поведения и возможную десоциализацию в условиях частичной изоляции от общества, сохранить нормальные взаимоотношения с родственниками, коллегами по прежней работе и в среде ближайшего социального окружения [8. С. 24].

В индивидуальной работе с осужденными следует учитывать значение проблемы самоутверждения, которая присуща активным лицам молодого возраста (18–29 лет). В ходе индивидуальных бесед воспитатель должен стараться не только положительно воздействовать на осужденного, но и получить дополнительные сведения о нем, его жизни, мотивах и обстоятельствах совершенного преступления. Такие беседы можно организовывать в форме дискуссий, используя примеры из жизни. Целесообразно при этом обращать внимание на вопросы жизненных перспектив осужденных, особенно молодых людей [9. С. 24].

В организации и проведении социальной и воспитательной работы в колониях с усиленным наблюдением следует учитывать тот факт, что среди осужденных, как правило, немало лиц, склонных к хулиганству. За ними необходим строгий надзор и тщательная регламентация поведения. Ни один проступок не должен оставаться без последствия со стороны администрации учреждения. Первоочередное внимание следует обращать на выявление возможных конфликтных ситуаций и предупреждение противоправных действий [12. С. 160].

Среди осужденных большая доля лиц, не имеющих семьи и не состоявших ранее в браке. Это обстоятельство требует проведения мероприятий, формирующих установку на создание собственной семьи.

Самое серьезное внимание должно быть обращено на привлечение осужденных к учебе, используя возможности заочной и дистанционной форм обучения, вечерних (сменных) общеобразовательных школ и профессиональных училищ [3. С. 14]. Осужденных, имеющих среднее общее образование, целесообразно побуждать и далее повышать свой уровень, информировать об образовательных учреждениях и профессиональных курсах, имеющихся как на территории соответствующего административно-территориального региона, так и других областей.

Как известно, осужденные, переведенные из тюрем общего и особенно усиленного режимов, могут негативно влиять на основную массу осужденных. Исходя из этого, социальная и воспитательная работа с ними должна в наибольшей мере включать социальные функции, обеспечивающие их приобщение к социуму. К примеру, такие мероприятия, как ознакомление с общественно-политической, экономической, культурной жизнью того региона, где расположена колония-поселение, активное использование воспитательного потенциала местных образовательных и культурно-просветительских учреждений, общественных и религиозных организаций, а также средств массовой информации [11. С. 46].

Интенсивная социальная и воспитательная работа с осужденными должна проводиться непрерывно, как в период адаптации к условиям отбывания наказания, так и при подготовке к жизни в обществе, с привлечением представителей органов исполнительной власти и местного самоуправления, общественности, в том числе для решения вопросов трудового и бытового устройства осужденных.

Необходимо максимально использовать в качестве позитивных стимулов возможность для отдельных категорий осужденных, не допускающих нарушений установленного порядка отбывания наказания и имеющих семьи, проживать с ними за пределами колоний-поселений (ст. 130 УИК), а также после соответствующего разрешения администрации учреждения проводить за пределами колоний-поселений выходные и праздничные дни (ст. 126 УИК) [7. С. 8].

Представляется целесообразным ввести новый вид поощрения в виде отпуска положительно характеризующимся осужденным за пределы колоний-поселений для решения неотложных юридических, профессиональных, социально-бытовых и семейных вопросов (в том числе в связи с обучением в высших учебных заведениях). Такой отпуск может стать одним из средств социальной адаптации к условиям жизни в обществе.

При переходе на новую типологию учреждений по исполнению наказания существенно возрастет роль индивидуализации исполнения наказания и применение индивидуальных методов воздействия. В связи с этим важное значение имеет проведение

дифференцированной социальной и воспитательной работы с учетом особенностей различных категорий осужденных.

Действующее уголовно-исполнительное законодательство, приведенное в соответствие с требованиями международных актов и стандартов, значительно демократизировало процесс исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы. Однако нормы в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве в сегодняшней их редакции, анализ практики их применения, на наш взгляд, демонстрируют неточность, имеют и пробелы в правовом регулировании отдельных вопросов назначения и исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы в колониях по исполнению наказания и тюрьмах. Проанализировав и охарактеризовав вопросы, обозначенные в рамках данной статьи, можно сделать выводы о необходимости введения в УИК Республики Узбекистан следующих изменений:

1. Исправление и ресоциализация осужденных может быть достигнута с помощью таких предусмотренных законом средств воздействия, как режим отбывания наказания, общественно-полезного труда, воспитательной работы, общего и специального образования, профессиональной подготовки и т.д. (ч. 2 ст. 7 УИК). В связи с этим полагаем, что в ст. 2 УИК необходимо определить цели ресоциализации и социальной адаптации осужденных.

2. Следует дополнить УИК ст. 98¹, предусматривающей организацию работ по социальной адаптации осужденных и оказанию им психологической помощи.

3. Необходимо закрепить учет участия осужденных в воспитательном процессе при решении вопроса применения в отношении них поощрительных или дисциплинарных мер.

4. Представляется целесообразным ввести новый вид поощрения в виде отпуска положительно характеризующимся осужденным за пределы колоний-поселений.

5. Следует установить обязанность субъектов профилактической службы в проведении дифференцированной социальной и воспитательной работы с учетом особенностей различных категорий осужденных.

Литература

1. О мерах по коренному совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства: Пост. Президента Республики Узбекистан от 7 ноября 2018 года № ПП-4006.
2. Бородин В.В. Значение правовой культуры сотрудника милиции в реализации функций политической системы // Органы внутр. дел в полит. системе общества. М., 2008. С. 36–42.
3. Воспитательное воздействие общеобразовательного обучения на осужденных: учеб. пособие / Ю.А. Алферов, Г.П. Байдаков, А.А. Лакевеев и др. М., 2010. 260 с.
4. Дементьев С.И. Лишение свободы как мера уголовного наказания. Краснодар, 2007. 140 с.
5. Ковалев В.М. Содержание и цели наказания, их влияние на назначение исполнения лишения свободы // Проблемы исполнения уголовных наказаний. Рязань, 2011. С. 34–39.
6. Комплексная программа по улучшению деятельности колоний-поселений ФСИН России на 2007–2008 гг. 28 с.
7. Курганов С.И. Герменевтика Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации // Уголовно-исполнит. система: право, экономика, управление. 2011. № 3. С. 6–10.
8. Новиков В.А. Анализ взаимодействия ФСИН и системы постпенитенциарной адаптации Российской Федерации на примере ФГУ «Можайская воспитательная колония» // Вопр. ювенал. юстиции. 2010. № 1(6). С. 24–28.
9. Семенова С.А. Гуманизация учебно-воспитательного процесса в воспитательной колонии: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Коломна, 2009. 48 с.
10. Уголовно-исполнительное право: учебник / под ред. В.И. Селиверстова. 3-е изд., испр. и доп. М., 2010. 480 с.
11. Ушатиков А.И., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология. Рязань, 2012. 180 с.
12. Pinatel J. Criminalogee.t droit penal. Paris, 2015. P. 156–172.

ПРОБЛЕМЫ НРАВСТВЕННОСТИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

В.Я. Саливаров, ст. преподаватель
В.И. Перепелкин, канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Анализируются проблемы, связанные с нравственностью при осуществлении оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве России, уровне правосознания оперативных работников, их устойчивостью к деформации личностного характера.

Ключевые слова: нравственность, оперативно-розыскная деятельность, уголовное судопроизводство, оперативные подразделения, правоохранительные органы.

PROBLEMS OF MORALITY IN THE IMPLEMENTATION OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA

V.Ya. Salivarov, V.I. Perepelkin

Abstract. Analyzes the problems associated with morality in the implementation of operational investigative activities in criminal proceedings in Russia, with the level of legal awareness of operational employees, their resistance to deformation of personal character.

Keywords: morality, operational investigative activities, criminal proceedings, operational units, law enforcement agencies.

Человек, его права и свободы, в соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации, являются высшей ценностью. Обеспечение достойной жизни граждан и свободного развития является основным конституционным принципом нашей страны.

Уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за посягательство на личность, в настоящее время особо нуждаются в правовой регламентации.

Тема нравственности является одним из главных элементов в сфере человеческой жизни, и особое значение она приобретает там, где вершатся человеческие судьбы. Мораль и нравственность – вот что, по утверждению С.В. Тасакова, составляет основу правоохранительной деятельности [6. С. 98]. Формат нашей статьи не позволяет уделить внимание всем проблемам этой темы, и потому остановимся лишь на одном, достаточно остром – в вопросах нравственности при осуществлении оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД).

Государство предоставляет оперативным подразделениям и их сотрудникам достаточно широкие полномочия по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений, которые в большей степени реализуются негласно. В таких непростых условиях сегодняшней жизни очень велик соблазн встать на противоправный путь, использовать свои полномочия в личных

корыстных целях. В настоящее время в средствах массовой информации освещено немало таких примеров, когда этот соблазн воплощался в конкретных действиях. Например: полковник полиции Д.В. Захарченко, начальник Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России, занимая столь высокий пост, совершал преступления коррупционной направленности, за что приговорен к 13 годам лишения свободы.

Нередки случаи прямого попустительства преступникам со стороны сотрудников, осуществляющих ОРД, укрывательства преступлений, фальсификации результатов ОРД, подбрасывания наркотических и психотропных веществ и вещественных доказательств невиновным лицам. В данной обстановке особое значение приобретает соответствующий уровень правосознания, нравственность оперативных работников, их устойчивость к деформации личностного характера и их моральный стержень [7. С. 257].

Каковы же пути разрешения этих проблем? На наш взгляд, прежде всего необходимо укрепить кадровый аппарат в силовых структурах, в правоохранительных органах, в оперативных подразделениях, осуществляющих ОРД [10. С. 450]. В практику кадровой работы правоохранительных органов ввести передовые методы изучения претендента на должность, такие как прохождение «полиграфа», использование более сложного тестирования, опросы психологами, что позволило бы «отсеивать» лиц с криминальным прошлым и неустойчивых лиц [2. С. 480]. Необходимо поднимать престижность работы в правоохранительных органах, увеличивать денежное содержание сотрудников оперативных подразделений, шире применять материальное и моральное стимулирование [3. С. 100]. Далее необходимо усилить ведомственный контроль и прокурорский надзор за лицами, осуществляющими ОРД, акцентируя внимание на законности принимаемых решений оперативными работниками.

Одним из проблемных вопросов в настоящее время является низкий уровень доверия граждан к лицам, осуществляющим ОРД. Сталкиваясь в повседневной жизни с коррупционными проявлениями со стороны тех, кто призван с ними бороться, помня историю страны периода 1937–1953 гг. о произволе, при-

влечении к уголовной ответственности «по доносу», видя «громоздкость» и формализм современных правил российского уголовного судопроизводства, многие граждане боятся и не желают содействовать оперативным подразделениям, осуществляющим ОРД [11. С. 190].

Негласная помощь оперативным подразделениям часто многими гражданами оценивается как безнравственный, аморальный и подлый поступок [4. С. 117]. Между тем именно работа с гражданами, оказывающими содействие оперативным подразделениям в выявлении, раскрытии преступлений, является основой ОРД [8. С. 444]. Без содействия граждан невозможно было бы сегодня раскрывать такие тяжкие преступления, как: терроризм, контрабанда, незаконный оборот наркотических и психотропных веществ, убийства, незаконный оборот огнестрельного оружия и боеприпасов и многие другие тяжкие преступления.

Требуются дальнейшие усилия в правоохранительных органах, чтобы их негативный образ был окончательно развенчан. Для этого необходимо не только «самоочищение рядов», но следует учитывать положительный зарубежный опыт стимулирования активной помощи граждан в раскрытии преступлений, применяя как моральные, так и материальные стимулы.

В настоящее время большую роль в формировании общественного сознания играют средства массовой информации. Многочисленные сериалы, показывающие поголовную коррупцию в системе правоохранительных органов, не способствуют созданию позитивной модели поведения граждан и полицейского. Требуется серьезное внимание государства к этой проблеме, чтобы такой негативный элемент был преодолен [1. С. 361].

Важно также обеспечить надлежащую защиту тех, кто доверился оперативному работнику и помогает в раскрытии преступлений. Безнравственно требовать от граждан содействия в выявлении, раскрытии преступлений, а затем от свидетелей – правдивых показаний, если государство не может их надежно защитить [5. С. 25].

Достаточно много вопросов, заслуживающих внимания и имеющие нравственную основу, вызывают темы оперативного эксперимента и оперативной провокации. Тема провокации

звучит в нашей стране достаточно часто. Заявления чиновников, которые, будучи схваченными за руку с крупными денежными суммами, как обычно, утверждают, что стали жертвами произвола оперативных подразделений, ведущих ОРД.

На наш взгляд, настоящая провокация, требующая самого решительного осуждения, это когда человеку «подбрасывают» деньги, наркотики или еще что-либо, создавая искусственные доказательства совершения ими преступлений. Данная ситуация – это не только незаконно, но и безнравственно [9. С. 244].

Однако если чиновник добровольно соглашается взять деньги за определенную услугу, «продавая» тем самым свои полномочия, а его при этом задерживают оперативники с личным, то, на наш взгляд, трудно говорить о какой-либо безнравственности сотрудников правоохранительных органов. Ведь каждый чиновник, служащий не может не понимать, что это взятка, а взятка является преступлением, за что должна наступить уголовная ответственность.

Литература

1. Васильев С.В., Перепелкин В.И. Актуальные вопросы осмотра места дорожно-транспортного происшествия // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов 4-й Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2014. С. 360–364.
2. Кузьмин Ю.А. Юридические санкции и иные меры уголовно-правового характера в современном мире // Юридические санкции: общетеоретические и отраслевые аспекты: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Чебоксары, 2018. С. 478–484.
3. Кузьмин Ю.А. Актуальность принципов диалектики для совершенствования правового сознания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3-2 (77). С. 99–102.
4. Кузьмин Ю.А. Место правосознания в системе общественного сознания // Вестн. Чуваш. ун-та. 2009. № 1. С. 116–122.
5. Купирова Ч.Ш. Уголовная ответственность за злостное уклонения от уплаты средств на содержание детей (по материалам следственно-судебной практики Приволжского федерального округа) // Изв. высш. учеб. заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 4 (32). С. 20–28.
6. Купирова Ч.Ш., Тасаков С.В. Преступления против несовершеннолетних. Чебоксары, 2016. 164 с.
7. Купирова Ч.Ш., Чесноков И.А. Проблема защиты чести и достоинства в современности // Проблемы качества российского законодательства: сб. науч. тр. Чебоксары, 2015. С. 256–259.

8. Мячина Т.А., Перепелкин В.И. Проведение государственной дактилоскопической регистрации как государственная функция // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов VI Международ. науч.-практ. конф., посв. 25-летию юрид. факультета. Чебоксары, 2016. С. 443–446.

9. Саливаров В.Я. Прекращение уголовного преследования по фактам преступлений в сфере экономической деятельности // Проблемы противодействия экономической преступности и коррупции в современной России: сб. тр. конф. Чебоксары, 2014. С. 243–246.

10. Саливаров В.Я., Патшина Т.А. Правовое положение потерпевшего на стадии предварительного расследования и судебного разбирательства // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов VI Международ. науч.-практ. конф., посв. 25-летию юрид. факультета. Чебоксары, 2016. С. 447–450.

11. Федоров И.З., Саливаров В.Я. Дознание в сокращенной форме как один из способов реализации принципа уголовно-процессуальной экономии // Конституция Российской Федерации – правовая основа устойчивого развития законодательства и российской государственности: сб. материалов Международ. науч.-практ. конф., посв. 20-летию принятия Конституции Российской Федерации и Дню юриста. Чебоксары, 2014. С. 187–195.

ВЛИЯНИЕ ПРОТИВОРЕЧИВЫХ ПОЛОЖЕНИЙ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ НА РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

В.В. Сверчков, д-р юрид. наук, доцент
ФГКОУ ВО «Нижегородская академия
Министерства внутренних дел Российской Федерации»,
г. Нижний Новгород

Аннотация. Рассмотрены вопросы расшатывания нравственных начал Конституции России, угрозы утраты Российской Федерацией суверенитета при исполнении своих международных обязательств в силу возникновения новых источников отечественного уголовного законодательства, несогласованности положений этих источников с российскими уголовно-правовыми нормами. Предложено решение названных вопросов.

Ключевые слова: Конституция России, Уголовный кодекс, источник уголовного законодательства, нравственные начала, суверенитет России, норма международного договора, решение международной организации.

THE INFLUENCE OF CONFLICTING PROVISIONS OF THE CONSTITUTION OF RUSSIA ON THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC CRIMINAL LAW POLICY

V.V. Sverchkov

Abstract. The article considers the issues of undermining the moral beginnings of the Constitution of Russia, the threat of loss of sovereignty by the Russian Federation in the performance of its international obligations due to the emergence of new sources of domestic criminal legislation, the inconsistency of the provisions of these sources with Russian criminal law; a solution to these issues is proposed.

Keywords: the Russian Constitution, penal code, source of criminal law, the moral principle, the sovereignty of Russia, the norm of an international Treaty, a decision of an international organization.

Конституция России – нравственный ориентир общества и основа суверенитета государства. Её положения непосредственно влияют на развитие уголовно-правовой политики Российской Федерации.

Президентом Российской Федерации 20 января 2020 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации внесён проект Закона Российской Федерации о поправке к Конституции России. 11 марта 2020 г. законопроект принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в третьем чтении и одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Этим проектом предложено вынести на *общероссийское/всенародное голосование* положения об изменении содержания Основного закона для модернизации организации публичной власти. В части *международных обязательств России* изложены предложения о дополнении содержания следующих статей:

а) ст. 79 – вторым предложением: «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации»;

б) ст. 125 – ч. 5¹, которая для расширения полномочий Конституционного Суда Российской Федерации содержит пункт «б» в такой редакции: «б) в порядке, установленном федеральным

конституционным законом, разрешает вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственно-го) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации» [1].

Авторы законопроекта в пояснительной записке отметили: «В целях защиты государственного суверенитета законопроектом предлагается установить, что решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в истолковании, приводящем к их расхождению с Конституцией Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации».

Вместе с тем указанные нововведения представляют собой *полумеры, которые не устраняют проблему расшатывания нравственных начал Основного закона Российской Федерации, угрозы утраты Россией суверенитета при исполнении своих международных обязательств в силу возникновения новых источников отечественного уголовного законодательства, несогласованности положений этих источников с российскими уголовно-правовыми нормами.*

Ч. 2 ст. 4 Основного закона Российской Федерации гласит: «Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации» [2]. Достаточное количество и качество федеральных законов способно обеспечить эффективную внутреннюю и внешнюю государственную политику.

Уголовное законодательство отражает наиболее высокий уровень выражения уголовно-правовой политики государства. Согласно ч. 1 ст. 1 и ч. 1 ст. 3 УК РФ, оно состоит исключительно из положений УК, который должен быть *единственным источником российского уголовного законодательства.* В указанных статьях УК РФ говорится: «Уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса. Новые

законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс», «Преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом» [3]. Следовательно, *нормы международного права не должны устанавливать уголовную ответственность* за совершение какого-либо противоправного деяния и соответственно вводить в действие на территории Российской Федерации новые уголовно-правовые нормы.

Между тем с 1990-х гг. в России сохраняется *несогласованность содержания* ч. 2 ст. 4 Конституции России [2], ч. 1 ст. 1, ч. 1 ст. 3 УК РФ [3], с одной стороны, и ч. 4 ст. 15 Конституции России [2], ст. 5 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ [4] – с другой.

В ч. 4 ст. 15 Основного закона Российской Федерации зафиксировано следующее положение: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» [2]. Согласно изложенному, ещё одним источником российского уголовного законодательства, помимо норм УК (и вопреки ч. 1 ст. 1 и ч. 1 ст. 3 УК РФ) [3], надлежит признать *норму международного договора, участником которого является Россия*.

Разнополярная направленность норм отечественного уголовного законодательства и международного договора, участником которого является Российская Федерация, может возникнуть потому, что *норма российского права – это возведённая в закон воля народа России*, которая служит интересам Российской Федерации и её граждан. Данные интересы далеко не всегда совпадают с отражёнными в международном договоре интересами подданных Великобритании, граждан Германии, США, Франции и т.д. по экономическим или политическим вопросам.

Решение об участии или неучастии Российской Федерации в таких договорах не принимается всенародным голосованием, как это происходит с принятием Конституции России. Более того, отечественному законодательству свойственно претерпевать динамичные изменения (в отличие от международных договоров) в соответствии с модернизацией общественных отно-

шений внутри страны. Тем не менее требования международного договора становятся главенствующими над положениями Основного закона Российской Федерации.

Конечно, Россия не должна становиться участником международных договоров, противоречащих национальным нормативным правовым положениям. Однако иногда она принимает на себя обязательства, содержащие данные противоречия. Так, согласно ст. 27 Конвенции Совета Европы от 16 мая 2005 г. (г. Варшава) об отмытии, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (вступила в силу для Российской Федерации 1 января 2018 г.) [5], ст. 17 Конвенции Совета Европы от 8 ноября 1990 г. (г. Страсбург) об отмытии, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (вступила в силу для Российской Федерации 1 декабря 2001 г.) [6], на правоприменителя возложена такая не согласованная с российским уголовным законодательством обязанность, как лишение/ограничение свободы лица в случае неисполнения им имущественных санкций, определённых обвинительным приговором суда по делу об отмытии доходов от преступной деятельности. По поводу противоречивых требований названных статей никаких оговорок Российской Федерацией в международные договоры не внесено.

Кстати, согласно отечественному уголовному законодательству, *конфискация имущества* означает принудительное безвозмездное изъятие и обращение на основании обвинительного приговора суда в собственность государства имущества, предусмотренного ст. 104¹ УК РФ [3]. В соответствии же со ст. 2 Конвенции ООН от 31 октября 2003 г. (г. Нью-Йорк) против коррупции (вступила в силу для Российской Федерации 8 июня 2006 г.) [7], конфискацией признаётся окончательное лишение имущества по постановлению суда или другого компетентного органа.

Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН в Риме 17 июля 1998 г. принят и от имени Российской Федерации 13 сентября 2000 г. подписан (но не ратифицирован) Римский статут Международного уголовного суда. Согласно ст. 5, 27 этого документа, гражданин Российской Федерации, в том числе должностное лицо, глава государства,

подлежит выдаче Международному уголовному суду за преступления против мира и безопасности человечества. Рассуждения о том, что Международный уголовный суд – не другое государство, о котором идёт речь в ч. 1 ст. 61 Конституции России и ч. 1 ст. 13 УК РФ, а международная организация, к сожалению, не помогают решить *проблему рецепции* – допущения урегулирования уголовно-правовых отношений в России нормами, принятыми международным сообществом по инициативе заинтересованных государств с развитой правовой системой (см. Преамбулу Римского статута). Более того, в соответствии со ст. 20, 89 Римского статута, лицо, совершившее преступное деяние, может быть привлечено к суду независимо от того, подлежало ли оно ответственности за это деяние по национальному законодательству или не подлежало, что противоречит общеправовому принципу *non bis in idem*, духу и букве российского законодательства.

Президентом России принято экстраординарное решение с учётом предложения Министерства юстиции Российской Федерации, согласованного с Министерством иностранных дел Российской Федерации, Верховным Судом Российской Федерации, Генеральной прокуратурой Российской Федерации, со Следственным комитетом Российской Федерации, и Генеральному секретарю ООН направлено *уведомление о намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда* [8]. Ратификация этого документа подрывала социальную и политическую стабильность в нашей стране. А положения ч. 1 ст. 61 Конституции России и ч. 1 ст. 13 УК РФ, закрепившие принцип невыдачи российских граждан иностранному государству [2; 3], оказались бессильными перед требованием международной судебной инстанции (о выдаче российского гражданина). Таким образом, возможен ещё один источник уголовного законодательства – *решение международной организации, участником которой является Россия*.

К чему приводят такие решения, видно из истории вокруг бывшего Президента Югославии Слободана Милошевича, выдачи которого за якобы совершённые международные преступления требовал и добился выполнения своего требования Международный трибунал по бывшей Югославии. Могут ли такие требования стать зеркальным отражением для России, напри-

мер, в связи с военными действиями в Чеченской Республике (в конце XX – начале XXI в.) или на юго-востоке Украины (2014–2019)? Вполне, при ратификации Римского статута Международного уголовного суда.

О политической ангажированности созданного Суда свидетельствовали и расследования якобы совершённых преступлений югоосетинами и российскими военнослужащими во время военных действий между Грузией и Южной Осетией, и позиция должностных лиц Международного уголовного суда, оценивших конфликтные отношения между Украиной и Россией по поводу Крыма как международный вооруженный конфликт.

То, что экономические, политические интересы Российской Федерации, её правовая система не соответствуют таковым других государств, показали и события неудавшейся экстрадиции в Россию из Испании В.А. Гусинского, а из Великобритании – Б.А. Березовского, бизнесменов, обвиняемых в хищениях; и тщетные правовые (и дипломатические) попытки освобождения из места содержания под стражей в США Государственного секретаря Союза России и Беларуси, гражданина Российской Федерации П.П. Бородина, а также продолжившееся его уголовно-правовое преследование властями Швейцарии за некое отмывание доходов, полученных преступным путём, вопреки отказу от такого преследования властями России.

О столкновении экономических, политических и прочих интересов различных государств, а также зависимом положении одних стран от других (более мощных) заставляет задуматься набирающая обороты практика задержания за рубежом граждан Российской Федерации (в Доминиканской Республике – Александра Панина, в Испании – Петра Левашова, в Либерии – Константина Ярошенко, в Литве – Дмитрия Устинова, в Мальдивской Республике – Романа Селезнёва, в Таиланде – Виктора Бута, в Швейцарии – Владимира Здравенина и т.д.) и перемещения их (далеко не всегда соответствующая правилам экстрадиции) в США под невразумительным предлогом и с необоснованным утверждением того, что они якобы совершили преступления против интересов США.

Как видно, открыта «охота на российских граждан» по всему миру. По запросам США: а) власти Греции 25 июля 2017 г.

задержали программиста Александра Винника, в отношении которого применено содержание под стражей и по сию пору решается вопрос об экстрадиции; б) власти Испании 14 февраля 2020 г. задержали Олесю Красилову – сотрудницу подведомственной Россельхознадзору России организации «Всероссийский центр карантина растений» и т.д.

Изложенное приводит к мысли о возможности использования нормы международного договора или решения международной организации в качестве средства политического межгосударственного противостояния (подчинения). *Развитие практики признания указанных договоров, решений источниками российского уголовного законодательства будет способствовать зависимому положению отечественного правосудия от зарубежного влияния.*

Между тем, согласно ч. 2 ст. 4 Конституции России, не международные правовые акты, а российские федеральные законы, применение которых создаёт устойчивую правоприменительную практику, имеют верховенство на всей территории Российской Федерации [2]. Россияне способны *самостоятельно создавать, применять и совершенствовать* собственное законодательство без вмешательства извне и не приспособиваясь к отдельным, порой не соответствующим интересам российского общества правовым нормам сателлитов международного капитала.

Таким образом, *возникновение новых источников отечественного уголовного законодательства, несогласованность некоторых положений этих источников с российскими уголовно-правовыми нормами расширяют нравственные начала Основного закона Российской Федерации, создают угрозу утраты Россией суверенитета при исполнении своих международных обязательств.* Данную проблему можно устранить следующим путём:

1) снять противоречия между ч. 2 ст. 4 и ч. 4 ст. 15 Конституции России посредством *исключения* из ч. 4 ст. 15 последнего предложения: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» [2];

2) привести иные нормативные и интерпретационные правовые акты (в частности, 9. Статья 1 часть 3, статья 2 часть 1; 4. Статьи 5, 14, 15; 10. Пункт 2 абз. 2; 11. Пункт 5) в соответствие с предложенным изменением Основного закона Российской Федерации.

Литература

1. Проект Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 20.01.2020 № 885214-7 «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [11.03.2020 принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в третьем чтении и одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации].

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 // КонсультантПлюс.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // КонсультантПлюс.

4. О международных договорах Российской Федерации: Федер. закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ // КонсультантПлюс.

5. О ратификации Конвенции Совета Европы об отмытии, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма: Федер. закон от 26.07.2017 № 183-ФЗ // КонсультантПлюс.

6. О ратификации Конвенции об отмытии, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности: Федер. закон от 28.05.2001 № 62-ФЗ // КонсультантПлюс.

7. О ратификации Конвенции Организации Объединённых Наций против коррупции: Федер. закон от 08.03.2006 № 40-ФЗ // КонсультантПлюс.

8. О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда: Расп. Президента Российской Федерации от 16.11.2016 № 361-рп // КонсультантПлюс.

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // КонсультантПлюс.

10. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Пост. Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 // КонсультантПлюс.

11. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: Пост. Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2003 № 5 // КонсультантПлюс.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

И.Ю. Семенова, ст. преподаватель
Д.И. Еремеева, студентка
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Проведен сравнительно-правовой анализ института гражданского общества как основной предпосылки формирования правового государства на примере Российской Федерации и ряда зарубежных стран. Исследование позволило выявить проблемы функционирования некоторых моделей рассматриваемого института, сложившихся в мировой практике, а также установить, что в Российской Федерации процесс формирования гражданского общества проходит успешно, преодолевая все трудности.

Ключевые слова: модель гражданского общества, демократия, правовое государство, права и свободы граждан.

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE INSTITUTION OF CIVIL SOCIETY IN THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES

I.Yu. Semenova, D.I. Eremeeva

Abstract. Carried out a comparative legal analysis of the institution of civil society as the main prerequisite for the formation of the rule of law on the example of the Russian Federation and a number of foreign countries. The study made it possible to identify the problems of functioning of some models of the institution under consideration, which have developed in world practice, and also to establish that in the Russian Federation the process of formation of civil society is proceeding successfully, overcoming all difficulties.

Keywords: model of civil society, democracy, rule of law, rights and freedoms of citizens.

Российская Федерация, как и все мировое сообщество, в своем развитии не стоит на месте; она совершенствуется по всем направлениям жизнедеятельности в условиях новых глобализационных процессов. Эти изменения касаются не только государственных институтов, но и затрагивают все сферы жизни общества. Различные преобразования не могут не оказывать влияния и на формирование институтов гражданского общества.

Гражданское общество – свободное демократическое правовое общество, ориентированное на личность, обеспечивающее свободу творческой (предпринимательской) деятельности, создающее возможность реализации прав человека и гражданина [3. С. 93]. Другими словами, ключевым субъектом гражданского общества является свободный и имеющий активную гражданскую позицию индивид, который осуществляет свои права и обязанности в рамках правового поля того или иного цивилизованного государства.

Гражданское общество функционирует в целях обеспечения прав и законных интересов людей; оно, по сути, является противовесом государственной власти и при возникновении конфликтных ситуаций стремится разрешать их мирным путём, не дестабилизируя положение в стране. Также им осуществляется такая функция, как гражданский контроль за деятельностью государственных органов. Для этого создаются специальные механизмы (негосударственные предприятия, общественно-политические организации и движения и т.д.), которые не связаны с государственными структурами и состоят из граждан, имеющих активную жизненную позицию. Например, общероссийская общественная организация Ассоциация юристов России, существующая с 2005 года, ставит перед собой такие социально значимые цели, как содействие процессу формирования правового государства в Российской Федерации, повышение правовой культуры общества в целом и обеспечение конституционных прав граждан.

К сожалению, в правоприменительной практике существуют некоторые трудности в развитии и осуществлении деятельности гражданского общества. Применительно к нашей стране, по данным ВЦИОМ, главной проблемой является пассивность граждан и их незаинтересованность в политической и общественной жизни. Такая позиция неслучайна, она сложилась исторически. До принятия нынешней Конституции граждане были больше заинтересованы своими личными и бытовыми проблемами, в то время как государство самостоятельно решало насущные вопросы. В настоящее время Российская Федерация – это демократическое, правовое государство, в котором гражданское общество является довольно молодым институтом, оно на-

чало формироваться после принятия Конституции в 1993 году. Поэтому, на наш взгляд, данная проблема в ближайшие годы будет преодолена, так как уже сейчас по всей стране проводятся мероприятия, которые помогают гражданам развивать свою активную жизненную позицию, принимать участие в обсуждении и решении значимых для них вопросов. Также граждане зачастую отказываются от участия в общественной жизни из-за недоверия к власти, либо восприятия государства как противостоящей им системы [2]. В данном случае необходимо помнить, что решение социально значимых вопросов должно происходить в виде сотрудничества институтов гражданского общества и государства. Только такое сочетание, на наш взгляд, позволит наиболее полно оценить сложившуюся ситуацию и принять единственно правильное решение на благо страны и отдельной личности.

В качестве института гражданского общества выделяют негосударственные средства массовой информации. К сожалению, данная сфера в России развита достаточно слабо. Еще несколько лет назад многие подобные издания могли себе позволить публиковать непроверенную информацию, которая оказывалась недостоверной и вводила граждан в заблуждение. Именно поэтому в данной сфере отношений государство ввело и ужесточает ответственность за распространение информации, которая не соответствует действительности. Такой шаг со стороны законодателя позволит установить определенные рамки для СМИ, так как официально в нашей стране их зарегистрировано более 50 тысяч; другая цель – сформировать у граждан положительное отношение к негосударственным источникам информации.

Изучение моделей гражданского общества в некоторых зарубежных странах позволило увидеть такую картину. В США гражданское общество начало формироваться еще в XVII веке (проведение первого референдума в истории страны в штате Массачусетс). Именно в США впервые в качестве института гражданского общества проявило себя СМИ. На сегодняшний день гражданское общество США представляет собой развитую структуру неправительственных организаций, в которых принимают участие миллионы граждан. Ярким примером может послужить такая некоммерческая организация, как American

Civil Liberties Union (ACLU), работающая с 1920 года, деятельность которой направлена на защиту прав и свобод не только граждан США, но и мигрантов, беженцев. ACLU оказывает консультационную правовую помощь, а также представляет интересы доверителей в суде [4].

В настоящее время современная Япония представляет собой демократическое правовое государство; однако гражданское общество здесь находится на стадии развития. Общественные объединения и организации, действующие в стране, не стремятся официально зарегистрироваться в качестве некоммерческой организации, так как в этом случае за их деятельностью усиливается контроль государства, что негативно воспринимается гражданским обществом [1]. В основном в Японии функционируют общественные организации, которые занимаются помощью малоимущим, защитой окружающей среды, образовательной деятельностью. Примером является Second Harvest Japan, которая была основана в 2000 году и своей целью ставит предоставление неимущим людям бесплатных обедов; кроме этого, организация снабжает продуктами приюты для бездомных, больницы и дома престарелых [6].

В Германии гражданское общество развито высоко. По некоторым подсчетам, в стране действует более 600 тысяч некоммерческих организаций, которые сотрудничают с государственными органами для достижения общественно полезных целей. К примеру, такая организация, как Humanistische Union, основанная в 1961 году, своей целью ставит защиту прав граждан, содействие в обеспечении свободы информации и т.д. [5].

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что некорректно проводить сравнительно-правовой детальный анализ гражданского общества в Российской Федерации и других развитых стран мира, так как данный институт в Европе и США развивался на протяжении нескольких веков, в то время как в нашей стране он появился только с принятием нынешней Конституции Российской Федерации. Несомненно, на данном этапе гражданское общество сталкивается с определенными проблемами, однако уже сейчас хорошо заметно, что государство заинтересовано в развитии данного института и предпринимает правильные шаги для его окончательного формирования. Во многих учебных

заведениях молодых граждан нашей страны учат быть не только специалистом в своей профессии, но и развивают в них активную гражданскую позицию, желание участвовать в общественной жизни не только своего региона, но и страны в целом. Такой подход позволит в ближайшем будущем укрепить институт гражданского общества в России, что является необходимой предпосылкой становления правового государства.

Литература

1. Белов К.В. Параметры гражданского общества современной Японии [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/parametry-grazhdanskogo-obschestva-sovremennoy-yaponii/viewer>.
2. Кузнецова Е.В., Резер Т.М. Роль гражданского общества в обеспечении прав и свобод человека и гражданина в России [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/60219/1/978-5-7996-2406-4_01_02.pdf.
3. Леушин В.И., Перевалов В.Д. Гражданское общество и правовое государство. М., 2020.
4. American Civil Liberties Union [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://www.aclu.org>.
5. Humanistische Union [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.humanistische-union.de>.
6. SECOND HARVEST Japan. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://2hj.org/english/>.

ПРОБЛЕМНОСТЬ ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

И.Ю. Семенова, ст. преподаватель

Е.О. Маскайкина, студентка

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Рассмотрены некоторые вопросы защиты прав несовершеннолетних в сети «Интернет». Авторы, проанализировав действующее законодательство в сфере информационной безопасности, опираясь на материалы правоприменительной практики и проведенного социологического опроса, предприняли попытку предложить пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: глобальная сеть «Интернет», несовершеннолетний, родители, защита, информация, информационное пространство, информационные угрозы.

PROBLEMS IN THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF MINORS IN INFORMATION SPACE

I.Yu. Semenova, O.E. Maskaikina

Abstract. Deals with certain issues of protection of the rights of minors on the Internet. The authors, having analyzed the current legislation in the field of information security, based on the materials of law enforcement practice and the sociological survey conducted, tried to propose ways to solve the identified problems.

Keywords: global «Internet», minor, parents, protection, information, information space, information threats.

Интернет – крупнейшая в мире библиотека, только все книги разбросаны по полу.

Джон Аллен Паулос

Имейте в виду: Интернет – не новая форма жизни, а просто новое занятие.

Эстер Дайсон

В Интернете можно найти всё, чего ты не ищешь.

Анна Руманофф

Происходящие в XXI веке демократические процессы, развитие современных информационно-коммуникационных технологий сделали Россию страной с открытым информационным пространством, в котором каждому гражданину обеспечен доступ практически ко всему спектру информации, удовлетворяющей любые информационные, социокультурные и эстетические потребности. Президент Российской Федерации В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию акцентировал внимание на необходимости внедрения высокоскоростного интернета в общеобразовательные организации с целью обеспечения доступа учащихся и учителей к образовательным программам [1]. Несомненно, в современных реалиях невозможно представить, чтобы ребенок не пользовался всемирной сетью. Тем не менее общество оказалось не готовым к потреблению огромного потока информации, включая вредоносную, которая может нанести непоправимый вред психическому здоровью и развитию несовершеннолетних. Именно дети в силу возрастных особенностей

наиболее уязвимы для восприятия такой информации, в силу чего требуется их повышенная защита со стороны государства.

Для формирования более целостной картины приобщения детей ко всемирной паутине нами был проведен социологический опрос первокурсников юридического факультета ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова». Анкетные данные более 100 респондентов показали, что свыше 85% студентов зарегистрировались в социальных сетях и начали активно пользоваться глобальной сетью в начальной школе, а 90% опрошенных ответили, что их младшие братья или сестры начали пользоваться телефоном или планшетом с доступом в интернет уже в детском саду. На основании исследования был сделан вывод, что «виртуальное» поколение с каждым годом снижает свой возраст. Неоспорим тот факт, что современный ребенок уже в дошкольном возрасте знакомится с информационно-телекоммуникационной сетью; он умеет и знает намного больше, чем его родители в этом возрасте; можно сказать, что в настоящее время ребенок растет не только вместе с родителями, но и вместе с интернетом. Многие педагоги, юристы, психологи, медики считают, что интернет-пространство является неотъемлемой частью социализации детей, так как оно оказывает существенное влияние на формирование личности ребенка, его умственное и физическое развитие. Можно утверждать, что в современном обществе ребенок воспитывается не только законными представителями, дошкольными образовательными организациями дополнительного образования (кружки, театральные студии, балетные школы, спортивные секции, станции иных техников, натуралистов, языковые классы и т.д.), но и интернетом, в связи с чем актуальность рассматриваемой проблемы не вызывает сомнений.

На сегодняшний день информационная сфера стала одной из наиболее важных сфер в жизни общества; она не отделима от всей социальной сферы жизнедеятельности. Информация как поток новых знаний существовала на протяжении человеческого развития. Древние книги, рукописи, рисунки на скалах и в пещерах, даже архитектурные постройки – все это информация, представленная в совершенно разном виде, но несущая определенные знания на том или ином этапе развития цивилизации.

Она, несомненно, полезна и нужна. Но как же защитить ребенка от потока информации и нужно ли это? Ребенок – это слабое незащищенное звено, чья несформировавшаяся психика легко поддается и давлению, и внушению. В настоящее время, к сожалению, интернет-пространство переполнено, и вредоносной информацией в том числе, и если эта поступающая информация взрослому человеку доступна для понимания и оценки, то для детей такая ситуация становится потенциальной угрозой информационно-психологической безопасности личности, что может оказать негативное влияние, способное критически отразиться на сознании ребенка и в конечном счете привести к деморализации общества в целом. Именно в такой ситуации требуются согласованные усилия родителей и государства для защиты прав и интересов несовершеннолетних в информационном поле. На первый взгляд, кажется, что несовершеннолетнему не требуется защита от информации, но, к сожалению, если он будет постоянно сталкиваться с неверной, вредной, извращенной информацией, то его сознание, восприятие мира будет формироваться неправильно, в итоге его приоритеты отойдут от общепринятых не в позитивную, а в негативную сторону. Может произойти деформация личности. Именно от этих действий и защищает принятый в сфере регулирования информационной безопасности Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [2]. Законодатель использует большое количество правовых инструментов для защиты детей от вредоносной информации, вводя ограничения для информационной продукции, ее экспертизе, исходя из возрастных критериев несовершеннолетних и ужесточая государственный надзор и общественный контроль за соблюдением законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью или развитию.

Интернет – всемирная система объединенных компьютерных сетей для хранения, обработки и передачи информации. Сложно представить современного человека, который бы не знал, что это такое. Однако нельзя не отметить, что интернет-пространство свободно и неконтролируемо, каждый может разместить в нем любую информацию. Большая часть информации

онных сведений, находящихся на просторах Сети, может оказать пагубное влияние на ребенка, в частности, он может столкнуться с такой информацией, как порнографические сайты; веб-страницы, пропагандирующие насилие, суицид и праворадикальные идеи; онлайн-игры, которые не только перерастают в зависимость, но и формируют у ребенка жестокость, агрессию, ненависть. Это является насущной проблемой, требующей скорейшего разрешения [3. С. 66].

Правоприменительная практика также подтверждает возможную деформацию личности ребенка, приводя ужасающие факты. Общеизвестна трагедия, произошедшая с 13-летним Динь Даном и его 81-летней бабушкой. Мальчик задушил свою бабушку и закопал ее тело рядом с домом, потому что ему не хватало денег на покупку онлайн-игры, а родственница не поддержала желание ее приобрести. Такие случаи потрясают общество, заставляют задуматься о том, что ограничение детей от потока информации, её фильтрация и запрет – это необходимость, которая нужна в современном мире.

Помимо перечисленных нами угроз ребенок может столкнуться с кибербуллингом. Кибербуллинг – преследование при помощи сообщений, содержащих оскорбления, агрессию, запугивание; хулиганство; социальное бойкотирование с помощью различных интернет-сервисов. Такие действия могут поспособствовать «закрытию» ребенка от внешнего мира, привести в дальнейшем к пассивному состоянию, отстраненности от окружающего мира и действительности. Если же в таком состоянии ребенок наткнется в сети на информацию о самоубийстве, то может произойти непоправимое. Одним из таких ужасающих примеров может послужить ситуация, сложившаяся во Флориде. Двое школьников активно травили свою 12-летнюю одноклассницу в социальных сетях, в итоге девочка покончила жизнь самоубийством. И подобные случаи, к сожалению, не редкость; дети попадают под влияние интернета, под влияние тех взрослых, которые пользуются ими в корыстных целях, получая выгоду.

Однако не стоит забывать, что ребенок должен иметь не только обязанности в сфере взаимодействия с информацией, но и права для успешного получения этой информации и её

дальнейшего восприятия. Исследователями доказано, что дети в технологически богатой среде учатся с большим энтузиазмом, у них выше посещаемость занятий, они обладают лучшими навыками письма, а также более эффективно обсуждают и решают сложные проблемы, используя вариативность путей их решения.

В нормативно-правовом акте, предоставляющем информационную защиту несовершеннолетним, законодатель определяет ограничение информации по трем основным критериям: причиняющая вред здоровью или развитию, запрещенная для распространения и ограниченная в распространении в связи с возрастом [2]. Причиняющая вред здоровью или развитию детей – это информация, которая запрещена для распространения и распространение которой ограничено в связи с возрастными ограничениями ребенка. Запрещенная для распространения среди детей – данный вид информации содержит в себе аспекты, направленные на защиту детей от информации, которая побуждает к причинению вреда здоровью себе, окружающим или животным, способная вызвать у ребенка желание принять наркотические средства, табачные изделия и т.д. Также запрещены сцены сексуального насилия, информация порнографического характера, пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений. Законодательно определены и возрастные ограничения: до 6 лет, от 6 до 12 лет, от 12 до 16 лет и от 16 до 18 лет. Таким образом, предпринята попытка фильтрации информации по возрастным, психическим и психологическим критериям.

Для проверки применения положений рассматриваемого нормативно-правового акта в проведенном нами социологическом опросе среди студентов первого курса стало известно, что действие закона видно исключительно по возрастным ограничениям. Так, 89% респондентов указали, что не обращают пристального внимания на законодательные ограничения по возрасту. Однако было отмечено, что ограничения активно используются исключительно при установке родителями функции «Родительский контроль» на гаджетах, которые находятся дома. Это защита предоставлена интернет-провайдером, но ее должны подключить сами родители, в противном случае дети не защищены от вредоносной информации из глобальной сети.

Действующее законодательство максимально защищает права детей в реальной жизни, например, книги, кинотеатры, даже просмотр телевизора – все имеет свои возрастные ограничения 6+, 12+, 16+, 18+. Но, к сожалению, именно интернет-пространство на сегодняшний день остается темной областью, в которой ребенок может столкнуться с любой информацией. В тех случаях, когда информационный ресурс предупреждает надписью о возрасте, все это никак не защищает и не ограничивает ребенка от доступа к просмотру представленного сюжета.

Несмотря на то, что российский законодатель максимально урегулировал вопросы предоставления информации из глобальной паутины, остаются неразрешенными некоторые проблемы. Несомненно, не представляется возможным и разумным полностью проконтролировать глобальную сеть. Однако, на наш взгляд, снова назревает насущная потребность разработки на законодательном уровне новых программных способов контроля за информацией, причиняющей вред здоровью или развитию несовершеннолетних. Поиск таких ресурсов, несомненно, ведется, изучается зарубежный опыт и практика его применения.

В XXI веке доступ к Интернету рассматривается международными экспертами в качестве важнейшего индикатора социального развития страны: он используется как одна из характеристик свободы доступа людей к информации в системе оценок Международной организации по правам человека. Каждый гражданин понимает, что в мире новых технологий и глобальных телекоммуникаций доступ к глобальной сети и новым информационным технологиям является уже не роскошью, а необходимостью. Однако международное сообщество, в том числе российское государство, приходит к пониманию того, что максимальная защита при доступе к глобальной паутине должна быть предоставлена именно несовершеннолетним.

Литература

1. Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 22.03.2020).
2. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федер. закон Российской Федерации от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. 01.05.2019) // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 48.
3. Семенова И.Ю. Особенности медиации в семейных отношениях // *Oeconomia et Jus*. 2018. № 3. С. 63–70.

**ВОЗМЕЗДНЫЙ ДОГОВОР
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ**

Н.В. Семенова, канд. биол. наук, доцент

Н.Ю. Спиридонова, ст. преподаватель

Ю.А. Чуйкова, магистрант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Проводится сравнительно-правовой анализ возмездного договора дополнительного образования взрослых в России и в зарубежных странах, в том числе в Великобритании и в Соединенных Штатах Америки. Изучены образовательные системы дополнительного образования, а также критерии возмездности договора. Показаны результаты исследования с позиции исторического развития договора.

Ключевые слова: андрагогика, договор возмездного оказания услуг, дополнительное образование взрослых, возмездность, зарубежные образовательные системы, концепция непрерывного образования, обязательство, исполнение обязательства.

**REIMBURSABLE CONTRACT FOR ADDITIONAL ADULT
EDUCATION: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS
WITH FOREIGN COUNTRIES**

N.V. Semenova, N.Yu. Spiridonova, Yu.A. Chuikova

Abstract. A comparative legal analysis of the paid contract for additional adult education in Russia and foreign countries, including the United Kingdom and the United States of America, is provided. We have studied the educational systems of additional education, as well as the criteria for compensation of the contract. The results of the research are shown from the point of view of the historical development of the agreement.

Keywords: andragogy, contract for paid services, additional adult education, remuneration, foreign educational systems, the concept of continuing education, obligation, performance of obligations.

Жизнь любого человека не стоит на месте, она динамична и требует незамедлительного принятия решений, что не может обойтись без постоянного повышения уровня образования. Условия рыночной экономики диктуют нам жесткие условия необходимости переквалификации, повышения качества

и уровня образования [5. С. 114; 6. С. 115]. Эффективным методом борьбы с безработицей является платное дополнительное образование.

На данный момент процесс дополнительного платного образования воспринимается в свете концепции непрерывного образования, которое было впервые сформулировано на форуме ЮНЕСКО в 1965 году [8]. Согласно данной Концепции непрерывное образование есть «непрерывный процесс, начинающийся с первых лет жизни, продолжающийся в течение всей жизни и охватывающий все формы, все типы и все уровни образования, выходя далеко за рамки так называемого формального образования. Оно предназначено для всех возрастов и имеет целью использовать весь образовательный потенциал общества, все ситуации, в которых может оказаться человек, чтобы способствовать его всестороннему развитию...» [4. С. 74].

Актуальность данного исследования выражается в том, что превращение в жизнь вышеуказанной концепции невозможно без интеграции различных ступеней образования, без их взаимодействия, и данное обстоятельство вызывает неподдельный интерес ученых и практиков к дополнительному образованию взрослых в целом как к социальному явлению, так и к отдельным его сторонам.

Изучением всех аспектов дополнительного образования занимается специальная наука – андрагогика. Возникновение андрагогики – науки об обучении взрослых – обусловлено рядом факторов, к которым можно отнести экономические, культурологические, а также желание личностного роста. Окончательно андрагогика сформировалась в 70-х годах XX столетия в работах М.Ш. Ноулса, Р.М. Смита, П. Джарвиса и др. В 1979 году М.Ш. Ноулс издал фундаментальный труд «Современная практика образования взрослых. Андрагогика против педагогики», в котором были сформулированы основные концепции и положения новой науки. Он утверждал, что главной задачей андрагогики на сегодняшний момент является «производство компетентных людей – таких людей, которые были бы способны применить свои знания в изменяющихся условиях, и чья основная компетенция заключалась бы в умении включиться в постоянное самообучение на протяжении всей своей жизни» [4. С. 74].

Стоит также отметить, что с прошлого столетия цели дополнительного образования не изменились. Появились новые формулировки, технологии, в связи с чем процесс дополнительного образования стал более удобным, быстрым, качественным. Цели и подходы к процессу обучения взрослого человека и ребенка имеют огромные различия, поэтому дополнительное образование детей и взрослых – абсолютно разные вещи как со стороны юриспруденции, так и со стороны педагогики и психологии.

Более детального исследования в этой сфере требует изучение конструкции гражданско-правового договора возмездного оказания образовательных услуг, посредством которого закрепляются правовые отношения между образовательной организацией и обучающимся [7. С. 274].

Целью данной статьи является изучение исторического аспекта формирования практики применения договора возмездного оказания услуг дополнительного образования, а также проведение сравнительного анализа российского и зарубежного законодательства в сфере регулирования правоотношений дополнительного образования взрослых.

Из курса истории России XX века мы знаем, что действующая экономическая и политическая система общества не позволяла заниматься предпринимательской деятельностью гражданам. В связи с этим гражданское законодательство советского периода содержало лишь главы о подряде, рассчитанные на охват как работ, так и услуг. То, что в дореволюционном и послереволюционном праве представляло собой «личный наем», трансформировалось в трудовой договор. Договорные обязательства по оказанию услуг не выделялись в особую группу и не подвергались систематизации.

С принятием и введением в действие части второй ГК РФ ситуация изменилась. В ней появилась глава 39 «Возмездное оказание услуг». К видам возмездных услуг согласно п. 2 ст. 779 ГК РФ относятся в том числе услуги по обучению [1]. Ряд положений о договоре возмездного оказания услуг дополнительного образования содержится в Федеральном законе от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [2]. Однако в указанных нормативных актах правовое регулирование договорных отношений в сфере образова-

тельных услуг во многом носит самый общий и фрагментарный характер. В этом и состоит глобальная проблема в сфере образовательного права.

На наш взгляд, чтобы предложить оптимальные пути решения для выявленной проблемы и сформулировать ряд актуальных решений по ней, необходимо рассмотреть системы дополнительного образования в зарубежных странах и их правовое закрепление. Можно сделать некое предположение, что ввиду всемирной глобализации и интеграции системы образования будут схожи между собой, однако договоры, закрепляющие положение сторон таких правоотношений будут различны, в зависимости от правовой системы, применяемой страной. Для сравнительного анализа рассмотрим страны англо-саксонской правовой семьи: Великобритании и Соединенных Штатов Америки.

В американской модели образования система образования взрослого населения является одной из ключевых. В США проблемными вопросами в дополнительном образовании взрослого населения страны занимались такие исследователи, как: Л. Брайсон, Г. Даркенвальд, Ш. Мэрриам, Х. Лонг, С. Вернер, а также сам «отец» андрагогики – М.Ш. Ноулз [10. С. 61]. В США имеется множество региональных и местных моделей системы дополнительного образования взрослых, которые разрабатываются, в основном, имея практическую направленность, чем теоретическую. Государственная политика в области получения образования взрослым населением делает определенный акцент на интеграцию учебы и работы.

Правовым закреплением процесса обучения является договор. Он выступает центральным институтом обязательственного права США. Общие положения, регламентирующие правовой режим отдельных видов договоров, содержатся в гражданских кодексах отдельных штатов и Единообразном торговом кодексе США. В штатах, где гражданские кодексы не имеют применения нормы обязательственного права, они содержатся в иных законодательных актах, которые собраны в своды законов. С точки зрения американского права договор, заключаемый между образовательной организацией и обучающимся, – это сделанное взамен предоставления обещание, снабженное санкцией.

В Великобритании сформирован схожий взгляд на вопрос о формировании модели дополнительного образования. Вопросами обучения взрослых занимались такие британские ученые-андагогики, как П. Джарвис, Дж. Кидд. Они подчеркивали ценность решения проблем и обучения взрослых исходя из опыта обучающегося [11. С. 509].

В договорном праве Великобритании существует доктрина встречного удовлетворения, которая является характерной особенностью англо-американского права, что существенно отличает ее от системы континентального права, в частности, от правовой системы, сложившейся в Российской Федерации. Особенность английского договорного права состоит в том, что обязательство и его встречное удовлетворение не обязательно должны быть равноценны. Судебными прецедентами установлено, что если лицо получает то, ради чего оно вступило в договор, следовательно, нет оснований проверять эквивалентность осуществленного предоставления [9. С. 218].

Таким образом, изучив системы дополнительного образования взрослых, а также договоры, которыми регламентируется эта деятельность в Великобритании и США, можно сделать вывод, что гипотеза, выдвинутая нами в начале анализа о схожести правового договора, регулирующего систему дополнительного образования взрослых, частично подтвердилась.

Подводя итоги, можно сказать, что понятие возмездного договора образовательных услуг широко регламентировано в законодательстве различных государств, что можно объяснить высоким уровнем возможности материального риска для участников правоотношений независимо от правовой системы государства. Изучение зарубежного опыта является важным, несмотря на то, что в процессе всемирной глобализации взят курс на единение образовательных программ. Однако как отечественный, так и зарубежный опыт необходимо перенимать и принимать в практической деятельности, чтобы выстроить более гармоничную и эффективную систему дополнительного образования взрослого населения России.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Об образовании в Российской Федерации: Федер. закон № 273-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 53. Ч. 1. Ст. 7598.
3. Аванесов Э.Ю. Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере платного образования: договор возмездного оказания образовательных услуг // Право и политика. 2017. № 9. С. 1592–1598.
4. Бензенко Е.А. Дополнительное образование взрослых обучающихся в современной системе непрерывного образования // Профессионализм педагога: сущность, содержание, перспективы развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 130-летию со дня рождения А.С. Макаренко. М., 2018. С. 74–77.
5. Захарова А.Н., Данилова В.Г. Психологические аспекты конкурентоспособности будущих специалистов // Качество и инновации в XXI веке: материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2013. С. 113–120.
6. Иванова Е.В. Образование и воспитание в современном законодательстве // Проблемы воспитания: исторический опыт и современность: сб. науч. ст. Чебоксары, 2005. С. 115–120.
7. Иванова Е.В., Спиридонова Н.Ю. Гражданско-правовая ответственность сторон по договору образовательного кредита // Вестн. Чуваш. ун-та. 2014. № 3. С. 274–278.
8. Клейман М.А. Модели организации дополнительного профессионального образования взрослых // Синергия наук: электрон. науч. журн. 2018. № 4. URL: <http://synergy-journal.ru/archive/article1311> (дата обращения: 12.04.2020).
9. Курбанов Р.А., Гуреев В.А., Зульфугарзаде Т.Э. и др. Гражданское и торговое право зарубежных стран: учеб. пособие / под общ. ред. Р.А. Курбанова. М., 2016. 416 с.
10. Мотехина М.В. Правовое регулирование возмездных образовательных услуг // Совр. право. 2017. № 2. С. 61–64.
11. Стеценко А.В. Условие о сроке исполнения договорных обязательств в гражданском праве России и зарубежных стран // Молод. ученый. 2018. № 25. С. 509–511.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Д.М. Семёнова, ст. преподаватель

ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», г. Самара

Аннотация. Исследован институт множественности преступлений не как продукт законотворчества, а как негативное социальное явление. Соответственно, множественность преступлений рассматривается с точки зрения общест-

венной опасности. Такое понимание базируется на учении В.П. Малкова о множественности преступлений, его концептуальных идеях о наличии взаимосвязи преступлений, образующих множественность преступлений, а также о связи множественности преступлений и свойств личности виновного.

Ключевые слова: дифференциация уголовной ответственности, множественность преступлений, общественная опасность множественности преступлений, опасность личности виновного.

THE CONCEPTUAL BASES OF COUNTERACTION OF MULTIPLE OFFENSES

D.M. Semenova

Abstract. The article deals with the institution of multiple offenses. This understanding of the multiple offenses is based on the teachings of V.P. Malkov a lot of crimes, his conceptual ideals, the presence of multiple offenses, as well as the plurality of crimes and personality traits of the guilty person.

Keywords: differentiation of criminal liability, multiple offenses, public danger of multiple offenses, danger of the identity of the guilty person.

Статистика правоприменительных органов показывает, что состояние рецидивной (повторной) преступности неблагоприятно. Многие лица привлекаются к уголовной ответственности не в первый раз либо не за одно преступление. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2017 г. всего были осуждены 697 497 человек, из которых 231 754 имели неснятую или непогашенную судимость на момент совершения преступления (33,2 %). Соответственно, наблюдался прирост удельного веса преступлений лиц, ранее совершивших преступления, в 1,3 % по сравнению с 2016 г., когда было 741 329 осужденных, из них 228 778 имели неснятую или непогашенную судимость на момент совершения преступления (30,9 %). А в 2018 г. были осуждены 658 291 человек, при этом 239 339 осужденных имели неснятую или непогашенную судимость (35 %), что свидетельствует о приросте удельного веса преступлений лиц, ранее совершивших преступления, уже в 1,8 % по сравнению с 2017 г. [1].

Негативная динамика доли лиц, ранее осуждавшихся за совершение преступлений, подтверждается длительное время. Доля лиц, ранее осуждавшихся за совершение преступлений, в общем количестве лиц, осужденных на основании обвини-

тельных приговоров, неуклонно растет и с 2003 г. по настоящее время представлена в диапазоне 25–35 %.

По данным МВД России, рецидив выше, чем определенный Верховным Судом Российской Федерации: 56 % в 2017 г. и 58,3 % в 2018 г.

Законодатель, кажется, учитывает колебания явления множественности преступлений и регулярно обновляет нормы Уголовного кодекса о множественности преступлений, а также увеличивает ряд единичных преступлений, в составах которых учтена множественность деяний. Однако почему-то соответствующие изменения осуществляет без учета негативной динамики доли лиц, ранее осуждавшихся за совершение преступлений, в общем количестве лиц, осужденных на основании обвинительных приговоров, вступивших в законную силу.

В соответствии негативно оценённым В.П. Малковым Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ повторность (неоднократность) преступлений утратила самостоятельное значение для дифференциации уголовной ответственности, а также при индивидуализации наказания не учитывается как обстоятельство, отягчающее наказание [2. С. 45, 49]. Кроме того, законодатель отказался от дифференциации наказания с учетом опасности рецидива и установил общие пределы наказания при любом виде рецидива. И от этих позиций законодатель до сих пор не отказался.

Также следует отметить, что нормы о множественности преступлений до сих пор не структурированы в УК РФ в отдельный институт. Основополагающие для соответствующего института дефинитивные предписания о совокупности преступлений (ст. 17 УК РФ) и рецидиве преступлений (ст. 18 УК РФ) помещены в главу 3 «Понятие и виды преступлений». Соответственно, с формально-логической позиции, совокупность преступлений и рецидив преступлений могут трактоваться как виды преступления, что, очевидно, неправильно.

Бессистемность норм и предписаний уголовного законодательства о множественности преступлений сопряжена с пробельным уголовно-правовым регулированием. Пробелами уголовного законодательства следует признать прежде всего отсутствие дефиниций единичных сложных преступлений в виде

составного преступления, продолжаемого преступления, дящегося преступления, преступления с необходимой повторностью действий, преступления с административной преюдицией и преступления с альтернативными действиями (бездействиями), а также конкуренции норм. Это осложняет правоприменительную проблему разграничения множественности преступлений и единичного преступления. Многие вопросы, связанные с пониманием множественности преступлений и применением соответствующих статей УК РФ при квалификации преступлений, назначении наказания и освобождении от уголовной ответственности и наказания, разрешаются по прямому указанию высших судебных инстанций и часто неодинаково для различных видов преступлений, вопреки принципу законности. В таких условиях невозможно обеспечить единообразную правоприменительную практику, что противоречит еще одному важнейшему принципу уголовного права – принципу равенства граждан перед законом.

Судебно-следственная практика подтверждает, что вопросы определения уголовно-правовых последствий множественности преступлений разных форм и видов являются сложными, сопряжены с правоприменительными ошибками, которые имеют распространенный характер. Так, проведенный в рамках данного исследования опрос показал, что возникают затруднения при разграничении форм множественности преступлений и видов единичного сложного преступления не только в процессе квалификации преступлений (60 %), но и при освобождении от уголовной ответственности (72 %), назначении наказания (50,9 %) и определении судимости, особенно в условиях совокупности преступлений (78 %).

Состояние рецидивной (повторной) преступности – основа оценки социальной эффективности уголовного законодательства. Непоследовательная уголовная политика по реформированию института множественности, проводимая без учета реальных тенденций рецидивной (повторной) преступности и проблем правоприменения, не способствует совершенствованию ни законодательной, ни правоприменительной практики.

Несмотря на высокую степень изученности явления множественности преступлений, в учении о множественности престу-

плений остаются спорными не только прикладные вопросы, но и основные концептуальные идеи о наличии взаимосвязи преступлений, образующих множественность преступлений, об отличии общественной опасности единичного преступления и множественности преступлений, а также о возможности учета изменений личности виновного при группировании уголовно-правовых последствий множественности преступлений разных форм и видов. Разработка концептуальных основ противодействия множественности преступлений является перспективным направлением уголовно-правовых исследований в целях адресного уголовно-правового регулирования.

В системе уголовного права множественность преступлений – это не часть институтов преступления и наказания, а самостоятельный институт, представляющий собой совокупность уголовно-правовых норм и предписаний, регламентирующих основание и пределы дифференциации ответственности в случаях совершения лицом двух или более преступлений.

Не ограничиваясь формально-юридическим определением множественности преступлений, а рассматривая её как социально-правовое явление, считаем, что *сущность* множественности преступлений проявляется в равной степени в объединении нескольких преступлений, совершенных одним лицом, в относительно целое образование с повышенной общественной опасностью и в изменении личности виновного: повышении его готовности к совершению новых преступлений.

Под *дифференциацией уголовной ответственности* за множественность преступлений понимается различие пределов уголовной ответственности путем изменения запрещающих уголовно-правовых норм, норм о судимости и освобождении от уголовной ответственности и наказания в зависимости от *оснований* – общественной опасности форм и видов множественности преступлений, а также типовой характеристики личности виновного.

Общественная опасность преступлений раскрывается в связи с общественной опасностью личности виновного. С учетом возрастания общественной опасности форм и видов множественности преступлений становится более вероятным предположение о совершении лицом новых преступлений. Представляет-

ся, что свойства личности: антисоциальная ориентация, ее устойчивость, отношение к потерпевшему, совершение преступления после осуждения и др., – имеют критериальное значение для дифференциации уголовной ответственности, даже если прямо не названы в составе преступления в качестве отягчающих или смягчающих обстоятельств.

Общественная опасность личности признается вторичной по отношению к общественной опасности преступления, поскольку не может учитываться без последней. При этом у человека, не совершившего преступление, нет общественной опасности в уголовно-правовом смысле.

Повышенная общественная опасность лица отражается на субъективной стороне новых преступлений. Признак вины – осознание общественной опасности деяния – полнее раскрывается при повторении умышленных преступных деяний. Преступная связь при совершении нескольких преступлений, но с большим разрывом во времени, может быть разорвана, однако не во всех случаях, это зависит от особенностей субъективной стороны. Например, лицо повторно, спустя продолжительное время, может реализовать чувство мести.

Так, В.П. Малков объективной характеристикой общественной опасности признавал причинение конкретного вреда объекту, регламентированному конкретным составом преступления, а субъективной характеристикой общественной опасности – степень готовности лица, совершившего преступление, совершить новое преступление [3. С. 21].

Под *пределами дифференциации уголовной ответственности* понимается объем законодательно закрепляемой дифференциации уголовной ответственности. Пределы законодательной дифференциации уголовной ответственности за множественность преступлений устанавливаются при сопоставлении с пределами судебного усмотрения, когда судебные позиции становятся замещающим источником правил уголовной ответственности или освобождения от нее при множественности преступлений.

Законодательно закрепленные пределы наказания при множественности преступления означают не только дифференциацию, но и последующую индивидуализацию уголовной ответст-

венности при назначении наказания, а значит, судебское усмотрение в соответствии с требованиями общих начал назначения наказания, предусмотренных ст. 60 УК РФ. Дифференциация уголовной ответственности в условиях множественности преступлений осуществляется в соответствии с положениями, сформулированными в ст. 68, 69, 70 УК РФ, во взаимосвязи с требованиями общих начал назначения наказания, предусмотренных ст. 60 УК РФ.

Представляется не справедливым называть единичным преступлением впервые совершенную совокупность преступлений, как это делается в настоящее время для целей освобождения от уголовной ответственности. Для этих целей целесообразно законодательно закрепить разрешение учитывать, что лицо впервые совершило деяние, содержащее признаки преступления или нескольких преступлений. В связи с этим предлагаем использовать вместо понятия «лицо, впервые совершившее преступление» понятие «лицо, впервые совершившее деяние, содержащее признаки преступления или нескольких преступлений». Например, целесообразно предусмотреть возможность правоприменителя, с учетом конкретных обстоятельств, освобождать от уголовной ответственности лицо, впервые совершившее идеальную совокупность неосторожных преступлений, поскольку у такого лица отсутствует преступный опыт («случайный преступник») и нет повышенной общественной опасности.

Считаем целесообразным углубить дифференциацию правил условно-досрочного освобождения лиц, осужденных за впервые совершенное деяние, содержащее признаки преступления или нескольких преступлений, и лиц, чьи деяния образуют наиболее опасные формы и виды множественности преступлений. Так, для случаев совокупности тяжких и особо тяжких преступлений, многократной совокупности тождественных преступлений, кумуляции тяжких и особо тяжких преступлений, кумуляции тождественных преступлений, специального рецидива, опасного, особо опасного рецидива преступлений следует установить более высокий максимальный предел фактического отбытия осужденным наказания, необходимый для условно-досрочного освобождения [4. С. 9, 11].

Таким образом, разработка теоретических основ уголовно-правового воздействия на множественность преступлений является необходимым условием выработки концептуально ясной уголовной политики и может оказать положительное влияние на деятельность законодательной власти, а также субъектов права законодательной инициативы.

Литература

1. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003–2007 годы и 2008–2018 годы. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 13.01.2020).
2. Малков В.П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение. Казань, 2006. 140 с.
3. Малков В.П. Совокупность преступлений (вопросы квалификации и назначения наказания). Казань, 1974. 307 с.
4. Семенова Д.М. Основание и пределы дифференциации уголовной ответственности в условиях множественности преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2019.
5. Пудовочкин Ю.Е. Проблемы политического в преступлении и преступного в политике (метологические размышления) // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 5–17.
6. Ресоциализация и реальное включение в гражданское общество осужденных / под ред. Т.В. Кленовой. М., 2019.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ ЭВТАНАЗИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Т.В. Серкова, канд. юрид. наук
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова», г. Ярославль

Аннотация. Автор рассматривает эвтаназию в историческом, правовом аспектах. Приводит мнения граждан, медицинских работников и юристов о легализации эвтаназии в России.

Ключевые слова: эвтаназия, гражданское общество, право на жизнь, аргументы «за» и «против».

CIVIL LAW PERSPECTIVE ON THE PROBLEM OF EUTHANASIA IN MODERN SOCIETY

T.V. Serkova

Abstract. In the article, the author considers euthanasia in the historical and legal aspects, the opinion of citizens, medical workers and lawyers about the legalization of euthanasia in Russia.

Keywords: euthanasia, civil society, the right to life, arguments for and against.

Конституции в советское время не закрепляли право на жизнь. Только Конституция Российской Федерации в 1993 году фиксирует это право в ст. 20 главы второй «Права и свободы человека и гражданина». Право на жизнь принадлежит только конкретному субъекту – рожденному лицу. Как пишет профессор Н.И. Матузов: «Право на жизнь – первое фундаментальное естественное право человека, без которого все другие права лишаются смысла, ибо покойникам никакие права не нужны». Данное право имеет сложную структуру и содержание, так как данное право не означает, что государство разрешает жизнь собственных граждан. Одновременно, закрепляя в Основном законе страны, государство вкладывает определенный смысл в данное субъективное право, выражающееся в его юридическом значении [8. С. 5]. Однако в обществе в настоящее время возникают определенные проблемные аспекты, связанные с моментом утраты данного права.

Согласно данным Минздрава за 2018 год, в России живут 3,7 млн человек, больных каким-либо онкологическим заболеванием (около 2,6 тыс. случаев на 100 тыс. населения). За год их количество выросло более чем на 100 тыс. человек (в 2017 году было 3,63 млн человек) [5]. Однако рак (на поздней его стадии) не единственное заболевание, которое приносит больным им людям физические и нравственные страдания. Сильную боль могут вызывать и иные болезни, приводящие к летальному исходу.

Медицина с древности задумывалась, каким образом облегчить больному его участь. В Античности жизнь не являлась самым ценным благом человека. Был predetermined выбор при мучительных страданиях в пользу скорейшего ухода от них. Например, в «Жизнеописание Ликурга» Плутарх сообщает, что ребенка, слабого здоровьем, купали в вине, так как считалось, что эпилептики и болезненные дети от крепкого вина погибают, а здоровые становятся еще более крепкими и сильными. Младенцев, имеющих уродство, по Законам XII таблиц также лишали жизни. И это не считалось убийством. Аналогично от-

носились и к старикам, имеющим смертельные заболевания. Сенека в «Нравственных письмах к Луцилию» пишет: «...если тело не годится для своей службы, то почему бы не вывести на волю измученную душу?» [8. С. 87–89].

Средневековое общество жило по тем же самым канонам. Ф. Бэкон впервые употребляет понятие «эвтаназия», но говорит не об умерщвлении больного, а об эффективном обезболивании, которое бы избавило человека от мучительных страданий [3. С. 256].

В настоящее время эвтаназия понимается как разновидность врачебной деятельности: «легкая смерть», «убийство из милосердия» и пр. – то есть сокращение руками медиков жизни больных определенной категории. Принято выделять два вида эвтаназии: пассивную и активную. Активная эвтаназия – это преднамеренное вмешательство с целью прервать жизнь человека с помощью специальных приспособлений, вызывающих летальный исход («метод наполненного шприца»). Пассивная эвтаназия («метод отложенного шприца») представляется в двух видах: ортотаназии (прекращении чрезвычайных мер в отношении больного, признанного уже неизлечимым) и дистаназии (продлении жизни больного во чтобы то ни стало) [4. С. 149–152].

Общие критерии (материальные), при которых возможно проведение эвтаназии: наличие заболевания с неотвратимым летальным исходом, продолжительность применения методов и средств лечения и их неэффективность, наличие физических и нравственных страданий пациента, сознательная и добровольная просьба больного об эвтаназии.

Кроме того, должны иметься и процессуальные гарантии защиты прав пациента: психологическая экспертиза больного, что он объективно оценивает данное им согласие, обязательное письменное принятие решения консилиумом врачей о состоянии здоровья пациента с уведомлением близких родственников, санкционирование эвтаназии судом или органами прокуратуры.

Эвтаназия легализована в ряде стран, например, Канаде, Нидерландах и Бельгии (здесь легализована также детская эвтаназия). Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан запрещают эвтаназию (см. ст. 45 Основ). В 2007 году Совет Федерации Российской Федерации подгото-

вил законопроект о легализации эвтаназии в России, который вызвал волну критики со стороны общественности и дальнейшего движения не получил.

Противников и сторонников легализации эвтаназии множество. Споры на эту тему не утихают уже несколько десятилетий.

Желающие легализации приводят следующие аргументы: во-первых, это избавление человека от неимоверных страданий, которые больной несет; во-вторых, решение самого человека, который не желает омрачать своим «существованием» жизнь близких людей, тратящих время и деньги для облегчения его участи, когда, как предполагается, конечный летальный исход врачами уже предрешен.

В европейских странах, где легализована эвтаназия, все чаще выступают как взрослые, так и несовершеннолетние за ее отмену. Можно привести несколько примеров. Во-первых, это противостояние весной 2019 года семьи Ламбер во Франции, где жена дала согласие на пассивную эвтаназию своему тяжелобольному мужу, находящемуся после ДТП уже более 10 лет в хроническом вегетативном состоянии, а родители мужа выступили против применения к нему «хорошей смерти». Государственный совет страны одобрил прекращение жизни пациента, но через 24 часа апелляционный суд отменил данное решение и принял сторону родителей. Противостояние родственников длится до сих пор. В Голландии, которая одна из первых стран в мире узаконила эвтаназию, разгорелся жаркий спор о необходимости применения эвтаназии в этой стране в дальнейшем. Основой для этой дискуссии послужили два случая, когда в 2016 году эвтаназия была применена к жертве сексуального насилия (из-за перенесенной травмы девушка страдала от неизлечимой формы психического расстройства и тяжелой депрессии) и в 2018 году врача обвинили в преднамеренном убийстве, так как он провел пациентке с аутизмом эвтаназию без ее письменного согласия и вообще не удостоверился, что она испытывала страдания. И, наконец, четырехлетняя девочка из Англии с пороком сердца, которая написала письмо бельгийскому правительству с просьбой об отмене закона. В двухлетнем возрасте этой девочке после проведенной операции врачи давали всего 1–2 недели жизни, но не более. Но стараниями ро-

дителей и специалистов она смогла выжить и иметь возможность дожить до старости [7].

В Декларации об эвтаназии, принятой 39-й Всемирной медицинской ассамблеей (Мадрид, Испания, 1987 год), закреплено: «Эвтаназия, как акт преднамеренного лишения жизни пациента, даже по просьбе самого пациента или на основании обращения с подобной просьбой его близких не этична» [3]. А.Я. Иванюшкин, Г.Б. Романовский и ряд авторов считают также.

Мы также придерживаемся этой точки зрения и приводим следующие доводы в обоснование своей позиции: во-первых, понятия «безнадежное состояние», «умирающий больной» в большей степени оценочные. Вечная проблема непрофессионализма отдельных врачей, в связи с чем есть возможность допущения при даче вышеуказанных заключений диагностической и (или) прогностической ошибки; во-вторых, возможность появления новых медикаментов и способов лечения, наличия эффективных болеутоляющих средств, что может радикально повлиять на ход лечения больного, вплоть до возможного его излечения от «смертельной» болезни в последующем; в-третьих, риск злоупотреблений со стороны родственников либо медицинского персонала. В том случае, если эвтаназия будет узаконена, у врачей будет возникать искушение использовать ее не столько исходя из интересов и желания пациента, сколько из иных соображений, в том числе материального характера. Так же, как и близкие родственники, которые могут за определенную плату от медицинских работников потребовать принять «спасительное, выгодное» решение, особенно, когда сам больной находится в бессознательном состоянии и врачи выносят вердикт, что шансы на выживание минимальны. И, наконец, может ли тот, кто дал клятву Гипократа, тот, чье предназначение возвращать жизнь людям, лишать их этого самого ценного блага? Именно здесь, нам кажется, скрыта еще и глубокая этическая проблема.

Однако социологические опросы жителей России, проведенные ВЦИОМ в феврале 2019 года, носят явно не утешительный характер: 50% из 1,6 тысяч опрошенных совершеннолетних лиц из разных регионов страны ответили, что желают легализа-

ции эвтаназии в России тяжелобольным и неизлечимым людям; 64% опрошенных, которые ответили положительно, молодые люди – 18–24 лет. Респонденты с возрастом 60+ ответили категорическим отказом – 92%. Положительный ответ дали и 49 % врачей в возрасте 21–30 лет [6].

В настоящее время имеются организации, практикующие «поездку за смертью» в качестве туристической. Базовая путевка в необычный тур (оформление необходимых документов, билет в Швейцарию, несколько дней проживания и услуги врачей) стоит в районе 5 тысяч евро. Ведь в Швейцарии эвтаназия легальна как для местного населения, так и для иностранцев. Клиенту перед эвтаназией предлагается в аренду дом с видом на Женевское озеро, где решившие уйти из жизни проведут последние дни, и всего одна беседа с врачом [2].

Однако, думается, целесообразнее было бы создать сеть медицинских учреждений, специализирующихся на оказании помощи умирающим больным, т.е. развивать в России такое направление в медицине, как паллиативная помощь, чем организовывать подобные туры и получать материальную выгоду сомнительного характера. Радует, что российское законодательство движется именно в данном направлении, а не решает вопросы легализации эвтаназии. Федеральный закон от 06.03.2019 № 18-ФЗ внес изменения в Федеральный закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», расширив права граждан и обязанности медицинских организаций, касаемые вопросов оказания паллиативной помощи.

Трудно не согласиться, что любой прогноз заболевания всегда вероятный. Нередко от индифферентного состояния больного, его внутреннего настроя к болезни и доверия к врачам зависит его излечение. Состояние самих пациентов под воздействием болезни показывает, что они зачастую не могут адекватно реагировать на окружающую обстановку, не отдают отчет своим действиям.

Вопрос легализации эвтаназии крайне сложен, ответить на вопрос, гуманизм это или унижение человека и потакание его слабости, нельзя. Однако, нам представляется, что ответ на данный вопрос должен быть таким: жизнь человека есть самая высокая ценность, она нуждается в защите. Смерть в защите

не нуждается, она придет к любому человеку рано или поздно. Необходимо также изжить в мире функциональный подход к человеку, обязательности какой-либо социальной пользы от него. Высказывания о проявлении милосердия в случае с легализацией эвтаназии носят явно спекулятивный характер [8. С. 107–108]. Гражданское общество – это общество граждан высокого социального, культурного и морального статуса, в котором человек проявляет заботу о ближнем, а не пытается избавиться от себе подобных любыми средствами, пытаюсь возвести их в ранг законных, как, например, в данном случае, легализуя убийство людей под благовидным предлогом.

Литература

1. Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. М., 1977. Т. 1. С. 256.
2. В России планируют открыть зарубежные поездки для эвтаназии [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://medrussia.org/4838-poezdki-dlya-ehvtanazii/>.
3. Декларация об эвтаназии [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://p.120-bal.ru/pravo/16474/index.html>.
4. Ивановский А.Я. Профессиональная этика в медицине (философские очерки). М., 1990. С. 149–152.
5. Каждый день в России умирают от рака 740 человек [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://www.rline.tv/news/2019-08-02-kazhdyy-den-v-rossii-umirayut-ot-raka-740-chelovek/>.
6. Опрос показал, как жители России относятся к эвтаназии [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://riafan.ru/1149910-opros-pokazal-kak-zhiteli-rossii-otnosyatsya-k-evtanazii>.
7. Право на смерть: почему нет единого мнения по поводу эвтаназии. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://iz.ru/880899/elena-motrenko/pravo-na-smert-pochemu-net-edinogo-mneniia-po-povodu-evtanazii>; Эвтаназия: за и против. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://mobile.namba.kz/blogs/post.php?id=754231>.
8. Романовский Г.Б. Право на жизнь. Архангельск, 2002. 167 с.

О НЕКОТОРЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОГРЕССИВНОЙ СИСТЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

А.Б. Скаков, д-р юрид. наук, профессор
ФКОУ ВО «Академия права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний», г. Рязань

Аннотация. Автором проведен анализ уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики, реализуемой в Казахстане в области исполнения лишения свободы. В работе в связи с наличием ряда существенных недостатков обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования правовой регламентации процесса исполнения наказаний, альтернативных лишению свободы, по прогрессивной системе. Предлагается организация единого подхода к формированию уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Ключевые слова: уголовная политика; гуманизация; лишение свободы; наказания, альтернативные лишению свободы; прогрессивная система исполнения лишения свободы; условия содержания; поведение осужденных.

ON SOME RESULTS OF THE APPLICATION OF A PROGRESSIVE SYSTEM OF EXECUTION OF IMPRISONMENT

A.B. Skakov

Abstract. The author provides the analysis of the criminal law and penal policy, which are realizable by Kazakhstan in the field of the execution of the life imprisonment. In the work process, as a consequence of a number of significant deficiencies, there is a necessity of a further improvement of the legal regulation of the process of the execution of sentences, alternative to life imprisonment, according to the progressive system. The author proposes the organization of a unified approach in the formation of the criminal and penal legislation.

Keywords: criminal policy, humanization, life imprisonment, sentences, alternative to life imprisonment, progressive system of execution of imprisonment, conditions of detention, behavior of convicts.

В процессе реализации Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 по 2020 год (утвержден Указом Президента Республики Казахстан от 24.08.2009 № 858) выявлен ряд проблем в области законодательства и правоприменительной деятельности государственных органов, требующих скорейшего своего разрешения. Учитывая данные обстоятельства, Республика Казахстан предприняла шаги по совер-

шенствованию законодательства в сфере системы уголовных наказаний, их исполнения, а также наметила мероприятия по реорганизации уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы. В течение 2014 года были приняты, а с 1 января 2015 года вступили в законную силу новые Уголовный, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы, в которых предусмотрено существенное расширение правового положения осужденных, что соответствует общей направленности деятельности государства в области уголовной политики в сторону ее гуманизации.

При подготовке указанных законов принималась во внимание необходимость дальнейшего совершенствования системы видов уголовных наказаний в целях повышения их эффективности в процессе профилактики преступлений.

В настоящее время по прошествии более пяти лет действия Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов можно наблюдать как положительные, так и отрицательные результаты их реализации.

К числу недостатков, на наш взгляд, следует отнести следующие.

Во-первых, для эффективного исполнения лишения свободы по прогрессивной системе до настоящего времени, к сожалению, не определены и не созданы правовые и материальные условия. Здесь следует отметить, что отсутствует соответствующая современным научным достижениям система критериев оценки поведения осужденных, что существенно влияет на обоснованное применение тех или иных институтов прогрессивной системы исполнения лишения свободы. Определять степень исправления осужденных только по количеству вынесенных им поощрений, на наш взгляд, не в полной мере отвечает требованиям применения институтов прогрессивной системы (институт изменения условий содержания в пределах одного исправительного учреждения; институт изменения условий содержания путем перевода в исправительное учреждение другого вида; институт замены наказания и институт условно-досрочного освобождения. – *прим. авт.*). В правоприменительной практике деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы наблюдается профанация

важнейшего процесса исправления лиц, лишенных свободы, их социальной адаптации и реабилитации, что приводит к её сбою. Так, например, улучшить свои условия содержания могут приспособленцы и лицемеры, о чем предупреждал профессор А.Е. Наташев [7–9].

Во-вторых, усложнена процедура применения институтов прогрессивной системы. Как правило, практически все элементы указанной системы (за исключением института изменения условий содержания в пределах одного исправительного учреждения. – *прим. авт.*) может назначать только суд. Учитывая загруженность судов, думается, не стоит ждать от них эффективного применения прогрессивной системы.

Кроме того, отсутствие в Уголовно-исполнительном кодексе законодательно утвержденного понятия «прогрессивная система» препятствует единообразному его толкованию.

В-третьих, в уголовно-исполнительном законодательстве наблюдаются коллизии и пробелы в правовой регламентации процесса исполнения наказания в виде лишения свободы, в частности, применение мер поощрения и взыскания в отношении различных категорий осужденных к различным видам наказания. Так, например, в законодательстве не регламентируется процесс снятия взыскания у лиц, осужденных к общественным и исправительным работам.

В-четвертых, до настоящего времени не созданы необходимые материальные условия для надлежащего исполнения, лишения свободы, ареста, исправительных работ и ограничения свободы. В частности, при исправительных учреждениях средней, максимально и чрезвычайной безопасности (колоний общего, строгого и особого режима соответственно. – *прим. авт.*) не созданы льготные условия содержания, которые должны располагаться за их пределами. Только в этих условиях, когда вставшие на путь исправления осужденные полностью выводятся из-под негативного влияния криминальной субкультуры, можно будет говорить о высокой эффективности институтов прогрессивной системы и об успешной социальной адаптации и реабилитации лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства.

Кроме указанных, существует ряд других проблем, выявленных в ходе применения уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Говоря о положительных результатах действия нового уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, следует отметить высокий потенциал институтов прогрессивной системы. В настоящее время наблюдается значительное снижение численности осужденных к лишению свободы, содержащихся в исправительных учреждениях. По данному критерию Казахстан с третьего места перешел на 97-е в мире по численности осужденных на единицу населения.

В местах лишения свободы наблюдается оздоровление социальной обстановки среди коллектива осужденных, постепенно нейтрализуется негативное влияние криминальных авторитетов на них. Повышается эффективность процесса социальной адаптации и реабилитации лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства. Особенно он активизировался после принятия Закона Республики Казахстан «О пробации» [1].

Отмечая в целом положительные тенденции в процессе исполнения наказания в виде лишения свободы, следует все же обратить внимание на вышеуказанные недостатки, устранение которых, безусловно, положительно отразится на исправлении осужденных, на их социальной адаптации и реабилитации. Именно желание повысить эффективность институтов прогрессивной системы, а также совершенствовать пробацию осужденных, позволяет нам внести на рассмотрение научного сообщества некоторые рекомендации и предложения.

Значительная часть элементов прогрессивной системы уже реализована как в казахстанском, так и российском законодательстве и правоприменительной практике. Из традиционно выделяемых форм прогрессивной системы в уголовно-исполнительном законодательстве предусмотрено постепенное *изменение условий содержания* осужденных как *внутри одного исправительного учреждения*, так и *путем перевода в исправительное учреждение другого вида*. В уголовном законодательстве закреплены возможность *замены наказания более мягким или более строгим видом наказания*, а также *условно-досрочное освобождение осужденных*.

В наиболее общем виде прогрессивную систему можно определить как организацию исполнения наказания, при которой в зависимости от поведения осужденного условия отбывания им наказания изменяются в сторону улучшения или ухудшения.

Следует отметить, что в действующих в настоящее время казахстанском и российском уголовно-исполнительных кодексах термин «прогрессивная система» не используется.

Вместе с тем в настоящее время термин «прогрессивная система» гораздо чаще встречается в специальной литературе, чем в правовых актах. Естественно, разные авторы вкладывают в него различный смысл. Отсутствует и общепринятая ее дефиниция.

В связи с этим в данной статье излагается авторское понимание прогрессивной системы. Как нам представляется, прогрессивную систему можно охарактеризовать как единый институт, состоящий из нескольких самостоятельных, включающих нормы различных отраслей права.

Действительно, такие элементы прогрессивной системы, как изменение условий содержания осужденных в пределах одного исправительного учреждения и перевод в исправительное учреждение другого вида обладают специфическими особенностями, не говоря уже о замене наказания в процессе отбывания и условно-досрочном освобождении, что позволяет рассматривать их как отдельные самостоятельные институты. Согласно теории, к признакам правового института относят: наличие совокупности норм, имеющей собственную структуру; своеобразие юридической конструкции данной совокупности норм, ее внешнее обособление и обеспечение самостоятельного регулятивного воздействия на определенный участок общественных отношений; отраслевую чистоту норм [2]. Самостоятельный характер институтов, являющихся структурными элементами прогрессивной системы, казалось бы, должен служить препятствием для объединения их в единую систему, тем более что первые два имеют уголовно-исполнительную природу, а два последних – уголовно-правовую.

Между тем правовые институты могут образовываться не только в рамках одной отрасли. Тесная взаимосвязь уголовного и уголовно-исполнительного права, с помощью которого

обеспечивается реализация значительной части предписаний уголовного законодательства и достижение стоящих перед ним задач, позволяет говорить о формировании межотраслевых институтов. В данном случае единые цель, правовые последствия, основания применения входящих в прогрессивную систему элементов позволяют говорить о ней как о едином институте, имеющем межотраслевой характер.

Другим важным вопросом, который следует рассмотреть, является значение эффективной реализации институтов прогрессивной системы для предупреждения преступности как в условиях изоляции от общества, так и после освобождения от наказания.

Большинство ученых-пенитенциаристов, изучавших значение институтов прогрессивной системы в профилактике правонарушений среди осужденных, отмечают их высокий потенциал в предупреждении преступности. Действительно, широкомасштабное применение структурных элементов прогрессивной системы путем изменения условий содержания в зависимости от поведения осужденных существенно улучшает дисциплинарную практику исполнения лишения свободы. Сделанный нами вывод подтвердился проведенным в конце 80-х годов XX века всесоюзным экспериментом, проведенным на базе исправительных колоний Чимкентской области Казахской ССР.

Учитывая изложенное, нами предлагается следующее определение прогрессивной системы: *«Прогрессивная система является комплексным межотраслевым институтом уголовного и уголовно-исполнительного права, включающим несколько самостоятельных институтов, в процессе применения которых правовое положение осужденного меняется в зависимости от степени его исправления в сторону либо расширения, либо ограничения объема его прав».*

Другим ключевым моментом уже в применении институтов прогрессивной системы является определение степени исправления осужденного. Надо сказать, что эта проблема является весьма сложной, многоаспектной и сама по себе вполне может стать предметом самостоятельного изучения [3. С. 36–46].

Прежде всего речь пойдет об изменившемся подходе законодателя к формулировкам, определяющим степень исправле-

ния осужденных. Дело в том, и это вполне естественно, что авторы, ориентировавшиеся на ранее действовавшее законодательство, исходили именно из старых формулировок и пытались наполнить их содержанием, например, показать, что означает формулировка «доказал свое исправление», как оно доказывается (тем более что в законодательстве было на это прямое указание – примерным поведением и честным отношением к труду).

Так или иначе, можно констатировать, что практически обшепризнанной стала следующая классификация осужденных. Положительно характеризовавшиеся подразделялись на *вставших на путь исправления, твердо вставших на путь исправления* и *доказавших свое исправление*. Отрицательно характеризовавшиеся – на не вставших на путь исправления и злостных нарушителей режима [11. С. 59].

Здесь возникает одно обстоятельство. Вышеприведенная наиболее полная классификация осужденных по степени исправления создавалась с учетом норм ранее действовавшего законодательства. Трех классификационных групп (вставшие на путь исправления, твердо вставшие на путь исправления, доказавшие свое исправление) вполне хватало для того, чтобы «соответствовать» определенным институтам прогрессивной системы. Большого, собственно говоря, и не требовалось.

На сегодняшний день, похоже, необходима более «дробная» классификация. Иными словами, теперь требуется разграничивать по степени исправления большее число категорий осужденных.

Попробуем обосновать это утверждение. Раньше речь шла именно о трех возможных правовых последствиях достижения той или иной степени исправления: перевод на улучшенные условия содержания в рамках одного исправительного учреждения – для вставших на путь исправления; перевод в исправительное учреждение другого вида – для твердо вставших на путь исправления; условно-досрочное освобождение либо замена наказания более мягким (степень исправления для применения этих институтов устанавливалась одинаковая, что, отметим, подвергалось справедливой критике специалистами [11. С. 23]) – для доказавших свое исправление.

Очевидно, следует исходить из того, что *определенной степени улучшения правового положения осужденного* должна соответствовать *конкретная степень исправления*. В противном случае возникает неразрешимая коллизия между стимулирующими положительное поведение нормами. В новом законодательстве Казахстана (Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан принят 5 июня 2014 года. – *прим. авт.*) предусмотрено уже шесть степеней улучшения правового положения осужденных: 1) перевод на обычные; 2) облегченные; 3) льготные условия отбывания наказания в рамках одного исправительного учреждения; 4) перевод в учреждение иного вида; 5) замена наказания более мягким; 6) условно-досрочное освобождение.

Не исключено, что именно со сложностью выделения такого большого количества степеней исправления и связано отсутствие сколько-нибудь системного подхода законодателя к формулированию оснований применения различных институтов прогрессивной системы. На наш взгляд, в новом законодательстве этот подход даже менее систематичен, чем в ранее действовавшем.

Приведем, на наш взгляд, довольно яркий пример. Перевод на льготные условия содержания возможен для доказавших свое исправление осужденных; условно-досрочно могут быть освобождены лица, не нуждающиеся в полном отбывании наказания. Внешне формулировки вроде бы разные, а по сути, на наш взгляд, абсолютно идентичные. В самом деле, если осужденный исправился, то зачем дальше заставлять его отбывать наказание?

Из приведенного примера видно, что законодатель пытается разграничить степени исправления, применяя внешне различные, но, по существу, одинаковые формулировки. Вот здесь-то и возникает упоминавшаяся выше коллизия. Осужденные, достигшие одинаковой степени исправления, могут в равной мере претендовать как на льготные условия отбывания наказания в том исправительном учреждении, в котором они ранее находились, так и на условно-досрочное освобождение. Это вряд ли справедливо, поскольку условно-досрочное освобождение явно более «льготная» мера.

Так или иначе, было бы более целесообразным отразить в законе уже существующую классификацию осужденных по степени исправления. Для этого потребуется более дробная градация. При этом следует учитывать, что классификация осужденных по степени исправления не самоцель. Она направлена прежде всего на решение сугубо практических задач, а именно – определение возможности применения институтов прогрессивной системы. Нецелесообразно определять степень исправления исходя из чисто умозрительных соображений, а затем ждать, пока законодатель прислушается к этим соображениям. Недопустимо также ставить «...классификационные группы в зависимость от объема изменения условий отбывания наказания. Было бы более правильным вначале определить эти группы исходя из основного критерия их формирования – степени исправления, а затем уже устанавливать необходимые для каждой группы условия отбывания наказания» [5. С. 37].

Именно вышесказанные обстоятельства, на наш взгляд, побудили законодателя прибегнуть к цифровому обозначению степеней положительно характеризующихся осужденных. Однако законодателем были определены только три положительные степени поведения осужденных, соответствующих условиям содержания в пределах одного учреждения (обычные условия, облегченные условия и льготные условия). Другие институты прогрессивной системы, применение которых возможно при достижении определенной положительной степени поведения осужденных, не нашли своего воплощения в новом законодательстве Казахстана.

Такое деление может дать практическую пользу в том случае, если данная классификация будет закреплена в инструкции по воспитательной работе, а степень исправления будет отражаться в характеристиках осужденных. Разумеется, характеристики осужденным даются периодически либо по мере необходимости (например, в случае представления к условно-досрочному освобождению, помилованию и т.п.). Поэтому в них можно будет в случае нужды вносить необходимые коррективы. Но несомненно, что они окажут помощь во многих случаях оценки степени исправления осужденных.

Следует отметить, что для реализации данного предложения необходимо попытаться связать классификационные группы с уже действующим законодательством. Более того, такой шаг просто необходимо пытаться сделать, поскольку без него сильно затрудняется применение уже действующих институтов прогрессивной системы. Так, в настоящее время у органов правосудия вызывает сложность оценка поведения осужденных при условно-досрочном освобождении. У судей возникает обособанный, на наш взгляд, вопрос: как оценивать поведение осужденного, не имеющего в течение длительного времени как взысканий, так и поощрений? Этот вопрос связан с установлением законодателем правила о возможности применения институтов прогрессивной системы только при наличии определенного количества поощрений. На наш взгляд, при отсутствии в течение длительного времени взысканий у осужденного следует рассматривать его поведение как положительное. Именно данный результат государство стремится достигнуть при реализации уголовно-исполнительной политики.

Авторы, не связывающие определение степени исправления положительно характеризующихся осужденных с реализацией входящих в прогрессивную систему элементов, ограничиваются меньшим числом классификационных групп, следуя закрепленным в законе предпосылкам. В частности, предлагается в основу деления осужденных положить такой традиционный критерий, как степень отражения позитивных сдвигов в направленности их личности, и различать следующие группы: «осужденных, становящихся на путь исправления», «положительно характеризующихся осужденных» и «не нуждающихся для своего исправления в полном отбывании назначенного судом наказания» [13. С. 16–17]. Полагаем, воспроизведение содержащихся в Уголовно-исполнительном кодексе формулировок не способно внести ясность в систему градации осужденных, связать ее с существующими стимулирующими мерами и обеспечить индивидуализированный подход к каждому осужденному. Поэтому сформулированный нами вариант деления осужденных на группы представляется более предпочтительным.

Разумеется, мы отдаем себе отчет в том, что при предложенной нами более дробной классификации возникают допол-

нительные сложности в плане определения критериев отнесения осужденных к той или иной группе. Попросту говоря, задача состоит в том, как определить, если так можно выразиться, степень «интенсивности» положительного поведения. Отметим, что как в ранее действовавшем, так и в ныне действующем законодательствах какие-либо объективные критерии при формулировании оснований применения институтов прогрессивной системы не используются. Исключение, пожалуй, составляет лишь одно из условий перевода на облегченные условия содержания. В этом случае говорится об отсутствии взыскания за нарушение установленного порядка отбывания наказания. Такую формулировку можно, на наш взгляд, признать достаточно удачной. Здесь, по крайней мере, есть какая-то ясность. Было нарушение и, соответственно, взыскание за него – перевод невозможен, и наоборот. Наличие же взыскания – показатель объективно зафиксированный. Это препятствует в определенной мере произвольной оценке поведения осужденного. Но это единственное исключение из общего правила. В целом же при определении степени исправления приходится по-прежнему руководствоваться оценочными понятиями.

Так или иначе, определение критериев степени исправления осужденных – задача весьма непростая. Впрочем, она и всегда была непростой. В литературе даже высказывалось предположение, что в перспективе она будет решаться с помощью более точных, возможно, математических методов [4. С. 87–88]. Но математические методы слишком формальны. Кроме того, на наш взгляд, пока далеко не полностью используются даже привычные юридические критерии.

В качестве примера можно привести закрепление в законодательстве понятий *«злостный нарушитель установленного порядка отбывания наказания»*, *«лицо, систематически нарушающее установленный порядок отбывания наказания»* и *«нарушитель установленного порядка отбывания наказания»*. В данном случае законодатель предпринял попытку выделить объективные критерии степени исправления.

Возникает вопрос, почему бы не попытаться применить подобный подход и к определению степени исправления положительно характеризующихся осужденных? На наш взгляд, было

бы вполне разумно соотносить ту или иную степень исправления с соответствующим «набором» поощрений. Вероятно, правда, что здесь не должно, а возможно, и не может быть столь жесткой формализации, как при признании злостным нарушителем режима. Однако сама по себе постановка вопроса представляется вполне правомерной.

Учитывая положительный опыт применения институтов прогрессивной системы при исполнении лишения свободы, следует, на наш взгляд, всесторонне изучить вопрос исполнения наказаний, альтернативных ей, по данному процессу. В частности, при исполнении штрафа должны быть созданы три условия содержания для осужденного к данному наказанию: строгие условия содержания, обычные и облегченные условия содержания. При вступлении приговора в законную силу осужденный помещается в обычные условия содержания, а именно: проживает дома без права покидать административную территорию пробационного контроля без санкции службы пробации с запрещением посещать питейные и увеселительные заведения и т.д. Осужденный может выходить из дома, но не далее одного километра, если в городе, и не далее 500 метров, если в сельской местности. При положительном поведении все ограничения снимаются и осужденный содержится в облегченных условиях содержания. Перевод осужденного в названные условия предполагает также наступление у последнего права на досрочное снятие пробационного контроля, но не ранее трех месяцев нахождения на данном этапе. В случае нарушения условий пробационного контроля осужденный оказывается в строгих условиях содержания, предусматривающих запрет свободного передвижения, за исключением посещения рабочего места и учебного заведения. В обычных условиях осужденный содержится шесть месяцев. В случае положительного поведения он может быть переведен на облегченные условия содержания, но не ранее трех месяцев с начала отбывания наказания в обычных условиях. Перемещение осужденных из одних условий в другие не должно быть скачкообразно. Вопрос о переводе решает наблюдательная комиссия, созданная при службе пробации. Срок пробационного контроля – один год, который может быть продлен еще на один год при злостном невыполнении требований службы пробации.

Таким же образом, институт прогрессивной системы должен применяться при исполнении других наказаний, альтернативных лишению свободы.

Резюмируя все изложенное, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, представляется, что правильно было бы сформулировать следующее определение прогрессивной системы: *«Прогрессивная система является комплексным межотраслевым институтом уголовного и уголовно-исполнительного права, включающим несколько самостоятельных институтов, в процессе применения которых правовое положение осужденного меняется в зависимости от степени его исправления в сторону либо расширения, либо ограничения, объема его прав».*

Во-вторых, в действующем законодательстве с установлением общего правила о различных условиях отбывания наказания в пределах одного исправительного учреждения прогрессивная система приобрела вполне законченный вид и может считаться основой всего карательно-воспитательного воздействия на осужденных.

В-третьих, в настоящее время существует настоятельная потребность в более дробной классификации положительно характеризующихся осужденных. При этом каждой положительной степени поведения осужденных должны соответствовать определенные условия содержания и институты прогрессивной системы, а именно: при достижении 1-й положительной степени осужденный содержится в обычных условиях исправительного учреждения (институт изменения условий содержания в пределах одного исправительного учреждения); при 2-й положительной степени – переводится на облегченные условия содержания; при 3-й положительной степени – переводится на льготные условия содержания; при достижении 4-й положительной степени – переводится в учреждение другого вида; при 5-й положительной степени – применяется институт замены наказания; при 6-й положительной степени – возможно условно-досрочное освобождение осужденного.

В-четвертых, необходимо суд освободить от функции изменения процесса исполнения наказания, возложив её на наблюдательные комиссии, созданные при исправительном учреждении.

Суд будет только назначать вид наказания, а исполнение решения суда должно быть возложено на Комитет уголовно-исполнительной системы (ФСИН России. – *прим. авт.*) и наблюдательную комиссию. В этом случае комиссия коллегиально решает вопрос о применении всех институтов прогрессивной системы, вплоть до института условно-досрочного освобождения.

В-пятых, назначение и исполнение probation также решается наблюдательной комиссией.

Литература

1. О probation: Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2016 г. № 38-VI.
2. Аванесов Г.А. Прогрессивная система отбывания лишения свободы / под ред. Н.А. Стручкова. М., 1970. 87 с.
3. Астемиров З.А. О сущности и критериях исправления осужденных // Вопросы исправления и перевоспитания заключенных. Ростов н/Д., 1966. С. 20–26.
4. Бажанов О.И. Прогрессивная система исполнения наказания. Мн., 1981. 167 с.
5. Бриллиантов А.В. Дифференциация наказания и степень исправления осужденных к лишению свободы. М., 1997. 130 с.
6. Михлин А.С. Дискуссионные вопросы замены неотбытой части наказания более мягким // Проблемы освобождения осужденных от отбывания наказания: сб. науч. тр. М., 1983. № 67. С. 30–35.
7. Наташев А.Е. Неприемлемость «прогрессивной системы» отбывания лишения свободы // Проблемы развития советского исправительно-трудового законодательства. Саратов, 1961. С. 245–251.
8. Наташев А.Е. Основные вопросы кодификации исправительно-трудового законодательства // Учен. зап. Вsesоюз. ин-та юрид. наук. 1962. № 14. С. 204–209.
9. Наташев А.Е., Стручков Н.А. Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967. 191 с.
10. Синичкин А.А. Оценка степени исправления осужденных к лишению свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. 28 с.
11. Сундуров Ф.Р. Социально-психологические и правовые аспекты исправления и перевоспитания правонарушителей. Казань, 1976. 215 с.
12. Ткачевский Ю.М. Освобождение от отбывания наказаний по действующему советскому уголовному праву: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1965. 36 с.
13. Чукмаитов Д.С. Теоретические основы системы исполнения наказаний по законодательству Республики Казахстан. Алматы, 1999. 342 с.

**УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ
И ИНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, РЕГУЛИРУЮЩЕЕ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ
ЛИЦ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В МЕСТАХ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО
СОДЕРЖАНИЯ: НЕКОТОРЫЕ КОЛЛИЗИИ**

А.П. Скиба, д-р юрид. наук, доцент
ФКОУ ВО «Академия права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний», г. Рязань

Аннотация. Анализируются нормы Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, регламентирующие вопросы осуществления общественного контроля за соблюдением прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания. Обозначены направления совершенствования уголовно-исполнительного и иного законодательства в сфере указанных отношений, а также предложены варианты устранения имеющихся коллизий.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное законодательство, общественный контроль, исправительные учреждения, места принудительного содержания, коллизии законодательства.

**CRIMINAL EXECUTIVE AND OTHER LEGISLATION,
REGULATING PUBLIC CONTROL OVER THE OBSERVANCE
OF THE PERSONS RIGHTS, HELD IN DETENTION PLACES:
SOME COLLISIONS**

A.P. Skiba

Abstract. The article analyzes the norms of the Criminal Executive code of the Russian Federation that regulate the implementation of public control over the observance of the rights of persons held in places of forced detention. The directions of improvement of the criminal Executive and other legislation in the sphere of these relations are outlined, as well as options for eliminating existing conflicts are suggested.

Keywords: penal enforcement legislation, public control, correctional institutions, places of forced detention, conflicts of legislation.

В настоящее время уголовно-исполнительное и иное законодательство, регулирующие вопросы осуществления общественного контроля за соблюдением прав лиц, находящихся в исправительных учреждениях и иных местах принудительного содержания (федеральный закон «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах прину-

дительного содержания» и др.), имеет ряд серьезных пробелов и иных недостатков. В частности, имеет место отсутствие законодательного определения предмета общественного контроля, ненадлежащее регулирование полномочий как субъектов его осуществления, так и объектов, и пр. (что активно изучается в юридической литературе) [1, 3–5]. Причем субъектов общественного контроля имеется достаточно большое количество (общественные наблюдательные комиссии, Общественная палата Российской Федерации, общественные палаты в субъектах Российской Федерации и пр.) [2, 6], каждый из которых обладает своей спецификой, которая проявляется и при обеспечении прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания.

Наличие же недостатков уголовно-исполнительного и иного законодательства создает проблемы в практике реализации общественного контроля, когда его участники по-разному воспринимают те или иные аспекты (например, перечень вопросов, подлежащих проверке, наличие конкретных прав у членов общественных наблюдательных комиссий и соответствующих им обязанностей у администраций исправительных учреждений и иных мест принудительного содержания и т.д.). Так, на практике из-за отсутствия четких законодательных ориентиров в целом субъекты общественного контроля обычно пытаются свои полномочия «расширить», в то время как объекты контроля – наоборот, нередко стараются их «сузить».

Вышеуказанные проблемы усугубляются наличием коллизий законодательства. Обратим внимание на некоторые из них:

1. В ст. 23 УИК РФ и п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» по-разному дается условный предмет общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания; в литературе также обращается внимание и на иные проблемы его осуществления.

В результате перечни мест принудительного содержания и круга лиц, в них содержащихся, не соответствуют друг другу.

Так, в ст. 23 УИК РФ упомянуты исправительные центры и дисциплинарные воинские части, в то время как в п. 1 ст. 2

Федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» отсутствуют осужденные к принудительным работам и военнослужащие, осужденные к содержанию в дисциплинарной воинской части, среди лиц, находящихся в местах принудительного содержания; и наоборот – в ст. 23 УИК РФ отсутствуют военнослужащие, подвергнутые дисциплинарному аресту (которые содержатся на гауптвахтах, в том числе исполняющих уголовное наказание в виде ареста).

Кроме того, в приказе Минобороны России от 20 января 2009 г. № 17 «О порядке посещения членами общественных наблюдательных комиссий мест принудительного содержания военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации» к предмету общественного контроля дополнительно отнесены гарнизонные (войсковые, корабельные) гауптвахты.

Разрешение данной коллизии видится в определении в Федеральном законе «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» предмета общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и исключения этих попыток в ст. 23 УИК РФ.

2. В соответствии с ч. 2 ст. 19.32 КоАП РФ, нарушение членом общественной наблюдательной комиссии требований уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации, нормативных правовых актов по вопросам исполнения наказаний, а также невыполнение законных требований администрации места принудительного содержания влечет предупреждение или наложение административного штрафа на граждан в размере от 500 до 1000 рублей.

Однако деятельность общественной наблюдательной комиссии регулируется также Федеральным законом «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания», Федеральным законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и другими нормативно-правовыми

актами (которые они также обязаны соблюдать, но упоминания о которых нет в ст. 19.32 КоАП РФ). Кроме того, имеется, в частности, и Приказ ФСИН России от 28 ноября 2008 г. № 652 «Об утверждении Положения о порядке посещения учреждений уголовно-исполнительной системы членами общественных наблюдательных комиссий».

Решение указанной коллизии представляется в предвидении в ч. 2 ст. 19.32 КоАП РФ в качестве основания привлечения к административной ответственности за нарушение членом общественной наблюдательной комиссии требований не только уголовно-исполнительного законодательства и нормативных правовых актов по вопросам исполнения наказаний, но и иного законодательства, регламентирующего деятельность общественных наблюдательных комиссий и различных мест принудительного содержания (а не только учреждений, исполняющих уголовные наказания).

3. Формулировка ст. 3 Федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» недостаточно закрепляет правовую основу деятельности общественных наблюдательных комиссий. В ней говорится о необходимости соблюдения членами общественных наблюдательных комиссий только федеральных законов (УИК РФ и др.), из чего следует, что иные нормативные акты (например, указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, приказы Минюста России, ФСИН России) к деятельности членов общественной наблюдательной комиссии отношения не имеют.

Однако деятельность общественных наблюдательных комиссий регулируется многими документами (которые они также обязаны соблюдать), помимо указанных: Правилами внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, утвержденными приказом Минюста России от 14 октября 2005 г. № 189, Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденными приказом Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295; и др.

Этот подход закреплен, в частности, в ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания», где говорится, что общественные наблюдательные комиссии действуют на постоянной основе в порядке, установленном этим же федеральным законом, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации (т.е. не только федеральными законами – *прим. авт.*). Аналогичный подход имеет место и в ст. 16 этого же нормативного правового акта, а также, например, в приказе ФСИН России от 28 ноября 2008 г. № 652 «Об утверждении Положения о порядке посещения учреждений уголовно-исполнительной системы членами общественных наблюдательных комиссий».

Таким образом, в ст. 3 Федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» требуется заменить фразу «иными федеральными законами» на фразу «иными нормативными актами».

В итоге очевидны направления совершенствования уголовно-исполнительного и иного законодательства, регулирующего общественный контроль за соблюдением прав лиц, содержащихся в местах принудительного содержания, в том числе для устранения имеющихся коллизий.

Литература

1. Александров А.С., Баров Ю.А. Обеспечение режима и безопасности в исправительном учреждении при взаимодействии с субъектами общественно-го контроля: постановка проблемы // Вестн. Кузбас. ин-та. 2017. № 1 (30). С. 15–20.
2. Кийко Н.В. Общественные наблюдательные комиссии как субъект общественного контроля за обеспечением правового положения осужденных // Вестн. Кузбас. ин-та. 2017. № 4 (33). С. 59–65.
3. Комментарий к Федеральному закону «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ / под ред. В.И. Селиверстова. М., 2011.
4. Общественный контроль за деятельностью мест принудительного содержания: теоретические вопросы совершенствования законодательства / под ред. А.П. Скибы. Ростов н/Д., 2015.

5. Скиба А.П., Мосиенко В.П. Институт общественного контроля за деятельностью мест принудительного содержания / под науч. ред. А.Я. Гришко, Ю.А. Кашубы. Ростов н/Д., 2012.

6. Скиба А.П., Скорик Е.Н. Взаимодействие субъектов общественного контроля и учреждений уголовно-исполнительной системы: проблемы правового регулирования // Юрист Юга России и Закавказья. 2015. № 1–2. С. 11–14.

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

М.А. Смирнов, канд. психол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»,
г. Йошкар-Ола

Аннотация. Представлено определение проблем квалификации предпринимательских преступлений, связанных с несовершенством ряда статей уголовного законодательства, и возможных путей их решения.

Ключевые слова: преступления в сфере предпринимательской деятельности, налоговые преступления, субъект предпринимательской деятельности, ущерб от преступления.

QUESTIONS OF QUALIFICATION OF CRIMES IN THE SPHERE OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

М.А. Smirnov

Abstract. The main purpose of the work is to determine the problems of qualification of business crimes related to the imperfection of a number of articles of criminal legislation and possible ways to solve them.

Keywords: crimes in the sphere of business activity, tax crimes, business entity, damage from.

В юридической литературе принято говорить о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности, определение которой дает ГК РФ, очерчивая как круг субъектов, так и возможности взаимодействия с отраслевыми законодательства: «1. ...Гражданское законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием, исходя из того, что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполне-

ния работ или оказания услуг. Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом качестве в установленном законом порядке, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом. Правила, установленные гражданским законодательством, применяются к отношениям с участием иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц, если иное не предусмотрено федеральным законом... 3. К имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством» (ст. 2 ГК РФ) [1]. В каждом конкретном преступлении уголовный закон (или суд) решает, насколько дело связано с отраслевым законодательством.

В УК РФ изложено достаточно составов, которые можно отнести к предпринимательским (включая ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство»). Поэтому представляется важным выделить наиболее концептуальные проблемы квалификации данных преступлений.

Вопрос 1. Можно ли считать предпринимательством разовые сделки гражданско-правового характера?

Для ответа на вопрос обратим особое внимание на такой законодательный признак предпринимательской деятельности, как направленность ее на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг (абз. 3 ч. 1 ст. 2 ГК РФ). В уголовно-правовой теории и следственно-судебной практике отсутствует единство в понимании признака систематичности. Так, в одном из районов... области был осужден за незаконное предпринимательство К., получивший разовый доход в крупном размере от перепродажи.... В другом районе той же области, наоборот, уголовное дело было прекращено за отсутствием состава преступления в действиях..., получивших доход в крупном размере от перепродажи большой партии пиломатериалов, поскольку, как подчеркнул следователь, сделка была единичной [8].

Проанализируем все признаки предпринимательской деятельности. По ст. 2 ГК РФ всего признаков изложено четыре:

особая деятельность; самостоятельная, т.е. осуществляемая от своего имени и на свой риск; направлена на систематическое получение прибыли; подлежит государственной регистрации. По ст. 171 УК РФ: «Осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или без лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере, за исключением случаев, предусмотренных статьей 171.3 настоящего Кодекса» [2]. Ст. 171.3 посвящена незаконному производству и (или) обороту этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Таким образом, нельзя признавать предпринимателями (и требовать государственной регистрации) с соответствующей уголовной ответственностью лиц, заключающих разовые сделки гражданско-правового характера, даже если установлено несколько фактов совершения таких сделок (например, продажа ими личных вещей, производство от случая к случаю различных мелких работ по договору подряда или поручений за плату и т.п.) [3].

Вопрос 2. Почему крупный ущерб, причиненный гражданам, организациям, государству, отличается, если субъект является предпринимателем? Почему в ряде статей УК непонятно, кому причинен ущерб?

Как известно, большинство деяний, изложенных в разделе VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики», имеют указания на последствия материального характера. В уголовно-правовых нормах глав 21–23 УК РФ употребляются достаточно близкие по смыслу термины, характеризующие материальные последствия: «крупный ущерб», «крупный размер», «значительный ущерб», «существенный вред», «значительный размер», «имущественный ущерб» и «особо крупный размер». В некоторых составах преступлений законодатель использует термин «тяжкие последствия», «извлечение дохода в крупном размере». Разъяснения данным нормам с указаниями количества и качества представлены в примечаниях к отдельным статьям глав с указанием, относится ли это примечание ко всей главе или только

к данной статье; некоторые разъяснения даны Верховным судом Российской Федерации.

В результате размеры, например, значительного ущерба, меняются в зависимости от статей. Так, значительный ущерб гражданину в статьях главы 21 УК (о преступлениях против собственности), за исключением ч. 5 ст. 159, определяется с учетом его имущественного положения, но не может составлять менее 5 000 рублей (примечание 2 к ст. 158 УК РФ «Кража»). В то же время значительный ущерб, причиненный мошенничеством, сопряженным с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, если это деяние повлекло причинение значительного ущерба (ч. 5 ст. 159 УК РФ), оценивается законодателем «в сумме, составляющей не менее десяти тысяч рублей» при условии, что сторонами договора были «индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации» (примечания 1 и 4 к ст. 159 УК РФ). Таким образом, если гражданин не является специальным субъектом по УК РФ, то его ущерб как значительный оценивается меньшим количеством рублей, а если является индивидуальным предпринимателем и специальным субъектом по УК РФ, то его ущерб как значительный оценивается большим количеством рублей и только по ч. 5 ст. 159 УК РФ.

И это не единичный пример избираемого подхода к оценке нанесенного ущерба гражданину в главах 21–23 УК РФ. В УК РФ заложена зависимость оценки нанесенного материального ущерба гражданам и организациям в зависимости от способа совершения преступления и специального правового статуса физического лица. Представляется, что это не способствует единообразному и эффективному применению закона, так как в определенной мере противоречит принципу законности.

Также следует отметить, что из законодательной формулировки отдельных уголовно-правовых норм раздела VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики» не всегда ясно, кому должен причиниться вред. Например, в ч. 2 ст. 169 (о воспрепятствовании законной предпринимательской или иной деятельности), ст. 196 (о преднамеренном банкротстве), ст. 197 (о фиктивном банкротстве) УК РФ и в других не называется адресат

причинения вреда – просто законодатель констатирует – причинен ущерб, хотя в иных статьях УК четко сказано – «если эти деяния причинили [такой-то] ущерб гражданам, организациям или государству» (например, в ч. 1 ст. 171, ч. 1 ст. 170.2, ч. 2 ст. 172 и др.). В итоге остается догадываться, кому в данном случае был причинен ущерб. Думается, законодателю необходимо привести указанные и подобные уголовные нормы к общему знаменателю и законодательно закрепить, кому может быть причинен ущерб, так как рассматриваемый в них признак имеет квалифицирующее значение.

Вопрос 3. При совершении незаконного предпринимательства организованной группой кого можно считать членом организованной группы, участвовавшим в незаконном предпринимательстве? В частности, можно ли считать членом такой группы лиц, принимавших участие лишь в производственной деятельности и получавших оплату за свой личный труд?

Например, весьма известна в трудовой жизни граждан ситуация с зарплатными «конвертными схемами», когда часть зарплаты работники получают официально (с этой части и платятся налоги), а другая часть, зачастую гораздо больше, чем первая, передается работнику в конверте. Все довольны. Однако работники в большинстве случаев даже не понимают, что становятся участниками экономической преступной группы, в состав которой входит руководитель организации-работодателя, главный бухгалтер, финансовый директор, еще ряд сотрудников, руководители фирм-«однодневок», через которые и «обналичиваются» денежные средства, чтобы потом частично попасть в конверты к работникам [7]. Зарплата в конверте – это как минимум неуплата налогов (ст. 198 УК РФ), а как максимум – преступный сговор с работодателем (в силу ч. 4 ст. 34 УК РФ работника как пособника работодателя в налоговом преступлении могут привлечь к ответственности при условии, если он признавал, что участвует в уклонении от уплаты налогов (сборов) и его умыслом охватывалось совершение этого преступления). Этой же позиции придерживается и Верховный Суд Российской Федерации: перечисляя возможных субъектов преступления в статусе предпринимателей, он также указывает, что «действия следует квалифицировать по статье 198 УК РФ как исполнителя

данного преступления, а действия иного лица в силу части четвертой статьи 34 УК РФ – как его пособника при условии, если он сознавал, что участвует в уклонении от уплаты налогов (сборов) и его умыслом охватывалось совершение этого преступления» (п. 6) [3]. Следует отметить, что судебная практика по «налоговым» делам не содержит однозначного решения по вопросу привлечения к ответственности как работодателя, использующего «серые» зарплатные схемы, так и работника, получающего зарплату в конверте. В ряде случаев суд не считает достаточным доказательством наличие сведений о подобных нарушениях у налоговых органов и оправдывает работников (особенно, когда в протоколах допроса свидетели указывали предположительный размер заработной платы («приблизительно», «около», «от... до») и не указывали конкретные периоды получения той или иной суммы дохода [6]).

В целом правоприменителям для избежания квалификационных ошибок применительно к субъекту приходится руководствоваться (с учетом примечания к ст. УК РФ, способов совершения преступлений, специального субъекта) разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации о судебной практике по делам о предпринимательстве, где Суд посчитал нужным выделить, кем может быть возбуждено дело, кого можно заключать под стражу, а кого освобождать и т.п. (Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»), а также дал отдельные разъяснения по ст. 171 «Незаконное предпринимательство» (Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.11.2004 № 23 (в ред. от 07.07.2015) «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве»).

На основании изложенного материала можно сделать следующие выводы: рассматривая в совокупности проблемы квалификации предпринимательских преступлений, их можно разбить на три области: когда неправильно были установлены признаки предпринимательской деятельности; когда в связи с несовершенством ряда статей уголовного законодательства

непонятно, кому был нанесен ущерб в крупном размере; при определении субъекта как пособника и как возможного субъекта, когда требуется учитывать мнения Верховного Суда Российской Федерации, изложенные в постановлениях № 48 и 23.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.01.2019) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.01.2019) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления: Пост. Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.12.2006 № 64. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_ (дата обращения: 02.03.2020).

4. О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: Пост. Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2016 № 48. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1253523/> (дата обращения: 29.02.2020).

5. О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве: Пост. Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.11.2004 № 23 (ред. от 07.07.2015). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/125> (дата обращения: 25.02.2020).

6. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 11.12.2008 по делу № А42-5779/2007. URL: <http://www.alppp.ru/court/fas-severo-zapadnogo-okruga/12-2008/postanovlenie-fas-severo-zapadnogo-okruga-ot-11-12-2008-po-delu--a42-57792007-sud-pervoj-.html> (дата обращения: 13.03.2020).

7. Гармаш А.М. Как не стать участником организованной преступной группы, совершающей преступления в сфере предпринимательской деятельности // Пробелы в рос. законодательстве. 2012. № 1. С. 172.

8. Доржиев А.В. К вопросу о квалификации незаконного предпринимательства // Бизнес в законе. 2008. № 2. С. 81.

9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2017. С. 411.

ФУНКЦИИ КРАУДСОРСИНГА В УПРАВЛЕНИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ И МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ*

А.В. Соколов, д-р полит. наук, доцент

О.Е. Комаров, аспирант

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова», г. Ярославль

Аннотация. В современных реалиях возрастает необходимость выстраивания диалога между властью и гражданским обществом, увеличения степени участия граждан в управленческо-государственной деятельности. Оптимальным каналом выстраивания подобного взаимодействия является сеть «Интернет». Особую роль в рамках этого взаимодействия могут играть краудсорсинговые платформы, которые позволяют демонстрировать интересы общества, выявлять и оперативно решать существующие проблемы, а также способствовать вовлечению граждан в процесс подготовки и принятия решений. В условиях возрастающих протестных настроений в Российской Федерации продуктивная реализация краудсорсинговых кампаний позволяет снижать социальное напряжение в обществе и содействовать снижению вовлеченности граждан в протесты, демобилизации.

Ключевые слова: краудсорсинг, краудсорсинговый проект, Интернет, инициативы, гражданское общество, региональное и муниципальное управление.

FUNCTIONS OF CROWDSOURCING IN MANAGEMENT REGIONAL AND LOCAL AUTHORITIES

A.V. Sokolov, O.E. Komarov

Abstract. In modern realities, there is an growing need to establishing dialogue between the government and civil society, increasing the degree of participation of citizens in state management activity. The optimal channel for establishing such interaction is the Internet. Crowdsourcing platforms can play a special role in this interaction which can demonstrating the interests of society, identifying and immediately solving existing problems, as well as contributing to the attraction of citizens in the process of preparing and decision-making. In the context of increasing protest moods in the Russian Federation, the productive realization of crowdsourcing campaigns can reduce social intensity in society and help reduce the involvement of citizens in protests and demobilization.

Keywords: crowdsourcing, crowdsourcing project, Internet, initiatives, civil society, Regional and municipal government.

* Статья подготовлена в рамках исследования, финансируемого за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МД-855.2020.6 «Мобилизация и демобилизация в современных практиках протестной активности».

Поиск и применение новых технологий является актуальной задачей регионального и местного управления. Традиционные инструменты управления обществом исчерпывают свой потенциал, требуются новые инновационные разработки управления. В условиях удорожания и усложнения процессов управления на первый план выходят инструменты, позволяющие в значительной мере сэкономить бюджетные средства для решения поставленных целей, приоритетными становятся качественно новые методы менеджмента. В связи с этим возрастает актуальность такой технологии, как краудсорсинг. Данная технология имеет возможность вызывать глубокие изменения во всей системе менеджмента, обеспечивать результативность и рациональность управленческой деятельности в регионах [4. С. 313].

Краудсорсинг представляет собой процесс генерации идей и решений неограниченным кругом лиц для решения поставленных задач [1. С. 83]. Ключевая цель краудсорсинга заключается в передаче выполнения работы от профессионалов к любителям, т.е. на первый план выходит применение потенциала неограниченного количества людей для решения социальных проблем региона. Краудсорсинг как технология в системе регионального менеджмента имеет ряд принципов, которые определяют её результативность:

- 1) реализуемый проект должен быть массовым;
- 2) количество предложенных идей/решений должно быть пропорциональным количеству участников;
- 3) должны быть установлены временные лимиты на процессы предложения идей/решений и их исполнение;
- 4) наличие доверия участников к исполнителям;
- 5) наличие ресурсной базы для выполнения поставленных задач у исполнителей;
- 6) применение средств коммуникации для создания условий открытого диалога и взаимодействия между властью и обществом.

В краудсорсинге регионального управления можно выделить три крупные группы субъектов:

1. Жители региона (заинтересованные и активные граждане, представители структур институтов гражданского общества), которые выдвигают идеи и предложения.

2. Органы власти (губернатор, исполнительные и законодательные органы власти, главы городов и их заместители), которые организуют сбор информации от населения, анализируют полученные предложения и непосредственно выступают в качестве их исполнителей.

3. Участники с особым статусом (организаторы, модераторы, фасилитаторы), которые занимаются ведением и организацией массовой коммуникации, отсекают негативные сообщения и спам, направляют работу проекта в конструктивное русло. При этом нельзя не отметить то, что чрезмерное вмешательство и контроль третьей группы субъектов имеет возможность вызвать негативную оценку проекта со стороны населения, что значительно снизит результативность [5. С. 650]. Также в особую группу можно выделить средства массовой коммуникации, которые освещают процесс функционирования проекта, распространяют информацию о его наличии и привлекают новых участников.

Краудсорсинг имеет большую потенциальную возможность положительной корреляции с региональным и муниципальным управлением. В подтверждение этому можно привести несколько аргументов. Первый аргумент заключается в том, что допустимость внедрения общественности в процесс решения существующих социально-политических проблем исходит из сущности самой политики. Так, по определению, данному А.А. Дегтяревым, государственно-публичная политика является «целеориентированной и управляемой, комплексной и организованной совместной деятельностью индивидов и их групп по легитимному разрешению общественных проблем при руководящей и интегративной роли институтов государственной власти и на основе использования коллективных ресурсов общества, которая включает в себя совокупность публичных целей и задач, условий и норм, решений и действий, а также их социальных результатов и последствий» [2. С. 19]. В данном случае целью политики является решение существующих проблем, а краудсорсинг может выступать инструментом обнаружения проблем и разработки предложений для их решения.

Показатели понятия «краудсорсинг» отлично соотносятся с особенностями понятия «государственное и муниципальное

управление». Слияние технологии и государственного и муниципального управления целесообразно и основано на общих принципах и ключевых особенностях, а именно по критериям: цели, ресурсы, мотивация, задачи, состав. Соотношение данных показателей в краудсорсинге и управлении наглядно продемонстрировано на рисунке.

Соотношение показателей краудсорсинга и государственного и муниципального управления

Также роль краудсорсинга в системе государственного и муниципального управления во многом может быть определена через идентификацию его ключевых функций:

1. Информационная. Краудсорсинг позволяет осуществить сбор и обработку информации о существующих проблемах в обществе, положении различных социальных групп в обществе. В общем значении краудсорсинг представляет собой площадку сбора информации обо всём, что происходит в обществе,

от самих участников. Органами власти осуществляется фиксация представленных населением проблем, формируется реальная сложившаяся картина жизни населения. Но также при этом повышается и уровень информированности населения о деятельности органов управления. Данная функция обеспечивает формирование целей, направлений и задач региональной и местной политики, что позволяет максимально учитывать мнение населения по вопросам их настоящего и будущего. Реализация данного направления позволяет обрабатывать огромные массивы данных, что значительно снижает затраты бюджетных средств. Ярким примером может служить проект «Добродел» Московской области, в рамках которого осуществляется сбор и обработка органами власти информации от граждан о существующих проблемах в дорожном хозяйстве, сфере ЖКХ и др. [3].

2. Коммуникативная. В рамках краудсорсинга происходит прямой диалог между органами власти и населением, что при грамотно выстроенном формате позволяет значительно увеличить уровень доверия к власти и оперативность принятия решения. В данном случае краудсорсинг выступает в качестве площадки прямого и открытого диалога. Коммуникация в краудсорсинге играет огромную роль, так как она обеспечивает взаимодействие между участниками, обмен информацией. Налаженные с участниками краудсорсингового проекта бесплатные и простые коммуникации, согласование средств между собой определяет степень результативности проекта. Оперативность и налаженность коммуникации формируют быструю адаптацию новых участников, сокращают различные издержки и позволяют увеличить вероятность более органичного включения новых участников в реализацию проекта. Для краудсорсинга характерен принцип интерактивности, что предполагает применение индивидуально отрегулированных коммуникаций, в частности, пошаговое предложение различных вариантов в зависимости от особенностей предыдущего выбора участника.

3. Функция решения проблем (генеративная). Задача краудсорсинговых технологий заключается в том, чтобы не только обозначать существующие проблемы, но и непосредственно их решать. В данном случае следует отметить привлечение заинтересованных граждан к самостоятельному решению существующих

щих общественных проблем на базе многосторонней площадки. Конечно, масштабные и серьёзные задачи решаются через краудсорсинг непосредственно органами власти, однако часть задач решается и самими участниками (придумать хештег, слоган, название и др.).

4. Интегрирующая. Позволяет выстроить в рамках краудсорсинга партнёрские отношения между гражданским обществом и властью, вести прямой открытый диалог для решения общих задач. Краудсорсинговая платформа является местом, которое объединяет население, гражданских активистов, представителей органов власти, некоммерческие организации и др.

5. Контрольная. Информация, которая выявлена своевременно, позволяет предотвратить различные нарушения исполнения полномочий органов власти, ликвидировать негативные последствия, что значительно улучшает работу органов власти. Результаты реализации краудсорсинга позволяют сформировать рейтинги ответственных исполнителей (чиновников, органов власти и др.), что в дальнейшем выступит дополнительным фактором их мотивации. Краудсорсинговый проект формирует обратную связь от жителей региона о действиях чиновников и органов власти, что позволяет контролировать и оптимизировать поведение конкретных исполнителей. Также частным примером данной функции может служить возможность собирать в одном месте проекты для улучшения жизненной среды и проводить онлайн-голосования. Обеспечение контроля над сроками и качеством выполнения принятых решений является дополнительной обратной связью между государством и обществом.

6. Функция легитимации (имиджевая). Положительные результаты, полученные в результате реализации краудсорсингового проекта, можно успешно презентовать во внешней среде, что способствует значительному улучшению имиджа власти не только среди населения, но и среди органов власти других регионов, повышает интерес к территории. Открытый диалог с населением способствует повышению уровня доверия к органам власти среди населения, снижению протестной активности населения. Краудсорсинг также позволяет сформировать группы лояльных пользователей, которые перетекают в дальнейшем в различные тематические сервисы. В данном случае краудсор-

синг снижает уровень «конфликта интересов» в рамках реализации региональной и местной политики.

7. Функция вовлечения граждан в политический процесс. Краудсорсинг вовлекает население в законотворческую деятельность посредством сбора идей и предложений по изменению проектов законов, привлечению к их написанию и экспертизе. Также заинтересованные граждане могут быть привлечены к контролю реализации законов непосредственно на местах. Краудсорсинг предполагает разработку вариантов оптимального достижения поставленных целей и задач, учитывая интересы большинства общества. Формируется организация фактического самообслуживания и самоуправления граждан на всех уровнях.

Существующая практическая база краудсорсинга позволяет оперативно и результативно реализовывать данные проекты на территории Российской Федерации. Массовое применение краудсорсинга в региональном менеджменте на этапах принятия решений позволит максимально результативно использовать возможности и преимущества данной технологии, повысить степень открытости работы органов власти, интегрировать население в процесс достижения общих целей. Также это позволит создать среду для проявления гражданской инициативы и сгенерировать инструменты обратной связи с наиболее активными гражданами, готовыми и способными внести свой вклад в развитие государства.

Литература

1. Комаров О.Е., Соколов А.В. Краудсорсинг в процессах гражданской кооперации // Материалы девярых Байкальских междунар. соц.-гуманит. чтений. Иркутск, 2016. Т. 1. С. 82–87.
2. Дегтярев А.А. Принятие политических решений: учеб. пособие. М., 2004. 416 с.
3. Добродел // Официальный сайт «Добродел». URL: <https://dobrodel.mosreg.ru/> (дата обращения: 01.03.2020).
4. Лобова С.В. Многосторонняя платформа краудсорсинга в системе регионального управления: концептуальный подход к формированию и барьеры // Вестн. алтайск. науки. 2015. № 3–4 (25–26). С. 311–319.
5. Рогова А.В. Краудсорсинг как инструмент социально-экономического развития региона // Совр. проблемы науки и образования. 2013. № 5. С. 650.

СОСТОЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

И.А. Сошко, руководитель юридической клиники
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы оказания квалифицированной юридической помощи гражданам. Представлены аспекты государственной и негосударственной системы оказания бесплатной юридической помощи в Чувашской Республике.

Ключевые слова: бесплатная юридическая помощь, квалифицированная юридическая помощь, Минюст Чувашской Республики, государственная система бесплатной юридической помощи.

STATE OF REGIONAL LEGISLATION ABOUT FREE LEGAL AID OF THE CHUVASH REPUBLIC

I.A. Soshko

Abstract. The article deals with topical issues of providing qualified legal assistance to citizens. The article presents aspects of the state and non-state system of providing free legal aid in the Chuvash Republic.

Keywords: free legal aid, qualified legal aid, Ministry of justice of the Chuvash Republic, state system of free legal aid.

В соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации [1] основной обязанностью государства является признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина. Особое значение имеет защищенность граждан с точки зрения «юридической защищенности». Оказание квалифицированной юридической помощи гражданам – задача и обязанность государства. С каждым днем возрастает социальная значимость выполнения этой обязанности [9. С. 5].

Для реализации закрепленного в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 [2] права на доступ к правосудию и справедливому разбирательству и в соответствии с Европейской Резолюцией № (78)8 Комитета министров о юридической помощи и консультациях [3. С. 673], принятой им 02.03.1978, государство должно обеспечить создание системы юридической помощи малоимущим, которая снимает

экономические препятствия для их доступа к правосудию и обеспечивает возможность получения бесплатной квалифицированной юридической помощи для защиты своих прав.

Несмотря на правовое закрепление права граждан на получение квалифицированной юридической помощи в Конституции Российской Федерации, в российском законодательстве отсутствует единая система норм, устанавливающих критерии оценки качества юридической помощи гражданам, что в значительной степени приводит к затруднению в реализации прав и свобод граждан, снижает эффективность мер по устранению правового нигилизма.

В соответствии со ст. 48 Конституции Российской Федерации «...каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно. Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения».

Ст. 48 Конституции Российской Федерации является комплексной и включает:

1) право на получение квалифицированной юридической помощи;

2) право на получение бесплатной юридической помощи в случаях, предусмотренных законом;

3) право каждого задержанного, заключенного под стражу, обвиняемого в совершении преступления на помощь адвоката (защитника) с момента задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения.

В рамках реализации данной конституционной гарантии в Российской Федерации принят Федеральный закон от 21.11.2019 № 324 «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [4]. Им установлены ключевые критерии оказания на безвозмездной основе квалифицированной юридической помощи, организационно-правовые основы формирования государственной и негосударственной систем бесплатной юридической помощи, а также деятельность по правовому информированию и правовому просвещению населения.

Принятие закона потребовало в свою очередь формирования соответствующей региональной нормативной базы в указанной сфере. По состоянию на 01.09.2019 в Чувашской Республике сформирован необходимый минимум правовых актов, регулирующих вопросы оказания бесплатной юридической помощи, которые ч. 1 ст. 12 Федерального закона отнесены к полномочиям государственной власти субъектов.

В настоящее время в Чувашской Республике действует 11 основных нормативных правовых актов (данные представлены без учета актов о внесении изменений), регулирующих вопросы оказания бесплатной юридической помощи.

Основополагающим законодательным актом в Чувашской Республике является Закон Чувашской Республики от 30.03.2012 № 20 «О бесплатной юридической помощи в Чувашской Республике» [6], который устанавливает гарантии реализации прав граждан Российской Федерации на получение бесплатной квалифицированной юридической помощи в Чувашской Республике. Им закреплены полномочия органов государственной власти Чувашской Республики в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью, определены категории граждан, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи, участники государственной системы бесплатной юридической помощи, случаи и порядок оказания ими бесплатной юридической помощи, а также определен порядок наделения адвокатов и других субъектов, оказывающих бесплатную юридическую помощь, установлены основные положения о финансировании мероприятий, связанных с оказанием бесплатной юридической помощи в Чувашской Республике.

На сегодняшний день в Чувашской Республике действует ряд подзаконных нормативных правовых актов:

1. Постановление Кабинета Министров Чувашской Республики от 10.05.2012 № 171 «Об определении органа исполнительной власти Чувашской Республики, уполномоченного в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью, и утверждении перечня органов исполнительной власти Чувашской Республики и подведомственных им учреждений, входящих в государственную систему бесплатной юридической помощи на территории Чувашской Республики» [7] (в редакции

Постановления Кабинета Министров Чувашской Республики от 13.06.2019 № 205), в соответствии с которым в качестве регионального уполномоченного органа в сфере бесплатной юридической помощи определено Министерство юстиции и имущественных отношений Чувашской Республики и к государственной системе бесплатной юридической помощи отнесены 18 органов исполнительной власти Чувашской республики и 30 подведомственных им учреждений;

2. Постановление Кабинета Министров Чувашской Республики от 23.05.2012 № 203 «Об обеспечении граждан бесплатной юридической помощью в Чувашской Республике» [8] (в редакции Постановления Кабинета Министров Чувашской Республики от 13.06.2019 № 215), которым утверждены:

1) порядок оплаты труда адвокатов, оказывающих гражданам бесплатную юридическую помощь в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи, и компенсации расходов адвокатов на оказание бесплатной юридической помощи;

2) порядок принятия решений об оказании в экстренных случаях бесплатной юридической помощи гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации;

3) порядок оказания бесплатной юридической помощи казенным учреждением Чувашской Республики «Центр предоставления мер социальной поддержки» Министерства труда и социальной политики Чувашской Республики;

4) примерная форма заявления об оказании бесплатной юридической помощи;

5) перечень документов, на основании которых оказывается бесплатная юридическая помощь.

3. Постановление Кабинета Министров Чувашской Республики от 27.06.2012 № 255 «Об утверждении Порядка направления Адвокатской палатой Чувашской Республики в орган исполнительной власти Чувашской Республики, уполномоченный в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью, ежегодного доклада и сводного отчета об оказании адвокатами бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи».

4. Постановление Кабинета Министров Чувашской Республики от 10.10.2012 № 416 «Об утверждении Порядка взаимодействия участников государственной системы бесплатной юридической помощи на территории Чувашской Республики» (редакции Постановления Кабинета Министров Чувашской Республики от 15.12.2016 № 542), в котором утверждены сроки и порядок сдачи отчетности участниками государственной системы бесплатной юридической помощи в Минюст Чувашии, порядок опубликования в средствах массовой информации списка адвокатов, задействованных в государственной системе бесплатной юридической помощи.

5. Постановление Кабинета Министров Чувашской Республики от 14.10.2015 № 367 «Вопросы Министерства труда и социальной политики Чувашской Республик», согласно которому на Минтруд Чувашии наряду с другими функциями возложена координация деятельности казенного учреждения Чувашской Республики «Центр предоставления мер социальной поддержки Министерства труда и социальной защиты Чувашской Республики» в связи с возложением Кабинетом Министров Чувашской Республики отдельных функций государственного юридического бюро по оказанию гражданам бесплатной юридической помощи.

6. Постановление Кабинета Министров Чувашской Республики от 13.10.2016 № 422 «Вопросы Министерства юстиции и имущественных отношений Чувашской Республики», которым к числу полномочий Минюста Чувашии отнесена реализация в Чувашской Республике государственной политики в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью, а также полномочия по ежегодной публикации списка адвокатов, являющихся участниками государственной системы бесплатной юридической помощи.

7. Постановление Кабинета Министров Чувашской Республики от 15.12.2016 № 542 «О дополнительных мерах по реализации Закона Чувашской Республики “О бесплатной юридической помощи в Чувашской Республике”», в соответствии с которым за казенным учреждением Чувашской Республики «Центр предоставления мер социальной поддержки» Минтруда Чувашии закреплены отдельные функции государственного юридического бюро.

8. Постановление Кабинета Министров Чувашской Республики от 14.06.2019 № 228 «Об утверждении Порядка предоставления субсидий за счет средств республиканского бюджета Чувашской Республики социально ориентированным некоммерческим организациям – исполнителям общественно полезных услуг, осуществляющим деятельность в сфере оказания бесплатной юридической помощи в Чувашской Республике». Данным постановлением в рамках содействия развитию негосударственной системы Бесплатной юридической помощи предусмотрена процедура отбора социально ориентированных некоммерческих организаций – исполнителей общественно полезных услуг, осуществляющих деятельность в сфере оказания бесплатной юридической помощи в Чувашской Республике, в целях оказания им финансовой поддержки за счет средств республиканского бюджета Чувашской Республики в форме субсидии на конкурсной основе.

9. Приказ Министерства труда и социальной защиты Чувашской Республики от 10.02.2017 № 49 «Об утверждении форм документов для оказания бесплатной юридической помощи в казенном учреждении Чувашской Республики “Центр предоставления мер социальной поддержки” Министерства труда и социальной защиты Чувашской Республики».

10. Приказ Министерства юстиции и имущественных отношений Чувашской Республики от 23.08.2019 № 161-о «Об утверждении административного регламента министерства юстиции и имущественных отношений Чувашской Республики по предоставлению государственной услуги “Осуществляет оценку качества оказания общественно полезных услуг социально ориентированными некоммерческими организациями в соответствии с компетенцией Министерства юстиции и имущественных отношений Чувашской Республики”».

Относительно перспектив развития регионального законодательства в сфере бесплатной юридической помощи можно отметить проект приказа Министерства юстиции и имущественных отношений Чувашской Республики «Об утверждении требований к оказанию общественно полезных услуг в сфере оказания бесплатной юридической помощи в Чувашской Республике».

Необходимость принятия данного акта обусловлена реализацией вышеуказанного постановления № 228, которым предусмотрено предоставление субсидий социально ориентированным некоммерческим организациям – исполнителям общественно полезных услуг, осуществляющим деятельность в сфере оказания бесплатной юридической помощи.

В соответствии с пунктом 8 Общих требований к нормативным правовым актам, муниципальным правовым актам, регулирующим предоставление субсидий НКО, не являющимся государственными (муниципальными) учреждениями [5], в случае предоставления субсидии в целях финансового обеспечения (возмещения затрат) оказания общественно полезных услуг в типовой форме соглашения (договора) о предоставлении субсидии из соответствующего бюджета должны быть реквизиты нормативного правового акта, устанавливающего порядок (стандарта) оказания общественно полезной услуги, а при отсутствии такого нормативного правового акта – требования к оказанию общественно полезной услуги, устанавливаемые главным распорядителем как получателем бюджетных средств.

Принимая во внимание тот факт, что на федеральной уровне порядок (стандарт) оказания данного вида общественно полезной услуги отсутствует, данный вопрос находится в компетенции Минюста Чувашии как главного распорядителя средств республиканского бюджета Чувашской Республики в данной сфере. В то же время в соответствии со ст. 11 Федерального закона полномочие по разработке и установлению единых требований к качеству оказываемой гражданам бесплатной юридической помощи отнесено к компетенции Минюста России. Несмотря на это до сих пор указанные требования не установлены.

Из представленного Доклада Минюста России о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2017 г. в ходе проведения анализа правоприменительной практики по показателю неполноты в правовом регулировании общественных отношений установлено, что во исполнение п. 7 ст. 11 Федерального закона с целью обеспечения оказания гражданам квалифицированной юридической помощи Минюстом России разрабатывается проект приказа «Об установлении единых требований к качеству оказываемой гражданам бесплатной

юридической помощи, а также обеспечения контроля за соблюдением лицами, оказывающими бесплатную юридическую помощь, норм профессиональной этики и установленных требований к качеству юридической помощи». В случае устранения данного пробела на федеральном уровне в региональный нормативный правовой акт Чувашской Республики потребуется внесение соответствующих корректировок с учетом единых требований Минюста России.

В целом с точки зрения достаточности правового регулирования в сфере бесплатной юридической помощи на региональном уровне можно сделать вывод о наличии необходимого минимума нормативных правовых актов.

Между тем в российском законодательстве недостаточно разработаны нормативные составляющие понятия «квалифицированная юридическая помощь», ее критерии, а также требования к квалификации лиц, призванных на профессиональном уровне оказывать юридическую помощь, что делает затруднительным надлежащую реализацию этого конституционного права, создает препятствия для надзора в рассматриваемой сфере правоотношений.

Правовой вакуум и противоречивость исходных нормативных установок дают исследователям право самостоятельно формулировать понятие квалифицированной юридической помощи. Анализ законодательства и научных публикаций позволяет принять следующую формулировку понятия квалифицированной юридической помощи: «конституционно гарантированная каждому возможность самостоятельно выбирать и получать необходимое, отвечающее государственным стандартам качества, информационно-консультативное и правовое содействие в эффективной защите его прав, свобод и законных интересов на безвозмездной».

Литература

1. Конституция Российской Федерации (с поправками от 30.12.2008, 05.02.2014, 21.07.2014). URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/10103000> (дата обращения: 15.04.2020).
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Рим, 4 ноября 1950 г. (с изм. и доп. от 21.09.1970, 20.12.1971, 01.01.1990, 06.11.1990, 11.05.1994, 13.05.2004). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW (дата обращения: 15.04.2020).

3. О юридической помощи и консультациях: Резолюция № (78) 8 Комитета министров Совета Европы (принята 02.03.1978 на 284-м заседании представителей министров). М., 2004. С. 672–674.

4. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: Федер. закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ // Рос. газета. 2011. 23 ноября.

5. Об общих требованиях к нормативным правовым актам, муниципальным правовым актам, регулирующим предоставление субсидий некоммерческим организациям, не являющимся государственными (муниципальными) учреждениями: Пост. Правительства Российской Федерации от 07.05.2017 № 541 // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2926.

6. О бесплатной юридической помощи в Чувашской Республике: Закон Чувашской Республики от 30.03.2012 № 20. URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 15.04.2020).

7. Об определении органа исполнительной власти Чувашской Республики, уполномоченного в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью, и утверждении перечня органов исполнительной власти Чувашской Республики и подведомственных им учреждений, входящих в государственную систему бесплатной юридической помощи на территории Чувашской Республики: Пост. Кабинета Министров Чувашской Республики от 10.05.2012 № 171. URL: <https://base.garant.ru/17584801> (дата обращения: 15.04.2020).

8. Об обеспечении граждан бесплатной юридической помощью в Чувашской Республике: Пост. Кабинета Министров Чувашской Республики от 23.05.2012 № 203. URL: <https://base.garant.ru/1758487> (дата обращения: 15.04.2020).

9. Александров А.Ю., Верещак С.Б., Иванова Е.В., Иванова О.А. Проблемы финансового и организационно-правового обеспечения бесплатной юридической помощи в Приволжском федеральном округе. Чебоксары, 2015. 162 с.

КОНКУРЕНЦИЯ МЕЖДУ ВУЗАМИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

Н.Ю. Спиридонова, ст. преподаватель
Н.В. Семенова, канд. биол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Рассмотрены вопросы конкуренции в сфере высшего образования. Показаны положительные и отрицательные последствия конкуренции по предоставлению образовательных услуг.

Ключевые слова: конкуренция, образовательные услуги, качество образования.

COMPETITION AS A FACTOR OF IMPROVING THE QUALITY OF EDUCATIONAL SERVICES

N.Yu. Spiridonova, N.V. Semenova

Abstract. The issues of competition in the field of higher education are considered. Allowed and negative consequences.

Keywords: competition, educational services, quality of education.

Термин «конкуренция» имеет множество значений и затрагивает различные сферы общественной жизни. В современных условиях он применим и к системе высшего образования России, когда образование стало товаром, предоставляемым конкурентными поставщиками образовательных услуг – высшими учебными заведениями (далее – вузами). Образовательные услуги все чаще носят возмездный характер, а студенты становятся все более избирательными в выборе вуза, требовательными к образовательным программам и организации учебного процесса.

Образовательные услуги в сфере высшего образования оказываются большим количеством государственных и частных вузов. Так, в 2018/19 учебном году в России осуществляла свою деятельность 741 образовательная организация высшего образования [7]. При этом, как отмечает В.С. Белых, государственные вузы финансируются за счет бюджетных средств менее чем на четверть, поэтому они вынуждены привлекать внебюджетные источники финансирования. С целью увеличить поток студентов и получить дополнительные источники финансирования вузы, особенно коммерческие, «предлагают студентам, бакалаврам и магистрантам целую палитру (порой экзотических) учебных специальностей и направлений» [4. С. 19]. Можно с уверенностью сказать, что современные вузы начинают функционировать так же, как и бизнес, ориентируясь на запросы потребителей.

На сегодняшний день понятие «качество образования» законодательно закреплено в подп. 29 п. 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [3]. Тем не менее качество образования – это субъективный термин, для которого у каждого человека есть свое определение и понимание. Главная

функция образования заключается в том, чтобы студенты приобрели те компетенции, которые необходимы для осуществления профессиональной деятельности.

Конкуренция между вузами тесно связана с процессами их коммерциализации и маркетинга. Одним из последствий маркетинга высшего образования является «рассмотрение обучения и учебной деятельности как отношения продавцов и покупателей товаров, когда студент-потребитель покупает товар – диплом у университета-производителя за определённую цену» [8. С. 169]. При этом стоимость обучения (и соответственно диплома) варьируется в зависимости от рейтинга университета.

Конституция Российской Федерации и Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» прямо запрещают недобросовестную конкуренцию, которая противоречит обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и может причинить ущерб конкурентам [1; 2]. Следует отметить, что вузы в своей деятельности используют способы добросовестной конкуренции, соблюдают правовые и этические нормы взаимодействия с партнерами. Они разрабатывают стратегии повышения конкурентоспособности, практические рекомендации по деятельности в условиях конкуренции [5], дополнительные образовательные (в том числе уникальные) [10], менторские [6] программы, устанавливают партнерские отношения с представителями различных компаний, организаций, органами государственной власти и органами местного самоуправления.

Часть российских вузов активно занимается позиционированием себя на рынке образовательных услуг. В последнее время важную роль стала играть глобальная конкуренция. В странах Европы и Азии наблюдается тенденция по созданию университетов мирового уровня и достижению высоких результатов в глобальных рейтингах. Ярким примером участия России в таких процессах является реализация проекта 5–100, основная цель которого – повышение качества высшего образования и конкурентоспособности ведущих российских вузов среди лучших учебных заведений мира [9]. Участвующие в этой программе вузы стали лидерами национальной системы образования и позиционируются как вузы мирового уровня.

Ориентированность на потребителя (студента) является одним из основных проявлений конкуренции между вузами. Информация о рынке образовательных услуг является доступной и сопоставимой для потенциальных студентов. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» обязывает образовательные организации формировать открытые и общедоступные информационные ресурсы об их деятельности и обеспечивать доступ к ним путем размещения на официальном сайте образовательной организации в сети «Интернет» [3]. Миссии вузов очень похожи друг на друга, поэтому именно добросовестная конкуренция стимулирует улучшение качества товара (образовательных услуг) с целью привлечения потенциального студента для приобретения товара лучшего качества.

Конкуренция между вузами может иметь и негативные последствия, так как может стимулировать развитие и проявление отрицательных качеств в студентах. Так, В.С. Белых на примере Уральской государственной юридической академии отмечает, что «появилось достаточно много студентов, не желающих учиться, о чем красноречиво свидетельствуют итоги сессий и государственных экзаменов» [4. С. 19]. Он предлагает отчислять таких студентов, отмечая, однако, что в этом случае для вузов неизбежны финансовые потери.

Таким образом, конкуренция между вузами в борьбе за привлечение студентов не всегда может обеспечить наилучшее качество образовательных услуг. Однако она создает для абитуриентов возможность выбора вуза исходя из их интеллектуальных способностей, финансовых возможностей и представлений о качественном образовании.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СПС «Консультант-Плюс».
2. О защите конкуренции: Федер. закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // СПС «Консультант-Плюс».
3. Об образовании в Российской Федерации: Федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СПС «Консультант-Плюс».
4. Белых В.С. Нужна ли модернизация юридического образования в России? // Юрид. образование и наука. 2013. № 4. С. 17–21.

5. Василенок В.Л., Кургузова Е.Я. Конкуренция на рынке образовательных услуг. URL: <http://economics.ihbt.ifmo.ru/file/article/577.pdf> (дата обращения: 12.02.2020).

6. МГИМО: my-mentor. URL: <https://www.my-mentor.ru/mgimo> (дата обращения: 15.02.2020).

7. Образование в цифрах: 2019: краткий стат. сб. / Н.В. Бондаренко, Л.М. Гохберг, Н.В. Ковалева и др. М., 2019. URL: <https://www.hse.ru/data/2019/08/12/1483728373/oc2019.PDF> (дата обращения: 12.02.2020).

8. Погосян В.А. Маркетизация высшего образования // Вестн. Герценов. ун-та. 2014. № 2. С. 169–173.

9. 5–100: Проект повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов средних ведущих мировых научно-образовательных центров. URL: <https://5top100.ru> (дата обращения: 12.02.2020).

10. Школа перспективных исследований. Тюменский государственный университет. URL: <https://sas.utmn.ru/ru/about-school> (дата обращения: 12.02.2020).

МОРАЛЬ И ПРАВО КАК ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

С.Е. Степанова, канд. филос. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический
университет имени И.Я. Яковлева», г. Чебоксары

Аннотация. Анализируются вопросы, связанные с проблемой соотношения морали и права как поведенческих регуляторов личности и социальных групп.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, право, законы, правовая культура, духовные ценности, правосознание, мораль.

MORALITY AND LAW AS FACTORS OF DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY

S.E. Stepanova

Abstract. The article analyzes issues related to the problem of the correlation of morality and law as behavioral regulators of the individual and social groups.

Keywords: state, civil society, law, laws, legal culture, spiritual values, legal consciousness, morality.

Мораль и право выступают в качестве поведенческих регуляторов как отдельной личности, так и социальной группы. Мораль и право предъявляют набор требований к отдельному индивиду и вместе с тем создают социальные и духовные пред-

посылки для ее существования, самоутверждения, реализации ее устремлений. Современное право, безусловно, нуждается в усилении собственного регулятивного потенциала, поскольку его традиционные средства не справляются с выполнением возложенных на них задач. Выходом из возникшего затруднения может быть гармоническое сочетание юридических и моральных начал. Право и мораль представляют собой объективированные регуляторы человеческого поведения в социальных отношениях. Оценки и цели права и нравственности различны. Цель права – создание и поддержание правопорядка в обществе. Для нравственности цель – воспитание личности для ее служения гражданскому обществу [7. С. 182].

В современном праве основное его содержание может быть определено нравственными общечеловеческими ценностями. В этом выражаются общие черты правового и морального сознания. Правосознание – это одобрительная или отрицательная реакция людей на законы, нормативные акты и т.п. [2. С. 480]. Правовое сознание как сложный и многоаспектный социальный и психологический феномен обладает функционально-структурными качествами, которые проявляются в индивидуальных, групповых особенностях субъектов социальных отношений [3. С. 230]. Их общность заключается в том, что для них характерна не только регулятивная, но и оценочная функция. Если мораль производит оценку с помощью совести и общественного мнения, то право использует для этих целей суд и правосознание личности и общества. Решения, выносимые судом, правовым сознанием, в целом являются очень близкими к оценкам моральным [7. С. 160].

В отличие от правовых норм моральные нормы не находят своего закрепления в юридических документах. В отличие от морали область действия права намного уже [6. С. 77]. Право прежде всего занимается регулированием общественных отношений, связанных с властью, собственностью, защитой жизненно важных потребностей личности от противоправных посягательств. Право ни коим образом не требует от личности «святости» или соответствия какому-нибудь идеалу, а довольствуется только соблюдением установленных законом правил и норм [4. С. 407].

Требования морали различают по содержанию и форме. Содержание морали касается сфер человеческих отношений, которые она регулирует. Форма морали отражает различный уровень обобщений поведения людей. Отсюда различают принципы, нормы и правила морали. Моральные принципы – это наиболее общие требования к поведению человека в его отношении к среде и к себе, определяющие основную линию его деятельности. Моральные нормы и правила поведения – это наиболее элементарные, конкретные содержания к поведению человека в конкретных условиях и ситуациях.

Нравственное сознание выработало понятия, при помощи которых возможно оправдывать или осуждать поступки и поведение личности [8. С. 182]. К ним относятся категории нравственной оценки, которые находят свое выражение в понятиях справедливости и несправедливости, добра и зла, чести и бесчестия и т.п. Мораль включает в себя также специальные категории, которые помогают людям в осмыслении ее принципов, норм и правил – совесть, долг, достоинство и честь. Мораль обращена к глубинным сторонам жизнедеятельности личности, дает ориентиры, критерии для правовых отношений. Именно с позиций общечеловеческой морали люди оценивают те или иные законы, деятельность правоохранительных органов [5. С. 170]. У морали и права имеются как сходные, так и различительные черты, которые во многом и определяют характер их взаимодействия в конкретных социальных условиях. Механизмы воздействия на человеческую личность у морали и права во многом различны. Моральное сознание, в первую очередь, обращено к внутреннему миру человека, к его совести. Главное «наказание» со стороны морали – угрызания совести, которые дополняются осуждением со стороны общественного мнения. В отношениях, регулируемых правом, доминируют прежде всего методы принудительного, «силового» внешнего воздействия – угроза лишения или ограничения свободы, присуждения денежного штрафа, материальной компенсации за причиненный ущерб и др. Для морали же ограничение или лишение свободы просто невозможно, немислимо [1. С. 100].

Мораль и право имеют общую цель – создание необходимых предпосылок для утверждения в обществе порядка,

стабильности, условий для реализации индивидом своих различных потребностей. В этом выражается их главная функция. Они в совокупности образуют относительно общий нормативно-регулятивный механизм социальной жизни гражданского общества.

Литература

1. Кузьмин Ю.А. Актуальность принципов диалектики для совершенствования правового сознания // Ист., философ., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. 2017. № 3-2 (77). С. 99–102.

2. Кузьмин Ю.А. Юридические санкции и иные меры уголовно-правового характера в современном мире // Юридические санкции: общетеоретические и отраслевые аспекты: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Казань, 2018. С. 478–484.

3. Кузьмин Ю.А. Социально-психологические аспекты проявления правосознания // Трансформация социальных систем: проблемы и поиски путей решения: сб. науч. тр. по материалам всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Ковылкино, 2017. С. 526–532.

4. Максимов Н.В., Кузьмин Ю.А. Проблема истины при вероятностном выводе судебной экспертизы // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов 4-й Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2014. С. 406–409.

5. Смирнов В.В., Степанов А.Г. Диалектика отношений общенаучных и философских методов исследования социально-экономических систем // Вестн. Чуваш. ун-та. 2011. № 2. С. 167–172.

6. Степанов А.Г. К вопросу о совершенствовании межбюджетных отношений // Финансы и кредит. 2006. № 28 (232). С. 72–78.

7. Степанов А.Г. Факторы социальной детерминации системы социально-исторического познания // Вестн. Чуваш. ун-та. 2011. № 1. С. 154–160.

8. Степанов А.Г. Этнические аспекты мировоззрения в системе социального познания // Регионоведение. 2011. № 1 (74). С. 181–187.

ПРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЛИЧНОГО ОБЫСКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Е.Р. Страхова, ст. преподаватель

С.Ю. Матеров, преподаватель

ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства
внутренних дел Российской Федерации», г. Нижний Новгород

Аннотация. Рассматриваются вопросы отражения в уголовно-процессуальном законодательстве нравственных начал производства личного обыска и практика применения их в ходе расследования уголовных дел.

Ключевые слова: личный обыск, нравственность, личное достоинство, уголовно-процессуальное принуждение, этика, следственные действия.

MORAL ASPECTS OF PERSONAL SEARCH: THEORY AND PRACTICE

E.R. Strakhova, S.Yu. Masterov

Abstract. The article considers the issues of reflection in the criminal procedure legislation of the moral principles of personal search and the practice of applying them in the course of criminal investigation

Keywords: personal search, morality, personal dignity, criminal procedural coercion, ethics, investigative actions.

Личный обыск – разновидность обыска, который может производиться в отношении подозреваемого, обвиняемого. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит определения понятия личного обыска. Сущность указанного следственного действия выводится из его целей и состоит в обследовании тела человека и находящихся при нем вещей с целью отыскания предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела. Полный личный обыск предусматривает обследование в том числе и естественных полостей тела, которое невозможно произвести без обнажения обыскиваемого лица.

Охраняя конституционное право граждан на честь, личное достоинство, Уголовно-процессуальный кодекс в качестве обязательных условий законности при производстве личного обыска содержит требование производства личного обыска лицом одного пола с обыскиваемым, кроме этого, привлекаемые к участию в обыске понятые и специалисты также должны быть одного пола с обыскиваемым [1. Ст. 184].

Уголовно-процессуальное законодательство допускает проведение личного обыска без соответствующего постановления, если в ходе проведения обыска в помещении появляются основания, что лицо, находящееся в помещении, скрывает при себе искомые предметы [2. Ст. 184]. Однако УПК РФ не содержит подробного алгоритма действий лица, производящего обыск в помещении, о том, что делать в случае, если обыск в помещении проводится лицом другого пола с тем лицом, которое долж-

но быть подвергнуто личному обыску. Кроме того, Закон не содержит прямого указания на то, где должны быть отражены результаты обыска, должен ли быть оформлен протокол личного обыска, либо же результаты личного обыска должны быть отражены в протоколе обыска помещения, в котором находится лицо, подвергаемое личному обыску.

Возможно, в связи с отсутствием четкой законодательной регламентации порядка личного обыска на практике следователями допускаются ошибки, ведущие к признанию доказательств, полученных в ходе личного обыска, недопустимыми, что неизбежно приводит к вынесению судами оправдательных приговоров.

Так, по уголовному делу, возбужденному в отношении гр. Г. по факту незаконного хранения им наркотических средств, приговором судьи Автозаводского районного суда г. Н. Новгорода Г. оправдан в связи с тем, что следователь в ходе расследования уголовного дела по факту убийства гр. Е. проводил обыск в жилище гр. Г., так как последний мог быть причастен к указанному преступлению. В ходе обыска в жилище гр. Г. был фактически подвергнут личному обыску, в ходе которого был изъят сверток с наркотическим веществом, однако документально личный обыск следователем оформлен никак не был, сам факт обнаружения и изъятия наркотического вещества из кармана джинсов гр. Г. отражен только лишь в протоколе обыска в жилище в присутствии понятых, противоположного с гр. Г. пола [2].

Нравственным смыслом пронизана норма УПК РФ, содержащая в качестве обязательного условия перед началом производства обыска предложение лицу выдать добровольно искомые предметы [1. Ст. 182]. В случае добровольной выдачи указанных предметов при отсутствии иных оснований для производства обыска следователь может не проводить обыск. Это позволяет лицу, подвергаемому личному обыску, избежать неприятной процедуры обследования его тела посторонним человеком (прикосновения к его телу), обнажения в присутствии посторонних лиц (понятых), пусть и одного пола с обыскиваемым.

Необходимо отметить, что Закон разрешает использование фото-, видеофиксации с использованием технических средств во время проведения различных следственных действий, в том

числе и во время личного обыска [1. Ст. 164]. Однако из этических соображений целесообразно внести дополнения в ст. 184 УПК «Личный обыск» о проведении видеозаписи во время полного обнажения лица только при условии получения согласия лица, подвергнутого личному обыску.

Уголовно-процессуальный кодекс содержит категорический запрет на создание опасности для жизни и здоровья человека при проведении следственных действий [1. Ст. 164]. Следуя этому запрету, очевидно, что обнаружение и извлечение искомым предметом из внутренних полостей тела человека (желудок и т.п.) в ходе личного обыска должно производиться при обязательном участии медицинского работника с использованием необходимого оборудования.

Следует отметить, что личный обыск – это следственное действие, связанное с процессуальным принуждением, которое реализует следователь. И здесь нельзя не согласиться с В.А. Похмелкиным, который подчеркивает, что «в ходе такого принуждения могут быть затронуты честь, достоинство... граждан. Особую остроту приобретает проблема разумного использования властных полномочий следователя... и нравственного выбора необходимого и допустимого» [3. С. 161].

Таким образом, нравственность такого следственного действия, как личный обыск, определяется двумя важными моментами: достаточным закреплением в ст. 182, 184 УПК РФ моральных и этических начал, а также степенью развития нравственных качеств личности самого следователя (уважительность, тактичность, корректность, признание достоинства любого человека и т.п.). Сочетание этих двух моментов позволит повысить эффективность проведения такого следственного действия, как личный обыск.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Рос. газета. 2001. № 249.
2. Уголовное дело 79396, возбужденное 16.06.2015 следственным отделом по расследованию преступлений на территории Автозаводского района СУ Управления МВД России по г. Н. Новгороду по ч. 2 ст. 228 УК РФ.
3. Похмелкин В.А. Право и этика в уголовно-процессуальном принуждении // Рос. законодательство: теория, практика, проблемы развития. Пермь, 1997. С. 159–164.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В СФЕРЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Т.Ф. Тимофеева, канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Процесс совершенствования законодательства, касающегося исполнительного производства как в целом, так и в отношении отдельных отраслей права (жилищного, семейного, административного, экологического, финансового и др.), сталкивается с целым рядом нерешенных вопросов, которые являются первоочередными для правотворческой сферы деятельности Российского государства. Среди них наиболее своевременными являются вопросы кодификации законодательства в сфере исполнительного производства, которые достаточно широко обсуждаются в юридической науке и практической деятельности.

Ключевые слова: исполнительное производство, законодательство, судебный пристав-исполнитель, кодификация, ФССП России.

LEGISLATION IN THE FIELD OF ENFORCEMENT PROCEEDINGS

T.F. Timofeeva

Abstract. The process of improving legislation relating to enforcement proceedings both in general and in relation to certain branches of law (housing, family, administrative, environmental, financial, etc.) is faced with a number of unresolved issues, which are of primary importance for the legislative sphere of activity Russian state. Among them, the most timely are the issues of codification of legislation in the field of enforcement proceedings, which are widely discussed in legal science and practice.

Keywords: enforcement proceedings, legislation, bailiff, codification, FSSP of Russia.

Возможность решения сложных вопросов, стоящих перед нашим обществом, зависит от научного упорядочения правовой информации, широкой по объему и разнообразной по содержанию, о деятельности судов, органов юстиции, службы судебных приставов, прокуратуры, а также от своевременного изучения существующих нормативных правовых актов, их обновления и кодификации. Анализ отраслевого законодательства играет особую роль в формировании, становлении и развитии государственной политики, а его исследование с целью систематизации

способствует принятию правильных решений, ведущих в том числе к государственной безопасности.

В настоящее время становится жизненно необходимым проанализировать российское законодательство в сфере исполнительного производства, так как исполнение судебных решений является основным этапом отправления правосудия. При этом расширен перечень документов, подлежащих исполнению за счет удостоверений финансового уполномоченного, нотариально удостоверенных медиативных соглашений или их нотариально засвидетельствованных копий, а также решений о принудительном исполнении работодателем обязанности по выплате начисленных, но не выплаченных работнику заработной платы и (или) других выплат, осуществляемых в рамках трудовых отношений. В результате количество возбужденных в 2019 году исполнительных производств возросло на 13,8%, в том числе количество поступивших судебных актов увеличилось на 3,3 млн, а количество постановлений уполномоченных органов – на 5 млн.

Для отечественной системы принудительного исполнения основную группу источников права составляют Конституция Российской Федерации, базовые федеральные законы: кодифицированный по своему содержанию «Об исполнительном производстве», статусный «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации», другие федеральные законы и комплексные ГПК и АПК РФ, а также подзаконные акты, принятые на федеральном уровне. В регулировании деятельности судебных приставов-исполнителей значительное место занимают методические указания и письма.

По мнению С.Ф. Гуляйкина, «Федеральный закон “Об исполнительном производстве” является источником административного, финансового и гражданского права, что характеризует его как межотраслевой законодательный акт, а Федеральный закон “Об органах принудительного исполнения Российской Федерации” следует рассматривать также в качестве источника института государственной (правоохранительной) службы, т.е. как межинституциональный источник административного права» [1].

К имеющейся массе источников исполнительного производства, затрагивающих деятельность ФССП России, добави-

лись принятые в 2018 году 21 федеральный закон, указ Президента Российской Федерации, два распоряжения и одно постановление Правительства Российской Федерации [2]. В 2019 году приняты один федеральный конституционный закон, 19 федеральных законов, шесть указов Президента Российской Федерации, 10 постановлений и одно распоряжение Правительства Российской Федерации [3]. Они устанавливают: 1) правовые, организационные и финансово-экономические основы прохождения нового вида государственной службы – службы в органах принудительного исполнения; 2) дополнительные гарантии для социально незащищенных слоев населения, для которых указанные выплаты являются единственным источником средств к существованию; 3) возможность извещения сторон исполнительного производства с их согласия посредством личного кабинета, функционирующего на Едином портале государственных и муниципальных услуг, а также с помощью смс-сообщений; 4) идентификацию видов платежей, поступающих на любой счет гражданина в банке, и отдельный их учет, так называемый механизм «окрашивания»; 5) новое основание для прекращения производства приставом в случае прекращения обязательств заемщика-физического лица перед кредитором-залогодержателем согласно Федеральному закону «Об ипотеке (залоге недвижимости)»; 6) отсутствие возможности взыскания исполнительского сбора с должников-физических лиц, участвующих в государственных программах помощи, утверждаемых на федеральном уровне; 7) требования, предъявляемые к решению государственного инспектора труда о принудительном исполнении обязанности работодателя по выплате начисленных, но не выплаченных в установленный срок заработной платы и других выплат, осуществляемых в рамках трудовых отношений, а также особенности его исполнения; 8) административную ответственность за неисполнение должником исполнительного документа, содержащего требования неимущественного характера, когда его неисполнение может повлечь угрозу жизни или здоровью людей и др.

Принятие новых правовых актов хотя и способствует развитию исполнительного законодательства, не снимает множества проблем в сфере принудительного исполнения. Мы обратили

внимание на многочисленность и разноплановость правовых актов, некоторые из которых носят отсылочный характер. В этих условиях становится очевидной потребность в Исполнительном кодексе.

В.В. Ярков, отстаивая необходимость кодификации исполнительного производства, считает, что «кодекс должен объединить нормы о различных способах реализации исполнительных документов и все процедуры, учитывающие особенности гражданского, налогового, трудового, жилищного, семейного и иного законодательства, а также способствовать развитию административной юстиции» [6]. Как отмечается в пояснении Минюста России, «законопроект подготовлен в целях реализации комплекса мер по кардинальному улучшению работы ФССП РФ, утвержденного поручением Правительства Российской Федерации от 4 декабря 2016 года, и совершенствования действующих процедур исполнения судебных актов, актов иных органов и должностных лиц путем кодификации законодательства в сфере исполнительного производства» и направлен на регулирование отношений, складывающихся в процессе исполнения судебных актов, актов иных органов и должностных лиц [4].

К положительным чертам процедуры кодификации следует отнести, например, закрепление принципов исполнительного производства, а также расширение круга источников права, используемых при регулировании отношений в сфере принудительного исполнения. Однако в связи с указанными достоинствами необходимо обратить внимание и на недостатки. Например, на отсутствие выделения в самостоятельный раздел стадий исполнительного производства [5].

Литература

1. Гуляйкин С.Ф. Законодательство, регулирующие экологические споры в исполнительном производстве в Российской Федерации // Экологические и природоохранные проблемы современного общества и пути их решения: материалы XIII Междунар. науч. конф.: в 2 ч. М., 2017. С. 522.

2. Итоговый доклад о результатах деятельности ФССП России в 2018 году // ФССП России: офиц. сайт. URL: http://fssprus.ru/files/fssp/db/files/02019/itogovyj_doklad_za_2018_god_20193181711.pdf (дата обращения: 01.04.2020).

3. Итоговый доклад о результатах деятельности ФССП России в 2019 году // ФССП России: офиц. сайт. URL: http://fssprus.ru/files/fssp/db/files/032020/itogovyj_doklad_za_2019_god_20203181958.pdf (дата обращения: 01.04.2020).

4. Минюст России начал работу над Исполнительным кодексом для судебных приставов. URL: <https://tass.ru/politika/4113991> (дата обращения: 23.03.2020).

5. Ремнев А.В. О необходимости внесения изменений в законодательство об исполнительном производстве // Молод. ученый. 2016. № 22 (126). С. 80.

6. Ярков В.В. Концепция реформы принудительного исполнения в сфере гражданской юрисдикции // Рос. юрид. журн. 1996. № 2. С. 37.

О РЕЗУЛЬТАТАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИЗУЧЕНИЯ ИНСТИТУТА СМЯГЧАЮЩИХ И ОТЯГЧАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

В.И. Тихонов, аспирант
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Всесторонний учёт смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств является важным общим началом назначения наказания в части реализации принципа справедливости. На основе основных возникающих вопросов проведено социологическое исследование, направленное на изучение института смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств на современном этапе развития российского законодательства.

Ключевые слова: смягчающие и отягчающие обстоятельства, социологическое исследование, принцип справедливости.

ON THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH OF THE INSTITUTE OF MITIGATING AND AGGRAVATING CIRCUMSTANCES AT THE PRESENT STAGE OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE

V.I. Tikhonov

Abstract. Comprehensive consideration of mitigating and aggravating circumstances is an important General beginning of sentencing in terms of implementing the principle of justice. Based on the main emerging issues, a sociological study was conducted aimed at studying the Institute of mitigating and aggravating circumstances at the current stage of development of Russian legislation.

Keywords: mitigating and aggravating circumstances; sociological research, the principle of justice.

Перемены, происходящие в российском обществе в последнее время, существенным образом оказали влияние на условия

деятельности правоохранительных органов, органов прокуратуры, суда, поставили перед ними ряд новых и достаточно сложных вопросов. При обеспечении эффективного функционирования уголовно-процессуальной системы немаловажную роль в современных условиях играют изучение мнения правоприменителей и учет его результатов в практике обеспечения законности и справедливости.

Рассматривая вопросы учета судами смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств, т.е. их влияние на определение меры наказания, следует отметить, что необходим не просто учет смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств, но и их оценка. Смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства суд не просто должен «привести» в приговоре суда, а изложить таким образом, чтобы была ясна оценка степени их влияния на назначенное наказание.

Анализ работы этого правового института показывает, что меры уголовно-правового воздействия на преступивших закон не всегда приводят к поставленной цели.

В целях оценки эффективности применения смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств на современном этапе развития российского законодательства и правоприменительной практики были проведены социологические исследования среди сотрудников правоохранительных органов на территории Чувашской Республики, в котором приняли участие 19 судей, а также 331 сотрудник органов следствия и прокуратуры.

В проведенном нами исследовании на вопрос о том, какие основные факторы учитываются в судебной практике при характеристике личности обвиняемого, ответы распределились следующим образом: только строго определенные факторы, указанные в Уголовном кодексе Российской Федерации (20%), поведение после совершения преступления (30%), прежняя судимость или ее отсутствие (27%), заслуги перед Родиной (9%), положение в обществе (8%), уровень психического развития (6%). Следует отметить, что при ответе на поставленный вопрос респонденты сослались на обстоятельства, прямо не закрепленные в Уголовном кодексе Российской Федерации, но по факту применяемые на практике.

Очень важна оценка респондентами факторов, определяющих характер и степень общественной опасности преступного деяния. Так, установлено, что отягчающие наказание обстоятельства (44%) и форма вины, времени и места совершения преступного деяния (28%) применяются в качестве первостепенных факторов.

Особое внимание респондентами уделено сложности выявления обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание. В частности, в основе проблем выявления указанных обстоятельств лежит оказание противодействия со стороны участников уголовного производства (53%), сжатые сроки выявления соответствующих обстоятельств (37%), несовершенство уголовно-процессуального законодательства (7%).

Во взаимосвязи с результатами опроса возникает закономерный вопрос: каким же образом должны быть выявлены и оценены подобные обстоятельства?

Некоторые авторы предлагают ввести в уголовное законодательство формализованные аспекты учета и оценки смягчающих или отягчающих наказание обстоятельств [5]. В частности, В.П. Нажимов пишет о необходимости выделить в Уголовном кодексе «главные» и «иные» смягчающие и отягчающие обстоятельства и различать четыре ступени наказания: «При определении наказания исходной следует считать 3-ю ступень наказания, которая соответствует условному случаю полного отсутствия обстоятельств как смягчающих, так и отягчающих. Наличие хотя бы одного главного или нескольких (2–3) иных обстоятельств, смягчающих ответственность, влечет снижение наказания на одну ступень...» [4. С. 8].

Однако данная точка зрения побудила, на наш взгляд, справедливую критику со стороны многих ученых. В частности, по мнению В.С. Джагиева, не ясен принцип, положенный в основу разделения обстоятельств на «главные» и «иные». Не убедительны доводы В.П. Нажимова и в части выделения ступеней наказания.

Сложную методику учета смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств предлагает и А.А. Арямов [1. С. 227].

На наш взгляд, указанные авторы завышают значимость смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств. Данные

обстоятельства являются важным, но не единственным аспектом определения справедливой меры наказания виновному лицу.

Справедливости ради, важно также отметить, что в УК РФ отсутствуют специальные правила назначения наказания при наличии смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств, что осложняет учет их судьями при назначении наказания. Отсюда и возможность ошибок, допускаемых судами.

Так, полностью разделились мнения респондентов относительно прозрачности механизма учета и выявления обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание. Более половины респондентов высказались относительно отсутствия прозрачности учета обстоятельств, влияющих на наказание (54%).

В процессе правоприменительной практики уголовных дел, рассмотренных мировыми и районными судами г. Чебоксары и Чувашской Республики, нами была предпринята попытка установления зависимости срока наказания в виде лишения свободы в приговоре от наличия или отсутствия смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств. Разумно было предположить, что, чем больше установлено по делу смягчающих наказание обстоятельств, тем ближе должно быть назначенное наказание к наименьшей санкции, предусматривающей наказание в виде лишения свободы. В случае, если по делу установлены и смягчающие, а также отягчающие обстоятельства, то наказание в виде лишения свободы должно быть назначено ближе к среднему для данной санкции.

Однако изучение мнения сотрудников правоохранительных органов, органов прокуратуры, судей Чувашской Республики опровергло наши предположения и позволило сделать вывод, что невозможно проследить какой-либо зависимости между наличием смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств по делу и выбором судом конкретного срока лишения свободы. Так, и при отсутствии смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств, и при наличии одного смягчающего и отсутствии отягчающих обстоятельств, как и при наличии трех смягчающих и отсутствии отягчающих обстоятельств, наказание (лишение свободы) было назначено в виде минимального (или близкого к минимальному) в рамках санкции нормы Особенной части УК РФ. А наказание среднее для данной санкции было назначе-

но и при отсутствии смягчающих и отягчающих обстоятельств, и при наличии одного смягчающего и одного отягчающего обстоятельства, и даже при наличии трёх смягчающих и отсутствии отягчающих обстоятельств. Так, на вопрос: в полном ли объёме законодательно урегулирован институт смягчающих и отягчающих обстоятельств, 39% опрошенных респондентов ответили отрицательно. Представляется, что зависимость между наличием по делу смягчающих и отягчающих обстоятельств и размером наказания (в частности, в виде лишения свободы) должна быть более четкой и требует в связи с этим более детальной законодательной разработки.

Так, по мнению одних учёных (В.П. Малков, Т.Г. Чернова и др.), учёт смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств, указанных в законе, является обязанностью суда, а учёт смягчающих обстоятельств, не указанных в законе, – правом суда [3. С. 112]. По мнению другой группы авторов (М.И. Бажанов, Л.Л. Кругликов и др.), учёт смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств является обязанностью суда [2. С. 117].

Важное значение имеет тот факт, что 40% опрошенных респондентов заявили, что формулировка, отраженная в ст. 6 УК РФ, в полном объёме не раскрывает основной принцип справедливости. При этом 19% респондентов утверждают, что при учете смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств не реализуется принцип справедливости.

Всесторонний учёт судом смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств – важное общее начало назначения наказания, реализация принципов справедливости. Значение указанных обстоятельств для определения судом меры наказания трудно переоценить. Особое место в этом процессе занимает принцип справедливости назначения уголовного наказания. Кроме того, институт смягчения и отягчения уголовного наказания может рассматриваться и как нравственная категория [6. С. 283].

Следует обратить внимание, что часть респондентов высказалась о недостаточности предусмотренных УК РФ правовых средств для определения зависимости между совершенным преступлением и назначаемым наказанием, при этом отметили

важную задачу о необходимости новых более совершенных правовых средств.

Все это свидетельствует о необходимости совершенствования законодательства и практики применения института смягчающих и отягчающих уголовное наказание обстоятельств с учетом собранных проблемных вопросов и введения новых правовых механизмов учета обстоятельств в непосредственной взаимосвязи с уголовно-правовым принципом справедливости.

Литература

1. Арямов А.А. Общетеоретические основы учения об уголовном наказании: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. С. 224–227.

2. Бажанов М.И. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства при назначении наказания // Вопросы государства и права. М., 1974. С. 250.

3. Малков В.П., Чернова Т.Г. Совокупность приговоров и применение наказания: Вопросы законодательного регулирования, теории и практики. Казань, 2003. С. 112.

4. Нажимов В.П. Справедливость наказания – важное условие его эффективности // Вопросы организации суда и осуществлены правосудия в СССР. Калининград, 1973. Т. 2. С. 8.

5. Проблемы учёта судами обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://isfic.info/naznak/romten08.htm> (дата обращения: 10.03.2020).

6. Тасаков С.В. Нравственные основы новых составов убийств при отягчающих обстоятельствах // Пробелы в рос. законодательстве. Юрид. журн. 2008. № 1. С. 283–284.

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОГО ШТРАФА (СТ. 76.2 УК РФ) ПО СОВОКУПНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

И.О. Ткачев, канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет»,
г. Екатеринбург

Аннотация. Рассматриваются проблемы назначения судебного штрафа по совокупности преступлений. Отмечается, что правила о назначении наказания, содержащиеся в ст. 69 УК РФ, не могут применяться при анализируемой мере уголовно-правового характера. Делается вывод о том, что отсутствие норм, определяющих порядок назначения судебного штрафа при совокупности преступлений, представляет собой пробел действующего уголовного законо-

дательства. При этом критикуется подход, изложенный в Обзоре судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ). Автор приходит к убеждению, что при совокупности преступлений судебный штраф должен назначаться и исполняться строго за каждое преступление.

Ключевые слова: иные меры уголовно-правового характера, судебный штраф, совокупность преступлений, освобождение от уголовной ответственности, индивидуализация уголовной ответственности.

THEORETICAL AND APPLIED PROBLEMS OF A COURT FINE (ARTICLE 76.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION) FOR THE SET OF CRIMES

I.O. Tkachev

Abstract. Deals with the problems of assigning a court fine for a set of crimes. It is noted that the rules on sentencing contained in article 69 of the Criminal code of the Russian Federation cannot be applied when applying the analyzed measure of a criminal legal nature. It is concluded that the absence of rules defining the procedure for assigning a court fine for a set of crimes is a gap in the current criminal legislation. At the same time, the approach outlined in the Review of judicial practice of exemption from criminal liability with the imposition of a court fine (article 76.2 of the criminal code of the Russian Federation) is criticized. The author comes to the conclusion that in the case of a set of crimes, a court fine should be imposed and executed strictly for each crime.

Keywords: other forms of penal sanctions, court fine, set of crimes, exemption from criminal liability, individualization of criminal activity.

Федеральным законом от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ был восполнен пробел, связанный с отсутствием в отечественном законодательстве норм, предусматривающих условные виды освобождения от уголовной ответственности, подлежащих применению в отношении совершеннолетних лиц [3. С. 80]. Указанным федеральным законом установлена возможность освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.1 УК РФ).

При этом данные, опубликованные Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, свидетельствуют, что соответствующая норма оказалась востребована на практике. Начиная с момента вступления в силу соответствующего федерального закона, в каждом отчетном периоде наблюдается последовательное увеличение как количества судебных

актов, которыми виновное лицо было освобождено от уголовной ответственности с применением рассматриваемой меры уголовно-правового характера, так и общей суммы назначенных судебных штрафов. Соответствующие данные могут быть наглядно представлены в виде таблицы [5]:

Показатель	Период				
	1-е полугодие 2017 г.	2-е полугодие 2017 г.	1-е полугодие 2018 г.	2-е полугодие 2018 г.	1-е полугодие 2019 г.
Прекращено уголовных дел (уголовных преследований)	7 335	11 011	12 827	19 223	21 948
Назначено судебное штрафа, млн р.	108,4	171	226,1	294,1	374,6

Практика применения норм об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа обнажила ряд теоретико-прикладных проблем, требующих осмысления в доктрине уголовного права.

В анализируемой норме законодатель сформулировал три условия освобождения: 1) совершение преступления впервые; 2) отнесение преступления к категории небольшой или средней тяжести по ст. 15 УК РФ; 3) возмещение ущерба или заглаживание причиненного преступлением вреда иным образом. При этом, в соответствии с разъяснениями, содержащимися в подп. «а» п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», под лицом, впервые совершившим преступление, для целей применения ст. 76.2 УК РФ следует понимать лицо, совершившее одно или несколько преступлений (вне зависимости от квалификации их по одной статье, части статьи или несколькими статьям Уголовного кодекса Российской Федерации), ни за одно из которых оно ранее не было осуждено. В связи с этим, как справедливо отмечается на страницах юридической литературы, положения ст. 76.2 УК РФ не исключают освобождения от уголовной ответственности при наличии в деянии лица признаков совокупности преступлений. На наш взгляд, освобождение по назван-

ному основанию возможно и в том случае, если после осуждения лица будет установлено, что оно виновно также в другом преступлении небольшой или средней тяжести, совершенном до вынесения приговора по первому делу.

Вместе с тем очевидно, что совокупность могут образовывать преступления, относящиеся к различным категориям по степени тяжести. При этом даже в случае отнесения преступления к категории небольшой или средней тяжести освобождение от уголовной ответственности по анализируемому основанию является правом, а не обязанностью суда [2. С. 26]. В связи с этим в рассматриваемом случае возможны два варианта применения нормы ст. 76.2 УК РФ:

1) освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа только за часть из образующих совокупность преступлений с одновременным осуждением (в том числе условным) лица за другие совершенные им преступные деяния;

2) освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа за все преступления, входящие в совокупность.

В первом случае судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера применяется к лицу вместе с наказанием. При этом в качестве наказания за другие преступления, образующие совокупность, на основании положений ст. 46 УК РФ вполне может быть назначен штраф. Учитывая, что судебный штраф (ст. 76.2 УК РФ) и штраф (ст. 46 УК РФ) имеют принципиально различную правовую природу, а также существенно отличаются последствия их неисполнения, судебный штраф и штраф в любом случае должны исполняться самостоятельно. Их полное или частичное сложение по правилам ст. 69 УК РФ недопустимо. Если в дальнейшем лицо, освобожденное от уголовной ответственности за одно из образующих совокупность преступлений, не исполнит обязанность по уплате в установленный судом срок судебного штрафа, освобождение в отношении соответствующего преступления отменяется и лицо подлежит привлечению к уголовной ответственности (ч. 2 ст. 104.4 УК РФ). В таком случае ранее постановленный приговор за единичное преступление отменяется по новым обстоятельствам

(ч. 4 ст. 413 УПК РФ) и виновному назначается наказание по совокупности преступлений в соответствии с правилами, установленными ч. 5 ст. 69 УК РФ.

Действующее уголовное законодательство, к сожалению, не содержит каких-либо норм, определяющих правила применения иных мер уголовно-правового характера при наличии признаков совокупности преступлений. В ст. 69 УК РФ законодатель сформулировал правила назначения наказания по совокупности преступлений. Однако применение уголовного законодательства по аналогии прямо запрещено ч. 2 ст. 3 УК РФ. В связи с этим в п. 7.1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» специально подчеркивается, что правила, установленные ст. 46 УК РФ, не применяются к назначению и исполнению судебного штрафа. Представляется, что указанное разъяснение высшей судебной инстанции касается невозможности применения к назначению судебного штрафа не только правил назначения штрафа как наказания за единичное преступление, но и по совокупности уголовно наказуемых деяний.

В связи с этим во втором из рассматриваемых случаев, по свидетельству Н.Ю. Скрипченко, с учетом пробела в законодательном регулировании возможны три варианта назначения судебного штрафа: 1) определение окончательного размера судебного штрафа путем поглощения менее строго судебного штрафа более строгим; 2) назначение одного судебного штрафа за все преступления, образующие совокупность; 3) определение судебного штрафа строго за каждое из входящих в совокупность преступлений без применения правил о сложении и(или) поглощении [4. С. 144]. В пользу варианта назначения одного судебного штрафа за все входящие в совокупность преступления высказываются и другие исследователи [1. С. 124]. При этом именно такой подход отражен в настоящее время в п. 9 Обзора судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10 июля 2019 года.

Предложенный Верховным Судом Российской Федерации вариант назначения судебного штрафа представляется ошибочным. Уголовная ответственность носит сугубо индивидуальный характер. При этом освобождение от уголовной ответственности является одной из форм ее реализации. В описанной ситуации индивидуализация уголовной ответственности проявляется не только в том, что освобождению подлежит конкретное лицо, но и в том, что такое освобождение осуществляется в отношении каждого из входящих в совокупность преступлений в отдельности.

Действующее уголовное законодательство исходит из признания рассматриваемого основания освобождения от уголовной ответственности в качестве условного. В связи с этим в УК РФ сформулировано условие отмены ранее состоявшегося освобождения от уголовной ответственности (ч. 2 ст. 104.4 УК РФ). Очевидно, что, устанавливая неуплату судебного штрафа в качестве основания трансформации уголовно-правового статуса виновного, государство должно обеспечить эффективный контроль за исполнением соответствующей меры уголовно-правового характера. Такой контроль, в соответствии с ч. 3 ст. 103.1 Федерального закона от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», возложен на судебного пристава-исполнителя. При этом, согласно положениям ч. 6 той же статьи, если по истечении десяти календарных дней со дня окончания срока уплаты судебного штрафа у судебного пристава-исполнителя отсутствуют сведения об уплате должником соответствующих денежных сумм, он направляет в суд представление об отмене указанной меры уголовно-правового характера и о решении вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности. В связи с этим судебный пристав-исполнитель должен достоверно знать, за какое именно из совершенных преступлений, от ответственности за которое лицо было освобождено, не был уплачен судебный штраф.

В случае если суд назначает один судебный штраф за все входящие в совокупность преступления, судебный пристав-исполнитель возбуждает всего одно исполнительное производство. При этом неуплата суммы судебного штрафа, назначенного по совокупности преступлений, будет означать отмену осво-

бождения и привлечение виновного к уголовной ответственности за все ранее совершенные преступления, от ответственности за которые он был освобожден. Такое положение явно противоречит принципу справедливости, ведь после назначения судебного штрафа лицо может исполнить назначенную ему меру уголовно-правового характера частично, в том числе в части, превышающей размер судебного штрафа, который мог быть назначен за какое-либо из входящих в совокупность преступлений в отдельности с учетом положений ч. 1 ст. 104.5 УК РФ.

Подводя итог, следует констатировать, что с учетом запрета на применение уголовного закона по аналогии законодателю следует сформулировать нормы, определяющие порядок назначения судебного штрафа как иной меры уголовно-правового характера по совокупности преступлений. В отсутствие соответствующих законодательных предписаний, с учетом необходимости индивидуализации уголовной ответственности судебный штраф должен назначаться и исполняться строго индивидуально за каждое из входящих в совокупность преступлений.

Литература

1. Анощенкова С.В. Назначением судебного штрафа: вопросы теории и практики // Журн. рос. права. 2017. № 7. С. 114–125.
2. Круглова Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: проблемы законодательной регламентации и правоприменения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2016. № 3. С. 25–37.
3. Плаксина Т.А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Алтайск. юрид. вестн. 2016. № 4 (16). С. 78–82.
4. Скрипченко Н.Ю. Освобождение от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа: законодательное регулирование и практика применения // Прав. парадигма. 2018. Т. 17, № 2. С. 139–145.
5. Форма № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» и форма № 4 «Отчет судов общей юрисдикции о суммах ущерба от преступлений, суммах материальных взысканий в доход государства, количестве вынесенных постановлений об оплате процессуальных издержек за счет средств федерального бюджета и назначении экспертиз» [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата доступа: 15.03.2020).

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ

К.Г. Токарева, канд. юрид. наук, доцент
Набережночелнинский филиал ЧОУ ВО
«Казанский инновационный университет
им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)», г. Набережные Челны

Аннотация. Рассмотрены особенности координационной деятельности прокуратуры в противодействии коррупции. Сделан вывод о необходимости повышения эффективности взаимодействия внутри системы прокуратуры по противодействию коррупции, по упорядочению деятельности межведомственных рабочих групп.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, прокуратура, координационная деятельность.

ORGANIZATIONAL ASPECTS OF THE PROSECUTOR'S OFFICE'S ANTI-CORRUPTION ACTIVITIES

K.G. Tokareva

Abstract. Discusses the features of coordination activities of the Prosecutor's office in the fight against corruption. It is concluded that it is necessary to improve the effectiveness of interaction within the Prosecutor's office system to combat corruption, to streamline the activities of interdepartmental working groups.

Keywords: corruption, anti-corruption, Prosecutor's office, coordination activities.

В вопросе координации деятельности правоохранительных органов следует учитывать факт, что выявление коррупционных правонарушений осуществляется не только правоохранительными, но и контрольно-надзорными органами. Соответственно, возникает вопрос о привлечении к координационной деятельности на правах полноценных участников и различных органов финансового, бюджетного и иного контроля, в частности, счётных палат, финансового мониторинга. Ю.С. Дибиров подчёркивает, что прокуратура «должна действовать в тесной связке с другими правоохранительными органами, а если быть точным – со всем государственно-правовым механизмом» [6. С. 27].

Особенности координационной деятельности прокуратуры в сфере преодоления коррупции нашли отражение в Приказе

Генерального Прокурора Российской Федерации от 15.05.2010 № 208 «Об усилении прокурорского надзора в свете национальной стратегии противодействия коррупции» [4], где управлению по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции Генпрокуратуры Российской Федерации вменено в обязанность инициировать обсуждение актуальных вопросов о борьбе с коррупцией на координационных совещаниях руководителей правоохранительных органов. Прокурорам областного и районного звеньев в целях совершенствования деятельности по выявлению преступлений коррупционной направленности предписано обеспечить функционирование постоянно действующих рабочих групп, активизировать работу координационных совещаний, обсуждать на них возникающие проблемы правоприменительной практики по борьбе с коррупцией.

Координационная деятельность прокуратуры во многом зависит от уровня организации данной деятельности, чёткого разграничения должностных обязанностей сотрудников, ответственных за данное направление. С учётом приоритетности деятельности по противодействию коррупции в прокуратуре в соответствии с централизованным её построением сформирована определённая система координирующих органов. Структурно она состоит из постоянно действующих координационных совещаний руководителей правоохранительных органов, функционирующих на федеральном, межрегиональном, региональном и местном уровнях и возглавляемых соответственно Генпрокурором Российской Федерации и подчинёнными ему прокурорами [5. С. 57].

На заседаниях этих координационных совещаний обсуждаются в приоритетном порядке вопросы, связанные с борьбой с коррупцией. Инициаторами обсуждений, а зачастую и исполнителями подготовки рассмотрения наиболее актуальных вопросов в данной сфере в прокуратурах выступают вновь созданные подразделения по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции. Однако ввиду малочисленности штатного состава этих подразделений и наличия у них множества других функциональных задач они не всегда в состоянии в полной мере организационно обеспечивать на надлежащем уровне координационную деятельность прокуратуры по борьбе

с коррупцией. На прокурорах лежит обязанность организации информационно-аналитического обеспечения, планирования координационных мероприятий антикоррупционной направленности, осуществления контроля исполнения, взаимодействия с другими органами и организациями.

При разрешении вопроса взаимодействия органов прокуратуры с другими государственными органами в решении задач, поставленных перед нею в области противодействия коррупции, следует помнить, что по отношению к координационной деятельности прокуратуры по борьбе с коррупцией речь должна идти как о внутрисистемном, так и о межведомственном взаимодействии органов прокуратуры. Современное состояние дел по борьбе с коррупцией требует повышения эффективности взаимодействия внутри системы прокуратуры по противодействию коррупции, по упорядочению деятельности межведомственных рабочих групп как одной из форм координации и другим вопросам взаимодействия [8. С. 79].

Следует отметить, что качество подготовки аналитико-информационного материала сотрудниками специализированных подразделений внутри прокуратур городов и областей зависит «не только от уровня профессионализма прокурорских работников-исполнителей, но и от того, насколько чётко определены полномочия и компетенция этих специализированных подразделений, схемы (порядок) их взаимодействия с другими подразделениями прокуратуры областного звена, городскими и районными прокуратурами».

Рассмотрев теоретические и организационные вопросы в данном направлении, можно сделать следующие выводы:

1. Прокурор – это обобщающее понятие, включающее в себя систему сотрудников прокуратуры, а именно Генерального прокурора Российской Федерации, его заместителей и помощников, а также прокуроров нижестоящих прокуратур.

2. Деятельность прокурора – это деятельность, носящая надзорный и координационный характер, следовательно, деятельность прокурора в противодействии коррупции также носит данный характер. Надзорный характер заключается в надзоре за деятельностью государственных и муниципальных служащих, сотрудников правоохранительной системы. Координаци-

онный же её характер состоит в организации межведомственного сотрудничества по вопросам противодействия коррупции, проведения межведомственных координационных совещаний, создание специальных координационных групп, ответственных за проведение данного рода совещаний, систематизации материалов правоохранительной системы в данном направлении и сотрудников государственных органов, задействованных в заседаниях данных координационных совещаний.

3. Следует особо выделить вопрос, относящийся к внутриведомственной организации деятельности прокурора в данном направлении. Необходимо учитывать тот фактор, что на уровне районных прокуратур имеется должность младшего помощника, помощника, старшего помощника прокурора района. Данные должностные лица призваны осуществлять содействие прокурору при выполнении обязанностей, поставленных на него, однако окончательное решение, отражающееся в акте проверки, обвинительном заключении, принимает именно прокурор. Именно от прокурора зависит принятие на должность, подготовка тех или иных граждан при поступлении в органы прокуратуры. Поэтому данного рода руководство, наставничество является также огромным вкладом в вопрос противодействия коррупции. Ведь от эффективности деятельности каждого сотрудника прокуратуры будет зависеть эффективность конечного результата [7. С. 48].

4. Определение коррупции дано в Федеральном законе «О противодействии коррупции» [3], однако имеется вопрос о недостаточной правовой закреплённости чёткого перечня деяний в УК РФ [2], КоАП РФ [1], являющихся коррупционными с точки зрения законодателя. Данный вопрос решён на уровне совместного приказа Генпрокуратуры и МВД, однако является ли это достаточным и не носит сугубо ведомственный характер, достаточно спорно. Следует отметить, что те теоретические подходы к вопросу коррупции и коррупционных деяний, которые указаны в трудах учёных, нашли своё полное отражение в данном приказе.

5. В вопросе координации деятельности важной проблемой остаётся эффективность данных совещаний. Проблема состоит в малочисленности состава данных координационных групп, а также наличии большого объёма обязанностей другого профи-

ля у его членов. Также проблемным является вопрос чёткого разделения обязанностей, чёткого взаимодействия прокурорских работников с другими представителями правоохранительной системы и системы контрольных и надзорных органов в Российской Федерации.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. О противодействии коррупции: Федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
4. Об усилении прокурорского надзора в свете реализации Национальной стратегии противодействия коррупции: Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 15 мая 2010 г. № 209. URL: <http://genproc.gov.ru> (дата обращения: 10.03.2020).
5. Багмет А.М. Роль органов прокуратуры в организации выявления и противодействия организованной преступности и коррупции // Южноурал. юрид. вестн. 2006. № 5. С. 56–58.
6. Дибиров Ю.С. Проблемы конституционно-правовых основ организации и деятельности Генеральной прокуратуры и Следственного комитета при Генпрокуратуре Российской Федерации. М., 2010. 536 с.
7. Козлов Т.Л. Организационно-правовые основы деятельности органов прокуратуры по противодействию коррупции // Вестн. академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2012. № 1 (27). С. 44–49.
8. Огородников А.А., Тарабан Г.В. Активизация борьбы с коррупцией в современных условиях // Мир юрид. науки. 2010. № 1. С. 78–85.

О ПРАВОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

М.Л. Толстова, канд. экон. наук, доцент

Н.Г. Кашкирова, ст. преподаватель

ФГОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Определены роль, значение и законодательно-правовое обеспечение информационной безопасности на современном этапе функционирования государства. Приводятся основные информационные угрозы внешнего и внутреннего свойства, влияющие на состояние национальной безопасности государства.

Ключевые слова: информационная безопасность, кибербезопасность, система защиты информации, информационные угрозы, информационная безопасность в системе национальной безопасности государства.

ON THE ISSUE OF LEGAL PROVISION OF INFORMATION SECURITY OF THE STATE

M.L. Tolstova, N.G. Kashkirova

Abstract. The article defines the role, significance and legislative support of information security at the present stage of the functioning of the state; the main information threats of external and internal properties that affect the state of national security of the state are given.

Keywords: information security, cybersecurity, information security system, information threats, information security in the national security system of the state.

Обеспечение национальной безопасности является одной из важнейших задач любого государства. Система национальной безопасности включает в себя обеспечение энергетической, продовольственной, экологической, информационной и ряда других составляющих макробезопасность элементов. В данной статье были исследованы наиболее актуальные и значимые проблемы обеспечения информационной безопасности государства.

Древняя пословица гласит: «Кто владеет информацией – тот владеет миром». Проблема обеспечения информационной безопасности актуальна на современном этапе развития общества. Наше государство вошло в активную фазу цифровизации, ведь уровень развития информационных технологий прямо пропорционально влияет на экономику страны: применение информационных технологий в арбитражном судопроизводстве [1. С. 25], выдача наличных через терминал, списание денежных средств со счета в онлайн-режиме, запись к врачу-специалисту с помощью сети «Интернет», осведомление о расписании занятий в университете через сайт учебного заведения – все это является частью информационной инфраструктуры, без которой немислимо любое современное цивилизованное государство.

Высокий уровень автоматизации и информатизации имеет отрицательные стороны и несет в себе определенные угрозы как в отношении отдельного человека и гражданина, так и целого государства. Так, вследствие широкой компьютеризации общества возникает проблема ненадежности защиты информации.

«Весь мир сегодня озабочен состоянием защиты национальных информационных ресурсов вследствие возможности широкого доступа к ним через открытые информационные сети. Более чем в 80% компьютерных преступлений, расследуемых ФБР, “взломщики” проникают в атакуемую систему через Интернет» [2. С. 39], – пишет профессор Л.П. Гончаренко. Поэтому важно проанализировать уровень и состояние законодательно-правового обеспечения информационной безопасности в современных условиях.

Так, правовой основой политики обеспечения информационной безопасности Российской Федерации и правоотношений, возникающих в сфере информационных технологий, в первую очередь является Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Помимо данного нормативно-правового документа в правовую базу института информационной безопасности в системе обеспечения национальной безопасности государства включаются следующие документы: Гражданский кодекс Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, федеральные законы, посвященные правовому режиму информации ограниченного доступа (государственная тайна, коммерческая тайна и т.д.), Федеральный закон «О связи» и ряд других нормативно-правовых актов. Но отсутствует единый документ, комплексно и эффективно отражающий правовое обеспечение информационной безопасности на современном этапе. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента от 5 декабря 2016 г. № 646, носит лишь рамочный характер.

На наш взгляд, необходимо систематизировать все эти законодательные и нормативно-правовые акты в комплексе, которые представляют собой систему защиты информации, предназначенную обеспечить информационную безопасность с учетом внутренних и внешних угроз.

Классификации угроз информационной безопасности разделяет угрозы на естественные и искусственные. К естественным угрозам относят катастрофы, природные явления, такие как наводнения, землетрясения, пожары, ураганы, циклоны и т.п., а также самопроизвольное разрушение электронно-вычисли-

тельной техники и ее элементов, а под искусственными угрозами, зачастую, понимают деятельность человека, которая может быть в двух формах: умышленной и неумышленной. Умышленные действия человека, направленные на «разрушение» защиты информации, представляют собой правонарушения, которые, в свою очередь, подразделяются на пассивный, или бесконтактный, несанкционированный доступ к информации и активный, или контактный, несанкционированный доступ к информации. К пассивной форме относится наблюдение за объектом информатизации как невооруженным глазом, так и с помощью специальных оптических приборов, прием речевой информации как непосредственно, так и с помощью специальных устройств и приборов, а также прием информации через электромагнитные каналы связи.

Говоря об информационной безопасности, необходимо сказать о таком негативном явлении, как киберпреступность. Кибербезопасность в системе информационной безопасности в последнее время приобретает все большее значение. Обеспечение безопасности в сети «Интернет» обретает глобальный характер. Можно приводить много примеров, начиная от атаки в 2019 г. на Центробанк Бангладеша (мировой масштаб) до ситуации с утечкой персональных данных клиентов Сбербанка, численность которых (по предварительным подсчетам) более 60 млн человек (национальный масштаб).

Информация по-прежнему представляет высокую ценность для киберпреступного сообщества. Уровень мошенничеств и преступлений в информационной среде растет невиданными темпами, и можно предположить, что в условиях пандемии количество данных правонарушений только увеличится. Наибольшая доля по категориям жертв среди юридических лиц приходится на государственные компании, промышленные предприятия и финансовый сектор. Доля компаний, направленных на получение данных, составила 60% и 57% в атаках против юридических и частных лиц соответственно, наибольший интерес для злоумышленников представляли персональные данные, учетные записи и данные банковских карт.

Таким образом, остро стоит проблема информационной безопасности в системе обеспечения национальной безопасно-

сти государства не только в нашей стране, но и во всем мире. При переходе на информационный, а точнее цифровой, этап развития в повседневной жизни появляются новые источники угроз информационной безопасности, поэтому необходимо усилить правовую базу этих процессов, вплоть до создания современной киберконвенции международного характера.

Литература

1. Иванова Е.В., Алексеев А.М., Хураськина Н.В. Проблемы использования информационных технологий в арбитражном процессе // *Oeconomia et Jus*. 2017. № 3. С. 24–27.
2. Экономическая безопасность: учебник для вузов / Л.П. Гончаренко и др.; под общ. ред. Л.П. Гончаренко, Ф.В. Акулинина. М., 2017. 478 с.

ДОГОВОР ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИМУЩЕСТВОМ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Б.Р. Топилдиев, д-р юрид. наук, профессор
Ташкентский государственный юридический университет,
г. Ташкент

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с договором доверительного управления имуществом, и проблемы его развития в Республике Узбекистан. Обращается внимание на стадии развития правовых основ договора доверительного управления имуществом в мире и в Республике Узбекистан. Упоминается об элементах, отражающих траст, по мнению автора, «в чистом виде». Сделан вывод о том, что с гражданско-правовой точки зрения доверительное управление связано с внедрением из системы общего права правил института траста с адаптацией к системе континентального права, а ее основанием является договор с участием двух либо трех сторон.

Ключевые слова: траст, доверительное управление, законодательство, имущество, система права, собственник, элемент, закон, договор.

TRUST MANAGEMENT AGREEMENT PROPERTY AND PROSPECTS FOR ITS DEVELOPMENT IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

B.R. Topildiev

Abstract. Deals with issues related to the contract of trust management of property and problems of its development in the Republic of Uzbekistan. Attention

is drawn to the stage of development of the legal basis of the contract of trust management of property in the world and in the Republic of Uzbekistan. Mention the elements that reflect the trust, according to the author «in the clear», given the conclusion that the civil law point of view, trust management associated with the introduction of common law system the rules of the Institute of trust with adaptation to the system of continental law, and its basis is an agreement involving two or three parties.

Keywords: trust, trust management, legislation, property, legal system, owner, element, law, contract.

Институт доверительного управления и договор доверительного управления имуществом считаются, по существу, взаимосвязанными категориями. В ст. 850 Гражданского кодекса Республики Узбекистан перечислены основания возникновения доверительного управления имуществом и прежде всего указывается «договор доверительного управления имуществом, заключаемый между учредителем и доверительным управляющим» [1]. Хотя в данной статье в качестве оснований возникновения доверительного управления имуществом приведены и другие факты, для возникновения между учредителем и доверительным управляющим отношений по доверительному управлению имуществом следует заключить договор. К примеру, при назначении доверительного управления имуществом на основании решения суда указывается, кто является учредителем управления, доверительным управляющим и выгодоприобретателем, а также, что имущество должно управляться в интересах выгодоприобретателя, кроме того, предусматривается заключение договора между сторонами. В подобных ситуациях доверительное управление относится и к другим основаниям его назначения. Так, когда доверительное управление назначается «решением органа опеки и попечительства об определении опеки над имуществом лица, над которым установлена опека», также может быть заключен договор между органом опеки и опекуном. Это положение было предусмотрено в ст. 35 Закона Республики Узбекистан от 2 января 2014 года № ЗРУ-364 «Об опеке и попечительстве» [2].

Если обратить внимание на стадии развития правовых основ договора доверительного управления имуществом, необходимо рассмотреть законодательство Англии. Поскольку доверитель-

ное управление имуществом, институт траста на английском языке первоначально возникают именно в Англии, впоследствии был принят целый ряд законов, посвященных данному институту. В частности, в Законе от 9 апреля 1925 года «О доверительных собственниках», принятом в Англии и Уэльсе, даны нормы касательно координации доверительных собственников, в Законе от 1996 года «О трасте недвижимого имущества и назначении доверительных собственников», законах от 1987 года «О признании трастов», от 2000 года «О доверительных собственниках» предусмотрены важные нормы о доверительном управлении имуществом.

Впоследствии этот институт начал применяться не только в странах англо-американской системы права, но и странах континентального права. В 20-х годах XX века нормы касательно доверительного управления нашли свое отражение также в законодательстве таких стран, как Россия, Германия, Япония, Нидерланды, Италия и др. Но институт доверительного управления имуществом в этих странах не был выражен в традиционном «чистом» виде. Так как в правовых системах, сформированных на основе римского права, институт доверительного управления имуществом был внедрен в законодательство своеобразным путем, исходя из иных подходов и правовых механизмов.

На сегодняшний день большинство исследователей признают, что для отражения траста «в чистом виде» необходимо наличие следующих четырех элементов:

а) доверительное имущество регулируется на основе справедливого права;

б) право бенефициара на имущество обеспечивается правом на основе справедливого права;

в) обязательства на доверительного собственника возлагаются по справедливому праву;

г) обязательства доверительного собственника доверяются по своей природе (на основе доверия, т.е. фидуции) [13].

Но легальное определение траста не приведено ни в законодательстве Англии, ни в судебной практике этой страны. Большинство английских авторов дают похожие определения этого понятия. Так, по мнению Э. Дженкса, доверительный собственник добросовестно и добровольно берет на себя обязательства, при

этом закон, если подобное обязательство принято, возлагает обязанность его исполнения, т.е. добросовестного владения и управления имуществом в интересах другого лица либо лиц [6].

Как пишет А. Андерхилл, траст – это обязательство, в соответствии с ним одно лицо (доверительный собственник) должно управлять имуществом, переданным ему другим лицом (учредителем) в интересах третьего лица (бенефицианта), имеющего право требования принудительного исполнения [12].

Судья Хайтон отмечает, что «траст, регулируемый английским правом, является обязательством по праву справедливости, при этом учредитель и выгодоприобретатель вправе требовать от доверительного собственника добросовестного исполнения обязательства по управлению имуществом» [11].

Стоит подчеркнуть, договор доверительного управления имуществом является сравнительно новым институтом для отрасли и науки гражданского права Узбекистана. Кроме того, этот институт имеет актуальное значение в условиях возникновения различий в понимании права собственности в континентальной и англо-американской системах права, а также гармонизации в настоящее время правовых систем. При этом в англо-американской системе права определение положительных и отрицательных черт договора доверительного управления, именуемого трастом, и входящего в систему вещественно-правовых институтов, находящегося в системе договорных конструкций континентального права, ее внедрение в законодательство и правоприменительную практику Узбекистана является одной из задач цивилистической науки.

Большинство правоведов, изучавших историю института траста, выдвигают идею, что доверительное управление имуществом появилось в XII–XIII веках в Англии. Известно, что земля всегда передавалась только наследнику на основе наследования. Преодоление разного рода препятствий для выделения земельных участков в иных целях порождало немалые проблемы. В итоге для радикального «обхода» этих барьеров и нарушения установленных норм возник институт траста [5].

В юридической литературе [10] можно отметить, что развитие доверительного управления имуществом разделялось на четыре этапа.

Первый этап – использование специального права на землю. Это право появилось после Нормандской войны (XI–XII века). Законом от 1376 года были внесены нормы о том, что земли должника могли быть изъяты кредитором и переданы третьему лицу для доверительного управления имуществом, законом от 1391 года – о том, что в случае, если собственник земли передает их в доверительное управление религиозным и иным корпорациям, другим физическим лицам его право на землю прекращается.

Второй этап – относится к началу XV века, как средство борьбы с феодалами лорд-канцлеры признали право доверительного управления имуществом другими лицами. В этот период право «траста» защищается судом. Все споры, вытекающие из отношений «траста», решались судами справедливости. Имущество, в основном земельные участки, делилось на две части, т.е. законное имущество, принадлежащее собственнику, и имущество доверенного управляющего – имущество «справедливости».

Третий этап – в Англии в 1536 году был принят Закон «О доверительном управлении имуществом». После принятия данного закона все вытекающие из «траста» споры перешли от судов «справедливости» к судам общей юрисдикции. Но исполнение закона осталось в ведении лорд-канцлера. В свою очередь лорд-канцлер вел дела на основе права «справедливости». Общие суды все еще опирались не на нормы закона, а на первичное право – право «справедливости». Лишь к XVII веку производство дел стало вестись в соответствии с нормами данного закона.

Четвертый этап приходится на XVII век. В это время после отмены феодального строя (1660) отношения «траста» стали применяться в отношении других имущественных объектов помимо земельных участков. «Траст» стал современнее и пределы го права были расширены.

Вышеуказанные этапы свидетельствуют об отсутствии связи института доверительного управления имуществом с римским правом. Этот институт возник непосредственно в ходе развития Англии на основе действий должностных лиц, направленных на регулирование отношений между сословиями, существующими в обществе.

На современном этапе развития, на наш взгляд, доверительное управление имуществом может назначаться по различного рода основаниям, в том числе завещанию, договору. На этих основаниях могут быть предусмотрены интересы лица, доверительно управляющего имуществом, и собственника. При определении доверительного управления имуществом собственник передает лицу, управляющему доверенным имуществом, все права, связанные с ним. Собственник может определить для доверительного управляющего цель управления либо передать право свободного управления имуществом, указав информацию о принесении какого-либо дохода.

В англо-американском праве реальное содержание понятия доверительного управления имуществом заключается в том, что лицо, передающее имущество в доверительное управление – учредитель, является собственником, а лицо, интересы которого он преследует, – это бенефициар. При этом собственник передает свое имущество другому лицу в управление, преследуя интересы бенефициара. В этом случае бенефициаром может быть сам собственник.

Не существует понятия, что в качестве бенефициара должно выступать какое-либо конкретное лицо. Неограниченное количество лиц могут быть бенефициарами. Подобные трасты считаются публичными трастами. Иначе их можно считать и попечительскими трастами. Например, трасты могут быть назначены при проведении мероприятия в сфере здравоохранения или культуры. Если в частном трасте преследуются интересы конкретного лица, публичный траст, напротив, применяется в интересах общественных интересов [5].

Траст используется также при формировании портфеля ценных бумаг, организации деятельности пенсионных фондов, несостоятельных организаций (банкротов). Кроме того, на основе отношений траста организуются холдинговые компании. Эти компании имеют статус юридического лица, они занимаются передачей акций других компаний лицу для доверительного управления имуществом, ведают деятельностью данных компаний.

Существуют и конструктивные формы доверительного управления. На практике применяется понятие специального или особого доверия. Подобную форму траста мы можем на-

блюдать в отношениях между принципалом и агентом, компанией и ее директорами, членами партнерства, доверителем и адвокатом, опекуном, опекаемым лицом и др. В отношениях доверительного управления одно лицо, действуя в интересах другого лица, получает возможность получить доход за его счет [8].

Переданное в траст имущество должно управляться отдельно от имущества доверительного управляющего. Обязанность возмещения вреда, причиненного бенефициару в результате ненадлежащего исполнения своих обязанностей, возлагается на доверительного управляющего. В случае злоупотребления своими полномочиями может также рассматриваться вопрос об уголовной ответственности доверительного управляющего.

При достижении целей, установленных при организации траста, окончании согласованного срока действия, смерти бенефициара, других случаях отношения доверительного управления имуществом считаются прекращенными, договор теряет силу. Случаи прекращения действия сделок указываются в договорах.

В институте траста имеется концепция разделения имущества на отдельные части в ходе доверительного управления. Так, часть имущества для управления и использования принадлежит доверительному управляющему, а вторая часть, т.е. полученные в результате использования имущества доходная часть и прибыль, – бенефициару.

Законодательство Канады основано на англо-американской системе права, однако существует неприменение концепции разделения имущества. В частности, в гражданском праве провинции Квебек (Канада) отношения траста не признаются. В ст. 1260–1370 Гражданского кодекса данной провинции [3] подробно освещены отношения фидуции (основание на доверии) и управления имуществом другого лица. При этом учредитель выделяет свое имущество либо ее часть, тем самым создает другое имущество. Выделенное в конкретных целях данное новое имущество передается фидуциарному управляющему. Фидуциарный управляющий принимает это имущество, пользуется и управляет им. В отношении этого имущества учредитель и фидуциар не будут иметь никаких имущественных прав (ст. 1260–1261 Гражданского кодекса Квебека).

Фидуция учреждается в личных либо публичных интересах. Под учреждением фидуции в личных интересах нужно понимать преследование целей почтения памяти умершего, иных личных интересов, получения доходов членов пенсионного фонда, или акционеров, работников, членов общества или ассоциации. При образовании фидуции в интересах общества предусматриваются интересы общества или публичные цели. Например, полученный от фидуции доход может расходоваться на будущие культурные, религиозные, просветительские либо научные мероприятия. При этом получение учредителем либо фидуциаром прибыли, либо управление предприятием не определяются в качестве основной цели (ст. 1266, 1268–1270 ГК Квебека).

Фидуциарный управляющий не имеет права собственности в отношении фидуциарного имущества. Он пользуется лишь правом пользования чужим имуществом. Фидуциарный управляющий ведет документацию, связанную с управлением имуществом от своего имени, контролирует имущество, принимает меры по целевому хранению имущества (ст. 1278 ГК Квебека).

Ввод в англо-американскую систему права некоторых коллизионных норм можно отметить помимо гражданского права Квебека в законодательстве иных государств, не основанных на англо-американской системе права. Например, если обратить внимание на законодательство Германии, здесь также можно отметить регламентацию правовых отношений между собственником и лицом, управляющим его собственностью. «В подобных отношениях собственник – это может быть владелец имущества либо лицо, управляющее чужим имуществом. Их взаимоотношения регулируются заключенным между ними договором либо иными актами. Доход, полученный от деятельности по управлению имуществом, распределяется между собственником и лицом, которому доверено управление имуществом. Подобная форма взаимоотношений используется в основном, когда собственник-учредитель передает имущество доверительному управляющему с учетом юридического статуса». К примеру, собственник, являясь иностранным гражданином, не имеет гражданства государства, где находится его имущество, либо не имеет возможности работать на ее территории, соответственно не может управлять своим имуществом. В связи с этим он возлагает управление имуществом на доверенное лицо [3].

В качестве заключения можно сказать, что в англо-американской системе права, в отличие от континентальной системы права, применяется принцип разделения имущества. При этом право собственности может делиться между собственником и лицом, с которым он заключает договор, в результате эта ситуация в определенной степени может угрожать праву собственности собственника. В отличие от англо-американского права в системе континентального права применяется принцип единства и неделимости права собственности, что в известной степени обеспечивает приоритет прав собственника. Но в последнее время гармонизация правовых систем всего мира оказывает чувствительное влияние на все правовые системы мира, эта ситуация говорит о необходимости изучения и исследования правовых механизмов, подобных трасту в англо-американской системе права.

На стадии последовательного развития положений касательно договора доверительного управления имуществом следует сказать, что определенные признаки этого договора были использованы в некоторых конструкциях гражданского права, в том числе в таких гражданско-правовых отношениях, как «признание гражданина без вести пропавшим», «опека и попечительство», «исполнитель завещания», но, в сущности, цель назначения и порядок реализации подобных конструкций смешалась с некоторыми административно-правовыми элементами. С гражданско-правовой точки зрения доверительное управление связано с внедрением из системы общего права правил института траста с адаптацией к системе континентального права, а ее основанием является договор с участием двух либо трех сторон.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Узбекистан // Нац. база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: Lex.uz (дата обращения: 10.02.2019).
2. Об опеке и попечительстве: Закон Республики Узбекистан от 2 января 2014 года № ЗРУ-364 // Нац. база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: Lex.uz (дата обращения: 10.02.2019).
3. Гражданский кодекс Квебека. М., 1999.
4. Беневоленская З.Э. Определение, классификация видов и квалифицирующие признаки доверительной собственности (траста) по праву Великобритании // Журн. рос. права. 2008. № 9. С. 32.
5. Гражданское и торговое право капиталистических государств: учебник. 2-е изд., перераб. доп. М., 1992. С. 236.

6. Дженкс Э. Английское право / Цит. по: Михеева Л.Ю. Доверительное управление имуществом. М., 1999. С. 5.

7. Нарышкина Р.Л. Доверительная собственность в гражданском праве Англии и США. М., 1965. С. 4.

8. Сенюк Г.В. Доверительное управление имуществом: некоторые проблемы теории и практики // Нотариус. 2011. № 6. С. 30–35.

9. Сокол П.В., Шакирова М.Р. Правовая природа институтов траста (доверительной собственности) и доверительного управления: опыт компаративистского исследования // Нотариальный вестн. URL: <http://old.notariat.ru/start.htm> (дата обращения: 10.02.2019).

10. Austin Wakeman Scott and Austin Wakeman Scott, Jr. Select Cases and Other Authorities on the law of trusts. Fifth Edition. Boston, Toronto. 1966. P. 2–3.

11. Hayton D.J. Developing the obligation characteristic of the trust // The Law Quarterly review. 2001. P. 107.

12. McLoughlin P., Rendell K. Law of Trusts / Цит. по: Фунтикова Н.В. О регулировании доверительной собственности и договора доверительного управления имуществом // Журн. рос. права. 2002. № 12. С. 85.

13. Thomas G., Hudson A. The law of trusts. N.Y., 2004. P. 13.

О ЗАКРЕПЛЕНИИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И РЯДА СТРАН СНГ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ЦЕЛИ НАКАЗАНИЯ

А.С. Ужахов, федеральный судья

Сунженский районный суд Республики Ингушетия, г. Сунжа

Аннотация. Анализируются вопросы, связанные с закреплением в уголовном законодательстве России и ряда стран СНГ цели наказания – предупреждения преступлений, а также проблемы эффективности ее реализации.

Ключевые слова: уголовное законодательство, цели уголовного наказания, предупреждение преступлений.

ABOUT FIXING THE WARNING IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA AND A NUMBER OF CIS COUNTRIES CRIMES AS THE PURPOSE OF PUNISHMENT

A.S. Uzhakhov

Abstract. The article analyzes issues related to fixing the goal of punishment – prevention of crimes in the criminal legislation of Russia and a number of CIS countries, as well as problems of its effective implementation.

Keywords: criminal legislation, goals of criminal punishment, crime prevention.

Согласно ч. 2 ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), предупреждение совершения новых преступлений является одной из целей применения наказаний [1–3]. Основа этого подхода также заложена в ч. 1 ст. 2 УК РФ, согласно которой к задачам данного нормативного правового акта относятся: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений. Впоследствии это отчасти конкретизируется в ст. 98 УК РФ, по которой целями применения принудительных мер медицинского характера являются излечение отдельных категорий лиц, в том числе осужденных при отбывании уголовных наказаний, или улучшение их психического состояния, а также предупреждение совершения ими новых деяний, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ.

Таким образом, предупреждение преступлений неоднократно упоминается в российском уголовном законе, и на это ориентировано применение уголовных наказаний, а также реализуемых одновременно с ними принудительных мер медицинского характера. В то же время вряд ли такое регулирование можно назвать системным. Так, в УК РФ отсутствует закрепление целей уголовной ответственности и административного надзора (применяемого после освобождения лица из исправительного учреждения. – *прим. авт.*), эта цель не упоминается в принципах уголовного права, не предусмотрено ее достижение в нормах, касающихся общих вопросов назначения наказания (говорится только в ч. 1 ст. 60 УК РФ, что более строгий вид наказания назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания. – *прим. авт.*), в том числе при применении условного осуждения, при досрочном освобождении от наказания и др. Более того, целью условного осуждения и условно-досрочного освобождения выступает только исправление осужденного (ст. 73 и 79 УК РФ), а в частности, цели освобождения от наказания в связи с болезнью, амнистией, помилованием или конфискацией имущества вообще в российском уголовном законодательстве не закреплены (ст. 81, 84, 85, 104.1–104.3 УК РФ).

Рассмотрим, каким же образом предупреждение преступлений как цель применения наказания и иных правовых институтов, с ними связанных, отражается в уголовном законодательстве ряда стран СНГ.

В Уголовном кодексе Азербайджанской Республики указанные вопросы решаются образом, схожим с российским. Так, к его задачам относится, помимо прочего, предупреждение преступлений (ст. 2), а наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений осужденными и другими лицами (ст. 41).

Несколько иным образом вопросы предупреждения преступлений закрепляются в Республике Беларусь.

Во-первых, в ст. 2 говорится, что Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК РБ) имеет задачей охрану мира и безопасности человечества, человека, его прав и свобод, собственности, и пр., а также установленного правопорядка от преступных посягательств; кроме того, УК РБ способствует предупреждению преступных посягательств.

Во-вторых, целью уголовной ответственности является, помимо прочего, предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами (ч. 2 ст. 44 УК РБ).

В-третьих, в соответствии со ст. 80 УК РБ, предупреждение преступлений представляет собой одну из целей превентивного надзора.

В-четвертых, по ст. 100 УК РБ принудительные меры безопасности и лечения могут применяться в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами (заболеваниями), совершивших общественно опасные деяния, с целью в том числе предупреждения со стороны этих лиц новых общественно опасных деяний. При этом они могут быть назначены наряду с наказанием с целью лечения и создания условий, способствующих достижению целей уголовной ответственности (одной из которых является предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами по ч. 2 ст. 44 УК РБ. – *прим. авт.*).

Таким образом, в УК РБ системно закреплены не только цели уголовной ответственности, но также превентивного надзора

(некоего аналога российского административного надзора. – *прим. авт.*) и принудительных мер безопасности и лечения.

В Уголовном кодексе Республики Казахстан (далее – УК РК) также цель предупреждения преступлений закреплена более системно, чем в российском законодательстве:

– к задачам УК РК относится в том числе предупреждение уголовных правонарушений (ст. 2);

– целью применения наказаний считается и предупреждение совершения новых уголовных правонарушений как осужденным, так и другими лицами (ст. 39);

– пробационный контроль заключается в исполнении осужденным к ограничению свободы определенных обязанностей, которые способствуют, помимо прочего, предупреждению совершения им новых уголовных правонарушений (ст. 44);

– назначение наказания лицу должно быть достаточным в том числе для предупреждения им новых уголовных правонарушений (ст. 52);

– к целям применения принудительных мер медицинского характера относятся излечение лиц или улучшение их психического состояния, а также предупреждение совершения ими новых деяний, предусмотренных статьями Особенной части УК РК (ст. 92).

В Уголовном кодексе Республики Таджикистан (далее – УК РТ) предупреждение преступлений в целом схоже с российским:

– среди задач УК РТ предусмотрено предупреждение преступлений (ст. 2);

– в ст. 9 «Принцип гуманизма» говорится, что лицу, совершившему преступление, должно быть назначено наказание или применена мера уголовно-правового характера, необходимая и достаточная для его исправления и предупреждения новых преступлений;

– наказание применяется, помимо прочего, для предупреждения совершения новых преступлений (ст. 46);

– целями применения принудительных мер медицинского характера являются излечение лиц или улучшение их психического состояния, а также предупреждение совершения ими новых деяний, предусмотренных статьями Особенной части УК РТ (ст. 96).

Похожая ситуация – в Уголовном кодексе Республики Узбекистан:

– этот нормативный правовой акт имеет своей задачей в том числе предупреждение преступлений (ст. 2);

– по ст. 7 «Принцип гуманизма», лицу, совершившему преступление, должно быть назначено наказание или применена иная мера правового воздействия, которые необходимы и достаточны для его исправления и предупреждения новых преступлений;

– наказание применяется в целях в том числе предупреждения совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами (ст. 42);

– принудительные меры медицинского характера могут быть назначены психически больным, совершившим общественно опасные деяния, с целью лечения и предупреждения со стороны этих лиц новых общественно опасных деяний, в том числе одновременно с наказанием лицам, страдающим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией, для лечения и создания условий, способствующих достижению целей наказания (ст. 91).

Ввиду изложенного, с учетом изучения положений уголовного законодательства ряда стран СНГ предупреждение преступлений как цель применения наказания имеет очевидный потенциал своего дальнейшего закрепления в УК РФ.

Литература

1. Мальцев В.В., Стрилец О.В., Канубриков В.А. Предупреждение преступлений как цель криминалистической деятельности и уголовного наказания // Вестн. Волгоград. академии МВД России. 2012. № 2 (21). С. 135–141.

2. Орлов В.Н. Специальное (частное) предупреждение преступлений как цель уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества // Вестн. Северо-Кавказ. федер. ун-та. 2007. № 1. С. 102–106.

3. Сыч К.А. Некоторые особенности криминологического аспекта уголовного наказания // Рос. криминолог. взгляд. 2006. № 3. С. 102–103.

4. Epikhin A.Y., Zaitsev O.A., Tasakov S.V., Nechaeva E.V., Mishin A.V., Aliyeva G.I. The Purpose of «Correction» in the Russian Criminal and Criminal and Executive Law // Journal of Politics and Law; Vol. 12, No. 5; 2019. ISSN 1913-9047 E-ISSN 1913-9055. Published by Canadian Center of Science and Education. URL: <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/jpl/article/view/0/40594/>.

ЭВТАНАЗИЯ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Е.И. Фалина, студент

Приволжский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Нижний Новгород

Аннотация. Рассматривается проблема отношения к эвтаназии и ее легализации. Не одно столетие ведутся споры об эвтаназии, о ее природе, и по сей день ученые и практикующие врачи не могут дать однозначного ответа о своем отношении к данной проблеме. Вопрос легализации эвтаназии крайне сложен, однозначно ответить на вопрос, гуманизм это или унижение человека и потакание его слабости, нельзя. Однако, если принимать решение о легализации данной процедуры, то несомненно нужно проработать жесткую процедуру и возможность ее проведения.

Ключевые слова: эвтаназия, проблема, легализация, врач.

EUTHANASIA: PROS AND CONS

E.I. Falina

Abstract. Addresses the problem of attitudes to euthanasia and its legalization. For centuries, there has been a debate about euthanasia, its nature, and to this day, scientists and practitioners can't give a clear answer about their attitude to this problem. The question of legalizing euthanasia is extremely complex, it's impossible to answer the question unequivocally whether it's humanism or humiliation of a person and indulgence of his weakness. However, if you decide to de-legalize this procedure, then, of course, you need to work out a strict procedure and the possibility of its implementation.

Keywords: euthanasia, problem, legalization, doctor.

Право на жизнь – основное из личных неотъемлемых прав человека. Оно получило закрепление в ст. 20 Конституции Российской Федерации [1. С. 6]. Однако при анализе всех прав, имеющих у человека, возникает вопрос: «Почему мы имеем право на жизнь, но не имеем права на смерть?».

Действительно, если рассуждать, то, к сожалению, велик процент людей, страдающих неизлечимыми заболеваниями, и не то что каждый день, а каждый вздох приносят человеку страдания. В ряде стран легализована эвтаназия, т.е. лишение человека жизни посредством различных медицинских процедур. Принято выделять два вида эвтаназии: пассивную и активную. Пассивная эвтаназия представляет собой отказ от жизненно необходимых

процедур или препаратов, например, отключение от аппарата искусственной вентиляции легких. Что касается активной эвтаназии – это преднамеренное вмешательство с целью прервать жизнь человека с помощью определенных инъекций, вызывающих летальный исход [2. С. 148].

Не одно десятилетие ведутся споры по поводу эвтаназии, аргументы весьма разнообразны и весомы с обеих сторон. Как заявил хирург-онколог, директор и основатель Евразийской федерации онкологии Сомасундарам Субраманиан: «Для многих пациентов сама мысль о жизни в беспомощном состоянии, когда они постоянно вынуждены обращаться за помощью, пусть даже к близким людям, неприемлема, и они боятся стать обузой для своих близких. Поэтому необходимо обеспечить каждого человека правом выбора.

Тем не менее, на наш взгляд, Россия пока далека от легализации эвтаназии. Перед принятием такого решения необходимо создать соответствующую инфраструктуру, включающую подготовку компетентных врачей и медицинского персонала, юристов с медицинским образованием. Кроме этого, соответствующее развитие должно иметь и гражданское общество.

Пока я выступаю против легализации эвтаназии в России. Врачи и общество в целом не должны закрывать глаза на проблему терминальных пациентов, выбирая самый простой и трусливый путь [4].

Любая система неидеальна, обеспечить 100%-е качество невозможно, однако и полный запрет или отказ от той или иной процедуры не станет грамотным решением.

Сторонники эвтаназии приводят в ее защиту такие аргументы, как избавление человека от мучений, сокращение расходов семьи умирающего на препараты и процедуры, которые продлевают не жизнь, а страдания. К тому же не стоит забывать, что человек волен сам решать, продолжать бороться или прекратить мучения, а если учитывать, насколько негуманным и попросту жестоким может быть лечение, очевидно – большой правде отказаться.

Однако и противников эвтаназии немало. Против легализации эвтаназии выступает и анестезиолог-реаниматолог, кандидат медицинских наук Мария Меньших: «На данном этапе

развития взаимоотношений общества и медиков легализация эвтаназии невозможна. Подозрительность, а то и открытая враждебность, культивируемая не без участия властей и ряда СМИ в обществе по отношению к врачам, лишь усилится с легализацией эвтаназии. Легализация эвтаназии приведет лишь к росту истерии вокруг «врачей-убийц», причем «убийц» в прямом смысле этого слова [4].

Против эвтаназии также выдвигаются такие аргументы, как:

1. Активная эвтаназия – покушение на такую ценность, какой является человеческая жизнь.
2. Возможность диагностической и прогностической ошибки врача.
3. Возможность появления новых медикаментов и способов лечения.
4. Наличие эффективных болеутоляющих средств.
5. Риск злоупотреблений со стороны персонала [5].

Речь идет о том, что в случае, если активная эвтаназия будет узаконена, у медицинского персонала будет возникать искушение использовать ее не столько исходя из интересов и желания пациента, сколько из других, гораздо менее гуманных, соображений. В многочисленных дискуссиях об эвтаназии, время от времени вспыхивающих в прессе, этот аргумент употребляется, пожалуй, чаще всех других.

Однако человеческий организм легко привыкает к медикаментам, а если разработать четкий порядок применения эвтаназии, то риск злоупотребления будет минимален. Тот аргумент, что медики будут использовать легализованную эвтаназию в своих интересах, не считаем такой уж преградой, в настоящее время ведутся переговоры следственного комитета с ассоциацией врачей, направленные на ужесточение наказания для медицинских работников. Несмотря на незаконность эвтаназии, в 40% случаях клиническая смерть человека наступает именно вследствие принятого врачом решения об отключении, например, аппарата искусственной вентиляции легких.

Наиболее популярным аргументом против эвтаназии является религиозный запрет. Несмотря на различие конфессий в мире, практически все они запрещают нарочное убийство, аргументируя это тем, что «жизнь дал Бог, и ему ею распоряжаться».

Однако, на наш взгляд, самый убедительный аргумент против – поощрение суицида, т.е. человеческой слабости. Человеческий организм невероятно сложно устроен, его необходимо тщательно изучать, сила воли человека многое может сделать, а если поощрять слабость, то нельзя добиться ни прорывов в медицине, ни повышения ее качества.

В последние годы в европейских странах на фоне узаконивания возможности добровольного ухода из жизни несовершеннолетних, в Нидерландах и Бельгии, очень часто против эвтаназии выступают именно дети. Так, к примеру, популярность получила четырехлетняя девочка из Англии с пороком сердца, которая написала письмо бельгийскому правительству с просьбой об отмене закона. В двухлетнем возрасте этой девочке после проведенной операции врачи давали всего 1–2 недели жизни, но не более. Но стараниями родителей и специалистов она смогла выжить и иметь возможность дожить до старости. Девочка доказала всем, а главное самой себе, что она сильна и может бороться, что ее не так просто сломать [6].

Вопрос легализации эвтаназии крайне сложен, однозначно ответить на вопрос, гуманизм это или унижение человека и потакание его слабости, нельзя.

На данный момент в нашей стране действует запрет эвтаназии в соответствии со ст. 45 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2]. Однако, если принимать решение о легализации данной процедуры, то несомненно нужно проработать жесткую процедуру и возможность ее проведения.

Во-первых, эвтаназия должна быть добровольной, т.е. сам больной (или доверенное лицо) должен написать заявление, в котором требует прекратить лечение или полностью освободить его от мук. Во-вторых, необходимо провести несколько дополнительных экспертиз, которые могут свидетельствовать о невозможности человека пойти на поправку. В-третьих, больной сам вправе решать, в какой форме будет осуществлена процедура. В-четвертых, чтобы избежать злоупотребления осуществлением данной процедуры, необходимо вести реестр подобных заявлений и ужесточить наказание медицинских работников за отказ в помощи пациенту.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // КонсультантПлюс (дата обращения: 20.02.2020).
2. Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации: Федер. закон от 21.01.2011 № 323-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // КонсультантПлюс (дата обращения: 20.02.2020).
3. Абрамов В.А., Ряполова Т.Л., Абрамов А.В. и др. Основы биоэтики и биобезопасности: учеб. пособие. СПб., 2013. С. 148.
4. Газета.ru Наука. URL: https://m.gazeta.ru/health/2013/04/18_a_5260257.shtml (дата обращения: 20.02.2020).
5. Редькина Т.В., Звездова Д.С. Эвтаназия: аргументы за и против // Междунар. студ. науч. вестн. 2015. № 1. URL: <http://eduherald.ru/ru/article/view?id=11971> (дата обращения: 07.03.2020).
6. Evtanazija.ru 2020. Аргументы за и против эвтаназии. URL: <https://evtanazija.ru/argument-za-i-protiv/> (дата обращения: 20.02.2020).

СООТНОШЕНИЕ ПРАВА, ПОЛИТИКИ И МОРАЛИ В ЗАКЛЮЧЕНИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О КОНСТИТУЦИОННОСТИ ЗАКОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О ПОПРАВКЕ К КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О.Е. Филиппова, ст. преподаватель
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. В статье анализируются юридические, политические и этические позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенные им в Заключении от 16 марта 2020 года, данного по запросу Президента Российской Федерации о соответствии или несоответствии поправки к Конституции Российской Федерации и процедуре ее внесения.

Ключевые слова: поправки к Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации, всероссийское голосование.

**CORRELATION OF LAW, POLICY AND MORALITY
IN THE CONCLUSION OF THE CONSTITUTIONAL COURT
OF THE RUSSIAN FEDERATION
ON THE CONSTITUTIONALITY OF THE LAW
OF THE RUSSIAN FEDERATION ON THE AMENDMENT
TO THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION**

O.E. Filippova

Abstract. The article analyzes the legal, political and ethical positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, set forth in its Conclusion of March 16, 2020, given at the request of the President of the Russian Federation on the conformity or non-conformity of the amendment to the Constitution of the Russian Federation and the procedure for its introduction.

Keywords: amendments to the Constitution of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation, all-Russian voting.

В январе 2020 года неожиданно для гражданского общества Президентом Российской Федерации был инициирован процесс внесения поправок в Конституцию Российской Федерации. Начало ему положило послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, а 16 марта этого года Конституционный Суд дал Заключение о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации (далее – Заключение), тем самым дав «зеленый свет» общероссийскому голосованию по поправке в Основной закон, по результатам которого планируется завершить процесс обновления изменяемых положений Конституции Российской Федерации. В названном документе сконцентрированы юридические, политические и этические позиции Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ), ставшие объектом нашего исследования и получившие неоднозначные оценки юристов, ученых-конституционалистов и гражданских активистов [4].

Прежде всего необходимо уточнить правовые основания дачи Заключения по Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (далее – Закон). Вправе ли был КС РФ давать Заключение по Закону? Ст. 125 Конституции Российской Федерации установила полномочие КС РФ по проверке конституционности вступивших в силу федеральных законов (согласно буквальному толкованию: не законов о поправке к Конституции и не федеральных конституционных законов). Согласно ст. 136 Конституции Российской Федерации, которая расположена в неизменяемой гл. 9, поправки принимаются в порядке, предусмотренном для принятия федерального конституционного закона, и вступают в силу после их одобрения органами законодательной власти не менее чем двух третей субъектов Российской Федерации. Но в Законе в ст. 2 и 3 установлен другой порядок вступления его в силу [2]. На день передачи Закона в КС РФ вступила в силу только его ст. 3. Ст. 1, в которой содержатся поправки к различным статьям глав 3–8 Конституции, вступит в силу после одобрения их на всероссийском голосовании. Ст. 2, определяющая процедуру проведения голосования, вступала в силу под условием признания ее конституционности КС РФ, т.е. ему было предложено дать заключение о конституционности не вступившего в силу «содержания» Закона, «упакованного» во вступившую в силу ст. 3. Подобные юридико-технические ухищрения выхолостили смысл ч. 2 ст. 125 Конституции Российской Федерации. Любопытно, а что бы стало со ст. 3 Закона в случае дачи отрицательного заключения КС РФ? Она осталась бы единственной статьей закона, продолжившей действовать, хотя в ней заключена оперативная норма права, позволяющая установить начало действия материальных и процессуальных норм, каковых не оказалось бы в законе...

Тем не менее КС РФ сформулировал свою позицию: поводом для дачи Заключения явился запрос Президента Российской Федерации, а основанием – предусмотренная ч. 3 ст. 3 Закона обязанность КС РФ дать заключение о соответствии (несоответствии) положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Феде-

рации не вступивших в силу положений данного Закона, а также о соответствии (несоответствии) Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу ст. 1 данного Закона. Согласно ч. 1 ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации осуществляет перечисленные в ней полномочия и кроме того иные полномочия, предоставляемые ему Конституцией Российской Федерации, Федеративным договором и федеральными конституционными законами. Это предписание согласуется со ст. 128 (ч. 3) Конституции Российской Федерации. Далее КС РФ констатирует, что Закон прошел все этапы принятия в соответствии со ст. 136 Конституции Российской Федерации. Следовательно, Закон вступил в силу и как вступивший в силу закон может быть предметом рассмотрения в суде. Отсутствие в ст. 136 Конституции Российской Федерации непосредственного указания на участие КС РФ в процедуре внесения изменений в Конституцию Российской Федерации не препятствует осуществлению судебного конституционного контроля таких изменений по смыслу ст. 10, 15, 16, 125 и 136 Конституции Российской Федерации. Подобное участие может служить надлежащей гарантией юридической силы положений об основах конституционного строя России и о фундаментальных правах и свободах человека и гражданина в системе конституционных норм, гарантией непротиворечивости текста Конституции Российской Федерации как Основного закона. Рассматривая коллизию между положениями Федерального закона от 4 марта 1998 года № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации», принятого в развитие ст. 136 Конституции Российской Федерации, и Законом, КС РФ отмечает, что Закон имеет приоритет как акт специальный, более новый, притом обладающий большей юридической силой (превосходящей силу как федерального закона, так и федерального конституционного закона) [1].

Полагаем, что коллизия между Законом и федеральным законом, принятым в 1998 году в развитие ст. 136 Конституции федерального закона, была разрешена КС РФ. Но осталась коллизия между Законом и ст. 136 Конституции, очевидно, ее сле-

довало разрешить в пользу Конституции федерального закона. Однако закон не может, пусть даже и превосходящий по силе федеральный конституционный закон, дополнять конституционную норму, изменять которую запрещено самой Конституцией Российской Федерации.

Из вышеприведенной позиции КС РФ становится понятным, почему он не обратил внимания на то, что одним законом о поправке к Конституции охватываются очевидно не взаимосвязанные между собой изменения конституционного текста, что противоречит ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 4 марта 1998 года № 33. По мнению К. Сасова, эти обстоятельства имеют крайне негативные последствия: они дезорганизуют текст Основного закона, превращая его в лоскутное одеяло, и дезориентируют всех участников законодательного процесса, вынужденных голосовать за все поправки как за одну [7].

Не обратил внимания КС РФ и на немотивированность поправки к Конституции, хотя ч. 5 ст. 3 Федерального закона № 33 требует представить вместе с проектом обоснование необходимости принятия поправки, а также перечень законов Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, отмены, изменения, дополнения или принятия которых потребует принятие данной поправки. В Пояснительной записке к проекту Закона в качестве обоснования указаны цели вносимых изменений: защита социальных прав граждан, защита государственного суверенитета, повышение эффективности взаимодействия между представительной и исполнительной ветвями власти, усиление роли Государственной Думы и парламентских партий, повышение ответственности членов Правительства Российской Федерации, обеспечение большей прозрачности работы силовых ведомств, правоохранительных органов, независимости органов прокуратуры в субъектах Российской Федерации, усиление роли КС РФ, обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти Российской Федерации, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства [6].

Вторая проблема Заключения – содержательная. В соответствии с положениями Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» КС РФ рассматривает исключительно вопросы права. Ни политическая целесообразность, ни идейные и идеологические предпочтения судей, ни особенности биографии политиков не должны были учитываться при мотивировке Заключения. Все же анализ позиций КС РФ позволяет выделить некоторые аргументы, явно не относящиеся к праву. Так, конституционность упоминания Бога, определения русского народа как государствообразующего, включение в Конституцию положений иных отраслей права (семейного, права социального обеспечения, трудового), положений об исторически сложившемся государственном единстве Российской Федерации, о почитании памяти защитников Отечества и защите исторической правды, о признании детей важнейшим приоритетом государственной политики, о создании государством условий, способствующих всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим, об обеспечении приоритета семейного воспитания и принятии государством на себя обязанностей родителей в отношении детей, оставшихся без попечения, если и объяснена судом, то никак не с позиции права. Такие нормы названы судом носящими неполитический, надпартийный и внеконфессиональный характер; они призваны отразить содержательную направленность и конституционно-правовые условия деятельности органов государственной власти Российской Федерации и в значительной степени – субъектов Российской Федерации. Представляется, что названные положения представляют собой не юридические нормы (не случайно первоначально они предлагались в Преамбулу Конституции Российской Федерации), а некие идейно-этические, мировоззренческие установки этатистской направленности. Что, на нашему мнению, не совпадает с либеральной концепцией общечеловеческих ценностей, юснатурализма и правового государства, провозглашенной в Преамбуле и закрепленной главами 1 и 2 Конституции Российской Федерации. КС РФ, напротив, трактует изменения, закрепляющие (уточняющие) конституционные полномочия

и функции государства как дополнительные гарантии реализации конституционных прав и свобод.

Соответствие вышеуказанных положений Закона главам 1 и 2 Конституции Российской Федерации объясняется судом исторически значимой социально-культурной ролью, которую религиозная составляющая сыграла в становлении и развитии российской государственности; объективно признанной роли русского народа в образовании российской государственности, продолжателем которой является Российская Федерация; традиционными представлениями о семейных ценностях в контексте особенностей национального и конфессионального состава российского общества, его социокультурных и иных исторических характеристик. На наш взгляд, эти аргументы не относятся к вопросам права, а скорее, к истории, культурологии, политологии, религиоведению.

Следующий содержательно важный аспект Заключения – политическая целесообразность и право (конституционная законность). Прежде всего речь идет о признании конституционности дополнительных требований к лицам, замещающим должности Президента Российской Федерации, сенатора Российской Федерации, депутата Государственной Думы, Уполномоченного по правам человека, Председателя Правительства Российской Федерации, заместителя Председателя Правительства Российской Федерации, федерального министра, иного руководителя федерального органа исполнительной власти, руководителя федерального государственного органа, высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации), судьи, прокурора. Требования предполагают отсутствие у них гражданства иностранного государства, вида на жительство на территории иностранного государства. Вполне возможно, что такая поправка может быть использована для искусственного сдерживания политической конкуренции на выборах, так как политэмиграция – явление, исторически присущее Отечеству. Согласно поправке, вышеперечисленным субъектам запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами террито-

рии Российской Федерации. Цель ограничений – защита суверенитета Российской Федерации. Однако, по справедливому замечанию К. Сасова, запрета на владение недвижимостью и иными активами за рубежом, а также распространение данного запрета на членов их семей поправка не предусматривает, поэтому такие требования не смогут полноценно обеспечить устойчивую политико-правовую связь чиновника с государством и исключить предательство интересов родины [7].

Помимо общих ограничений ряд специальных требований Закон установил к кандидату на должность Президента Российской Федерации, «гарантирующих его правовую и эмоциональную (духовно-культурную) связь с Российским государством» [1. С. 38]. Так, наличие в прошлом у гражданина гражданства иностранного государства или вида на жительство препятствует реализации его пассивного избирательного права на выборах Президента Российской Федерации. «Однако наличие у гражданина в прошлом вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства, могло быть связано с исполнением им обязанностей перед Российской Федерацией или Союзом ССР. Применительно к таким случаям, исходя из целевого назначения соответствующего требования, данное обстоятельство не должно расцениваться как препятствие для занятия должности Президента Российской Федерации» [1. С. 39]. Полагаем, данная позиция КС РФ продиктована исключительно политической целесообразностью, учитывая факты биографии лица, замещающего ныне должность Президента Российской Федерации.

Завершим анализ позиций КС РФ ограничением замещения одним лицом должности Президента Российской Федерации двумя сроками. Данное изменение действительно снимает правовую неопределенность в вопросе об исчислении сроков полномочий Президента Российской Федерации и соответствует основам конституционного строя России. Признание конституционности исключения из ч. 3 ст. 81 Конституции Российской Федерации слова «подряд», на наш взгляд, полностью нейтрализовано признанием конституционности внесенной в ст. 81 Конституции Российской Федерации поправки, предусматривающей

«обнуление» сроков президентских полномочий Д.А. Медведева и В.В. Путина, истекших (длящихся) на момент вступления в силу вышеуказанного ограничения. Правовое регулирование конституционных отношений, возникших до вступления в силу Закона, юридически предлагается считать не существовавшим. Подобная юридическая фикция не соотносится с общими принципами и аксиомами права, главные из которых «все равны перед законом» и «никто не может быть судьей в своем собственном деле», а может быть отнесена к арсеналу средств политических технологий. Кроме того, данная позиция КС РФ входит в противоречие с правовой позицией самого суда, сформулированной в Определении КС РФ от 5 ноября 1998 года № 134-О. Правда, КС РФ в Заключении не придает этой позиции характера общего правила, не обусловленного конкретным нормативным содержанием ст. 81 Конституции Российской Федерации. Т.е. на 1998 год позиция о том, что «два срока полномочий подряд, о чем идет речь в ст. 81 (ч. 3) Конституции Российской Федерации, составляют конституционный предел, превышения которого Конституция Российской Федерации не допускает», действовала, а в обстановке 2020 года она не применима? *Quod licet Iovi (Jovi), non licet bovi.*

Из проведенного анализа следует вывод: позиции, заявленные КС РФ в Заключении, дефектны и с точки зрения права, и с учетом состояния отечественной политической системы, а следовательно, не согласуются с этическими нормами, в основе которых заключены представления о справедливости.

Литература

1. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации № 3-3 от 16 марта 2020 года [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision459904.pdf>.

2. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон Российской Федерации «О поправке к Конституции Российской Федерации» от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Офи-

циальный интернет-портал правовой информации <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003140001>

3. О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации: Федер. закон от 4 марта 1998 года № 33-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18043.

4. Деконструкция Конституции: Что нужно и что не нужно менять в российском Основном Законе. Сер. «Либеральная миссия – Экспертиза». Вып. 8 / под ред. К. Рогова. М., 2020. 80 с.

5. Морщакова Т.Г. Комментарий к заключению Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 года. URL: <https://academia.ilpp.ru/kommentariy-k-zaklyucheniyu-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoj-federatsii>.

6. Пояснительная записка к проекту закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/885214-7>.

7. Сасов К. Правовой анализ заключения Конституционного Суда Российской Федерации № 1-3 от 16 марта 2020 года. URL: https://zakon.ru/blog/2020/03/19/pravovoj_analiz_zaklyucheniya_konstitucionnogo_suda_rf_1-z_ot_16_marta_2020_g.

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА*

А.А. Фролов, канд. полит. наук, доцент

К.А. Бovyкин, студент

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова», г. Ярославль

Аннотация. Рассматривается роль информационно-коммуникационных технологий в современном гражданском обществе. Дается анализ их влияния на становление и развитие гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, Интернет, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 19-011-00268 «Трансформация гражданской активности в условиях развития информационно-коммуникативных технологий (на примере Ярославской области)».

THE INFLUENCE OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES ON THE FORMATION OF MODERN PUBLIC SOCIETY

A.A. Frolov, K.A. Bovykin

Abstract. The role of information and communication technologies in modern civil society is considered. The analysis of their influence on the formation and development of civil society is given.

Keywords: civil society, Internet, information and communication technologies (ICT).

В современном мире в условиях демократизации и развития гражданского общества существует актуальный запрос от граждан на появление различных форм гражданской активности. При этом нельзя не отметить, что ИКТ играют в этом процессе значительную роль.

Гражданское общество является предметом интереса исследователей в течение долгого времени. Однако до сих пор не выработано единого представления о том, чем оно является.

Одна группа учёных говорит о том, что гражданское общество – это в первую очередь совокупность общественных отношений [3. С. 36; 5. С. 102]. Другая строит свои рассуждения таким образом, что основой гражданского общества становятся многочисленные гражданские объединения [1. С. 26; 2. С. 23]. Другой взгляд на данную проблему заключается в изучении гражданского общества с точки зрения активности личности [6. С. 13]. Исходя из разных представлений, гражданское общество можно охарактеризовать как совокупность гражданских, неправительственных отношений, основанных на личной инициативе граждан или их объединении. В данном случае ценностями, которые способствуют развитию гражданского общества, будут являться самостоятельность, солидарность, инициативность, равенство и свобода.

На сегодняшний день различные формы ИКТ, особенно Интернет, могут способствовать развитию ценностей, которые несёт в себе гражданское общество. Интернет является обособленным пространством, имеющим характерные формы коммуникации и объединения акторов гражданской активности. Одной

из характерных черт является отсутствие непосредственного физического контакта, что позволяет принять участие в обсуждениях различных вопросов лицам, имеющим доступ к «мировой паутине». К тому же, Интернет позволяет использовать пользователю любые «маски», т.е. позволяет оставаться анонимным в процессе коммуникации.

Говоря про «маски», следует рассмотреть источник их популярности. Анонимность как ценность была популярна в сетевой парадигме Web 1.0, где основным средством коммуникации были чаты и веб-форумы, а не социальные сети, где зачастую необходимо указывать свои Ф.И.О., дату рождения, пол и пр. Но говорить о том, что именно Интернет способствовал появлению такой ценности, как анонимность, на ранних стадиях своего внедрения в общество не приходится. Он стимулировал уже сложившееся в разных обществах восприятие анонимности как блага, защиты личных данных.

Несмотря на то, что Web 1.0 не является причиной первоначально осознания анонимности как ценности, следующая итерация сетевого взаимодействия – Web 2.0 сместила акцент с приватности, который был выражен, например, в таких сообществах, как Myspace, на публичность, подтверждение чему можно увидеть в названии такой известной социальной сети, как Facebook. Можно сказать, что со временем Интернет отчасти убрал у людей стремление к скрытности и виртуальные идентичности перестали быть маской. Интернет стал использоваться не как средство анонимно выразить те или иные аспекты своего отношения к окружающей действительности, а как способ через виртуальную идентичность подкрепить своё реальное «Я». Это можно расценивать как победу принципов демократизма над тоталитаризмом, ведь человек теперь не заинтересован быть просто частью того или иного чата, он хочет показать себя, свою жизнь, свои мысли, свои успехи.

Таким образом, говоря о влиянии ИКТ на ценностные ориентиры в выражении собственного мнения, можно сделать вывод, что пользователь Интернета на первых этапах его использования ценил анонимность как средство безопасного самовыражения, что впоследствии сменилось опубликованием личных данных и открытым выражением собственной позиции. Исходя

из этого можно сделать вывод, что Интернет поспособствовал развитию индивидуальности личности и позволил высказывать собственное мнение, как это принято при демократических формах общественного существования. Телевизор, радио и какие-либо другие формы коммуникации не дают такого эффекта, поскольку являются в большей степени однонаправленными средствами распространения информации, через которые крайне сложно дать обратную связь.

Однако сеть «Интернет» имеет и ряд существенных недостатков, например, широкий спектр технологий и инструментов манипулирования массовым сознанием. В качестве примера можно привести применяемые в разных странах и на разных сервисах DDoS-атаки. Помимо этого, боты в социальных сетях могут манипулировать дискуссией, переводя разговор от неудобных для заказчика тем, провоцируя удобные и при этом внося желаемые темы. Боты также могут осуществлять создание нужного заказчику информационного фона, состоящего из различного рода статистических данных, периодически публикуемых новостных эпизодов, различных опросов общественного мнения и иных аналитических материалов. Такой информационный штурм со временем создаёт ощущение, будто получаемая информация является единственно правильной [4. С. 32].

Нельзя не отметить и тот факт, что повсеместное развитие ИКТ породило некую форму массового цифрового сознания, которая заключается в формировании у людей клипового мышления. Информация в Сети часто передаётся коротко, сжато и при этом с яркими образами и выраженным личным мнением автора. Постоянное потребление такой информации может внушить человеку некое подобие осведомлённости о происходящих в мире процессах, но не даст ему более полного знания о том, что происходит. К тому же, сам формат подачи информации не предусматривает ознакомления со всем рядом предпосылок, которые привели человека к тому или иному мнению. У потребителя изымается возможность почувствовать себя в процессе формирования тех или иных мыслей, ему выдают готовый информационный шаблон, который он должен воспринять. Также следует учитывать такое свойство сетевого информационного пространства, как хаотичность, разнообразность и неупорядо-

ченность мнений и сведений, порой прямо противоречащих друг другу, в результате этого человек может воспринять какие-то знания весьма шаблонно и неполно, а также столкнуться с информацией, не соответствующей действительности.

Исходя из того, насколько нейтральными сами по себе являются ИКТ и как многое в них зависит от человеческого фактора, можно сделать вывод, что Интернет в состоянии дать мощный толчок обществу в соответствии с заложенными в этом обществе настроениями и правилами. Если люди хотят прав, свобод, самовыражения и движения к народной власти и при этом переменный фактор в лице государства не является непреодолимым на пути к этому стремлению, ИКТ могут помочь в формировании демократического общества. Но если общественные настроения не предполагают выхода за рамки патерналистского мировоззрения, то велика вероятность, что Интернет укрепит и эту форму общественной жизни.

Литература

1. Голенкова З.Т. Гражданское общество в России // Социс. 1997. № 4.
2. Граждан В.Д. Гражданское общество как система негосударственного управления // Власть. 2004. № 3.
3. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов, 1996. 287 с.
4. Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М., 2014. 570 с.
5. Орлова О.В. Соотношение политико-правовой активности личности и функционирования гражданского общества // Право и политика. 2006. № 12.
6. Twenge J.M., Campbell K.W. The Narcissism Epidemic: Living in the Age of Entitlement. Free Press, 2009. 343 p.

ПРАКТИКИ ГРАЖДАНСКОЙ ИНТЕРНЕТ-АКТИВНОСТИ НА ПРИМЕРЕ КАМПАНИИ В ПОДДЕРЖКУ ЗАКОНА О ПРОФИЛАКТИКЕ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ*

А.А. Фролов, канд. полит. наук, доцент
Д.В. Егоров, студент
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова», г. Ярославль

Аннотация. Проанализированы основные подходы к рассмотрению гражданского интернет-активизма, а также представлены практики интернет-активизма на примере кампании в поддержку закона о профилактике домашнего насилия.

Ключевые слова: Интернет, интернет-активизм, гражданское общество, лоббизм.

THE PRACTICE OF CIVILIAN INTERNET ACTIVITY AS AN EXAMPLE OF A CAMPAIGN TO SUPPORT THE LAW ON THE PREVENTION OF DOMESTIC VIOLENCE

A.A. Frolov, D.V. Egorov

Abstract. Analyzes the main approaches to the consideration of civil Internet-activism, and also presents the practice of Internet activism as an example of a campaign in support of the law on the prevention of domestic violence.

Keywords: Internet, internet-activism, civil society, lobbying.

В настоящее время Интернет предоставляет широкий функционал для социального взаимодействия, а соответственно, и гражданского активизма. В Интернете гражданская активность становится более независимой от традиционных методов государственного влияния. Гражданское общество получило возможность создавать свои медиа-ресурсы и формировать новых лидеров. Как показывает современная политическая практика, комментарии авторитетных блогеров вызывают большой общественный резонанс и обладают высоким уровнем доверия со стороны пользователей Интернета [1. С. 1–13]. Главными плат-

* Статья подготовлена в рамках исследования, финансируемого за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МД-855.2020.6 «Мобилизация и демобилизация в современных практиках протестной активности».

формами гражданского активизма в Интернете являются социальные сети, такие как: ВКонтакте, Facebook, Instagram. Данные платформы имеют обширный функционал для социального взаимодействия и построения новых коммуникационных сетей в виртуальном пространстве. Новые формы гражданской активности в Интернете принято называть интернет-активизмом.

Интернет-активизм во многом отождествляется с протестной активностью, так как его изучение как явления было связано с использованием виртуального пространства в протестных акциях. Например, в ходе событий «Арабской Весны» социальные сети использовались как средство коммуникации и мобилизации оффлайн-активистов и стали главным каналом распространения информации о трагических событиях 18 декабря 2010 г. Фрида Гитис, независимый комментатор по международным делам и пишущий редактор World Politics Review, в 2012 г. отмечала, что новые медиа позволили протестам развиваться с захватывающей дух скоростью и приковали к ним полное внимание мирового сообщества, заставив режимы либо действовать осторожно, либо сталкиваться с прямыми последствиями [2. С. 143].

Особенностью изучения интернет-активизма является тенденция определённого преуменьшения значимости данной формы активности. Например, в современное время широкое распространение получил термин «слактивизм». Исследователи характеризуют его как различные действия, предполагающие незначительные временные затраты и выполняемые через Интернет в поддержку политических или социальных требований. Так, исследователь Е. Морозов говорит, что действия в Интернете не влекут за собой обязательного участия и никак не связаны с действиями в обыденной реальности [3. С. 3–11]. Однако рассмотрение интернет-активности только с точки зрения простой и зачастую протестной активности является неточным. Важно оценивать ценностные мотивы участников. Ведь как для офлайн-активиста, так и для онлайн-активиста важным мотивирующим фактором является самовыражение. Также важно учитывать, что высказывание своей позиции в Интернете может подвергнуться жестокой критике, а иногда и угрозам, и оказаться для активиста эмоционально невыносимым.

Кроме того, необходимо помнить, что за распространение информации через пост в социальной сети человека можно привлечь к ответственности.

Лидеры общественного мнения понимают, что трафик интернет-активности можно направлять на выстраивание эффективного диалога общественности с властными структурами по разным вопросам. При этом интернет-активизм может быть направлен на поддержку того или иного законопроекта. Данная поддержка может инициироваться не государством «сверху» с помощью разных политических технологий, а именно «снизу», благодаря участию блогеров, лидеров общественного мнения и в целом активности рядовых пользователей. При этом важно отметить, что в данном случае блогеры должны оставаться аполитичными и не быть подвергнуты какому-либо политическому влиянию.

Ярким примером такой мобилизации общественного мнения в России является кампания в поддержку законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». Данная кампания была реализована в форме флешмоба в поддержку закона о домашнем насилии, инициированного активисткой А. Поповой, при поддержке блогера А. Митрошиной, у которой на тот момент было больше 1,9 млн подписчиков в сети Instagram. Соавторами выступили ещё 12 блогеров, в том числе с аудиторией до 2 млн человек. Суть флешмоба заключалась в том, что его участницы делали макияж с имитацией побоев и синяков, фотографировали себя и размещали данную фотографию в сети Instagram с хэштегом #ЯНеХотелаУмирать. Акция была посвящена «женщинам, которых убили в результате домашнего насилия (они не хотели умирать)», писала в своём Instagram аккаунте А. Митрошина [4].

Флешмоб был поддержан рядовыми пользователями, за короткое время в нём приняли участие 12 тыс. человек. Количество лайков, репостов и других форм активности составило более одного миллиона. Кроме того, нередко к фотографиям девушек прилагали личные истории того, как они сталкивались с семейным насилием. Фото сопровождалось призывом к принятию закона и просьбой проголосовать за петицию на платформе change.org.

После запуска флешмоба в июле 2019 г., можно было наблюдать высокий рост поисковых запросов по теме «Закон о домашнем насилии», по данным GoogleTrends, который составил в среднем по стране 42 балла из 100 возможных [5]. Также по заявлениям самих активистов именно благодаря флешмобу участники рабочей группы, среди которых были члены разных комитетов Государственной Думы Российской Федерации, впервые единогласно пришли к мнению, что закон нужно внести и как можно скорее.

Форма интернет-активизма в виде флешмобов часто используется для привлечения внимания к конкретной проблеме, при этом она напоминает технологию непрямого лоббизма Grass roots lobbying («корни травы»). Её суть заключается в массовом и организованном направлении писем и сообщений от населения объекту лоббирования с требованием поддержать определённое предложение. Можно говорить о том, что Интернет открывает больше возможностей для участия граждан в лоббистской деятельности. Интернет-технологии помимо конкретного требования могут содержать материалы с привлечением общественного внимания к конкретной проблеме, а также расширяют возможности самовыражения каждого участника.

Литература

1. Володенков С.В. Особенности Интернета как современного пространства политических коммуникаций // Вестн. Моск. гос. областного ун-та. 2017. № 4. С. 1–13.
2. Соколов А.В., Беляков А.А. Интернет-активизм как форма выражения общественно-политических интересов в современном гражданском обществе // Возможности и угрозы цифрового общества: материалы Всерос. науч. конф. Ярославль, 2019. С. 142–146.
3. Ушкин С.Г. Теоретико-методологические подходы к изучению сетевой протестной активности: от «умной толпы» к slackтивизму // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. М., 2015. С. 3–11.
4. Флешмоб в поддержку закона о домашнем насилии. URL: <https://flaconmagazine.com/rubric/people/o-flesmobe-anehotelaumirat-iz-pervyh-ust> (дата обращения: 29.02.2020).
5. Google Trends. Анализ по запросу: закон о домашнем насилии. URL: <https://trends.google.ru/trends/explore?q=закон%20о%20домашнем%20насилии&geo=RU> (дата обращения: 29.02.2020).

ГАРАНТИИ ПРАВДИВОСТИ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЕЙ ПРИ СМЕШЕНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СТАТУСОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

А.А. Хайдаров, канд. юрид. наук, доцент
Казанский юридический институт (филиал)
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»,
г. Казань

Аннотация. Рассматривается вопрос о смешении процессуальных статусов свидетелей и подозреваемых и обеспечении правдивости показания таких участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: гарантии прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, процессуальный статус свидетеля, смешение процессуальных статусов, обеспечение правдивости показаний, ответственность за дачу ложных показаний.

GUARANTEES OF THE VERACITY OF WITNESS STATEMENTS WHEN MIXING PROCEDURAL STATUSES IN DOMESTIC CRIMINAL PROCEEDINGS

A.A. Haidarov

Abstract. The issue of mixing the procedural status of witnesses and suspects and ensuring the truthfulness of the testimony of such participants in criminal proceedings is considered.

Keywords: guarantees of the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings, the procedural status of a witness, mixing of procedural statuses, ensuring the truthfulness of statements, responsibility for giving false testimony.

Одной из гарантий законного, справедливого обвинительного итогового судебного решения в отношении подсудимого является то, что свидетель несет уголовную ответственность за дачу заведомо ложных показаний по ст. 307 и 308 УК РФ. Отсутствие соответствующей ответственности в правовом статусе свидетеля не позволяет говорить о гарантированности прав подозреваемого (обвиняемого, подсудимого), в том числе и права на защиту. Иными словами, если свидетель дает показания, то он должен делать это, зная об уголовной ответственности за дачу ложных показаний, в противном случае этот свидетель мо-

жет говорить все, что ему заблагорассудится. Очевидно, что лицо, которое дает свидетельские показания, но не предупреждается об уголовной ответственности по ст. 307 и 308 УК РФ, не может быть свидетелем по уголовному делу, поскольку его процессуальный статус является неполноценным, а у обвиняемого отсутствуют гарантии на справедливый суд. Очевидно и то, что протокол допроса свидетеля, который не был предупрежден по ст. 307 УК РФ должен признаваться недопустимым доказательством.

В судебной практике появляются даже случаи, когда непредупреждение свидетеля по ст. 307 и 308 УК РФ на осмотре места происшествия ставит под сомнение допустимость всего следственного действия. Так, судья Советского районного суда г. Челябинска признал недопустимым осмотр места происшествия, проведенный с участием свидетеля, на том основании, что дознаватель не предупредил свидетеля об ответственности, предусмотренной ст. 307 и 308 УК РФ [4].

Приведем содержание кассационного определения Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 года по делу № 82-О10-15. Предыстория уголовного дела, которое стало объектом рассмотрения Верховного Суда Российской Федерации такова, что уполномоченное должностное лицо органа предварительного расследования сфальсифицировало доказательство по делу, находящемуся у него в производстве, а затем было допрошено по этому же делу в суде в качестве свидетеля. Будучи предупрежденным по ст. 307–308 УК РФ, это лицо давало в судебном заседании показания, которые не соответствовали действительности. Очевидно, что уполномоченное должностное лицо органа предварительного расследования было вынуждено дать эти показания, и, если бы оно сказало правду, всем присутствующим в зале судебного заседания стало бы понятно, что оно все сфальсифицировало. Однако уголовное дело было позже возбуждено, а лицо было осуждено по ч. 3 ст. 303 УК РФ, но на предварительном расследовании ему вменялась и ч. 1 ст. 307 УК РФ, по которой он был оправдан судом. Верховный Суд Российской Федерации подтвердил законность решения нижестоящей судебной инстанции, указав, что дача этим лицом заведомо ложных показаний в суде, хотя и имела место и нашла подтвер-

ждение, не образует состава преступления, так как являлась средством защиты от обвинения в фальсификации доказательств, т.е. другого преступления [3].

Приведем еще один аналогичный пример.

Т. обвинялся по ч. 1 ст. 307 УК РФ в даче заведомо ложных показаний в качестве свидетеля в суде. По другому делу он выгораживал двоих своих подельников, вместе с которыми они избивали потерпевшего. Однако органам предварительного расследования удалось доказать причастность С. к совершению преступления, который в последующем был осужден по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ, а в отношении Т. и третьего подельника уголовное преследование было прекращено по ч. 1 ст. 111 УК РФ. Несмотря на то, что Т. по основному делу был допрошен в качестве свидетеля, был предупрежден по ст. 307 УК РФ, в суде по основному делу дал заведомо ложные показания, суд первой инстанции по ч. 1 ст. 307 УК РФ оправдал его, указав, что подписка, отобранная у Т., о предупреждении его председательствующим об уголовной ответственности, предусмотренной ст. 307 УК РФ, не свидетельствует о наличии в деянии Т. состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 307 УК РФ, поскольку она не может ограничивать Т. в правах, предусмотренных ч. 1 ст. 51 Конституции Российской Федерации, подп. «г» п. 3 ст. 14 Международного пакта «О гражданских и политических правах», ст. 47 УПК РФ. Суд второй инстанции оставил в силе решение суда нижестоящей инстанции, указав следующее: несмотря на то, что уголовное преследование в отношении Т. по ч. 1 ст. 111 УК РФ было прекращено, его свидетельские показания в отношении С. об обстоятельствах избиения потерпевшего, в котором он также принимал участие, непосредственным образом затрагивают и его собственные интересы. Показания в отношении С. явились средством защиты самого себя, и в его действиях отсутствует состав преступления, поскольку уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний по уголовному делу в отношении С. он не подлежит. Процессуальный статус свидетеля сам по себе, вне связи с существом обстоятельств, о которых он дает показания и имеющих значения для разрешения дела, не является определяющим для решения вопроса о возможности привлечения лица к уго-

ловной ответственности по ч. 1 ст. 307 УК РФ. Суд второй инстанции подчеркнул, что правильно указано в приговоре суда, что освобождение лица от обязанности давать показания, которые могут оказать негативное влияние на него самого, является одной из важнейших и необходимых предпосылок реализации соблюдения прав и свобод гражданина и отобранная у Т. подписка с предупреждением об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ не ограничивает его в правах, предусмотренных Конституцией Российской Федерации. Вместе с тем суд второй инстанции исключил из приговора указание на то, что Т. и С. совершили преступление в соучастии, поскольку этим судебным решением установлено, что это преступление С. совершил один [2].

Итак, еще одна парадоксальная ситуация получается, Т. решил дать показания в отношении себя, выгораживая С. и третьего подельника. В ходе предварительного следствия выяснилось, что тяжкие телесные повреждения нанес С., а двое других только участвовали в драке и в отношении них было принято решение о прекращении уголовного дела по ч. 1 ст. 111 УК РФ. Лицо допрашивается в качестве свидетеля в суде с предупреждением об ответственности, но в последующем оправдывается.

Иными словами, должностные лица в лице органа расследования и суд (судья) должны предупреждать свидетелей об ответственности по ст. 307 УК РФ, но, будут ли они привлечены к ответственности, решит суд с учетом положений Конституции Российской Федерации и федеральных законов.

В данном случае речь идет о смещении процессуального статуса свидетеля и подозреваемого, а положения Конституции Российской Федерации распространяют свое действие на любого участника уголовного судопроизводства. Казалось бы, все просто, но возникает справедливый вопрос, а должны ли предупреждаться свидетели об ответственности по ст. 307 УК РФ в описанных ситуациях и каков процессуальный статус этих лиц, если они не несут в данном случае ответственность по ст. 307 УК РФ?

Парадоксальность ситуации заключается в том, что должностные лица обязаны этих свидетелей предупреждать об ответственности, поскольку они имеют статус свидетелей, а в случае,

если они дают ложные показания в судебном заседании, они же должны возбудить уголовное дело, поскольку имеются соответствующие основания, но суд в подобных ситуациях не может осудить, поскольку у них произошло совмещение статуса свидетеля и подозреваемого, и это лицо не подлежит уголовной ответственности исходя из установленных обстоятельств дела.

Рассмотрим другие ситуации с предупреждением свидетелей об уголовной ответственности по ст. 307 и 308 УК РФ, например, свидетеля – приобретателя наркотического средства, который дает показания на сбытчика.

Закон о процессуальном статусе лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, был принят и вступил в силу. Важным положением ст. 56.1 УПК является то, что это лицо не предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложных показаний либо отказ от дачи показаний в соответствии со ст. 307 и 308 УК РФ, но оно дает показания в отношении своих подельников по основному делу. Аналогичные правовые положения содержатся в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2016 года № 17-П. В практике возникает вопрос об ответственности «досудебщиков» и гарантиях правдивости их показаний, поскольку они не предупреждаются по ст. 307 УК РФ, и как быть, если «досудебщик» уже осужден и отказывается от дачи показаний по основному делу либо дает ложные показания.

В следственно-судебной практике имеются случаи, когда уголовные дела выделяются в отношении несовершеннолетних, либо в порядке п. 1 ч. 5 ст. 217 УПК, когда следователь решает вопрос о выделении уголовных дел в отношении этих обвиняемых в отдельное производство, если один или несколько обвиняемых отказываются от суда с участием присяжных заседателей. Эти лица также «возвращаются» в основное дело свидетелями, хотя как таковыми ими не являются.

Иногда встречаются и случаи, когда уголовные дела о соучастниках вообще не соединяются, они расследуются параллельно. Указанные соучастники в зависимости от того, по какому делу они допрашиваются, выступают поочередно в роли сначала подозреваемых (обвиняемых), затем свидетелей.

В прокурорской практике в целях обеспечения прав участников уголовного судопроизводства прокуроры своим волевым решением, без учета положений УПК, дают указания о соединении связанных между собой уголовных дел в одно производство в целях допроса лиц, подозреваемых в даче и получении взяток, по одному делу. Прокуроры осознают возникающую проблему совмещения процессуального статуса участников и что их показания могут быть в суде признаны недопустимыми доказательствами. Поэтому соединением связанных между собой уголовных дел прокуроры обеспечивают дачу показаний подозреваемых с участием защитников в целях создания возможности дальнейшего использования этих показаний в суде.

В связи с этим следует привести оправдательный приговор Соломбальского районного суда г. Архангельска в отношении Б. [5].

Органами предварительного следствия Б. обвиняется в даче заведомо ложных свидетельских показаний в суде при следующих обстоятельствах.

В районном суде в ходе судебного следствия по уголовному делу по обвинению Т., будучи предупрежденным председательствующим по делу об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний по ч. 1 ст. 307 УК РФ, желая оказать помощь в уклонении от уголовной ответственности за содеянное своему знакомому обвиняемому Т., Б. дал заведомо ложные показания, заявив при допросе в качестве свидетеля в судебном следствии, что данные им показания в качестве свидетеля в ходе предварительного следствия не правдивы и он их не подтверждает, пояснив это тем, что данные показания давал под давлением со стороны сотрудников полиции и со слов следователя и находился в наркотическом состоянии, у него была ломка.

Показания свидетеля Б. по уголовному делу Т., данные им в суде, о том, что наркотическое средство он приобрел не у Т., а у другого лица, суд отверг как недостоверные, данные с целью оказания помощи в уклонении от ответственности за содеянное своему знакомому Т.

Приговором районного суда в отношении Т. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ.

Согласно кассационному определению, судебная коллегия по уголовным делам Архангельского областного суда, рассмотрев дело Т., не усмотрела оговора в показаниях Б.

После чего в отношении Б. было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 307 УК РФ. Дело было направлено для рассмотрения по существу в районный суд. Б. был оправдан, при этом суд подчеркнул то, что Б. не подлежит уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний о преступных действиях Т.

Преступные действия Т., о которых показал Б. на предварительном следствии по делу Т. и о которых Б. дал заведомо ложные показания в судебном заседании по делу Т., тесно связаны с деянием, за которое осужден Б., и, следовательно, дача Б. заведомо ложных показаний явилась его средством защиты от обвинения его самого.

Согласно ст. 153, 154 УПК РФ, регламентирующих соединение и выделение уголовных дел, не препятствовали расследованию и рассмотрению в одном производстве уголовных дел в отношении Т. и Б. об указанных преступлениях, тесно связанных между собой.

Освобождение лица от обязанности давать показания, которые могут ухудшить положение его самого, т.е. наделение этого лица свидетельским иммунитетом, является одной из важнейших и необходимых предпосылок реального соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Также в соответствии с подп. «г» п. 3 ст. 14 Международного пакта от 16 декабря 1966 года «О гражданских и политических правах» каждый имеет право при рассмотрении любого предъявленного ему уголовного обвинения как минимум на гарантию на основе полного равенства не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным.

Б. как обвиняемый, в отношении которого был вынесен обвинительный приговор, вправе защищаться средствами и способами, не запрещенными УПК РФ (п. 21 ч. 4 ст. 47 УПК РФ), а уголовно-процессуальный закон не содержит запрета обвиняемому на дачу заведомо ложных показаний.

Подписка, взятая у Б. о предупреждении его председательствующим об уголовной ответственности, предусмотренной ст. 307

УК РФ, не свидетельствует о наличии в деянии Б. состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 307 УК РФ, поскольку она не может ограничивать Б. в правах, предусмотренных ст. 51 Конституции Российской Федерации, ст. 14 Международного пакта «О гражданских и политических правах», ст. 47 УПК РФ.

Суд постановил, что при таких обстоятельствах в действиях Б. отсутствует состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 307 УК РФ.

Благодаря показаниям свидетеля на досудебном производстве изобличается сбытчик, формируются и другие обвинительные доказательства. В данном случае Б. давал показания по другому делу, по которому он подозреваемым не был. Да, действительно, приобретение и сбыт наркотических средств – это взаимосвязанные преступления, но они не совершаются в соучастии, а одновременно, и лицам приходится давать показания, в том числе и о своей противоправной деятельности.

Приведем другой пример.

К. обвинялся в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 232 УК РФ, п. «б» ч. 3 ст. 228.1, ч. 2 ст. 228 УК РФ. По поводу приобретения у К. наркотических средств и их хранения М. была осуждена по ч.1 ст. 228 УК РФ. По делу в отношении К. она допрашивалась в качестве свидетеля и, как следует из протоколов допросов М., она предупреждалась об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний по ст. 308 УК РФ и за дачу заведомо ложных показаний по ст. 307 УК РФ. Суд первой инстанции указал, что М. обладает особым правовым статусом, поскольку была осуждена за приобретение у К. и хранение наркотических средств, по своему процессуальному статусу М. не является свидетелем по настоящему уголовному делу, на нее не распространяются требования ст. 307 и 308 УК РФ об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний и, соответственно, предусмотренные уголовно-процессуальным законом правила предупреждения допрашиваемого лица о такой ответственности.

Таким образом, перечисленные показания М. на стадии предварительного расследования получены с нарушением уголовно-процессуального закона, и в соответствии с положениями ч. 1 ст. 75 УПК РФ суд признал их недопустимыми [6].

В апелляционном определении областной суд согласился с доводами суда первой инстанции. Из материалов дела следует, что 23 октября 2015 года уголовное дело по ч. 1 ст. 228 УК РФ возбуждалось в отношении М., т.е. она являлась по делу подозреваемой. Впоследствии по этому уголовному делу ее осудили. Поэтому суд обоснованно признал недопустимыми доказательствами ее показания по настоящему делу в качестве свидетеля, в которых она предупреждалась об уголовной ответственности по ст. 307 и 308 УК РФ. Выводы суда первой инстанции в этой части являются правильными, независимо от использованной терминологии [1].

В данном случае мы полностью согласны с указанными решениями суда, лицо не должно предупреждаться по ст. 307 и 308 УК РФ в ходе допроса в качестве свидетеля по уголовному делу, где это лицо изобличает одновременно и подозреваемого (обвиняемого), и себя. Кроме того, вызывает нарекание и наименование участника уголовного судопроизводства. В данном случае уместнее говорить о лице, обладающем сведениями, поскольку оно имеет правовой статус, отличный от свидетеля. Ему должно гарантироваться право на защиту, в том числе не свидетельствовать против самого себя.

В условиях развития общественных отношений, изменений уголовного законодательства, все большей дифференциации уголовно-процессуальной формы производства по уголовным делам, процессуальный статус участников уголовного судопроизводства обозначенная нами проблема не имеет однозначного решения. Уже сейчас очевидно, что название того или иного участника порой существенно отличается на практике от его процессуального статуса. Ярким тому подтверждением является ст. 56.1 УПК, позволяющая не предупреждать лицо, которое дает показания в отношении соучастников, по ст. 307 и 308 УК РФ. В настоящее время законодатель обходит стороной участников, в отношении которых уголовное дело также может быть выделено в отдельное производство, а правоприменители не знают, как допрашивать этих лиц по основному делу.

Мы уверены, что правоприменители способны соединить процессуальные статусы участника в той или иной сложной практической ситуации, они могут даже допросить этих лиц без

упоминания их названия. Однако вопрос об ответственности за дачу ложных показаний и гарантиях правдивости показаний для других описанных в настоящей статье ситуаций законодательно не решен, он требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Апелляционное определение Ярославского областного суда от 20 декабря 2018 года по делу № 22-1911/2018 // Доступ из ГАС РФ «Правосудие» (дата обращения: 28.09.2019).

2. Апелляционное представление Пермского краевого суда от 26 сентября 2017 года по делу № 22-5899 // Архив автора.

3. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 года по делу № 82-О10-15. URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/acts> (дата обращения: 10.20.2020).

4. Приговор Советского районного суда города Челябинска от 25.09.2019 по делу № 1-228/2019 // Доступ из справ.-прав. системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 10.20.2020).

5. Приговор Соломбальского районного суда Архангельской области от 26 апреля 2010 г. по делу № 1-30; Приговор Соломбальского районного суда Архангельской области от 11 мая 2010 г. по делу № 1-24 // Доступ из ГАС РФ «Правосудие» (дата обращения: 28.09.2019).

6. Приговор Заволжского районного суда г. Ярославля от 1 ноября 2018 года по делу № 1-110/2018 // Доступ из ГАС РФ «Правосудие» (дата обращения: 16.04.2019).

ДАЛЬНЕЙШЕЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ СУДОВ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Ш.А. Хужаев, д-р философии по юрид. наукам
Ташкентский государственный юридический университет,
г. Ташкент

Аннотация. Проанализированы вопросы реформирования рассмотрения дел в административных судах Республики Узбекистан, исследованы вопросы подведомственности дел об административных правонарушениях. Изложены выводы и рекомендации по совершенствованию административного законодательства Республики Узбекистан.

Ключевые слова: административное законодательство, административные суды, административный спор, публичные правоотношения, государство, исполнение решений административных судов.

FURTHER REFORM OF ADMINISTRATIVE COURTS IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Sh.A. Khujayev

Abstract. The article analyzes the issues of reforming the consideration of cases in the administrative courts of the Republic of Uzbekistan, examines the issues of jurisdiction of cases of administrative offenses. At the end of the article, conclusions and recommendations on improving the administrative legislation of the Republic of Uzbekistan were presented.

Keywords: administrative law, administrative courts, administrative dispute, public legal relations, the state, enforcement of administrative court decisions.

Одним из ключевых приоритетов демократического обновления страны является последовательная демократизация, либерализация судебно-правовой системы, направленная на обеспечение верховенства закона, законности, надежную защиту прав и интересов личности. Эти действия, в свою очередь, приводят к формированию правового государства и правосознания людей. Поэтому с первых же лет достижения независимости этому направлению реформирования уделяется особое внимание.

Позиция гражданина во взаимоотношениях с государственными органами, обладающими широким кругом властных полномочий, является относительно уязвимой, что обуславливает необходимость наличия действенных правовых механизмов обеспечения защиты прав и законных интересов граждан от неправомερных действий данных органов (должностных лиц).

Как показывает опыт большинства развитых государств, важным институтом, который призван разрешать споры, возникающие из административно-правовых отношений, т.е. отношений между гражданином и администрацией в лице, органа государственной власти или их должностного лица, является административная юстиция.

Формирование административной юстиции осуществлялось на всех этапах судебно-правовых реформ.

На первом этапе судебно-правовых реформ (1991–2000) были приняты законодательные основы судебно-правовой системы, которые в той или иной мере заложили основу административной юстиции. Например, согласно статье 44 Конституции Республики Узбекистан, каждому гарантируется судебная защи-

та его прав и свобод, а также право обжалования в суд незаконных действий (решений) государственных органов, должностных лиц и общественных объединений.

Порядок обжалования стал регулироваться нормами Законов Республики Узбекистан «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан», «Об обращениях граждан», Экономического процессуального кодекса (принятого вместо Хозяйственного процессуального кодекса) и Гражданского процессуального кодекса. Рассмотрение данных категорий дел в суде выделено в отдельный, самостоятельный вид гражданского и хозяйственного судопроизводства.

На втором этапе судебно-правовых реформ (2001–2007) в соответствии с принятым в новой редакции Законом «О судах», изменениями и дополнениями, внесенными в этот период в уголовно-процессуальное, гражданско-процессуальное законодательство, в целях последовательной реализации конституционного принципа разделения властей судебная система была выведена из-под контроля и влияния органов исполнительной власти.

Проведена специализация судов общей юрисдикции, созданы суды по гражданским и уголовным делам, что способствовало повышению эффективности их деятельности по квалифицированному рассмотрению уголовных, гражданских дел, надежной защите прав и свобод человека.

Суды по уголовным делам стали рассматривать дела об административных правонарушениях.

Третий этап судебно-правовых реформ (2008 – настоящее время) характеризуется дальнейшей либерализацией судебно-правовой системы. Были приняты законы Республики Узбекистан «Об обращениях физических и юридических лиц», «Об открытости деятельности органов государственной власти и управления», «О порядке отбывания административного ареста» и другие.

Были внесены изменения в Кодекс об административной ответственности Республики Узбекистан. Расширился круг административных правонарушений, который стал рассматриваться судьями по административным делам.

Суды по гражданским делам стали рассматривать некоторые дела об административных правонарушениях (проявление неуважения к суду, непринятие мер по частному определению (постановлению) суда).

Безусловно, действенное функционирование административной юстиции и его эффективное существование требуют также наличия административных судов.

Указом Президента «О мерах по дальнейшему реформированию судебной системы, усилению гарантий надежной защиты прав и свобод граждан» от 21 октября 2016 года № УП-4850 в Республике Узбекистан были созданы административные суды и принят Кодекс Республики Узбекистан об административном судопроизводстве. Административным судам стали подведомственны административные споры, вытекающие из публично-правовых отношений, а также дел об административных правонарушениях.

Как мы видим, на данный момент были приняты законодательные меры по созданию административных судов. При этом практика свидетельствует о наличии определенных проблем при рассмотрении дел административными судами.

В научном мире ведутся различные дискуссии касательно подведомственности дел административным судам. Д.Н. Бахрах отмечает, что административный суд должен предоставить гражданину максимум правовых возможностей для защиты прав и свобод, нарушенных вследствие неправомерных действий органов управления (должностных лиц) [1].

Д.М. Чечот отмечает, что административная юстиция в узком (собственном) смысле слова – это деятельность специальных административных судов по разрешению в особом процессуальном порядке споров, возникающих между частными лицами и публичной администрацией по поводу правомерности административных действий или решений [4].

Отечественные авторы (Л.Б. Хван, И.А. Хамедов, И.М. Цай) отмечают, что споры между гражданином и органами исполнительной власти относятся к делам с наличием специфики статуса сторон, находящихся в особенном состоянии административно-правовых отношений, – состоянии административного конфликта, поэтому административный суд должен учитывать

особенности применения административных регуляторов в отраслях и сферах государственного управления, не ограничиваясь рассмотрением административных правонарушений [3].

Как мы видим, указанные авторы рассматривают административные суды через призму административной юстиции. В Республике Узбекистан до создания административных судов применяемое понятие «административное правосудие» охватывает лишь правосудие по делам об административных правонарушениях, рассмотрение дел на основе норм административно-деликтного права. Рассмотрение жалоб на действия (бездействие) государственных органов и их должностных лиц осуществлялось судами по гражданским делам и хозяйственными судами в соответствии с Гражданским и Хозяйственным процессуальными кодексами, а дел об административных правонарушениях – судами по уголовным делам в соответствии с Кодексом об административной ответственности.

В этом плане представляет определенный интерес опыт развитых зарубежных стран в области развития административной юстиции.

К примеру, в большинстве стран Европейского Союза предусмотрены правила административного судопроизводства, которое отправляется специальными структурами в системе судебной власти, в частности:

1) специализированные административные суды (Австрия, Бельгия, Германия, Италия, Португалия, Турция, Финляндия, Франция, Швеция);

2) специализированные административные палаты, коллегии в структуре общих судов (Венгрия, Словакия);

3) специализированные палаты в структуре общих судов и отдельные административные суды (Испания, Нидерланды, Словения, Чехия, Швейцария).

Наиболее развитой и авторитетной моделью является административная юстиция Германии, в которой административные суды являются самостоятельной ветвью судебной власти и рассматривают все публично-правовые споры, не относящиеся к области конституционного права.

Во Франции, наряду с административными судами, рассмотрение жалоб граждан на неправомерные действия и реше-

ния государственных органов (должностных лиц) осуществляют специализированные судебные учреждения административной юстиции, например, такие как Счетная палата.

На наш взгляд, при реформировании деятельности административных судов и формировании правовой базы в данной сфере следует обратить внимание на следующие важные моменты.

1. Коренное реформирование Кодекса об административной ответственности Республики Узбекистан. Еще в 2010 году Первый Президент Республики Узбекистан И.А. Каримов в Концепции дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества в стране отметил, что «необходимо всесторонне, с учетом динамично развивающихся процессов демократизации проработать и принять Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности в новой редакции. В нем, в частности, следует отразить тенденции по декриминализации уголовного законодательства, перевод тех или иных правонарушений из уголовной в административную юрисдикцию. Он должен обеспечить унификацию законодательства об административной ответственности, представленного сегодня в десятках нормативно-правовых актов. В нем следует также предусмотреть меры по совершенствованию, демократизации процессуальных механизмов рассмотрения дел об административных правонарушениях, обеспечению законности, надежной защиты прав граждан в этой сфере» [2].

С учетом того, что административные суды будут рассматривать дела об административных правонарушениях и административные споры, вытекающие из публично-правовых отношений, необходимо разграничивать указанные два понятия. При этом в Кодексе предусмотрены несколько составов правонарушений, которые могли быть рассмотрены с точки зрения административного спора. К примеру, согласно части третьей ст. 50 устанавливается ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу лиц, направленных на предприятия, в учреждения и организации местными органами по труду при наличии свободных рабочих мест (вакантных должностей). На наш взгляд, исключение ответственности за данное правонарушение и рассмотрение его в качестве административного спора повысит эффективность защиты прав и свобод личности.

Так как при необоснованном отказе в приеме на работу направленное лицо может обратиться в суд с жалобой на действия соответствующего предприятия, организации или учреждения. Суд в этом случае может удовлетворить жалобу и обязать виновное предприятие, учреждение или организацию принять на работу лицо и восстановить его нарушенные права. А при привлечении к ответственности за указанное действие вопрос о восстановлении прав является второстепенным и может оставаться нерешенным даже после привлечения лица к ответственности.

Другой пример. В ст. 157 Кодекса об административной ответственности Республики Узбекистан устанавливается ответственность за нарушение порядка постановки на учет граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, снятия с учета и предоставления гражданам жилых помещений, несоблюдение установленных сроков заселения жилых домов и жилых помещений. В этом случае принятие решения судом по жалобе гражданина, жилищные права которого были нарушены, позволяет восстановить нарушенные права и обеспечить выполнение указанных действий – постановка на учет граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, снятие с учета и предоставление гражданам жилых помещений, заселение жилых домов и жилых помещений в установленный срок.

Аналогичное можно сказать в отношении составов правонарушений, предусмотренных в ст. 53, 75, 139, 140, 146¹, 153, 158, 160¹, 171, 174¹, 175¹, 175², 175⁴, 175⁶, 176¹, 176², 179¹, 179², 179⁴ и 179⁵ Кодекса об административной ответственности Республики Узбекистан, которые являются формальными составами и не требуют в качестве основного признака наличия последствий. С учетом этого необходимо критически пересмотреть составы действующих административных правонарушений, исключить некоторые из них, включив их в круг действия административных споров. С точки зрения эффективности Кодекс должен содержать относительно опасные (имеющие реальную угрозу вреда) или материальные правонарушения, за которые должна быть предусмотрена административная ответственность. Формальное правонарушение (нарушение правил или процедур), на наш взгляд, должно охватываться нормами административных процедур. Это, в свою очередь, будет больше способст-

воватъ повышению эффективности восстановления нарушенных прав граждан, чем привлечение к ответственности, которое не всегда надлежащим образом обеспечивает восстановление прав.

2. Регулирование вопросов исполнения решений административных судов в рамках единого нормативно-правового акта. На сегодняшний день исполнение решений по делам об административных правонарушениях и административным спорам регулируется кодексами Республики Узбекистан об административной ответственности и об административном судопроизводстве, Законом Республики Узбекистан «Об исполнении судебных актов и актов иных органов». В частности, раздел пятый Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности регулирует исполнение постановлений о применении административных взысканий. Применение административного ареста регулируется Законом Республики Узбекистан «Об административном аресте». Действия и решения, нарушающие права и свободы физических и юридических лиц, рассматриваются в рамках гражданского или хозяйственного судопроизводства, поэтому исполнение этого решения регулируется исполнительным производством. С учетом объединения этих дел в рамках административных судов следует разработать единый нормативный акт в сфере исполнения:

- решений по административному спору (восстановление прав гражданина, отмена решения или акта государственного органа);
- исполнения административных взысканий.

Литература

1. Бахрах Д.Н. Административное право. М., 2007. 440 с.
2. Каримов И.А. Концепция дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества в стране: доклад Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова на совместном заседании Законодательной палаты и Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан, 12 ноября 2010 г. // Народное слово. 2010. № 220.
3. Хван Л.Б., Хамедов И.А., Цай И.М. Административное право Республики Узбекистан. Общая часть. Ташкент, 2012. 786 с.
4. Чечот Д.М. Административная юстиция (теоретические проблемы). Л., 1973. 380 с.

О СООТНОШЕНИИ ПРАВА КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА НА ЧЕСТЬ, ДОСТОИНСТВО И СВОБОДУ СЛОВА

И.А. Чесноков, аспирант
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Анализируется вопрос о соотношении права каждого на честь, достоинство и свободу слова. Рассматривается уголовно-правовая природа такого деяния, как клевета, делается вывод о недостаточной урегулированности вопросов, связанных с распространением недостоверной информации, отрицательно влияющей на честь и достоинство конкретного человека и общество в целом.

Ключевые слова: нормы права, честь, достоинство, клевета, мораль, fake-news.

ABOUT THE RELATIONSHIP OF EVERYONE'S RIGHT TO HONOR AND DIGNITY AND FREEDOM OF SPEECH

I.A. Chesnokov

Abstract. The article analyzes the question of the correlation of the right of everyone to honor and dignity and freedom of speech, examines the criminal law nature of such an act as slander, concludes that the issues related to the dissemination of false information negatively affecting the honor and dignity of a particular person and society are insufficiently resolved generally.

Keywords: rule of law, honor, dignity, slander, morality, fake-news.

Право человека на честь и достоинство является одним из важнейших прав и свобод человека и гражданина. По первоочередности своей значимости оно уступает только праву на жизнь. По большей части защитой данного права занимается отрасль гражданского права при помощи института компенсации морального вреда. Право каждого на честь и достоинство закреплено в ст. 21 Конституции Российской Федерации, однако его реализация связана с рядом проблем и трудностей. Одной из таких проблем является потенциальное противоречие между правом на честь и достоинство и правом, которое указано ст. 29 Конституции Российской Федерации, предусматривающей прежде всего свободу слова.

Право свободно распространять информацию является гражданским правом, которое носит долю позитивного характера.

В чем состоит принципиальное различие между позитивными и негативными правами? Негативные права являются естественными правами, так как они даны самой природой и принадлежат каждому от рождения. Эти права не даются государством, а лишь признаются им, в отличие от позитивных прав, которые существуют только при условии их закрепленности положениями нормативно-правового акта. С концепцией позитивных прав связан юридический позитивизм, высшей формой которого считается нормативизм Ганса Кельзена.

В чем заключается противоречие между правом каждого на честь и достоинство и свободой слова? Как реализовать свободу слова, не нарушая при этом чести других лиц? И какому из рассматриваемых прав принадлежит первостепенное значение? Полагаем, что при сравнении этих прав предпочтение должно быть отдано праву каждого на честь и достоинство, поскольку негативные права человека являются более значимыми. Разумеется, реализация ни одного из прав не должна умалять значение другого права. Тем не менее на практике возможны случаи, когда рассматриваемые права вступают в конкуренцию.

Например, возможна ситуация, когда лицо распространяет информацию, затрагивающую честь и достоинства другого человека. Привлечение его к уголовной ответственности по ст. 128.1 УК РФ возможно лишь тогда, когда данные сведения не соответствуют действительности. Возражая против обвинения, распространитель информации ссылается на предоставленную каждому свободу слова. Возникает вопрос о соответствии распространенных сведений действительности. При условии, что сведения не являются ложными, у суда отсутствуют основания для признания лица виновным в совершении такого деяния, как клевета.

Но возможна ситуация, когда распространяются сведения, затрагивающие честь и достоинство лица, которые соответствуют действительности. Допускается ли распространение подобного рода информации? Согласно закону, такие сведения клеветой не являются, однако их распространение может нанести моральный ущерб человеку. В связи с этим такой вопрос целесообразно рассматривать с точки зрения соблюдения нравственных норм. Безусловно, нормы нравственности находят свое

отражении в развитии уголовного права как отрасли. Вопросам взаимодействия права и нравственности посвящены исследования многих специалистов. Как обоснованно отмечает С.В. Тасаков, «именно нравственность определяет ту среду, в которой возникают и существуют нормы права» [1].

Можно ли, опираясь исключительно на нормы морали и нравственности, однозначно ответить на вопрос о допустимости или недопустимости распространения правдивых сведений, затрагивающих честь и достоинство человека? Мы полагаем, что подобную информацию однозначно нельзя распространять, хотя с точки зрения правовых норм это не образует состава преступления.

Вопрос о преодолении противоречия между нормами морали и правовыми нормами является философским. Вместе с тем следует согласиться с мнением С.В. Тасакова, полагающим, что причины этих противоречий «заключаются в несовершенстве правовых норм либо их отставании от потребностей общественной жизни и т.д. Правовые нормы не должны отставать от реалий современной жизни, а также от норм общественной нравственности, которые быстрее правовых норм реагируют на изменение общественных отношений в обществе» [1].

Тем не менее в условиях жизни современного общества существующее информационное пространство способствует возникновению компьютерных преступлений, воздействующих на жизнь, здоровье, честь и достоинство личности. По мнению А.А. Турьшева, рассматривающего уголовно-правовые инструменты защиты информационного общества, «четкое определение компьютерных преступлений, их объема и соотношения с составами-сателлитами позволяет сочетать стабильное уголовное законодательство с необходимой гибкостью реагирования на вновь возникающие угрозы» [2].

Сфера информационных преступлений, оскорбление и клевета также имеют отношение к такому понятию, как fake-news. Мы согласны с позицией А.Д. Щербакова [3], который считает целесообразным установление в нашей стране уголовной ответственности за действия, связанные с распространением и созданием fake-news. Актуальность данной проблемы особенно остро встала в связи с распространением в мире короновиру-

са. Обществу пришлось столкнуться с распространением фейковой информации о масштабах зараженности коронавирусом COVID-19 в России с целью усиления панических настроений. Размещение недостоверных сведений в социальных сетях (YouTube, ВКонтакте, Instagram) и мессенджерах о количестве зараженных и погибших от инфекционного заболевания коронавирусом, действиях по установлению карантинных мероприятий оказывает отрицательное воздействие на жизнь граждан и общественную безопасность.

Таким образом, мы столкнулись с ситуацией, когда лицо, используя свое право на свободу слова и распространяя недостоверную информацию, наносит вред не только чести и достоинству конкретного человека, но и всему обществу в целом. В связи с этим вопросы установления уголовной ответственности за распространение fake-news является наиболее важными с позиции совершенствования уголовного законодательства.

Литература

1. Тасаков С.В. Нормы общественной нравственности и их роль в совершенствовании действующего уголовного законодательства // Рос. юстиция. 2017. № 12. С. 21–23.
2. Турышев А.А. Уголовно-правовые инструменты защиты информационного общества // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 10. С. 19–23.
3. Щербаков А.Д. Fake-news как объект уголовно-правовой регуляции: опыт Малайзии // Междунар. уголовное право и междунар. юстиция. 2018. № 4. С. 18–21.

СПОР С ТОКВИЛЕМ О ДЕМОКРАТИИ

Г.Б. Чинчикова, ст. преподаватель
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Анализируются проблемы развития демократии и гражданского общества дотационных субъектов Российской Федерации. Делается вывод о том, что нынешнее их состояние носит во многом декларированный характер и нуждается в политико-правовой терапии существующей системы гражданско-правовых ассоциаций. Подчеркивается, что они должны быть не только суверенными от местечкового произвола, но и императивными участниками процесса генерирования региональной власти на всех ее уровнях (в парламенте, правительстве, образовании и т.д.).

Ключевые слова: ассоциации, граждане, демократия, общество, право, регион, свобода.

DISPUTE WITH TOCQUEVILLE ABOUT DEMOCRACY

G.B. Chinchikova

Abstract. The article analyzes the problems of the development of democracy and civil society of subsidized constituent entities of the Russian Federation. It is concluded that their current state is largely declared in nature and needs political and legal therapy of the existing system of civil legal associations. It is emphasized that they should be not only sovereign from small-town arbitrariness, but also imperative participants in the process of generating regional authority at all its levels (in parliament, government, education, etc.).

Keywords: associations, citizens, democracy, society, law, region, freedom.

Сложно спорить с французом А. Токвилем – ученым отцом американской демократии – утверждавшим, что развитие государственных форм непременно приведет к демократии [7]. Возможно! Нам же близка иная мысль, а точнее, вывод русского философа Н.Н. Алексеева о том, что демократия «не дает человечеству хлеба» [1. С. 156]. И добавим: обладая несомненными достоинствами, она декларативна без правовой легитимации и опоры на гражданское общество. Однако этот дефект не отрицает необходимость «таких идейных конструкций, как свобода и справедливость» [2. С. 24]. И поэтому природа сущностной и формальной референции исследуемых дефиниций не может носить линейной интерпретации, а ее строгие компоненты всегда должны быть ассоциированы с конкретными историческими, социально-политическими и ментальными реалиями.

В спектре политических символов можно увидеть «трансляции новых ценностей, сущность нового социального порядка» [5. С. 80]. Это касается в основном отдельных дотационных регионов Российской Федерации (на сегодняшний день их остается 72), где наблюдается их местная модификация, которая является типичным симбиозом «демократии и авторитаризма» [3. С. 125], не обладающая демпфирующими свойствами, способными гасить различные возмущения. Отсюда и закономерный результат в отдельно взятых регионах: низкая капитализация территории и уровня жизни, текучка кадров и высокая мобильность трудоспособного населения [4]. И из этой конста-

тации следуют четыре резюме: 1) экономические законы работают при определенных условиях; 2) номенклатурный режим рано или поздно доводит до кризиса противоречие между трудом и капиталом; 3) дотационный статус региона выгоден, как правило, для местной власти и обуславливает ее мировоззрение; 4) условия развития отдельно взятых регионов гипотетически объясняют, но не освобождают региональную власть от профессиональной политики.

«О демографическом сжатии и старении населения, устойчивости регионального неравенства, сверхконцентрации налогов, доходов, населения и бюджета в Москве, сильном спаде и территориальной поляризации инвестиций, спаде доходов населения в подавляющем большинстве регионов, непрозрачной политике помощи регионам, не стимулирующей развитие, сильные институциональные барьеры развития крупных городов и агломераций» – такие вызовы для будущего России перечислила в конце прошлого года во время выступления в Совете Федерации профессор МГУ Наталья Зубаревич, один из ведущих российских экспертов по региональному развитию [8].

Источниками энергии любого субъекта государства являются экономические реформы, духовность [6. С. 380] и свобода альтернативной информации. Поэтому и важно в таких регионах преодолеть раскол на бедных и богатых, гипертрофию моральных изъянов культуры. Также очевидно, что местное телевидение в отдельно взятых регионах, в котором отсутствуют умные и смелые политические ток-шоу, аналитические политико-правовые программы, социально-политические дискуссии и т.п., нуждается в реформах.

Иными словами, демократия не рождается сама собой, как некая, согласно А. Токвилю, политическая фатальность. Она не возникает там, где люди не борются за свои права и свободы, где отсутствует критический анализ деятельности власти. Общество, из которого уезжают лучшие выпускники школ и вузов, объективно не может быть гражданским и демократическим, умным и богатым. Оно фатально обречено на дотационность: экономическую, социально-политическую и духовную! И в таком обществе граждане обречены на иждивенчество вместо достойной работы, на зависть вместо созидания, на благо-

склонность начальников вместо свободного труда. В дотационном обществе нет граждан, а есть подневольные люди, готовые поступаться своими правами и свободами ради привилегий и подачек, нищеты и бесправия.

Поэтому не демократия, а аксиологический и профессиональный кризис являются закономерным следствием духовного аморализма и экономического банкротства, препятствием для формирования и развития гражданско-правовых ассоциаций. И без демократической санации мировоззрения действующей власти и общества от инородных нравственных идеологий в пользу сакральных канонов, духовного покаяния и оздоровления, устранения отчужденности людей от результатов своего труда, изменения критериев кадровой политики и т.п. явно не обойтись. Необходимо покончить также и с таинством различных «выборов», назначений на руководящие должности, реанимировать классические каноны образования и воспитания, утвердить обязательные демократические институты ротации административного персонала на всех уровнях. Нужен и иной сценарий трудовых отношений, иные его алгоритмы и финальные цели, в том числе отказ от корпоративности и личной преданности в пользу ответственности и компетентности, купирования трудовой мобильности и утечки «мозгов» в города-агломераты. Ибо базисом любой демократии является культурно-образовательный капитал как противоядие от местечкового феодализма и условие существования оппозиции, институтов гражданского общества и свободной прессы. Необходимы открытые и доступные механизмы мотивации социальной активности граждан, оптимизации экспертной оценки действий власти, развития некоммерческих организаций в национальных республиках и т.п. Именно в развитии адекватного для умных людей, экономически стабильного и юридически качественного социального пространства и заключается одна из задач легитимной власти, эффективность ее политических действий. Ибо, если демократия большого государства складывается из демократии малых пространств, то малые пространства и должны быть ее истоком и началом развития гражданско-правовых ассоциаций. Необходимо понять, что причина несостоятельности различных демократических реформаций заключается не столь-

ко в конфирмации и консервации вассально-сюзеренных отношений провинциальной редакции, сколько в слабости гражданского общества, отсутствии свободы слова и независимости СМИ. Поэтому и необходима политико-правовая терапия механизма формирования существующей системы сдержек и противовесов, развитие гражданско-правовых объединений отдельных регионов. Гражданские институты должны быть не только свободными и суверенными от местечкового произвола, но и активными и императивными участниками процесса генерирования и функционирования региональной власти на всех ее уровнях (в парламенте, правительстве, образовании и т.д.).

Литература

1. Алексеев Н.Н. Теория государства: теоретическое государствоведение, государственное устройство, государственный идеал. Париж, 1931. С. 156–177.
2. Каликанов С.В. Демократия как реальность // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2018. № 3. Т. 2. С. 24.
3. Красин Ю.А. Российская демократия: коридор возможностей // Полис. 2004. № 6.
4. Например, Чувашия занимает 19-е место в списке дотационных субъектов Российской Федерации. В среднем из нее ежегодно уезжают 13,6% трудящихся в регионе. Только в 2018 году численность ее населения в результате миграции сократилась на 8 тысяч человек, а в 2019 – еще на 10 тысяч. И главные причины этого – ухудшение условий жизни людей и отсутствие перспектив ее улучшения // См.: Рос. газета. 2019. 17 апр.; Росстат. Официальный сайт gks.ru. 2020.
5. Сарайкина Д.Ю. Политический праздник как элемент политической культуры // Вестн. ТГУ. 2012. № 3(19). С. 80.
6. Соколова Р.И. Духовность как основа жизнеспособности государства // Россия: тенденции и перспективы развития. М., 2011. С. 380.
7. Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1992. 554 с.
8. Москва снова не Россия: деградация регионов – главный вызов 2020-х. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/01/13/moskva-snova-ne-rossiya-degradaciya-regionov-glavnyy-vyzov-2020-h> (дата обращения: 13.01.2020).

ЗАКОНОМЕРНОСТИ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В.Н. Чулахов, д-р юрид. наук, профессор
ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя», г. Москва

Аннотация. Рассматриваются закономерности образования у преступников преступного навыка при совершении ими серийных преступлений. Указываются пути формирования этого свойства при совершении повторяющихся однородных преступлений, и на основе этого делается вывод о том, что образование преступных навыков у преступника при совершении серийных преступлений носит объективный закономерный характер, что необходимо учитывать при раскрытии и расследовании данного вида преступлений.

Ключевые слова: серийные преступления, свойства преступника, преступный навык, закономерности механизма преступления.

MULTIPLE CRIMES (CRIMINALISTIC ASPECT)

V.N. Chulakhov

Abstract. Examines the regularities of the formation of criminal skill among criminals when they commit serial crimes. The ways of forming this property in the Commission of recurring homogeneous crimes are indicated, and on the basis of this it is concluded that the formation of criminal skills in the criminal in the Commission of serial crimes is an objective natural nature, which must be taken into account in the disclosure and investigation of this type of crime.

Keywords: serial crimes, criminal properties, criminal skill, regularities of the mechanism of crime.

Раскрытие и успешное расследование серийных преступлений напрямую зависит от правильного понимания механизма их совершения. Одной из особенностей таких преступлений является формирование у лиц, их совершающих, преступного навыка. Результат проявления преступного навыка во время преступления – это тоже след, по которому можно установить личность преступника. Но след особенный, интегральный, значительно отличающийся от традиционных следов. Это отображение в вещной обстановке происшествия комплекса взаимосвязанных выработанных действий преступника, объединенных единой преступной целью, который можно сравнить с комплексом особенностей движений человека при письме. Недаром

в следственной практике такой комплекс выработанных преступных действий нередко именуют «преступным почерком».

Следует отметить, что преступные навыки образуются и проявляются не по всем преступлениям. Они характерны для умышленных однородных повторяющихся преступлений, т.е. долго не раскрывающихся, что позволяет преступнику выработать и совершенствовать свой преступный навык. Такими преступлениями являются в основном кражи, мошенничества, грабежи, разбойные нападения, серийные убийства.

Успешное использование данных о преступных навыках при расследовании серийных преступлений возможно лишь на основе понимания закономерностей процесса их формирования [1. С. 201]. Образование данного свойства связано, в основном, с криминальной профессионализацией преступников и носит объективный закономерный характер. Преступники рассчитывают на совершение не одного, а нескольких преступлений, что во многом зависит от личного профессионализма. Наличие у преступника определенных преступных навыков гарантирует ему больший успех и снижает степень риска от разоблачения. В связи с этим лица, совершающие серийные преступления, заинтересованы в постоянном обучении и совершенствовании своих преступных навыков. Как показывает практика расследования, преступники приобретают преступные навыки в основном двумя путями:

1) в процессе непосредственного обучения под руководством опытных преступников-профессионалов в определенной среде;

2) в результате самостоятельного обучения, так называемого метода «проб и ошибок» – без помощи третьих лиц.

Первый путь носит управляемый характер, он предполагает постановку и решение конкретных задач – усвоение определенных преступных навыков и в определенной последовательности. При этом происходит целенаправленное формирование преступных навыков, которые необходимы для определенного вида преступления [2. С. 408].

При управляемом пути формирования преступных навыков преступниками используются различные формы и методы обучения, заимствованные из общей педагогики: объяснение, показ,

упражнения (тренировки), изучение соответствующей литературы (по правоведению, психологии, гипнологии, криминалистике и другим отраслям знаний), использование услуг консультантов и т.д. При этом в процессе преступной деятельности данные формы и методы обучения приспособляются и несколько видоизменяются. Например, появляются такие специфические (криминальные) формы обучения, как отработка преступных приемов на мнимом объекте с фиксацией ошибок на видеоаппаратуру, организация практических занятий в местах лишения свободы, участие в совершении преступлений в качестве обучающегося и др. Обучение преступным навыкам происходит под влиянием опытных организаторов преступлений, преступников-профессионалов. В качестве микросреды, в которой передаются и приобретаются преступные навыки, в основном выступают сообщество ранее судимых или совершающих преступления лиц, этнические группы, места лишения свободы.

Второй путь формирования преступных навыков носит стихийный характер и заключается в обучении методом «проб и ошибок». Этот путь более длителен, но не менее эффективен. Его психологической основой является подражание. Преступник сам использует приемы, пробует выполнить определенные действия, контролирует их результаты, лично анализирует уровень их действенности. Успешные движения, приемы и действия, оправдавшие себя, постепенно отбираются и закрепляются, неудачные и не оправдавшие себя – подавляются и отсеиваются.

Способ формирования преступных навыков методом «проб и ошибок» характерен для случаев, когда лицо самостоятельно разработало способ преступления или узнало о нем из различных источников (Интернет, публикации в прессе, теле- и радиопередачи и др.), которое затем стало применять.

Выяснение того, каким способом был сформирован преступный навык, имеет немаловажное криминалистическое значение. Навыки, образованные в результате самообучения, отличаются большим количеством индивидуальных особенностей, чем навыки, образованные в процессе организованного обучения под руководством кого-либо. В последнем случае преступные навыки вбирают в себя типичные признаки, свойственные,

например, той или иной «преступной школе» или перенятые у наставника.

Указанные два способа формирования преступных навыков относятся к форме сознательной, активной установки на образование преступного навыка. Но следует иметь в виду, что образование последнего может происходить независимо от волеизъявления преступника. В основе этого лежит такое присущее всем навыкам свойство, как универсальность, которое означает, что: а) навыки образуются в любом виде деятельности; б) навыки формируются в повторяющихся видах деятельности, даже независимо от желания и воли человека, что обусловлено приспособительной функцией организма.

Любая деятельность человека предполагает наличие большего или меньшего количества навыков. Процесс их выработки происходит в нашей жизни ежедневно, непрерывно и в значительной степени самостоятельно. Без автоматизации надлежащих (двигательных, сенсорных, умственных) компонентов деятельность становится безуспешной и невозможной: нельзя ни передвигаться, ни учиться, ни работать. И если бы наши действия от упражнения к упражнению не совершенствовались, а в процессе выработки навыка не сокращался расход нервной и мышечной энергии, то положение человека было бы удручающим. Любое действие требовало бы такого напряжения внимания, что деятельность человека свелась бы к набору наиболее примитивных операций и возможности ее расширения и совершенствования были бы исключены.

Формирование навыков происходит как бы с двух сторон – сознательной установки человека и бессознательной деятельности организма. Из сложных действий произвольно и сознательно вычлняются отдельные элементы, и отрабатывается их выполнение. Одновременно, уже без участия воли и сознания, идет процесс автоматизации, в ходе которого организм принимает на себя значительную часть работы [З. С. 362]. Следовательно, формирование навыков обусловлено приспособительной функцией организма к новой деятельности путем сокращения мышечных усилий и напряжения нервной системы, что является общей закономерностью функционирования человека. Другими словами, навык – процесс приспособления и соответствующего

изменения психофизиологических функций человеческого организма для наиболее эффективного выполнения конкретной работы, который обеспечивает рациональные способы выполнения движений, снижение энергетических затрат, изменение динамики утомления, рост работоспособности.

С учетом этого свойства навыков можно сделать следующий вывод. Человек обладает множеством разнообразных навыков в любом и каждом виде деятельности, осуществляемой им многократно. В этом отношении не составляют исключение и серийные преступления. Поэтому уже само повторное совершение однородного преступления предопределяет образование у преступника преступного навыка.

Таким образом, образование преступных навыков у преступника при совершении им серийных преступлений носит объективный закономерный характер. Понимание этой закономерности очень важно для раскрытия и расследования повторяющихся преступлений, так как в процессе своего формирования преступные навыки приобретают важные в криминалистическом отношении свойства: индивидуальность, относительную устойчивость, способность к отображению и склонность к повторному проявлению, которые позволяют использовать данные об этом свойстве преступника в розыскных, идентификационных, предупредительных и прогностических целях.

В связи с этим следует отметить следующее. Результаты анкетирования и интервьюирования сотрудников практических органов показывают, что подавляющее большинство из них не понимают целей и важности установления преступных навыков преступника в процессе раскрытия и расследования преступлений. Основной причиной этого, на наш взгляд, является отсутствие такой темы в учебной программе по криминалистике. Несмотря на то, что отдельные фундаментальные научные исследования в этом направлении проводятся, в учебной литературе они не находят отражения [4. С. 441]. Исключение составляют лишь некоторые учебники, в которых, например, в структуре механизма преступления отдельно выделяются навыки и привычки преступника, но без должного детального их рассмотрения. Нет в учебниках по криминалистике и раздела, посвященного изучению способа преступления и его закономерностей, хотя в довоен-

ных изданиях такой раздел был обязательным. По этой причине срабатывает формула «от незнания – к неиспользованию», что в частности отчетливо показывает практика недостаточно эффективного применения учета преступлений и лиц, подозреваемых, обвиняемых в их совершении, в выявлении, раскрытии и расследовании серийных преступлений.

Литература

1. Корнеева О.В., Ефимов А.В. Отдельные проблемы совершенствования уголовного законодательства России на современном этапе // Новеллы российского законодательства в контексте стратегии национальной безопасности: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2016. С. 200–204.

2. Кузьмин Ю.А., Максимов Н.В. Проблема истины при вероятностном выводе судебной экспертизы // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов 4-й Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2014. С. 406–409.

3. Максимов Н.В. О достоинствах и недостатках таблицы А. Бертильона для определения роста преступника по следу обуви // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. материалов XXI Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2016. С. 361–365.

4. Максимов Н.В., Маркелов А.Г., Саливаров В.Я. Некоторые проблемы соблюдения прав и законных интересов потерпевшего в компромиссных процедурах уголовного судопроизводства России // Трансформация социальных систем: проблемы и поиски путей решения: сб. науч. тр. по материалам всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Ковылкино, 2017. С. 440–442.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ОСУЖДЁННЫМИ, ОСВОБОЖДАЕМЫМИ ИЗ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПО ОТБЫТИИ СРОКА НАКАЗАНИЯ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В.Б. Шабанов, д-р юрид. наук, профессор
Белорусский государственный университет
г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. Изучаются теоретические, правовые и организационные основы современной практики подготовительного процесса осужденного к освобождению от отбывания наказания. Автор констатирует, что значительная роль в этом отводится начальнику отряда осужденных, социальному работнику, психологу и инспектору по бытовому и трудовому устройству. Резюмируется, что постпенитенциарная помощь невозможна без участия различных общественных организаций, объединений и фондов; в этой работе неопценную роль могут сыграть представители религиозных конфессий.

Ключевые слова: социальная работа, осуждённый, исправительное учреждение, отбытие наказания, адаптация, реабилитация

FEATURES OF SOCIAL WORK WITH THE CONVICTED PERSONS, RELEASED FROM CORRECTIONAL INSTITUTIONS AFTER SERVING THE TERM OF PUNISHMENT: THE LEGAL ASPECT

V.B. Shabanov

Abstract. The article examines the theoretical, legal and organizational bases of modern practice of the preparatory process of a convicted person for release from serving a sentence. The author states that a significant role in this is assigned to the head of the convict group, a social worker, a psychologist and an inspector of household and labor arrangements. It is summarized that post-penitentiary assistance is impossible without the participation of various public organizations, associations and foundations; representatives of religious faiths can play an invaluable role in this work.

Keywords: social work, convicted person, correctional institution, serving of sentence, adaptation, rehabilitation.

В условиях изменяющихся социально-экономических, политических отношений, реформирующегося законодательства человек, освобождающийся от наказания, особо нуждается в помощи со стороны персонала учреждения. Подготовка осужденных к освобождению заключается в разносторонней деятельности сотрудников исправительного учреждения, в частности, начальника отряда и социального работника.

Анализ действующего уголовно-исполнительного законодательства позволил прийти к выводу, что необходимость этапа подготовки лиц, содержащихся в учреждении, к освобождению определяется его основными целями и задачами. УИК РФ и УИК Республики Беларусь регулируют порядок исполнения наказания, применения средств исправления осужденных, охрану их прав, свобод и законных интересов, а также предусматривают законодательное решение вопроса оказания помощи в социальной адаптации.

Уголовно-исполнительное законодательство соответствует содержанию международных стандартов и содержит нормы, обеспечивающие улучшение бытового и социального обеспечения осужденных, поддержание их здоровья, а также помощь в адаптации после освобождения. По нашему мнению, органи-

зация социальной работы с осужденными обусловлена целями исправления и социальной адаптации освобожденных.

Считаем, что содержание социальной работы по подготовке осужденных к освобождению из учреждения по отбытии срока наказания составляют следующие элементы: реализация мероприятий, проводимых в исправительном учреждении посредством индивидуальной, групповой и массовой работы; реализация мер социальной адаптации, осуществляемых по предполагаемому осужденным месту жительства, с использованием возможностей взаимодействия с органами внутренних дел, местными органами самоуправления, центрами занятости населения, отделами социальной защиты и т.д.; взаимодействие с родственниками осужденного в целях содействия социальной адаптации осужденного и их подготовки к освобождению; сотрудничество с общественными организациями, объединениями, религиозными конфессиями и др.

Непосредственная подготовка осужденного к освобождению от наказания начинается не позднее чем за шесть месяцев до окончания срока наказания.

При проведении индивидуальной работы с осужденными начальником отряда и работником, отвечающим за бытовое и трудовое устройство, уделяется внимание таким моментам, как выяснение предполагаемого места жительства осужденного, работы (учебы), материальные возможности и потребности. Подтверждаются сведения о социально полезных связях осужденного, его отношениях с родными и близкими, коллегами по работе (учебе). В необходимых случаях организовывается дополнительная профессиональная подготовка осужденного, способствующая его трудоустройству после освобождения из учреждения.

Во время встреч работника, отвечающего за бытовое и трудовое устройство, с осужденным выясняется, нуждается ли осужденный в помощи; разъясняется необходимость возвращения в ту местность, где проживал до осуждения. С учетом информации о месте предполагаемого проживания решается вопрос о жилищном и бытовом устройстве. Осужденному предлагается составить письменное заявление об оказании ему помощи в бытовом и трудовом устройстве по предполагаемому месту жи-

тельства, на основании которого проводятся мероприятия по решению указанных вопросов. В дальнейшем осужденный ставится в известность о достигнутых результатах. Если предварительные меры к трудоустройству привели к положительным результатам, то при освобождении осужденному выдается письмо в службу занятости, организацию или на предприятие.

Индивидуально у каждого осужденного выясняется потребность вещевого обеспечения к моменту освобождения. При освобождении начальник отряда принимает меры к выдаче принадлежащих осужденному вещей и ценностей, средств, хранящихся на лицевом счете, личных документов и ценных бумаг, документов об освобождении. Если в период отбывания наказания он осуществлял трудовую деятельность – документов, подтверждающих трудовой стаж. Каждый освобождаемый на период следования к месту назначения обеспечивается продуктами питания [1] или деньгами на их приобретение, а также единовременным денежным пособием.

Уголовно-исполнительным законодательством закрепляется, что администрация учреждения, где осужденный отбывал наказание, по случаю освобождения обеспечивает его проездными билетами либо деньгами для оплаты проезда к месту жительства. Например, нормами УИК Республики Беларусь устанавливается, что лица, освобожденные от отбывания наказания, обеспечиваются бесплатным проездом к месту жительства или работы, а также продуктами питания или деньгами на дорогу по установленным нормам (ст. 193).

Отметим, что проведение индивидуальной работы с осужденными обеспечивает дифференцированный подход в решении вопросов ресоциализации, способствует определению степени подготовленности осужденного к выходу на свободу, а также указывает направления деятельности сотрудника, занимающегося непосредственно подготовительными мероприятиями.

Гл. 22 УИК РФ и гл. 26 УИК Республики Беларусь содержат нормы, предусматривающие оказание помощи освобождаемым осужденным. Подвергнув детальному рассмотрению содержание глав, мы заключили, что институт помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания, предполагает содействие в трудовом и бытовом устройстве, оказание материальной

помощи, право освобожденных на трудовое и бытовое устройство, а также контроль за лицами, освобожденными от отбывания наказания. Однако законодатель не включил отдельной нормы, раскрывающей содержание понятия «социальная помощь осужденным». Например, УИК Республики Таджикистан (ч. 2 ст. 211) содержит определение социальной помощи лицам, освобождаемым от отбывания наказания. Она выражается в содействии в трудовом и бытовом устройстве, оказании материальной поддержки, устранении последствий отбывания наказания, пенсионном обеспечении, помещении в медицинские учреждения, интернаты, дома престарелых, установлении попечительства.

Положительным моментом и некоторым гарантом социальной адаптации является то, что законодатель предусмотрел сроки, необходимые для взаимодействия с государственными органами.

Групповая работа с осужденными, готовящимися к освобождению, включает проведение занятий с освобождающимися в школе подготовки осужденных к освобождению. Организация деятельности школы во многом зависит от вида условий содержания осужденного в период отбывания им наказания. Как правило, школы действуют на основании привлечения к ее работе сотрудников всех служб и отделов, а также тематики и плана проводимых в школе занятий с осужденными.

Представителями каждого отдела, службы учреждения проводится индивидуальная и групповая работа с осужденными по разъяснению требований законодательства, комментируются нормативные положения социального, трудового, семейного, гражданского и иного обеспечения.

Для осужденных организуются встречи, проводятся тематические вечера, лекции, семинары сотрудниками органов внутренних дел, паспортно-визовых служб, специалистов служб социальной защиты населения, членами попечительского совета [3], представителями государственной службы занятости населения, общественными организациями и т.д.

Таким образом, проведение занятий в школе подготовки осужденных к освобождению при реализации различных психолого-педагогических средств, методов, приемов работы в группе

направлено на формирование готовности к перемене условий жизни, соблюдению требований закона, уважению прав и свобод других граждан, а также ориентированию на социальный и правопослушный образ жизни.

С первых дней пребывания осужденного в местах лишения свободы коллектив сотрудников проводит подготовку осужденных к освобождению. В этом направлении осуществляется работа с родными и близкими осужденного.

Помимо мероприятий, проводимых коллективом сотрудников на территории учреждений, персоналом осуществляется сотрудничество с иными участниками исправительного воздействия. Формы «внешнего» взаимодействия работников учреждений с представителями государственных органов весьма разнообразны и зависят от его целей, задач, значения деятельности государственных органов в процессе исполнения наказания.

Основными субъектами, с которыми учреждения сотрудничают в процессе своей многосторонней деятельности, являются органы государственной власти, общественные объединения и организации.

Одной из важнейших форм содействия, оказываемого учреждениям, является материальная и финансовая помощь.

Не менее важной формой взаимодействия является контроль органов государственной власти за деятельностью расположенных на их территориях учреждений и органов, исполняющих наказания. В ходе реализации данной функции осуществляется не только проверка деятельности учреждений, но и согласование важнейших стратегических документов, определяющих долгосрочную перспективу развития, совместное обеспечение правопорядка в местах дислокации учреждений и т.д.

Формы взаимодействия учреждений с органами внутренних дел наиболее разнообразны в связи с наличием общего объекта воздействия – осужденных, в отношении которых они проводят оперативные, розыскные и воспитательные мероприятия, осуществляют профилактическую работу. Традиционной формой сотрудничества является направление учреждениями информации о лицах, освобождаемых из мест лишения свободы.

Значительное место в деятельности исправительных учреждений занимает подготовка своевременной информации для

территориальных органов внутренних дел о предстоящем освобождении осужденных, их поведении в период отбывания наказания, намерениях и планах на будущее. Такая информация должна содержать полные данные о личности освобождаемого, судимости, основаниях освобождения, особых приметах, выдержки из характеристики психолога, сведения о поведении в период отбывания наказания, данные оперативных отделов о намерениях заниматься преступной деятельностью и о лицах, способных оказать влияние на последующий образ жизни освобождаемого, заключения медицинских работников о состоянии здоровья осужденного. Информация такого рода может послужить основанием для проведения органами внутренних дел комплекса мероприятий в целях обеспечения надзора за своевременным прибытием освобожденных к месту жительства, их бытовым и трудовым устройством, постановкой на контроль [5. С. 458].

Считаем, что со своей стороны органы внутренних дел могли бы извещать администрацию мест лишения свободы об освобожденном, его трудовом и бытовом устройстве и т.д. Это оказало бы неоценимую помощь сотрудникам учреждений в выявлении недостатков своей работы, в том числе в оказании помощи в социальной адаптации.

Основной смысл взаимодействия исправительных учреждений и религиозных конфессий заключается в проведении мероприятий религиозного характера в целях формирования уважительного отношения к человеку, обществу, светским традициям, переосмысления собственного образа жизни.

Огромную помощь учреждениям оказывают заведения и организации, работающие с лицами, отбывающими наказание и освобожденными, – социальные гостиницы, ночлежные дома, дома временного пребывания, реабилитационные центры, предоставляющие нуждающимся кров, питание, одежду, моральную поддержку и пр.

На этапе подготовки осужденного к освобождению начальником отряда выявляются осужденные, нуждающиеся в первоочередном решении вопроса бытового обеспечения.

Если у освобождаемого несовершеннолетнего осужденного нет родственников или близких, администрация направляет за-

прос в орган опеки и попечительства, подразделение по делам несовершеннолетних органа внутренних дел, комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав, по его прежнему месту жительства с просьбой решить вопрос устройства такого лица на работу (учебу) и обеспечения его жилой площадью [2; 4; 6].

В необходимых случаях несовершеннолетний осужденный после освобождения в установленном законодательством порядке может быть направлен в школу-интернат, другое учебно-воспитательное учреждение на государственное попечение либо передан органам опеки и попечительства.

Администрацией учреждения устанавливаются контакты с представителями подобных учреждений, берутся обязательства о содействии.

Не стоит забывать о лицах, освобождающихся из учреждений, испытывающих наркотическую, алкогольную зависимость. Например, в Вологде работает региональная общественная организация «Синий Крест» по защите лиц, зависимых от наркотиков, алкоголя и иных химических веществ.

Очевидно, что постпенитенциарная помощь невозможна без участия различных общественных организаций, объединений и фондов. В этой работе неопределимую роль могли бы сыграть и представители религиозных конфессий, которые весьма охотно идут на оказание моральной, психологической поддержки лицам, освободившимся из мест лишения свободы.

Административный надзор или его аналог должен быть закреплен законодательно. Например, в Республике Беларусь в отношении лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, установлен превентивный надзор, в Швейцарии – охранительный. Действие этого института оказывает ощутимую помощь лицам при устройстве на свободу, в частности при его размещении и нахождении работы. Заслуживает внимания Закон о преступлении (наказании) 1997 г. Великобритании, закрепляющий положение о надзоре после освобождения от наказания на условиях probation. Полагаем, опыт некоторых зарубежных государств в решении частных вопросов социального контроля за освобождаемыми от отбывания наказания может оказаться весьма полезным.

Таким образом, изучение теоретических, правовых и организационных основ современной практики подготовительного процесса осужденного к освобождению от отбывания наказания позволило выяснить, что значительная роль в этом отводится начальнику отряда осужденных, социальному работнику, психологу и инспектору по бытовому и трудовому устройству. Содержание социальной работы с лицами, освобождающимися от наказания, зависит от места проведения и задействованных участников. Его основными элементами являются: реализация мероприятий, проводимых в учреждении, с помощью проведения индивидуальной, групповой, массовой работы; реализация мер, направленных на социальную адаптацию по предполагаемому месту жительства путем взаимодействия с органами внутренних дел, центрами занятости населения, отделами социальной защиты и т.д.; работа с родными и близкими осужденного, сотрудничество с общественными организациями, объединениями, центрами социальной адаптации и реабилитации, религиозными конфессиями.

Литература

1. О введении в действие Особенной части Налогового кодекса Республики Беларусь, внесении изменений и дополнений в Общую часть Налогового кодекса Республики Беларусь и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Республики Беларусь и их отдельных положений по вопросам налогообложения: закон Респ. Беларусь, 29 дек. 2009 г. № 72-3 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр». Мн., 2009.
2. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Закон Республики Беларусь, 31 мая 2003 г. № 200-3 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр». Мн., 2009.
3. Об утверждении Примерного положения о попечительском совете при воспитательной колонии уголовно-исполнительной системы: Пост. Правительства Российской Федерации от 13 окт. 1997 г. № 1295 // КонсультантПлюс: Россия. Версия Проф. Технология 3000 [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр». М., 2009.
4. Полищук-Молодоженя Т.Р. Некоторые проблемы правового регулирования опеки и попечительства // Нотариус. 2007. № 1. С. 10–15.
5. Уголовно-исполнительное право: учебник / под ред. В.И. Селиверстова. М., 2007.
6. Шерстнева Н.С. Опека и попечительство как форма воспитания несовершеннолетних // Семейн. и жилищ. право. 2007. № 2. С. 13–17.

НОРМЫ НОВОГО ЗАКОНА О БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В БРАЗИЛИИ

Фернандо Сезар Коста Шавьер, д-р права, профессор
Государственный университет штата Рорайма
Федеральный университет Рорайма,
г. Боа Виста, Бразилия

Аннотация. Недавний бразильский законопроект о борьбе с преступностью появился в качестве предложения, объявленного новым национальным правым правительством, которое все еще защищалось в ходе избирательной кампании, которая могла бы модернизировать бразильскую систему уголовного правосудия. Нынешнее Министерство юстиции и общественной безопасности во главе с Сержиу Моро, бывшим судьей, ответственным за уголовное осуждение бывшего президента Лулы да Силвы, считает, что новое законодательство сможет улучшить механизмы противодействия преступности, ослабить преступные организации и избежать безнаказанности. В статье представлен политический контекст, в котором возникло предложение, а также основные проблемы, измененные новым бразильским уголовным законодательством. К сожалению, еще слишком рано оценивать их среднесрочную и долгосрочную эффективность.

Ключевые слова: закон о борьбе с преступностью в Бразилии, реформа уголовного законодательства, криминальная система.

THE RECENT BRAZILIAN ANTI-CRIME BILL

F.C.C. Xavier

Abstract. The recent Brazilian Anti-Crime Bill emerged as a proposal announced by the new national right-wing government, still defended in the electoral campaign, which could be able to modernize the Brazilian criminal justice system. The current Ministry of Justice and Public Security, headed by Sérgio Moro, the former judge responsible for the criminal conviction of former President Lula da Silva, believes that the new legislation will be able to improve mechanisms to confront crime, weakening criminal organizations and avoiding impunity. This article presents the political context in which the proposal originates, as well as the main issues modified by the new Brazilian criminal legislation. Unfortunately, it's still too early to assess their medium and long-term effectiveness.

Keywords: Brazilian Anti-Crime Bill, criminal legislation reform, criminal system.

Консервативные тенденции, которые заметно усилились в бразильском обществе, начиная с 2013 года, привели к победе на президентских выборах 2018 года правого политика, бывшего военного Жаира Болсонару. Предвыборная кампания Болсо-

нару во многом строилась вокруг темы борьбы с преступностью и коррупцией, которая, как он утверждал, разрослась в годы президентства его оппонентов из «Партии трудящихся» (ПТ) Лула да Силва и Дилмы Руссефф.

С первых дней своего правления нынешний президент стремился получить в Национальном конгрессе одобрение реформ уголовного законодательства, придав им более жесткий и более репрессивный характер [1. С. 26]. Для того чтобы вести переговоры с конгрессменами и проводить новую политику в области уголовного права, Болсонару расширил обязанности министра юстиции, добавив ему функции в области общественной безопасности, и назначил на этот пост бывшего федерального судью Сержиу Мору, который вел уголовное дело об отмывании денег и пассивной коррупции в отношении бывшего президента Лула да Силва.

Сторонники Лулы и ПТ, а также других «левых» политических групп активно критикуют решение суда о признании экс-президента виновным и обвиняют Мору в пристрастности и осуждении Лулы без достаточных доказательств. Звучат обвинения нынешнего министра в том, что он использовал право как оружие в политическом споре [2. С. 206]. Однако вышестоящие суды подтвердили приговор, даже повысили наказание. В настоящее время Лула на свободе, потому что Верховный суд Бразилии пересмотрел прецеденты и постановил, что обвиняемый может отбывать тюремное заключение только после того, как исчерпаны все возможности для оспаривания приговора. У экс-президента и лидера ПТ такие возможности все еще есть.

Деятельность по «делу Лулы» позволила Сержиу Мору получить авторитет среди антилевых слоев бразильского общества, которые видят в нем «героя» и «борца против могущественных преступников» [3. С. 206]. Поэтому Болсонару именно ему поручил убедить бразильских законодателей реформировать Уголовный кодекс и другие уголовные законы с целью введения более суровых наказаний и механизмов, считающихся более эффективными для борьбы с такими преступлениями, как *white-collar crime* (Беловоротничковая преступность). Проект реформы, который называется «Закон о борьбе с преступностью», мобилизовал поддержку избирателей и сторонников Болсонару

и Мору, в том числе интернет-инфлюенсеров и деятелей шоу-бизнеса, которые утверждали, что реформа позволит сократить преступность и безнаказанность. В действительности, проект не был полностью создан Сержиу Мору. Он воспользовался частью предыдущего проекта, представленного министром юстиции из правительства бывшего президента Мишеля Темера Александра де Мораэса (в настоящее время судья Верховного суда).

В конце января 2020 года Национальный конгресс после сильного давления со стороны общества и социальных сетей одобрил проект. Однако после нескольких месяцев дебатов в парламенте текст законопроекта претерпел много изменений. Согласно федеральной конституции Бразилии, президент должен после принятия закона Национальным конгрессом либо полностью одобрить его текст, либо наложить вето на его отдельные части. В случае Закона о борьбе с преступностью президент Болсонару, на которого также оказывали давление политические союзники, в итоге наложил 25 вето на отдельные пункты, но все же поддержал некоторые пункты, которые были добавлены конгрессменами, такие как предложение ввести «гарантийного судью».

Министр Сержиу Мору был против этого предложения, но Болсонару не наложил на него вето, и оно было одобрено. Сторонники правительства раскололись, и некоторые из них высказались в пользу Мору в социальных сетях, заявив, что президент допустил ошибку.

В Бразилии судья, который в ходе полицейского расследования преступления принимает решение об аресте подозреваемых, дает разрешение на прослушивание их телефонов или получение информации о банковских счетах, а также определяет любые другие необходимые судебные меры, участвует в качестве судьи и в ходе уголовного процесса, который может быть инициирован позднее, если прокуратора предъявит обвинения.

Норма «гарантийного судьи» предполагает, что появится должность судьи по уголовным делам, который будет заниматься исключительно судебным контролем на стадии расследования (предварительного производства). Он не сможет действовать в судебном или процессуальном порядке сам по себе. Идея

этой нормы состоит в том, что судья, сопровождающий расследование, часто утрачивает беспристрастность. Многие юристы напоминают, что модель гарантийного судьи, основанная на формуле «судья, который дает указания, не может судить», существует во многих странах Латинской Америки и Европы (например, в Чили, Колумбии, Мексике, Италии, Германии, Франции) [4. С. 13] Мору и другие не согласны с потерей беспристрастности следственного судьи и утверждают, что административной структуры для реализации предложения на всей территории Бразилии будет недостаточно. Есть небольшие города, в которых есть только один судья, и если он будет действовать в суде в ходе расследования, судебная власть будет по закону обязана и назначить другого судью во время уголовного процесса. В результате этих разногласий Верховный суд Бразилии решил отложить действие нового правила в Уголовно-процессуальном кодексе до тех пор, пока судебная власть не сможет обеспечить административное исполнение предложения, которое остается одной из самых противоречивых тем Закона о борьбе с преступностью.

Также в законе есть много других нововведений:

1. Реформа изменила максимальное время отбывания наказания в виде лишения свободы. Конституция Бразилии не допускает смертную казнь и пожизненное заключение. Максимальный срок заключения осужденного составлял 30 лет, а по новому закону стал 40 лет (даже если человек приговорен к лишению свободы на больший срок).

2. Были расширены пределы необходимой самообороны [5. С. 61]. Действия агентов общественной безопасности против преступников, удерживающих заложников, теперь могут быть отнесены к необходимой самообороне.

3. Лица, осужденные судом присяжных, будут сразу направляться в тюрьму. В Бразилии суд присяжных используется только в уголовных делах и исключительно по преступлениям, которые нарушают или угрожают жизни жертв. Общее правило таково, что осужденный может быть отправлен в тюрьму только после того, как пройдут все возможные апелляции, но случай осуждения в суде присяжных будет исключением из этого правила.

4. Возможности смягчения наказания были ужесточены. Для повторных правонарушителей или лиц, осужденных за серьезные преступления, теперь необходимо отбывать не менее 70% срока наказания, чтобы получить возможность покидать тюрьму в дневное время для выхода на работу.

5. Возможности для условно-досрочного освобождения также были ограничены. Теперь для этого заключенный должен вести себя хорошо как минимум год.

6. Сделка со следствием (*Turn state's evidence*) теперь регулируется законом. Она должна быть конфиденциальна, обвиняемый должен заключать сделку в присутствии адвоката, а судья может отклонить рассмотрение показаний, полученных в обмен на обещание смягчения наказания [6. С. 276]. Этот пункт особенно важен, так как многие юристы утверждают, что в последние годы имело место злоупотребление использованием сделок со следствием. Таким путем следствие часто получало доказательства против влиятельных политиков и бизнесменов. По новым правилам обвиняемые, заключившие сделку со следствием, будут последними предоставлять свои аргументы защиты в уголовном процессе.

7. В Бразилии, чтобы облегчить процесс социализации осужденных в особом режиме частичного (полукрытого) лишения свободы, закон разрешал выходить им из тюрем в праздничные дни (День отца, День матери, Рождество и т.д.). Заключенный мог провести ночь с семьей, но должен был вернуться на следующий день. Многие не возвращаются и становятся беглецами. Новые правила запрещают такие временные выходы для людей, осужденных за серьезные преступления, повлекшие смерть жертвы, даже если они отбывают наказание в режиме частичного лишения свободы.

8. За последнее десятилетие преступные организации (так называемые «группировки») значительно расширили свое влияние, став чрезвычайно опасными. Чтобы защитить судей, которые рассматривают уголовные дела против таких группировок, реформа сформирует коллегии судей («коллективное решение»), которые разделят обязанности и риски, связанные с участием в делах, связанных с организованной преступностью.

9. В Бразилии некоторые тюрьмы строгого режима, требующие больших инвестиций, находятся в ведении федеральных властей (хотя пенитенциарная система в основном управляется властями штатов). Судебные решения по заявлениям, поданным заключенными федеральных тюрем (которые считаются более опасными), включая запросы о передаче их из тюрьмы штата в федеральную тюрьму, также будут приниматься коллегиальным судебным органом.

10. Ограничения по уголовным делам, такие как срок, длительность процесса, в который государство имеет право наказывать виновных в преступлениях (*jus puniendi*), всегда были очень распространены в делах с участием влиятельных граждан. Они нанимали квалифицированных юристов и использовали различные правовые механизмы, чтобы судебная система могла проводить долгие годы, анализируя каждое дело, до тех пор, пока не истечет срок давности и обвиняемые не будут освобождены от возможности наказания. Исчезновение возможности наказания породило атмосферу безнаказанности и ощущение, что для того, чтобы избежать наказания, необходимы деньги и хорошие адвокаты. Но теперь с новым законодательством подсчет времени будет останавливаться, если будет какая-либо апелляция в федеральные суды, так что в процедурном плане больше не выгодно подавать бесконечные апелляции.

11. Введены правила для так называемой «цепочки сбора доказательств». Они касаются того, каким образом следует собирать улики и доказательства преступлений, регистрируя данные экспертов и специалистов, которые последовательно обрабатывали материалы и следы, оставленные на месте преступления. Это сделано для предотвращения мошенничества при обработке доказательств, удалении доказательств и т.д.

12. Увеличился срок пребывания опасных заключенных в федеральных тюрьмах. В Бразилии администрация тюрем является в первую очередь обязанностью штатов. Немногие тюрьмы находятся в ведении федерального правительства и предназначены для особо опасных преступников. Заключенные содержались в таких тюрьмах на основе ротации. Раньше срок пребывания каждого заключенного составлял 360 дней, но теперь этот срок был продлен до трех лет и может быть продлен

на больший срок. Кроме того, штаты и федеральный округ могут построить тюрьмы с максимальным уровнем безопасности или адаптировать существующие тюрьмы под эти требования.

13. Опасные заключенные, которые провоцируют беспорядки в тюрьме или координируют оттуда преступления, могут быть подвергнуты более жесткой модели предварительного заключения при отбывании наказания – так называемый дифференцированный дисциплинарный режим, который ограничивает право на прогулки, свидания и предполагает содержание в одиночной камере. Этот режим теперь имеет новые правила, например, время, в течение которого заключенный может находиться под действием таких правил, – до двух лет (сейчас не более 360 дней), свидания могут предоставляться каждые 15 дней (сейчас каждую неделю), а также письма, которые получают такие заключенные, могут быть проверены.

14. Наконец, можно привести и другие весьма новаторские меры для системы уголовного правосудия Бразилии:

– создание Национального банка баллистических профилей для регистрации огнестрельного оружия и пуль, а также баз данных об огнестрельном оружии и боеприпасах, которые используются сотрудниками служб безопасности для выявления факта принадлежности оружия и боеприпасов, причинивших смерть гражданам в ходе перестрелок с участием сотрудников полиции. Также планируется создание базы мультибиометрических данных (отпечатки пальцев, радужная оболочка глаз, голос, тип лица) для идентификации подозреваемых на всей территории страны;

– регулирование работы с осведомителями (в Бразилии их называют «информатор добра») [7. С. 276]. Появятся специальные учреждения, в которых любой гражданин сможет безопасно и защищенно сообщать о преступлениях властям;

– соглашения об избежании уголовного преследования (вариант *plea bargain*) [8. С. 319], позволяющее прокурорам в различных судебных органах (включая высокие суды) иметь возможность ведения переговоров, убеждая обвиняемых сотрудничать с властями в обмен на преимущества;

– использование активов, изъятых у преступных корпораций (таких как транспортные средства и самолеты), органами

государственной безопасности и возврат произведений искусства, использованных для отмывания денег, в государственные музеи.

Хотя новый закон считается важным нормативным документом для модернизации бразильского уголовного законодательства, еще слишком рано говорить о том, будет ли он оказывать ожидаемое институциональное воздействие на бразильское общество. Однако уже можно сказать, что политико-электоральное будущее нынешнего бразильского правительства в огромной степени зависит от успешности применения этого закона для снижения уровня преступности в Бразилии.

Литература

1. Fabretti H.B.; Vellozo, J.C. de O. Uma análise crítica sobre a lei anticrime do Ministério da Justiça. // Revista de Direito de Viçosa. 2019. Vol. 11, № 1. С. 25–60.

2. Andrade M.S.P. Lula e Lawfare política: o caso do processo penal com dupla velocidade. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/pdf/j.ctvn96fnp.28.pdf>.

3. Prado Jr. T.; Cardoso M.; Iacomini Jr. F. A construção de um herói no imaginário brasileiro: Sérgio Moro nas mídias digitais. // ECCOM. 2018. V. 9, № 17. С. 297–308.

4. Gimenes A.M. A função do juiz das garantias no Projeto de Lei 8.045/2010 frente aos semelhantes institutos previstos na lei italiana e chilena. // Revista Jurídica da UniFil. 2019. Vol. 15, № 15. С. 13–24.

5. Miranda J.G.; Castro e Costa N.A.D. Legítima defesa e proporcionalidade: aspectos controvertidos no projeto de Lei n. 882/2019. // Revista CEJ, № 23 (77) [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://revistacej.cjf.jus.br/revcej/article/view/2484>.

6. Ramos S.E.B.; Back C.M. As soluções negociadas e o processo penal brasileiro // Revista Húmus. 2019. Vol. 9, № 27. С. 194–213.

7. Minahim M.A.; Spínola L.M.C. O whistleblowing como meio de obtenção de prova no direito processual penal brasileiro // Revista Eletrônica de Direito Processual. 2020. Vol. 21, № 1. 2020. С. 275–293.

8. Lopes Jr. A.; Paczuk V. O plea bargain no projeto «Anticrime»: Remédio ou veneno? // Revista Duc In Altum Cadernos de Direito. 2019. Vol. 11, № 23. С. 319–356.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.Н. Шармоянц, канд. юрид. наук, доцент

Н.Д. Ларина, студентка

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Таврическая академия, г. Симферополь

Аннотация. Рассматриваются актуальные проблемы, тормозящие развитие гражданского общества в Российской Федерации. Изложены основные подходы известных представителей научного сообщества к понятию гражданского общества, особенностям его функционирования. По итогам исследования анализируется состояние гражданского общества в Российской Федерации и рассматриваются варианты повышения его эффективности.

Ключевые слова: гражданское общество, сотрудничество, единство, поправки в Конституцию.

ACTUAL PROBLEMS OF CIVIL SOCIETY DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

A.N. Sharmoyants, N.D. Larina

Abstract. Analyzes the current problems inhibiting the development of civil society in the Russian Federation. The basic approaches of well-known representatives of the scientific community to the concept of civil society, the features of its functioning are considered. According to the results of the study, the state of civil society in the Russian Federation is analyzing and options for increasing its effectiveness are considering.

Keywords: civil society, cooperation, unity, constitutional amendments.

Концепция гражданского общества в мире и в Российской Федерации представляется довольно противоречивой и требующей определенного изучения, поскольку, как уже не раз отмечалось, гражданское общество играет важную роль в любом современном демократическом государстве и создает необходимые предпосылки к построению и совершенствованию правового государства. В отношении данного явления существует множество различных точек зрения, которые характеризуют его с положительной стороны, а также выделяют определенные риски и недостатки для общества и государства.

Цель работы состоит в анализе особенностей функционирования гражданского общества в России как важного элемента

построения правового государства, выявлении существующих проблем, тормозящих развитие гражданского общества, и путей их преодоления.

Рассматривая понятие и основные признаки «гражданского общества», ученые, изучавшие данное явление (О. Энкарнасон, Б.Н. Чичерин, Гегель), сходились во мнении, что «гражданское общество – это совокупность частных отношений между людьми, управляемых гражданским или частным правом и существующих в состоянии некоторой автономности от государства, но неразрывной связи с ним». Среди ключевых признаков гражданского общества необходимо отметить экономическую свободу, демократичность и легитимность власти в государстве, разделение ветвей власти, политический и идеологический плюрализм, взаимная ответственность государства и граждан [3].

Становление идеи гражданского общества в России относится к последнему периоду существования советского государства – концу 80-х, началу 90-х годов XX века. В связи с тем, что необходимая законодательная и финансовая база для её существования находилась только на стадии разработки, гражданское общество в России на тот период не смогло получить должного развития в практической сфере и находилось длительное время в зачаточной стадии своего становления.

Поскольку развитие гражданского общества в определенной мере зависит от государственного развития, важным условием для его устойчивого существования является наличие качественной, современной и демократической законодательной базы. В связи с этим правовой фундамент становления гражданского общества в Российской Федерации был заложен в принятой в 1993 году Конституции.

Ст. 1 Конституции закрепляет, что «Российская Федерация является демократическим правовым государством» [1]. Гражданское общество и правовое государство являются взаимозависимыми и способствуют поддержанию друг друга, сохранению должного равновесия между государством и обществом.

Согласно одной из точек зрения, проблема действующей Конституции, а соответственно и гражданского общества заключается в том, что большинство основополагающих принципов, отраженных в Конституции, носят только формальный ха-

ракти, редко находящий воплощение в реальной жизни. Это является следствием или, возможно, причиной проблем развития гражданского общества – нигилистического восприятия российским обществом современного законодательства, в том числе это касается и Основного закона государства [4].

Одной из причин нигилистического отношения в обществе к законодательству можно считать события, происшедшие с начала 1990-х до 2000-х годов в Российской Федерации. Указанный период характеризуется резким падением экономического и социального уровней жизни населения, разгулом криминала и коррупции, а также пренебрежением основными правами и свободами человека и гражданина. Таким образом, под влиянием перечисленных тенденций уровень правовой культуры населения значительно упал и, как следствие, повысился правовой нигилизм. Даже в настоящее время, спустя многие годы, прошедшие с тех сложных времен для общества и государства, в обществе все ещё можно встретить проявления неверия в силу законодательства. Влияние нигилистического восприятия проявляется в том, что население, ссылаясь на своё неверие в силу права, проявляет пассивность, безразличие по отношению к деятельности государства и общественной жизни страны, тем самым ограничивая потенциал гражданского общества и перспективность его дальнейшего развития [4].

Другая проблема, как отмечает О.А. Косорукова, ограничивающая развитие гражданского общества, происходит из менталитета населения Российской Федерации и выражается в коррумпированном взаимодействии организаций и людей, являющихся представителями гражданского общества, с органами государственной власти [4]. Сущность данной проблемы заключается в том, что возникает противоречие основному смыслу существования в стране гражданского общества, а именно тому, что предназначение анализируемого феномена состоит в удовлетворении общих интересов народа государства.

Коррумпированность взаимодействий с государством в итоге находит своё отражение не в истинном предназначении гражданского общества, а в удовлетворении корыстных интересов отдельных лиц и организаций, получении прибыли незаконным путем с помощью элементов гражданского общества [3]. Таким

образом, это не только нарушает принцип общности в удовлетворении интересов, но и установки действующей Конституции и иных законодательных актов меньшей юридической силы.

Необходимо отметить и положительные тенденции в развитии гражданского общества в Российской Федерации. Так, после инициативы Президента по внесению изменений в Конституцию простые люди, политические партии и движения, представители различных групп нашего общества в целом активно и с энтузиазмом включились в эту деятельность и в кратчайшие сроки на различных площадках взаимодействия государства и гражданского общества было сформулировано и внесено около четырехсот поправок в соответствующий законопроект [2].

Подводя итоги, необходимо отметить, что, несмотря на сопровождавшие наше государство на ранних этапах развития гражданского общества проблемы и трудности (формальный характер законодательной базы, нигилистические настроения и коррумпированность взаимодействия представителей гражданского общества с органами государственной власти), все же гражданское общество в стране развивается. Активная реакция на предложение Президента указывает на преодоление последствий сложных 1990-х и восстановление доверительных отношений народа и государства, на желание и способность граждан через институты гражданского общества принимать активное участие в обустройстве и совершенствовании нашего государства. В то же время у государства имеются и работают необходимые механизмы по сотрудничеству с гражданами через институты гражданского общества. Безусловно, эти позитивные тенденции необходимо поддерживать и развивать через совершенствование законодательства и преподнесение его населению как реально действующего, перспективного и демократического. Таким образом, расширять доверительные отношения общества и государства; ужесточать наказания за коррупцию с учетом негативных последствий, которые она создает в сфере гражданского общества. Кроме того, необходимо сохранять и развивать тенденции в обществе к сплоченности и общности на уровне нации, поскольку только таким образом гражданское общество сможет функционировать как единая система, а не как аппарат удовлетворения индивидуальных корыстных интересов.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Официальный сайт Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/news/47985/> (дата обращения: 06.03.2020).

3. Абражеева Д.В., Музыкин А.А. Гражданское общество современной России // Актуальные проблемы права: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2017 г.). М., 2017. С. 1–4.

4. Косорукова О.А. Существует ли гражданское общество в России? // Соц.-полит. науки. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschestvuet-li-grazhdanskoe-obschestvo-v-rossii/viewer> (дата обращения: 06.03.2020).

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В УЗБЕКИСТАНЕ

Ш.Ш. Шаякубов, канд. ист. наук, ст. преподаватель
Ташкентский государственный юридический университет,
г. Ташкент

Аннотация. Рассмотрено текущее состояние нормативно-правового регулирования организации и осуществления общественного контроля над деятельностью государственных органов в Республике Узбекистан.

Ключевые слова: гражданское общество, нормативно-правовой документ, негосударственная некоммерческая организация, общественный контроль, общественный совет.

LEGAL ASPECTS OF REGULATION OF PERFORMANCE OF PUBLIC CONTROL IN UZBEKISTAN

Sh.Sh. Shayakubov

Abstract. Discusses the current state of legal regulation of the organization and implementation of public control over the activities of state bodies in the Republic of Uzbekistan.

Keywords: civil society, regulatory document, non-governmental non-profit organization, public control, public council.

Осуществление общественного контроля над деятельностью государственных органов является конституционно закрепленным политическим правом граждан Республики Узбекистан.

Это право определяется как одна из форм участия граждан «в управлении делами общества и государства как непосредственно, так и через своих представителей» [1. Ст. 32, ч. 1]. При этом Конституция предусматривает, что «порядок осуществления общественного контроля над деятельностью государственных органов определяется законом» [1. Ст. 32, ч. 2].

Соответствующие нормы были введены в Конституцию Республики Узбекистан в апреле 2014 года. В апреле 2018 года был принят Закон Республики Узбекистан «Об общественном контроле», определивший основные принципы общественного контроля и формы его осуществления.

Закон Республики Узбекистан «Об общественном контроле» является не единственным законодательным актом, регулирующим вопросы, касающиеся организации и осуществления общественного контроля над деятельностью государственных органов.

Так, в соответствии с Законом Республики Узбекистан «Об органах самоуправления граждан» сходы граждан наделены такими контрольными полномочиями, как «заслушивание органами самоуправления граждан отчетов и информации должностных лиц государственных органов».

С осуществлением общественного контроля непосредственно связано законодательное регулирование отношений в области открытости деятельности органов государственной власти и управления. В частности, одной из форм общественного контроля является участие субъектов общественного контроля «на открытых коллегиальных заседаниях государственных органов» [2. Ст. 6, ч. 1, 2-й абзац].

Одновременно Закон «Об открытости деятельности органов государственной власти и управления» [3. Ст. 11, ч. 1, 5-й абзац] определяет «создание условий для присутствия пользователей информации на открытых коллегиальных заседаниях органов государственной власти и управления» как один из способов обеспечения открытости деятельности государственных органов. Этот же Закон [3. Глава 3, ст. 18–20] определяет порядок рассмотрения запроса на получение информации о деятельности органов государственной власти и управления, который непосредственно связан с осуществлением такой формы обществен-

ного контроля, как «обращения и запросы в государственные органы» [2. Ст. 6, ч. 1, 1-й абзац].

Законом Республики Узбекистан «Об Уполномоченном Олий Мажлиса по правам человека (омбудсмане)» [4. Ст. 20⁶] определен порядок взаимодействия Уполномоченного с институтами гражданского общества «в разработке и реализации программ социально-экономического развития страны, в том числе отраслевых и территориальных программ, а также нормативно-правовых актов и иных решений в области прав и свобод человека», что является одним из объектов общественного контроля [2. Ст. 4, ч. 1, 2-й абзац].

В Законе Республики Узбекистан «Об экологическом контроле» [5. Ст. 8, 15–18, 20–22] подробно раскрыты формы и методы общественного экологического контроля, права и обязанности его субъектов, четко определены соответствующие процессуальные механизмы.

Общественный контроль как одна из важных форм контроля за деятельностью государственных органов и соблюдением законодательства в соответствующих сферах предусмотрен также законами Республики Узбекистан «О защите прав потребителей» [6. Ст. 30], «О профессиональных союзах, правах и гарантиях их деятельности» [7. Ст. 8, ч. 3], «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [8. Ст. 14], «Об охране природы» [9. Ст. 12, 13] и другими актами законодательства.

Вместе с тем, как показала проведенная инвентаризация, в законодательном регулировании осуществления общественного контроля имеет место ряд следующих недостатков и пробелов:

– взаимная несогласованность ряда смежных актов законодательства. Так, Законом «Об органах самоуправления граждан» установлено, что сход граждан «ежеквартально заслушивает отчеты руководителей районных, городских и областных хокимиятов по вопросам, входящим в сферу деятельности органов самоуправления» [10. Ст. 10, ч. 2, 11-й абзац]. В то же время Закон «О государственной власти на местах» встречной обязанности должностных лиц хокимиятов отчитываться перед сходами граждан не устанавливает.

Также Закон «Об общественном контроле» определяет в числе субъектов общественного контроля средства массовой

информации [2. Ст. 3, ч. 1]. Однако Законом «О средствах массовой информации» права и полномочия СМИ в сфере общественного контроля не определены;

– за исключением законодательства об экологическом контроле, защите прав потребителей и деятельности Уполномоченного Олий Мажлиса по правам человека (омбудсмана) в действующих законах отсутствуют процессуальные механизмы осуществления соответствующих контрольных мероприятий.

Законом «Об общественном контроле» [2. Ст. 8, ч. 1] определено, что «субъекты общественного контроля имеют право участвовать на открытых коллегиальных заседаниях государственных органов в порядке, установленном законодательством». Однако, например, в законах «О Регламенте Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан» и «О Регламенте Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан» отсутствуют нормы, определяющие порядок субъектов общественного контроля на открытых заседаниях палат парламента;

– как в Законе «Об общественном контроле», так и в других законодательных актах, касающихся организации общественного контроля, многие статьи содержат отсылочные нормы, не раскрываемые в смежных актах законодательства. Так, Закон «Об общественном контроле» [2. Ст. 11, 12], определяя такие формы контроля, как общественный мониторинг и общественная экспертиза, указывает, что они осуществляются в порядке и случаях, предусмотренных законодательством. Однако процессуальные механизмы осуществления указанных форм общественного контроля не определены ни одним другим актом законодательства.

Аналогично не раскрываются в других законодательных актах механизмы осуществления общественного контроля в сферах регулирования законов «Об особо охраняемых природных территориях», «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», «Об охране природы», «О воде и водопользовании», «Об охране атмосферного воздуха», «О ветеринарии», хотя соответствующие отсылочные нормы на «порядок, установленный действующим законодательством», в перечисленных законах имеются;

– Конституция Республики Узбекистан [1. Ст. 32, ч. 1] определяет, что право граждан на участие в управлении делами

общества и государства осуществляется гражданами как непосредственно, так и через своих представителей.

Однако порядок и процессуальные механизмы взаимодействия граждан и институтов гражданского общества с представительными органами власти при осуществлении общественного контроля в действующем законодательстве не определены;

– требует совершенствования правовое регулирование и правоприменительная практика в отношении таких форм общественного контроля, как проведение общественного обсуждения, общественных слушаний, общественной экспертизы и других форм предварительной оценки воздействия по проектам законодательных актов.

Соответствующие законодательные нормы, определенные Законами Республики Узбекистан «Об общественном контроле», «О всенародном обсуждении проектов законов», «О нормативно-правовых актах», «О порядке подготовки проектов законов и их внесения в Законодательную палату Олий Мажлиса Республики Узбекистан» и других актах законодательства, являются разрозненными, в законодательстве отсутствуют процессуальные механизмы их практической реализации. Существенным пробелом является отсутствие законодательно установленных норм, регулирующих такие формы предварительной оценки нормативно-правовых документов, как организация их обсуждения на специальных площадках в сети «Интернет» и проведение правового эксперимента;

– еще одним фактором, снижающим эффективность осуществления общественного контроля, является недостаточный уровень правовых знаний у субъектов общественного контроля и отсутствие у многих из них профессиональных навыков его осуществления.

Исходя из вышеперечисленного, представляется целесообразным рассмотреть вопрос о проведении инвентаризации и унификации действующего законодательства об общественном контроле, предусмотрев:

– систематизацию законодательства, регулирующего осуществление общественного контроля, дополнение его, включая Закон «Об общественном контроле», соответствующими процессуальными механизмами;

– проведение ревизии отсылочных норм в действующем законодательстве, регулирующем деятельность негосударственных некоммерческих организаций и других институтов гражданского общества, в том числе выявление и прекращение действия «пустых» ссылок и параллельно действующих взаимно противоречивых норм;

– разработку правовых основ осуществления такой формы общественного контроля, как общественная правозащитная деятельность (в том числе деятельность самоинициативных правозащитных ННО);

– разработку норм, регулирующих диалог государства с народом, в целях стимулирования граждан к диалогу с государством путем внесения конструктивных предложений о решении тех или иных актуальных задач (в том числе через порталы «Менинг фикрим» («Мое мнение») и СОВАЗ (система оценки воздействия актов законодательства), мониторинг которых указывает на низкий уровень участия граждан в обсуждении проектов нормативно-правовых актов и внесении предложений в адрес государственных органов);

– разработку и внесение проекта Закона Республики Узбекистан «Об оценке воздействия нормативно-правовых актов»;

– изучение и обобщение имеющего позитивного опыта осуществления общественного контроля в сфере защиты прав потребителей и деятельности Уполномоченного Олий Мажлиса по правам человека, разработка на его основе рекомендаций по совершенствованию правоприменительной практики в других сферах общественного контроля;

– проведение выборочного мониторинга выполнения Постановления Президента Республики Узбекистан от 8 августа 2017 года № ПП-3182 «О первоочередных мерах по обеспечению ускоренного социально-экономического развития регионов» в части выполнения поставленной в данном документе (п. 9, ч. 2, абзац 2) задачи повышения открытости и объективности мониторинга выполнения программ социально-экономического развития регионов путем привлечения к его проведению представителей институтов гражданского общества, деловых кругов и средств массовой информации. На его основе разработку предложения о совершенствовании правового регулиро-

вания данной формы общественного контроля и соответствующей правоприменительной практики;

– организацию серии региональных семинаров-тренингов для субъектов общественного контроля на темы «Общественный контроль как важный инструмент обеспечения законности и учета общественных интересов в деятельности государственных органов» и «Общественный совет – современная платформа, служащая связующим мостом между общественностью и государственными органами».

Литература

1. Конституция Республики Узбекистан. Ташкент, 2018.
2. Об общественном контроле: Закон Республики Узбекистан № ЗРУ-474 от 12 апреля 2018 года // Нац. база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: Lex.uz (дата обращения: 10.12.2019).
3. Об открытости деятельности органов государственной власти и управления: Закон Республики Узбекистан № ЗРУ-369 от 5 мая 2014 года // Нац. база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: Lex.uz (дата обращения: 10.12.2019).
4. Об Уполномоченном Олий Мажлиса по правам человека (омбудсмане): Закон Республики Узбекистан № 669-II от 27 августа 2004 года // Нац. база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: Lex.uz (дата обращения: 10.12.2019).
5. Об экологическом контроле: Закон Республики Узбекистан № ЗРУ-363 от 27 декабря 2013 года // Нац. база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: Lex.uz (дата обращения: 10.12.2019).
6. О защите прав потребителей: Закон Республики Узбекистан № 221-I от 26 апреля 1996 года // Нац. база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: Lex.uz (дата обращения: 10.12.2019).
7. О профессиональных союзах, правах и гарантиях их деятельности: Закон Республики Узбекистан № 638-XII от 2 июля 1997 года // Нац. база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: Lex.uz (дата обращения: 10.12.2019).
8. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: Закон Республики Узбекистан № ЗРУ-393 от 26 августа 2015 года // Нац. база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: Lex.uz (дата обращения: 10.12.2019).
9. Об охране природы: Закон Республики Узбекистан № 754-XII от 9 декабря 1992 года // Нац. база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: Lex.uz (дата обращения: 10.12.2019).
10. Об органах самоуправления граждан: Закон Республики Узбекистан №759-I от 14 апреля 1999 года // Нац. база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: Lex.uz (дата обращения: 10.12.2019).

ВЛИЯНИЕ НОРМ МОРАЛИ НА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ

А.В. Шеслер, д-р юрид. наук, профессор
ФКОУ ВО «Кузбасский институт Федеральной службы
исполнения наказаний», г. Новокузнецк

С.С. Шеслер, канд. юрид. наук
ФГБОУ ВО «Томский государственный университет
систем управления и радиоэлектроники», г. Томск

Аннотация. Рассматривается влияние норм морали на уголовное право, прежде всего на законодательные подходы к определению сущности преступления и наказания. На примере положений Ветхого и Нового заветов авторы отмечают, что нормы морали на много веков определили круг деяний, которые характеризуются как преступления в уголовном законе, а также возмездную модель наказания за преступления в законодательстве сначала в виде неограниченной мести, затем в виде талиона и, наконец, в виде композиции талиона. Делается вывод о том, что единственным источником уголовного права в строго формально-юридическом смысле слова является уголовный закон. Нормы морали являются духовно-нравственным источником уголовного права, положения Ветхого и Нового заветов – его метафизическим источником.

Ключевые слова: нормы морали, Ветхий Завет, Новый Завет, уголовное право, преступление, наказание, месть, талион, композиция талиона.

INFLUENCE OF THE NORMS OF MORALITY ON THE CRIMINAL LAW APPROACH TO DEFINITION OF CRIME AND PUNISHMENT

A.V. Shesler, S.S. Shesler

Abstract. Considers the influence of moral standards on criminal law, primarily on legislative approaches to determining the nature of crime and punishment. On the example of the provisions of the Old and New Testaments, the authors note that moral standards defined the range of acts that are defined as crimes in the criminal law. The norms of morality also defined a retributive model of punishment for crimes in legislation, first in the form of unlimited revenge, then in the form of a talion, and finally in the form of a talion composition. It is concluded that the only source of criminal law in a strictly formal legal sense is the Criminal Code. Moral standards are a spiritual and moral source of criminal law, the provisions of the Old and New Testaments are its metaphysical source.

Keywords: norms of morality, Old Testament, New Testament, criminal law, crime, punishment, revenge, talion, talion composition.

Важное воздействие на уголовно-правовые отношения оказывают не только нормативно-правовые акты иной отраслевой принадлежности (гражданского права, административного права и т.д.), акты применения права (акты помилования, приговор суда и т.д.), акты толкования права (прежде всего правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации), но и нормы морали, выражающиеся в системе нравственных правил, определяющих основные начала уголовного закона [4; 9; 13].

Такое влияние морали на уголовно-правовые отношения состоит прежде всего в том, что она выделяет подходы, которыми руководствуется законодатель, определяя сущность преступления и наказания. В частности, ветхозаветная мораль, являясь метафизическим источником уголовного права, на много веков определила круг деяний, которые являются универсальными преступлениями, нашедшими отражение в формально-юридических источниках всех государств [3; 8; 10; 11]. Ими являются деяния, нарушающие такие заповеди, как «Не убивай», «Не кради», «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего», «Не желай... ничего, что у ближнего твоего» (Исх. 20.13; 20.15; 20.16; 20.17). Такое ветхозаветное понимание преступления является актуальным даже в современный период, так как дает законодателю ключ к пониманию того, какие деяния должны подлежать криминализации. Они по своей социальной сущности должны быть преступлениями, а не признаваться преступлениями, потому что они оскорбляют и нарушают шаблоны поведения господствующей части общества, как утверждают отдельные исследователи [12. С. 120–123, 143, 147, 158–160, 208–212]. Достаточно емко о социальной сущности преступления сказал К. Маркс, критикуя решение Рейнского Ландтага, которым в угоду частным владельцам лесов принят закон о том, что хищение валежника или собирание хвороста подводится под понятие кражи и наказывается как порубка леса. Автор указывал, что преступление должно быть таковым по своей правовой природе [6. С. 122]. В отечественной уголовно-правовой науке и отечественном уголовном законодательстве эта социальная сущность преступления получила воплощение в его материальном признаке – общественной опасности [7. С. 14–17; 5. С. 300–310].

Безусловно, нормы морали сами по себе не определяют преступность и наказуемость деяний как юридических категорий. Поэтому мораль и уголовное право не всегда одинаково оценивают поведение людей. Так, в Ветхом завете содержится запрет на кровосмешение, прелюбодеяние, половые извращения и колдовство, а также указание на строгое наказание за них: «Никто ни к какой родственнице по плоти не должен приближаться с тем, чтобы открыть наготу» (Левит. 18.6), «И с женою ближнего твоего не ложись, чтобы излить семя и оскверниться с нею» (Левит. 18.20); «Не ложись с мужчиною, как с женщиною: это мерзость» (Левит. 18.22); «И ни с каким скотом не ложись, чтобы излить [семя] и оскверниться от него; и женщина не должна становиться пред скотом для совокупления с ним: это гнусно» (Левит. 18.23), «Не ешьте с кровью; не ворожите и не гадайте» (Левит. 19.26), «Не обращайтесь к вызывающим мертвых, и к волшебникам не ходите, и не доводите себя до осквернения от них» (Левит. 19.31), «Если кто будет прелюбодействовать с женою замужнею... – да будут преданы смерти и прелюбодей и прелюбодейка» (Левит. 20.10), «Если кто ляжет с женщиною, как с женщиною, то оба они сделали мерзость: да будут они преданы смерти, кровь их на них» (Левит. 20.13), «Кто смесится со скотиною, того предать смерти...» (Левит. 20.15), «Если кто возьмет сестру свою, дочь отца своего или дочь матери своей и увидит наготу ее и она увидит наготу его: это срам, да будут они истреблены пред глазами сынов народа своего...» (Левит. 20.17), «Мужчина ли или женщина, если будут они вызывать мертвых или волхвовать, да будут преданы смерти» (Левит. 20.17). В Новом Завете отмечается: «...кто разводится с женою своей... тот прелюбодействует» (Мф. 5.31; 19.4. Мк. 10.10. Лк. 16.18); «Они заменили истину Божью ложью. ... Женщины их заменили естественное употребление противоестественным; подобно и мужчины, оставив естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг от друга, мужчины на мужчинах делая срам и получая в самих себя должное возмездие за свое заблуждение» (Рим. 1.25); «...мужеложники... – Царства Божия не наследуют» (1 Кор. 6.10); «...во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа» (1 Кор. 7.2), «...и схвачен был зверь и с ним лжепророк, произ-

водивший чудеса перед ним... оба живые брошены в озеро огненное...» (Откр. 19.19).

В действующем УК РФ осуждение как уголовно наказуемых деяний кровосмешения, прелюбодеяния, половых извращений и колдовства как таковых без дополнительных признаков (например, без насилия) отсутствует.

Кроме того, в уголовном законе определяется наказуемость только деяний. Морально наказуемыми могут быть как деяния, так и мысли. В частности, в Новом Завете отмечается: «...кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействует с нею в сердце своем» (Мф. 5.28).

Следует сказать и о том, что у уголовного права и морали разный стандарт оценки. Уголовное право использует универсальный, усредненный и формализованный стандарт оценки, который может корректироваться определенными индивидуальными особенностями личности или обстоятельствами содеянного. Однако эта коррекция носит второстепенный характер в том смысле, что без универсального стандарта оценки самой уголовно-правовой оценки не существует. Достаточно наглядно эту мысль иллюстрирует закрепленный в ст. 4 УК РФ принцип равенства граждан перед законом. В соответствии с ним уголовно-правовая оценка деяний всех физических лиц, независимо от их индивидуальных качеств, обусловленных биологически или социально (пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям и др.), дается, исходя из их формально-юридического равенства перед уголовным законом. Это означает одинаковые основания для всех физических лиц в виде совершенного преступления. Формально-юридическое равенство всех физических лиц перед уголовным законом не исключает дифференциации (в частности, в зависимости от их пола и возраста) и индивидуализации (в частности, в зависимости от наличия указанных в ст. 61, 63 УК РФ смягчающих и отягчающих обстоятельств) применяемого к ним наказания. Однако дифференциация и индивидуализация наказания вытекает из универсальной уголовно-правовой оценки деяния. Кроме того, сама оценка в значительной мере является формализованной законодателем.

У норм морали стандарт оценки основан не только на определенном нравственном правиле, но и в равной степени на свойствах личности, особенностях ситуации, в которой оказалось лицо, совершившее безнравственный поступок.

Ветхозаветная мораль определила возмездную модель наказания за преступления. Первоначально наказание было, по сути, мезью за причиненный вред, так как оно не было ограничено ни тяжестью совершенного преступления, ни продолжительностью, ни кругом наказываемых лиц. Так, в Ветхом Завете отмечается: «Кто ударит человека так, что он умрет, да будет предан смерти» (Исх. 21.12); «Кто ударит отца своего или свою мать, того должно предать смерти» (Исх. 21.15); «Кто украдет человека... и... продаст его, или найдется он в руках у него, то должно предать его смерти» (Исх. 21.16); «Кто злословит отца своего или свою мать, того должно предать смерти» (Исх. 21.17); «Всякий скотоложник да будет предан смерти» (Исх. 23.19); «...не оставляющий без наказания, наказывающий вину отцов в детях и в детях детей до третьего и четвертого рода» (Исх. 34.5).

Затем возмездность наказания из мести превратилась в талион, который даже в виде материального талиона, равного возмездия свидетельствовал о гуманизации ветхозаветной морали. Это проявилось в следующем: талион определил границы мести, установил равенство между преступлением и наказанием; кара постепенно ограничила круг наказываемых лиц (коллективная ответственность рода была заменена индивидуальной ответственностью), наказание перестало быть вечным за одно преступление (наказание перестало достигать еще не родившиеся поколения); наказание отделилось от санкций за гражданские правонарушения, так как в отличие от последнего повлекло за собой не реститутивные, а репрессивные последствия [12. С. 379–383, 400–401; 15. С. 18–23]. Вновь находим этому подтверждение в Ветхом завете, где указывалось: «Кто сделает повреждение на теле ближнего своего, тому должно сделать то же, что он сделал: перелом за перелом, око за око, зуб за зуб; как он сделал повреждение на теле человека, так и ему должно сделать. Кто убьет скотину, должен заплатить за нее; а кто убьет человека, того должно предать смерти» (Лев. 24, 19–22). Равноозмездная форма талиона получила закрепление не только в Ветхом завете,

но и в древних источниках уголовного права, в частности, в Законах Хаммурапи [2. С. 68–71].

Мало того, определенные ограничения наказания касались лиц, совершивших убийства по неосторожности. В частности, в Ветхом Завете указывалось, что такие места определялись для лиц, совершивших убийство по неосторожности: «...если кто не злоумышлял, а Бог попустил ему попасть под руки его, то Я назначу у тебя место, куда убежать [убийце]; а если кто с намерением умертвит ближнего коварно [и прибежит к жертвеннику], то *и* от жертвенника Моего бери его на смерть» (Исх. 21.12); «Если же он толкнет его нечаянно, без вражды, или бросит на него что-нибудь без умысла... так, что тот умрет, но он не был врагом его и не желал ему зла, то общество должно... спасти убийцу от руки мстителя за кровь, и должно возвратить его общество в город убежища его, куда он убежал, чтоб он жил там...» (Числ. 36.22). Таким образом, лицу, неосторожно причинившему смерть, дозволялось избежать кровной мести, а обществу предписывалось помочь ему в этом.

Дальнейшее развитие талиона характеризовалось еще большей гуманизацией ветхозаветной морали. Произошли переход равнозначного талиона к символическому, замена смертной казни телесными наказаниями, введение композиции наказаний, предусматривающих замену за ряд преступлений талиона денежным выкупом, формализацию талиона в виде установления в источниках уголовного права за каждое преступление вида и размера наказания, получившего в научной литературе название карательного преискуранта [12. С. 224–225, 377–382]. Причем с установлением карательного преискуранта равновозмездность наказания настолько исказилась, что возникшую систему наказаний уже нельзя было считать основанной на талионе. От него остался только возмездный характер наказания, состоящий в оставшейся для всех эпох соразмерности наказания и тяжести преступления [11. С. 43], в ограничении наказания не только тяжестью преступления, но и личным характером наказания (применением его только к преступнику), а также применением за одно преступление одного карательного акта.

В новозаветный период в теологических учениях нормальным социальным ответом на преступление считалась месть

со стороны жертвы, сородичей или другой группы, к которой жертва принадлежала. Такой ответ основывался на представлении о справедливости, в соответствии с которым каждое преступление должно быть оплачено страданием, адекватным преступлению. Именно это представление о справедливости легло в основу более современных законодательных концепций наказания [1. С. 175–182].

В завершение следует сделать общий вывод о том, что единственным источником уголовного права в строго формально-юридическом смысле слова является уголовный закон. Нормы морали являются духовно-нравственным источником уголовного права, положения Ветхого и Нового заветов – его метафизическим источником.

Литература

1. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994.
2. Графский В. Г. Всеобщая история права и государства. М., 2002.
3. Иванов И. Библия и уголовный закон // Сов. юстиция. 1992. № 7–8.
4. Кузнецова Н. Ф. Уголовное право и мораль. М., 1967.
5. Малков В. П. Избранные труды: в 3 т. Казань, 2011. Т. 1.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Дебаты по поводу закона о краже леса // Соч. М., 1955. Т. 1.
7. Марцев А. И. Общие вопросы учения о преступлении. Омск, 2000.
8. Никонов В. А. Библия и уголовный закон. Тюмень, 1995.
9. Никулин С. И. Нравственные начала уголовного права. М., 1992.
10. Рагимов И. М. Философия преступления и наказания. СПб., 2013.
11. Сергеевский Н. Д. Наказание в русском праве XVII века. Владимир, 2008.
12. Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М., 2006.
13. Тасаков С. В. Нравственные основы уголовно-правовых норм, направленных на охрану личности, ее прав, свобод и законных интересов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010.
14. Христианское учение о преступлении и наказании / под ред. К. В. Харabet, А. А. Толкаченко. М., 2009.
15. Шаргородский М. Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М., 1957.

НАЗНАЧЕНИЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ПО СОВОКУПНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

А.В. Шидловский, канд. юрид. наук, доцент
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. Рассматриваются особенности регулирования правил назначения наказания в виде лишения свободы несовершеннолетним в случаях совокупности преступлений в действующем белорусском Уголовном кодексе. Уделяется внимание максимальным срокам лишения свободы, устанавливаемым законодателем для лиц, совершивших преступления в возрасте до семнадцати лет. Формулируются научно-практические рекомендации по эффективному применению правил (поглощения и сложения) определения окончательной меры наказания несовершеннолетнему. Указываются дефекты уголовного закона в части закрепления максимальных сроков лишения свободы и возможные варианты их устранения при назначении наказания, в том числе по совокупности преступлений.

Ключевые слова: уголовная ответственность, наказание, совокупность преступлений, назначение лишения свободы, окончательное наказание, поглощение наказаний, полное или частичное сложение наказаний.

ASSIGNMENT OF DEPRIVATION OF LIBERTY TO MINORS FOR A SET OF CRIMES

A.V. Shidlovsky

Abstract. The author considers the peculiarities of regulation of the rules for imposing punishment in the form of deprivation of liberty for minors in cases of a set of crimes in the current Belarusian Criminal code. Attention is paid to the maximum terms of imprisonment established by the legislator for persons who committed crimes under the age of eighteen. Scientific and practical recommendations are formulated for the effective application of the rules (absorption and addition) for determining the final measure of punishment for a minor; the defects of the criminal law in terms of fixing the maximum terms of imprisonment and possible options for their elimination while sentencing, including for a set of crimes, are specified.

Keywords: criminal responsibility, punishment, set of crimes, assignment of imprisonment, final punishment, absorption of punishments, full or partial addition of punishments.

В разделе V УК Республики Беларусь регламентированы правила назначения наказания за совершение несовершеннолет-

ним нескольких преступлений [1]. Белорусский законодатель дифференцировал их на три группы в зависимости от категорий совершённых преступлений, образующих совокупность, и возраста виновного.

I. В соответствии с ч. 2 ст. 116 УК *лицу, совершившему в возрасте до восемнадцати лет несколько преступлений, включающих преступления, не представляющие большой общественной опасности, менее тяжкие либо тяжкие преступления в любом сочетании, окончательное наказание назначается путем поглощения менее строгого наказания более строгим либо путем частичного или полного сложения наказаний. При этом окончательное наказание не может превышать максимального срока или размера наказания, предусмотренного за наиболее тяжкое из совершенных преступлений, с учетом ограничений, установленных в ст. 115 УК.*

Ограничения касаются прежде всего наказания в виде лишения свободы. Во-первых, лицу, впервые совершившему в возрасте до восемнадцати лет преступление, не представляющее большой общественной опасности, наказание в виде лишения свободы не назначается (ч. 1 ст. 115 УК). Во-вторых, срок лишения свободы несовершеннолетнему не может превышать: 1) за менее тяжкое преступление – трёх лет; 2) за тяжкое преступление – семи лет; 3) за особо тяжкое преступление – десяти лет; 4) за особо тяжкое преступление, сопряжённое с умышленным посягательством на жизнь человека либо с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, – двенадцати лет (ч. 2 ст. 115 УК).

Отметим, что в законе не уточняется, в каких случаях следует применять правило поглощения менее строгого наказания более строгим, а в каких – частичное или полное сложение наказаний при назначении окончательной меры лишения свободы несовершеннолетнему. Наши научные обобщения позволяют сформулировать для целей эффективного правоприменения рекомендацию следующего содержания: назначение окончательного наказания путем поглощения менее строгого наказания более строгим целесообразно применять, например, при совокупности умышленного (тяжкого или особо тяжкого) и неосторожного преступлений, при идеальной совокупности преступ-

лений, т.е. когда степень опасности преступлений, составляющих совокупность, имеет существенную разницу [2, с. 537–538, 540; 3, с. 269–271; 4, с. 58–59]. Такую же позицию занимают известные учёные-криминалисты В.П. Малков, М.Н. Становский, а также ряд других авторов [5, с. 240; 6, с. 334].

II. *Лицу, совершившему в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет несколько преступлений, включающих хотя бы одно особо тяжкое преступление, окончательное наказание в виде лишения свободы не может быть назначено на срок свыше тринадцати лет* (ч. 3 ст. 116 УК).

III. *Несовершеннолетним в возрасте от шестнадцати до восемнадцати в аналогичной ситуации – не свыше пятнадцати лет* (ч. 4 ст. 116 УК).

Очевидно, что если совокупность преступлений составляют, например, два менее тяжких умышленных преступления, то даже при сложении судом наказаний за них максимальный срок лишения свободы не может превышать шести лет, так как согласно п. 1 ч. 2 ст. 115 УК за одно менее тяжкое преступление срок лишения свободы может быть назначен не более трех лет. Согласно ч. 3 ст. 12 и ч. 2 ст. 57 УК максимально допустимые в санкциях статей Особенной части УК сроки наказаний за менее тяжкие преступления составляют шесть лет лишения свободы (для умышленных) и 10 лет (для неосторожных). Поэтому окончательное наказание не может превышать максимального срока или размера наказания, предусмотренного за наиболее тяжкое из совершенных преступлений, с учетом ограничений, предусмотренных ст. 115 УК.

В 2013 г. в ч. 2 ст. 57 УК законодатель повысил максимальный срок лишения свободы за *преступления, совершённые по неосторожности, до десяти (!) лет*. Получается, что в случае совершения несовершеннолетним серии из четырёх неосторожных либо неосторожных и умышленных (в любом сочетании) менее тяжких преступлений, за каждое из которых суд назначает (с учётом последствий и т. д.) по три года лишения свободы (максимум по ч. 1 ч. 2 ст. 115 УК), максимальное окончательное наказание закон допускает на уровне 10 лет (уголовный закон повысил максимально предельный срок лишения свободы за менее тяжкое неосторожное преступление до 10 лет,

например, в санкции ч. 5 ст. 317 УК). За серию умышленных менее тяжких преступлений, опасность которых гораздо выше неосторожных, равно как и опасность самого лица, их совершившего, совокупное наказание ограничено шестью годами. Это очевидное законодательное упущение, которое нуждается в исправлении. Такая позиция закона противоречит требованиям индивидуализации и справедливости при определении несовершеннолетнему окончательного наказания по совокупности преступлений.

Если в совокупность преступлений входят, например, два тяжких преступления, то при сложении судом наказаний за них максимальный срок лишения свободы не может превышать двенадцати лет, так как согласно п. 2 ч. 2 ст. 115 УК за одно тяжкое преступление срок лишения свободы может быть назначен не более семи лет. Согласно ч. 4 ст. 12 и ч. 1 ст. 57 УК максимально допустимый в санкциях статей Особенной части УК срок наказания за тяжкое преступление составляет 12 лет лишения свободы. Поэтому в случаях назначения несовершеннолетнему максимального срока лишения свободы за каждое из образующих совокупность преступлений (по семь лет), окончательное наказание не может превышать 12 лет в силу ограничений, установленных в ч. 4 ст. 12, ч. 1 ст. 57 и ч. 2 ст. 116 УК.

Предусмотренные в ч. 3 и ч. 4 ст. 116 УК правила применяются в том случае, когда совокупность преступлений включает хотя бы одно особо тяжкое преступление. Назначая окончательное наказание в виде лишения свободы по правилам сложения, суд не вправе выйти за максимальный порог его совокупного срока: более тринадцати лет в первом случае и пятнадцати лет – во втором. Полагаем, что цели уголовной ответственности могут быть достигнуты в указанных случаях и более низкими максимальными сроками лишения свободы.

Итак, назначаемый срок лишения свободы должен быть необходимым и достаточным для достижения целей уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних. Здесь уместно сформулировать два предложения: 1) целесообразно при определении меры наказания, по возможности, избегать назначения максимального срока окончательного наказания в виде лишения свободы для несовершеннолетних, зафиксированного

законом в правилах о совокупности преступлений и совокупности приговоров; 2) следует законодательно снизить предельные (минимальные и максимальные) сроки наказания в виде лишения свободы или сроки (размеры) иного избранного судом вида наказания, например, на одну треть от указанных в законе (с учетом обстоятельств преступления и личности виновного).

Таким образом, назначаемая мера наказания должна соответствовать общественной опасности как преступления, так и совершившего его лица. Суд должен индивидуализировать наказание так, чтобы оно повлияло на исправление осужденного и удовлетворяло другим целям уголовной ответственности.

Литература

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.; одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г.; подписан Президентом Республики Беларусь 9 июля 1999 г. № 275-З: в ред. Закона Республики Беларусь от 11.11.2019 № 253-З // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Мн., 2020.

2. Курс уголовного права: в 5 т. Общая часть. Т. 2: Учение о наказании и иных мерах уголовной ответственности / Г.А. Василевич и др.; под науч. ред. И.О. Грунтова, А.В. Шидловского. Мн., 2019. 990 с.

3. Шидловский А.В. Назначение наказания по уголовному праву Беларуси. Мн., 2015. 295 с.

4. Шидловский А. Назначение наказания при множественности преступлений // Судовы веснік. 2001. № 4. С. 58–59.

5. Малков В.П. Совокупность преступлений: (Вопросы квалификации и назначения наказания). Казань, 1974. 308 с.

6. Становский М.Н. Назначение наказания. СПб., 1999. 480 с.

СУДЕБНЫЙ ШТРАФ КАК ИНАЯ МЕРА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

М.Р. Эртевциан, канд. юрид. наук, доцент

А.В. Шадрина, магистрант

ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет
имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП)», г. Казань

Аннотация. Рассмотрено понятие судебного штрафа как иной меры уголовно-правового характера. Анализируется значение судебного штрафа в уголовно-правовом и уголовно-процессуальном значении.

Ключевые слова: штраф, судебный штраф, назначение наказания, освобождение от уголовной ответственности.

COURT FINE AS ANOTHER MEASURE CRIMINAL LAW

M.R. Ertevezianariya, A.V. Shadrina

Abstract. This scientific article considers the concept of a court fine as another measure of a criminal law nature. The article analyzes the value of a court fine in criminal law and criminal procedure.

Keywords: fine, judicial fine, sentencing, exemption from criminal liability.

При общем снижении количества уголовных дел, поступающих в судебные инстанции, и сокращения количества лиц, осуждаемых за совершение преступных деяний, имеет место значительное увеличение в структуре судимости доли лиц, осужденных за совершение преступлений средней и небольшой тяжести. В связи с этим определенные изменения были внесены в раздел VI Уголовного кодекса Российской Федерации, который дополнился ст. 76.2. «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа» и гл. 15.2 «Судебный штраф», а Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации дополнился нормами, регламентирующими вопросы процессуального применения данного вида освобождения от уголовной ответственности.

Необходимо отметить, что применение мер государственного принуждения, менее строгих, чем уголовное наказание, не ново для нашего государства и свидетельствует о его гуманизме [3. С. 356]. Например, до середины 2016 г. допускалось освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетних, при этом к ним применялись принудительные меры воспитательного характера. УК РСФСР 1960 г. предусматривал также освобождение от уголовной ответственности взрослых лиц с привлечением их к административной ответственности.

По сути судебный штраф является денежным взысканием, которое назначает суд при освобождении лица от уголовной ответственности. При этом судебный штраф не ограничивает правосудия в его правах и свободах. Человек может продолжать, как обычно, находиться в обществе, только при этом должен исполнить наложенное на него судом обязательство в виде денежной санкции.

При этом некоторые правоведы высказывают мнение, что в случае возможности назначения судебного штрафа не следует ждать полноценного судебного разбирательства, ведь суд в определённой мере будет связан теми доводами, которые представит следствие. Декларируя, что за преступления небольшой или средней тяжести, совершенные впервые, не будет назначаться уголовное наказание, закон, по сути, позволяет признавать лицо виновным в преступлении без полного и объективного доказывания и нормального судебного разбирательства [7. С. 83].

По нашему мнению, нельзя согласиться с А.П. Рыжаковым в том, что новое основание освобождения от уголовной ответственности будет на руку следователям и суду. Поэтому полностью поддерживаем точку зрения по этому вопросу В.С. Карпова и Д.В. Синькова, которые утверждают, что нельзя согласиться с А.П. Рыжаковым в том, что новое основание освобождения от уголовной ответственности на руку недобросовестным должностным лицам, начиная со следователя (дознателя) и заканчивая судьей. Действительно, прекращение уголовного дела (уголовного преследования) [1. С. 214] с применением судебного штрафа во многом основано на судебном усмотрении конкретного судьи, но это отнюдь не свидетельствует о желании последнего нарушить закон, ущемить права и законные интересы потерпевшего [6. С. 12]. Наоборот, на практике гораздо чаще встречаются случаи злоупотребления своими правами (в том числе правом на защиту) именно потерпевшими, требования которых, касающиеся как материального, так и морального вреда, причиненного им в результате преступления, нередко необоснованно завышены [2. С. 247].

Как известно, большинство лиц осуждается за преступление небольшой тяжести. Отрицательные последствия от судимости в данных случаях, как для осужденного, так и для его родственников, не вполне соответствуют характеру этих преступных деяний или личности самого осужденного. Поэтому появление такой меры уголовно-правового характера, как судебный штраф, дает возможность нивелировать все негативные последствия, возникающие с судимостью.

Смысл судебного штрафа прежде всего в перевоспитании лица, совершившего преступление, и возмещении ущерба потерпевшей стороне.

Судебный штраф, таким образом, является способом возмещения ущерба пострадавшей стороне, а также ущерба государству, причиненного противоправными действиями. Такой способ воздействия на подсудимого более гуманен, так как суд предоставляет человеку возможность для исправления и мирного решения конфликтной ситуации.

Штраф может назначаться практически за все преступления небольшой или средней тяжести. При этом большая часть штрафов, как санкция, предусмотрена за преступные деяния имущественного характера. Совершая подобное преступление, виновное лицо обычно хочет обогатиться за чужой счет, т.е. извлечь материальную выгоду для себя. При этом налагаемый штраф не только лишает его имущественной выгоды, но и ущемляет его личные материальные интересы [4. С. 343].

Можно констатировать, что согласно гл. 11 УК РФ для освобождения от уголовной ответственности необходимо наличие ряда совокупных факторов [4. С. 155]. Но ни в одной из статей данной главы нет указания на уголовно-правовые меры, которые суд должен применить к лицу, освобождаемому от уголовной ответственности. Это обусловлено тем, что освобождение является безусловным, т.е. окончательным, и не возлагает каких-либо дополнительных требований [6. С. 53]. В то же время по смыслу самой ст. 76.2. УК РФ лицо не может считаться освобожденным от уголовной ответственности, потому что к нему применяется иная мера уголовного порядка – судебный штраф. Причем последний мало чем отличается от уголовного наказания в виде штрафа. Поэтому полагаем, что на основании ст. 76.2 УК РФ лицо от уголовной ответственности освобождается лишь формально.

Судебный штраф можно было бы считать мерой уголовно-правового характера, применяемой вне механизма реализации уголовной ответственности, аналогичной, например, освобождению от отбывания наказания по болезни (ст. 82 УК РФ), но судебный штраф, исполняемый после освобождения от уголовной ответственности, лишен какого-либо уголовно-правового

значения. Судебный штраф, примененный как мера уголовно-правового характера, сохраняет это качество лишь до своего исполнения, потому что, когда он будет исполнен, то уже не может считаться мерой уголовно-правового характера – он реализован за рамками уголовно-правовых отношений.

Таким образом, решение судебного органа о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа является, по своей сути, итоговым судебным решением, которое влечет нежелательные для лица последствия денежного характера в связи с его привлечением к уголовному преследованию.

Судебный штраф определяется судом с учетом тяжести преступления и обстоятельств его совершения, личности обвиняемого, его имущественного положения и положения его семьи, смягчающих и отягчающих обстоятельств и многого другого.

Если судебный штраф, назначенный лицу в качестве меры уголовно-правового характера, не уплачен, то суд отменяет постановление о прекращении уголовного дела и направляет материалы руководителю следственного органа или прокурору, и производство по уголовному делу осуществляется уже в общем порядке.

Фактически законодатель гуманизировал ответственность по широкому кругу преступлений, позволив подсудимому или лицу, находящемуся под следствием, избежать уголовного наказания в его классическом понимании при условии возмещения вреда, причинённого преступлением потерпевшему и государству.

Литература

1. Закирова Э.Ф. Понятие, сущность и социальное назначение приостановления предварительного следствия // Учен. зап. Казан. филиала Рос. гос. ун-та правосудия. 2016. Т. 12. С. 212–219.

2. Ибрагимов Н.М. Особенности применения судом отсрочки отбывания наказания в порядке ст. 82 УК РФ // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 3 (19). С. 246–249.

3. Латыпова Э.Ю., Нечаева Е.В. Спорные вопросы содержания принципа гуманизма в уголовном праве // Вестн. юрид. ин-та МВД России. 2019. № 3 (37). С. 355–360.

4. Латыпова Э.Ю. Принцип равенства и принцип гуманизма и их особенности в уголовном праве // Конституция Российской Федерации и развитие правовой системы государства: общетеоретические и отраслевые аспекты: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Казань, 2019. С. 341–345.

5. Мусина Р.Р. О назначении наказания за совершение преступления при наличии альтернативных действий и иных признаков объективной стороны // Правов. культура. 2013. № 1 (14). С. 153–158.

6. Карпов В.С., Синьков Д.В. Судебный штраф – иная мера уголовно-правового характера или «особый» вид наказания? // Рос. юрид. журн. 2018. № 4. С. 12.

7. Рыжаков А.П. Новое основание прекращения дела и последствия его введения // Уголовный процесс. 2016. № 10. С. 83.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ О ФАЛЬСИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С.А. Яковлева, канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»,
г. Йошкар-Ола

О.В. Тимофеева, канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Раскрыты отдельные вопросы уголовной ответственности за фальсификацию доказательств и фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности. Предлагается изложить ст. 303 УК РФ в новой редакции и дополнить закон ст. 303.1.

Ключевые слова: фальсификация, доказательства, результаты оперативно-розыскной деятельности, искаженные носители информации.

SEPARATE PROVISIONS ON FALSIFICATION OF EVIDENCE AND RESULTS OF OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES

S.A. Yakovleva, O.V. Timofeeva

Abstract. The article deals with certain issues of criminal liability for falsifying evidence and falsifying the results of operational search activities. It is proposed to state article 303 of the criminal code of the Russian Federation in a new version and add article 303.1 to the law.

Keywords: falsification, evidence, results of operational search activities, distorted media.

Ни в уголовном законе, ни в судебной практике четкого понятия «фальсификация» не дано. Многими правоведами и правоприменителями это признается пробелом, поскольку лицами

совершается достаточно много разнообразных действий, влекущих уголовную ответственность.

Уголовный закон предусматривает ответственность за фальсификацию, в частности: избирательных документов, документов референдума (ст. 142), итогов голосования (ст. 142.1), единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета (ст. 170.1), финансовых документов учета и отчетности финансовой организации (ст. 172.1), доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности (ст. 303) и др.

В ряде случаев данное понятие раскрывается. Например, в ст. 170.1 понятие «фальсификация» раскрывается следующим образом: «Представление... документов, содержащих заведомо ложные данные, в целях внесения... недостоверных сведений», в ст. 172.1 – «Внесение в документы, регистры бухгалтерского учета, отчетную документацию... заведомо неполных или недостоверных сведений..., если эти действия совершены в целях сокрытия...».

При этом в ряде статей данное понятие не раскрывается. Например, среди неправомερных действий при банкротстве (ст. 195) законодателем предусмотрена «фальсификация бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя» [1]. Однако в самой статье понятие «фальсификация» не раскрывается. Применимо к данной статье под фальсификацией бухгалтерских или иных учетных документов понимается «их подделка, направленная на изменение подлинности» [4].

Не раскрывается указанное понятие и в ст. 303, предусматривающей уголовную ответственность за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности. На отдельные проблемы при доказывании данного состава преступления указывал ряд авторов, например, Н.А. Яковлев и Н.В. Максимов [8], В.Я. Саливаров [6] и др.

Разберем понятие «фальсификация». Так, в Большой Советской энциклопедии дано следующее определение понятию «фальсификация» (позднелат. falsificatio, от falsifico – подделываю): 1) злостное, преднамеренное искажение данных, заведомо

неверное истолкование ч.л. 2) Изменение с корыстной целью вида или свойства предметов; подделка [3. С. 580]. В Советском энциклопедическом словаре: «фальсификация» (от позднелат. falsifico – подделываю) – в уголовном праве подделка с корыстной целью предметов, предназнач. для сбыта [7. С. 1409]. В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: «фальсификация», «фальсифицировать» – подделать (-львать), исказить (-ажать) с целью выдать за подлинное, настоящее [5. С. 879].

Действующая редакция ст. 303 оперирует понятием «фальсификация», предусматривая уголовную ответственность за фальсификацию доказательств, которые исходя из формулировок ч. 1, 2, 3 и 4 касаются и административного дела, и уголовного дела, и гражданского дела, и дела об административном правонарушении, и результатов оперативно-розыскной деятельности, не раскрывая его. В связи с этим в ходе анализа понятия «фальсификация» и его использования законодателем при конструировании состава ст. 303 возникают следующие вопросы:

1. Как соотносить со ст. 303 УК РФ нормы Главы XX «Обеспечение доказательств» Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, предусматривающих выполнение нотариусом процессуальных действий по обеспечению доказательств по правилам ГПК РФ, в том числе с учетом будущей ст. 44.3 «Совершение нотариальных действий удаленно», вступающей в силу с 29 декабря 2020 г., а именно «Обеспечение доказательств» в виде осмотра информации, находящейся в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» удаленно, без личной явки к нотариусу лица, обратившегося за совершением нотариальных действий? [2]

2. Законодатель недооценивает общественную опасность фальсификации доказательств и по гражданскому, и по административному, и по арбитражному делу, и по делу об административном правонарушении.

3. Если фальсификация доказательств касается и гражданских, и административных, и арбитражных дел, и дел об административных правонарушениях, и уголовных дел, то фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности – только уголовных.

Данные вопросы мы предлагаем решить следующим образом.

Проанализировав ч. 1, 2 и 3, предлагаем ст. 303 изложить в следующей редакции:

«Статья 303. Фальсификация доказательств

1. Фальсификация доказательств по гражданскому, административному, арбитражному делу лицом, участвующим в деле, или его представителем, а равно фальсификация доказательств по делу об административном правонарушении участником производства по делу об административном правонарушении или его представителем – наказывается ограничением свободы на срок до четырех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок до пяти лет.

2. Фальсификация доказательств должностным лицом, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях, рассматривать дела об административных правонарушениях, а равно фальсификация доказательств нотариусом в порядке обеспечения доказательств, а равно фальсификация доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником – наказывается ограничением свободы на срок до четырех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо без такового.

3. Фальсификация доказательств, повлекшая тяжкие последствия, – наказывается лишением свободы на срок до восьми лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

Примечание. Под фальсификацией доказательств понимается искусственное создание документов или иных носителей информации, а равно внесение в них исправлений, искажающих истинное содержание, а равно намеренное искажение фактов, входящих в предмет доказывания и совершение иных действий, направленные на искажение истины по делу».

Проанализировав ч. 4 ст. 303, предусматривающую ответственность за фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности, предлагаем дополнить уголовный закон новой ст. 303.1, изложив ее в следующей редакции:

«Статья 303.1. Фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности

1. Фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности лицом, уполномоченным на проведение оперативно-розыскных мероприятий, в целях уголовного преследования лица, заведомо непричастного к совершению преступления, либо в целях причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации – наказывается ограничением свободы на срок до четырех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо без такового.

2. Фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности, повлекшая тяжкие последствия, – наказывается лишением свободы на срок до восьми лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

Примечание. Под фальсификацией результатов оперативно-розыскной деятельности понимается использование лицом, уполномоченным на проведение оперативно-розыскных мероприятий своих полномочий с целью придания заведомо искаженным носителям информации видимость источника доказательства по уголовному делу».

Учитывая изложенное, полагаем, что для правоприменителя была бы актуальной дача Пленумом Верховного Суда Российской Федерации разъяснений по вопросам судебной практики о единообразном применении норм об уголовной ответственности за фальсификацию доказательств и фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 18.02.2020). URL: <https://proc.gov.ru> (дата обращения: 10.03.2020).

2. О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 27 декабря 2019 г. № 480-ФЗ (вступает в силу с 29 декабря 2020 г.). URL: <https://proс.gov.ru> (дата обращения: 10.03.2020).

3. Большая Советская энциклопедия: в 30 т. Т. 27. Ульяновск-Франкфорт. 3-е изд. М., 1977. С. 580.

4. Методические рекомендации по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства, утв. ФССП России 15.04.2013 № 04-4. URL: <https://legalacts.ru/doc/metodicheskie-rekomendatsii-> (дата обращения: 10.03.2020).

5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. М., 1993. С. 879.

6. Саливаров В.Я. Использование микрообъектов в уголовно-процессуальном доказывании: актуальные проблемы теории и практики // Фундаментальные и прикладные исследования правового регулирования деятельности государства в социально-экономической сфере и осуществлении правосудия: сб. ст. междунар. заоч. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2016. С. 253–257.

7. Советский энциклопедический словарь. М., 1981. С. 1409.

8. Яковлев Н.А., Максимов Н.В. Особенности проведения оперативно-розыскного мероприятия получения компьютерной информации // Modern Science. 2019. № 11-3. С. 197–199.

О НЕОБХОДИМОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

А.А. Ярускина, ст. инспектор судебных участков
Мировые суды № 1 и № 2 Засвияжского района г. Ульяновска,
г. Ульяновска

Аннотация. Рассматриваются вопросы множественности преступлений, ее виды и значение для квалификации деяний и назначения наказания. Обозначены сложности правоприменения норм, регламентирующих вопросы множественности преступлений, и определены возможности их преодоления.

Ключевые слова: множественность, совокупность, рецидив, квалификация преступлений.

THE NEED TO LEGISLATIVELY DEFINE THE NOTION OF MULTIPLE CRIMES

A.A. Yaruskina

Abstract. Dealt with the multiplicity of crimes, its types and significance for the characterization of acts and the imposition of penalties. The difficulties of

enforcement of the rules governing the multiplicity of crimes are identified and the possibilities for overcoming them are determined.

Keywords: corruption, corrupt behavior, causes of corruption, public authorities, internal Affairs bodies.

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) знает две формы множественности: рецидив и совокупность. Рецидив – это совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление. Являясь обстоятельством, отягчающим наказание, рецидив не оказывает влияния на квалификацию преступлений. Совокупность преступлений – это совершение лицом нескольких преступлений, за которые оно не было осуждено [8. С. 440]. Совокупность бывает реальная и идеальная, она влияет на квалификацию преступлений в зависимости от вида и признаков.

Совокупность может быть образована тождественными, однородными либо разнородными преступлениями. Тождественные преступления – это деяния, совпадающие в рамках основного состава по всем его элементам, но совершаемые с разным умыслом и квалифицируемые самостоятельно. Однородные преступления – это деяния, ответственность за которые предусматривается нормами одной главы или различными частями одной нормы УК РФ. Разнородные преступления – это деяния, различающиеся всеми элементами состава преступления, за исключением субъекта. Ответственность за такие преступления устанавливается в статьях, содержащихся в разных разделах и главах УК РФ.

Реальной совокупностью признаются случаи совершения нескольких самостоятельных деяний: деяния, образующие данную совокупность, могут быть тождественными, однородными и разнородными; оконченными и неоконченными; могут быть наказуемы в соответствии с различными частями одной нормы; в деяниях, образующих реальную совокупность, субъект может исполнять различные роли [4. С. 69]. Идеальной совокупностью признается совершение одного преступления, влекущего несколько самостоятельных последствий [3. С. 46].

Сущность множественности состоит в том, что одним лицом совершается не одно, а несколько преступлений, сохра-

няющих уголовно-правовые последствия, т.е. таких, по которым еще не истекли сроки давности и либо лицо не было привлечено к уголовной ответственности, либо привлечено, но уголовно-правовые последствия еще сохранились [7. С. 299].

Легальное определение множественности отсутствует, в силу чего исследователями предлагаются различные ее определения. Так, имеется мнение, что множественность – это сочетание в поведении одного лица нескольких отдельных преступлений, сохраняющих уголовно-правовое значение при отсутствии процессуальных препятствий для уголовного преследования [6. С. 8]. Предлагается также рассматривать множественность как стечение в поведении одного лица нескольких деяний, наказуемых по УК РФ, являющихся самостоятельными составами преступления [5. С. 406], и как «совершение одним лицом двух или большего числа преступлений, судимость за которые не снята и не погашена» [2. С. 61]. Все указанные определения обладают определенным сходством с незначительными отличиями, а их многообразие обусловлено отсутствием законодательного определения. Представляется, что более верным было бы рассматривать множественность как совершение лицом не менее двух преступлений, каждое из которых влечет уголовно-правовые последствия и квалифицируется самостоятельно, и в таком виде закрепить определение в УПК РФ.

Из приведенных определений вытекают следующие признаки множественности: одно или несколько лиц совершают несколько отдельных преступлений; не имеет значения стадия окончания преступления и вид соучастия в преступлении; каждое из преступлений сохраняет юридические последствия; нет процессуальных препятствий для привлечения лица или лиц к ответственности хотя бы по двум преступлениям.

Одно из значений множественности заключается во влиянии ее на квалификацию преступлений, в связи с чем следует определить правила квалификации деяний, совершаемых в условиях множественности:

– каждое из совершенных деяний квалифицируется самостоятельно;

– при идеальной совокупности квалификация деяний осуществляется по разным статьям УК РФ или по разным частям одной нормы при наличии признаков самостоятельных составов;

– если деяния предусматриваются иными нормами как влекущие более строгое наказание обстоятельство, совокупность преступлений отсутствует и деяние квалифицируется по признакам деяния, предусматривающего другое преступление в качестве сопряженного;

– при совершении преступления, признаки которого содержатся в разных частях одной нормы УК РФ, совокупность отсутствует;

– при перерастании деяния в ходе его совершения в более тяжкое, совокупность отсутствует, а содеянное квалифицируется по норме, устанавливающей ответственность за более тяжкое деяние;

– если совершены простые преступления, являющиеся компонентами единого составного, равны по тяжести или менее тяжкие, чем объединяющее их составное преступление, совокупность отсутствует; в случае, если простое преступление является более тяжким, чем составное, компонентом которого оно выступает, деяние следует квалифицировать по совокупности;

– в случае, когда одно деяние является способом совершения иного, равного по тяжести или более тяжкого, совокупности преступлений не будет; если способ совершения деяния более общественно опасен, чем то преступление, для совершения которого он применяется, будет иметь место совокупность преступлений;

– если совершается несколько действий, выступающих альтернативными способами одного деяния, совокупности не будет;

– если совершается несколько эпизодов продолжаемого деяния, совокупность отсутствует;

– при отсутствии конкретизации умысла на несколько тождественных деяний каждое из них оценивается самостоятельно, а содеянное квалифицируется по совокупности;

– если совершается длящееся деяние, совокупность отсутствует в силу признания его единым преступлением [1. С. 16].

Множественность преступлений свидетельствует о высокой степени общественной опасности лица, совершающего такие деяния, обладающего устойчивой антиобщественной позицией, а нередко и преступным профессионализмом, в силу чего и тре-

буются более серьезные правовые последствия для такого лица. Множественность обладает существенным уголовно-правовым и уголовно-процессуальным значением. Так, в ряде случаев множественность является обстоятельством, отягчающим наказание, влияет на назначение наказания и на порядок его отбытия.

При отсутствии уголовно-правовых последствий деяний множественности не будет. Соответственно, обстоятельствами, исключающими множественность преступлений, являются следующие: истечение срока давности привлечения к ответственности или исполнения обвинительного приговора хотя бы по одному из деяний; снята или погашена судимость хотя бы по одному из ранее совершенных деяний; лицо освобождено от уголовной ответственности по какому-либо основанию хотя бы по одному из преступлений; хотя бы одно из преступлений было декриминализировано.

Таким образом, множественность преступлений имеет важное значение в уголовном и уголовно-процессуальном праве, при этом необходимо закрепить ее законодательное определение, что упростит понимание содержания множественности.

Литература

1. Балахонцев О.В. Множественность преступлений: понятия, виды и проблемы правоприменения // Студ. вестн. 2017. № 5-1 (5). С. 16.
2. Батаев И.А. Множественность преступлений и ее виды // Студ. форум. 2017. № 5-2 (5). С. 61.
3. Вирясова Н.В., Коробко Т.Д. Особенности реальной и идеальной совокупности преступлений // Науч.-метод. электрон. журн. «Концепт». 2016. Т. 41. С. 46.
4. Геворкян А.М. Множественность преступлений, ее формы и виды в уголовном праве России // Правоприменительная деятельность: история и современность: материалы Междунар. науч. конф., посв. памяти доцента М.В. Геворкяна. Псков, 2017. С. 69.
5. Максимов Н.В., Кузьмин Ю.А. Проблема истины при вероятностном выводе судебной экспертизы // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов 4-й Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2014. С. 406–409.
6. Лагода Н.Л. Понятие множественности преступлений в российском уголовном праве // Законность в современном обществе: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Оренбург, 2017. С. 8.
7. Максимов Н.В. Деятельность эксперта-криминалиста как часть криминалистического сопровождения при расследовании преступлений // Акту-

альные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2012. С. 299–303.

8. Маркелов А.Г., Саливаров В.Я., Максимов Н.В. Некоторые проблемы соблюдения прав и законных интересов потерпевшего в компромиссных процедурах уголовного судопроизводства России // Трансформация социальных систем: проблемы и поиски путей решения: сб. науч. тр. по материалам всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Саранск, 2017. С. 440–442.

CHALLENGES OF HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES IN THE CIVIL SOCIETY OF AMERICA¹

Henry José Devia Pernia, bachelor of Philosophy,
Ph.D in Political Science, Professor

Daniel Torres Vargas, student of the law program of the faculty
of legal and political sciences, member of the research hotbed
of sociopolitical thought
Envigado University Institution, Antioquia, Colombia

America by day when I write. America
at night when you think. The most
worthy study of an Americano is
America

José Cecilio del Valle

Abstract. It is a fact that the project of colonial and neocolonial exploitation in America brought with it a backwardness in the social and human sciences, because it was anchored to the admiration of European civilization and that of projecting educational models under the slogan colonized. In this sense, the challenges facing universities in America today are oriented to break the schemes imposed by the so-called quality standards, the large multinationals that manage the publishing and research sector of the university academy and the link of the bad exercise of the policy in the development of educational processes. Therefore, the objective of this article is to generate an interlocution directed to the rescue of the social and human sciences in the university and civil society work, as an essential element for the generation of critical thinking and the integral formation of the subject from the ethical and the legal. Thus, the route of a new project will be framed, with a social, human, transformative, eclectic and guarantor vision in the cultivation of an authentic thought, proper and, above all, valid to the social and planetary reality.

¹ This article is derived from the research project «Challenges of University Reforms in America and Europe» presented at the Faculty of Legal and Political Sciences of the Envigado University Institution, Antioquia, Colombia.

Keywords: university, reform, social and human sciences, civil society, ethics, education and politics.

Introduction. The main challenges facing the social and human sciences in the university sphere are subject to the design of the educational systems that have permeated America in the last centuries. This relationship has been hit by the creation of flawed states with policies of an authoritarian, dominant and neoliberal nature that have made America stay in the construction of a national identity, under the scheme of a traditional, archaic educational system, structured in levels and with a lack of critical thinking.

Likewise, the universities have abruptly been conniving with its causal factors, that is, they are guilty of this classist, elitist project and of little economic support for the social, human and legal sciences in research exercises and much further, in the construction of civil society and citizen awareness. The transversal axes of the different academic programs have the same history, every passing day they are supplied or transgressed by mercantile courses or sometimes the hourly intensity is decreased. In this way, the human and comprehensive training received from the human and social sciences in the different faculties is seen today as a filler and not as that tool that facilitates ethical, moral, social, cultural, critical and care principles for the professional.

However, it is necessary that the State and the public policies that emerge from the different institutions of each country, evaluate the role of the human and social sciences, that is, we are not in the era of the colonial aristocracy, as Mariátegui very well pointed out (2007), however, its consequences continue latent throughout academic and research humanity.

Contributions and crisis of the social and human sciences. Throughout history the social and human sciences have been sharing the educating knowledge through the exercises of maieutics, dialectics and logic. The role that they play, within the task of the formation of the subject, as a thinking, critical and evolutionary being is very great. However, tradition tells us of many more elements that are essential in the development of human functioning and learning, these being analyzed in Plato's Academy and in Aristotle's Lyceum. Philosophy through admiration, doubt, certainty

and amazement allow the first steps of the human and social sciences to be taken, here the social, political and cultural initiation of the subjects is framed.

Along this path, the humanistic and social cross-cutting axes of the different academic programs are also proposing strategies for educational methods; The Pythagoreans who adopted music as a sensible expression are observed, according to them, music must order the soul and give it harmony, and this harmony metaphysically translates into numbers, therefore, the numbers gather opposite elements, the even and the disparate (Colli, 2011). This pythagorean dualism that is seen in Plato and recognized as the theory of the tripartition of the soul (Colli, 2011), leads man later to acquire a much deeper knowledge and to stay current in the reading of Plato's dialogues. Here, the first approaches to the search for the why of things are reflected, to the transcendence of being and to those wonderful questions that the human being asks himself every day for wanting to establish a social and equitable order, but that also encourage him to devour his existence and that of others, which are part of the conformation of this nature called Earth or Pachamama.

This being the case, the human and social sciences must tend to be more rigorous in their academic work, they should not be fighting each other, much less in their academic precincts, but this task has been difficult due to the incommensurability (MacIntyre, 1985) in reaching a consensus moral and rational of all theories. It is vital that the university community organize the flow of science in academic and research classrooms, that this academic and petty discomfort fade away among the great intellectuals and take the true horizon of the formative work of civil society.

However, those of us who make up this universe are the same, every day we isolate ourselves from social reality, society struggles each other each day, societies fragmented into islets and thinking about criticism. This frenzy of the real state of things and that society lives, is classified by Sloterdijk (2003) as a universal and diffuse cynicism particular to today's reality:

If it were true that it is the discomfort in the culture that provokes criticism, there would be no time as ready for criticism as ours. However, the inclination of the critical impulse to be dominated by dull states of discouragement has never been so strong. The

tension between what is intended to «exercise criticism» and what would be criticized is so strong that our thinking becomes a hundred times more sullen than precise. No ability to think can keep up with the problematic; hence the self-resignation of criticism. In indolence in the face of every problem there is a last feeling of what it would be like to be at its height. (p. 21).

From the foregoing, it is highlighted that the transformation of the university must also be subject to criticism, these must work for educational reforms and utopian projects (Ribeiro, 2006), the reason is due to the conditions governed by quality standards, national International and the so-called political and academic clientelisms that destabilize university autonomy, dismantle transparency in teacher recruitment and, in turn, distort the university student ideal. In the same vein Juan Carlos Tedesco mentions that in Latin America there were no institutional conditions that allowed processes of integration and social cohesion, taking up the theories of Touraine and Dubet. With regard to the following:

The distance between political discourse and educational reality expresses both the material and social limitations of the project for the construction of nation states. With regard to the lack of material resources, it is necessary to remember that, although this was one of the most reiterated arguments to demonstrate the poor development of educational policy, this lack is further explained by the low importance that universal basic education occupied in the logic of the economically dominant sectors that by the real availability of resources. (2012, p. 33).

Although it is true, the experiences lived by the social and human sciences in America have not had the same support as the exact and health sciences, due to the so-called academic elites, accompanied by recurring political interests. On the other hand, the economic budget to research in these areas of knowledge is complex, the economic cutback and the demands required by quality and administrative entities make researchers discouraged from generating research projects that are so vital for civil society.

University and University Reform. Precisely the programs of the different universities in America demand how to face the challenges that are permeating the intelligentsia with a disintegrating culture and to sometimes reject what is produced in the social and

human sciences of our Latin American universities. It is necessary to provide educational policies and tools that fragment the old schemes of higher education, this will facilitate the projection of a new university as the great teacher Darcy Ribeiro (2006) would say, a transformative university, with social relevance and not mercantile.

It is the social and human sciences that must facilitate and innovate the ethical consensus for future generations, in these modern societies where human misery is more active than the own thinking of the duty of each student, to what has been pointed out, Hans Kung highlights:

Every minute the countries of the world spend \$ 1.8 million on military weapons. Every hour 1,500 children die of hunger or disease caused by hunger. Every day a species of animals or plants becomes extinct. Every year an area of tropical forest, equivalent to three quarters of the territory of Korea, is destroyed forever (1998, p. 17).

These affirmations lead the humanities and social sciences to ask themselves several questions regarding this problem, which continues to be in force today and is of greater importance to the peoples of America and the World. An approach to this situation can be compared on the statistics page in real time <https://www.worldometers.info/en/> where every second and minute of society is diagnosed. In this situation, it is the obligation of the universities, the human and social sciences, to take into account their social role, incorporating scientific and ethical methodology to the effort of all recurring problems in the work of society.

Faced with this situation, we find several paradoxes. The first is due to autonomy and co-government; a second, commodification and dual education; third, the internationalization of higher education; fourth the new university; fifth the student movements; sixth the teaching paradigms and models; seventh the relationship between university, religion, government, politics and ideologies; public and private eighth university; ninth the expansion of information and communication technologies and tenth, quality control and measurement systems (Amador & Didriksson, 2011).

To the above, several questions arise: What role have university reforms played in the human and social sciences? Can the current University face the social, political, economic and cultural problems of America? How are quality standards going to strengthen the

academic and research processes of human and social sciences? Should the university renew its administration, admission and relationship mechanisms with government entities? What strategies are being implemented to strengthen the teaching, research, extension, social projection and student life processes? Is a curricular reform necessary for the undergraduate and graduate programs? Are student movements a key part of the renewal of higher education? Therefore, it is urgent that the academy take measures in this regard and deepen the need to transform the university and prioritize the comprehensive training of professionals with the help of the human and social sciences.

The Cordoba Reform of 1918 represents the starting point of the transformation of the universities in Latin America, it contemplates the beginning of a true revolution for the emancipation of knowledge from the new continent. The following characteristics will be pointed out in it:

1. Professional University. It is the essential feature of our teaching, and is therefore the one that reform fights the most. Undoubtedly, society needs professionals and that the State has a duty to monitor their preparation and action. Therefore, the university can never stop having vocational schools, (...). The university must also be a great center of culture, a great center of scientific research. (...)
2. Caste University. It is for its very purpose. Only those who are interested in obtaining a degree attend university courses. There are no free, investigative disciplines within them, nor are there extensive disciplines that everyone can reach. (...)
3. University without contact with the national reality. (...) The university is moving away from the national reality. His teaching is fundamentally bookish. National problems are created and solved with absolute disregard for the university. This not only silences his opinion – which could perhaps be defended – but he does not even study, in the reduced class environment, the vital issues of the country (Cúneo, 1988, pp. 260–261).

Given these changes, Colombia and the rest of the countries of the world have presented academic and political debates for many years, in which the convergence and transformation of education is sought, aiming to turn their houses of study into the most competitive to world level. To all this, the challenge is great, since the intention

of a university reform implies a lot of work and rigor in this era of globalization. The Colombian university sector has clashed for a time with the colonial past and the dominant forces of knowledge. But the great student rebellions and emerging movements protest every day against all ideological masses that seek to homogenize and bring the university to a total market exchange. In this sense, the State must be guarantor of education and not of the servitude of the great political and academic elites.

What is sought, today with the social and human sciences is a transformation of the being and of the university task, the classrooms are called to socialize the duties and rights that correspond as a citizen, also, the formation of a critical thought is imperative in the face of to the homogenizing masses that pretend and seek to co-opt the ideas of the student body. To the aforementioned, Darcy Ribeiro one of the great intellectuals of education in Latin America refers to the subject as follows:

The historical performance of the Latin American university was parallel to that of our societies. During the colonial period she was the formative matrix of the clergy and the literate elites that integrated the leading layer of monarchical colonialism as a mediocre and reactionary intellectual. After independence, it carries out the same function, forming lawyers with a mentality steeped in anticlerical and anti-realist judgments, but always loyal to the interests of the ruling classes. (2006, pp. 18–19).

These changes in higher education, from the colony to the present day, are what have driven the transformation of new paradigms to university education, that is, the clergy and the upper class is not the only one that is formed, it is society. , the independence and social movements, those that have contributed to the formation of the intellectuals and these in turn have managed to permeate the work of critical thinking. In this sense, these increases in enrollment in universities mark a turn in the dynamics of the scenarios of higher education, monopolistic contexts move to university systems, simple institutions jump to complex institutions, all this sitting in the reforms that are beginning to locate the length and breadth of America.

The trends of the reforms in Latin America (Amador & Didriksson, 2011) significantly impacted the demands for access to

education and autonomy regulations. They highlight the great value of the successive reforms that were coined in the different public universities throughout the continent of America:

This was the most important axis of the successive reforms that almost all public universities in the region underwent during an important part of the 20th century, and that allowed them to ride the wave of the strong societal process that marked, and in some countries of the region it continues marking, the passage from a higher education of elites to a higher education of the masses as a derivation of the demands of access to education of wide social sectors, and of the own democratization of our societies. These institutions were the vehicle for the first phase of expansion of university coverage and expansion of access to higher education, which was at the center of the various reforms. Thus, in the framework of the great mega-reform that was the so-called first reform of higher education, articulated on the basis of co-management and autonomy, they were implementing broad and successive micro-reforms that allowed the consolidation and development of their political model and academic (Amador & Didriksson, 2011, p. 27).

The universities of America must today demand more than ever the autonomy category, but it is also the one that must detach itself from the umbilical cord (paternalism and political patronage) to achieve this process of transformation of knowledge and academia. A careful sweep should be given on all the tasks of the university environment: teaching, research, extension, social projection and students. Likewise, accompany the demands of the different student movements that promote modifications in the structures of the higher education system.

The university reform is preceded by a new spirit of revolutionary character, which is evident from the reform in Córdoba, where students take a leading role in carrying out structural reforms at the base of society and the management of production in favor of workers. The ideology of university reformism is contested to conservative societies influenced by policies promoted by the ruling classes. The student movement after the reform is aware that as long as the current social regime subsists, the reform will not be able to touch the roots of the educational problem. The purpose of

the reform is to achieve greater democracy in the universities, greater university autonomy and grant greater power to students (Mariátegui, 2007).

What is pursued with the university reform, is that students have more participation in decision-making and with it, more responsibility in their comprehensive training to choose the authorities of the institution, thus making more democratic educational centers. However, it does not end there, for the universities to stop being simple «title factories» it is necessary to transform the class division, while only thinking about profit, the exploitation of the workers will be greater and this will always be located as the class middle, with economic crises and lack of comprehensive training in the human and social sciences (Cúneo, 1978). In short, the programs of social and human sciences in Colombia, as in all of America, have the purpose of forming in their national plan, ethnic diversity, public policies, knowledge related to national and international problems, this being a strategy that must be multiplied with the greatest impact on the organisms or institutes that promote research.

However, the reality is complex, the struggles for entry to the academic and scientific settings in Colombia are governed by the National Council of Science and Technology (Colciencias), the institution in charge of executing scientific and technological policies and evaluating the research carried out in Colombia (Mejía, 2009). However, the process of managing and acquiring resources for projects is problematic. Thus, in the last 20 years, the entity in charge of innovation and technology has been affected by state policies and the malfunction of its representatives. For this reason, it is also urgent to have an educational and scientific reform for the institutional entities that govern the interests of the university and scientific investigative work.

For the former director of the Center for Research and Popular Education, CINEP:

The social sciences in Colombia are not only challenged to understand the country's diverse and conflictive reality, but above all that of «consolidating the response paths and the transformation strategies necessary to consolidate a just, sustainable and peaceful coexistence between us» (García Durán, 2008, p. 359). Hence the

social sciences have to be linked with moral philosophy, given that what it is about, at least in part, is Marx's saying that the objective is not only to interpret the world but to transform it, which inevitably implies some concept of justice and the human good (Chambers, 2013, pp. 228–229).

Similarly, higher education must be transformative, «before existing as a fact in the world of things, it must exist as a project, a utopia, in the world of ideas» (Ribeiro, 2006, p. 100) , must seek the emancipation of the student, according to Freire's critical pedagogy. Education must create a state of consciousness in which the situation is known and the role that the individual plays in relation to his environment, to transform him.

Conclusions. Within each university campus, the interest of the social and human sciences must be different. It is clear, then, that the construction of a new university for contemporary societies is the responsibility of the State and of higher education institutions. universities which ensure the comprehensive, ethical and critical training of their professionals. Indeed, institutions and public policies must focus on the transformation and renewal of higher education, where the fundamental pillar is the formation of the student in his being and his work as a person, in addition, it is appropriate to be consistent in praxis and theory.

It is necessary for teachers to encourage students through transversal courses in the human sciences, to read other cultures and different political approaches, so that critical, creative thinking and, above all, more diversified knowledge is fostered, allowing them to each student to understand and not marginalize the different ways of living, thinking and feeling. It is essential that within the teaching and strengthening of the social and human sciences, the universities promote the principle of responsibility, authenticity and citizen awareness, to form tolerant societies ready for social transformation. In the same way, the teaching of ethical and moral foundations in defense of the human condition of each person must be demanded, to accommodate in schooling social, ethnic and cultural minorities, allowing diversity to be embraced in education.

Finally, it is necessary to work for a university educational reform that makes visible the importance of the human and social sciences in the academic and investigative events, it is these sciences

that allow a balance in society, to understand and to ask about him and the other. As Leonardo Boff would say, each one reads with their own eyes and interprets from where they step on their feet.

Literature

1. Amador R., Didriksson A. Scenarios of the Latin American public university. Mexico: Plaza and Valdés Editores, 2011.
2. Chambers P. The social sciences as another scenario of the Colombian conflict // AlasdairMacIntyre philosophy. Co-inheritance magazine. 2013. 10 (18). P. 223–252. URL: <http://www.scielo.org.co/pdf/cohe/v10n18/v10n18a08.pdf>.
3. Cúneo D. The university reform. Caracas, Venezuela: Ayacucho Library, 1988.
4. Colli G. Political Plato. Mexico: Editorial sixth floor S.A. de C.V., 2011.
5. Kung H. Project of a world ethic. Madrid: Trotta, 1998.
6. Mejía A. Research in social and human sciences under the framework of the university – company – state model // Inter-American Journal of Library Science. 2009. 32 (2). P. 231–252. URL: http://www.scielo.org.co/scielo.php? Script = sci_arttext & pid = S0120-09762009000200008.
7. Mariátegui J. Essays of interpretation of the Peruvian reality. Caracas, Venezuela: Ayacucho Library, 2007.
8. MacIntyre A. Rights, Practices and Marxism: Reply to Six Critics // AnalyseundKritik. 1985. 7 (2). P. 234–248. URL: <https://doi.org/10.1515/auk-1985-0208/>.
9. Ribeiro D. The new university: a project. Caracas, Venezuela: Ayacucho Library, 2006.
10. Sloterdijk P. Critic of Cynical Reason. Barcelona: Editions of cultural intervention / Buridán library, 2003.
11. Tedesco J. Education and social justice in Latin America. Buenos Aires, Argentina: Fondo de cultura economico de Argentina, S.A., 2012.

КОРРУПЦИЯ В РОССИИ: СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПОДХОДЫ В ЕЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ

С.Н. Белясов, канд. юрид. наук, доцент

ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический
университет», г. Орехово-Зуево

Аннотация. Обосновывается идея о формулировании более совершенного определения при сохранении рамок, заданных законодателем. Представлено сравнение подходов к определению коррупции в значимых для России документах. Излагая проблемные моменты борьбы с коррупцией в стране, автор предлагает меры по совершенствованию отечественного законодательства в данной области, направления по активизации противодействия коррупцион-

ным проявлениям государственными служащими.

Ключевые слова: безопасность, коррупция, конфликт интересов, коррупциогенные проявления.

CORRUPTION IN RUSSIA: EXISTING APPROACHES TO COUNTERING IT

S.N. Belyasov

Abstract. The article substantiates the idea of formulating a more perfect definition while maintaining the framework set by the legislator. A comparison of approaches to the definition of corruption in important documents for Russia is given. Outlining the problem points of the fight against corruption in the country, the author proposes measures to improve the domestic legislation in this area, directions for enhancing the opposition to corruption by government officials.

Keywords: security, corruption, conflict of interests, corruption-related manifestations.

Тема коррупции и противодействия ее проявлениям в России всегда была актуальна. В настоящее время можно наблюдать растущую волну этого противоправного явления, как и предлагаемых мер борьбы с ним. По официальным сведениям Судебного департамента при Верховном Суде России, в 2018 г. судами России было вынесено 16 тыс. 607 обвинительных приговоров по уголовным делам коррупционной направленности. Причем по наиболее значимым составам преступлений, таким как коммерческий подкуп (ст. 204 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), посредничество в коммерческом подкупе (ст. 204.1 УК РФ), мелкий коммерческий подкуп (ст. 204.2 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ), дача взятки (ст. 291 УК РФ), посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ), мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ), а также служебный подлог (ст. 292 УК РФ), было вынесено судами 8 тыс. 598 обвинительных приговоров. Из них только за получение взятки (ст. 290 УК РФ) было вынесено судами 2 тыс. 167 обвинительных приговоров, а за дачу взятки (ст. 291 УК РФ) – 1 тыс. 552 обвинительных приговора [1].

Проблема определения реальной коррупционной ситуации в России является чрезвычайно сложной, поскольку для ее установления необходимо получение объективной информации о формируемых источниках и показателях коррупции, которые

будут выступать критерием ее оценки. В их отсутствие получить реальную картину о коррупции будет невозможно.

К сожалению, в России нет единой разработанной научно обоснованной методологической системы оценки коррупции и ее влияния на механизмы государственного управления и развития общества, хотя попытки разработать и применять методические системы оценки коррупционных ситуаций в России осуществляются. Примером могут служить Методические рекомендации по проведению оценки коррупционных рисков, возникающих при реализации функций, предложенные в Письме Министерства труда и социальной защиты России от 25 декабря 2014 г. № 18-0/10/В-8980 «О проведении федеральными государственными органами оценки коррупционных рисков» [2].

С учетом указанных Методических рекомендаций 13 июля 2017 г. были разработаны и утверждены протоколом № 47(7) заседания проектного комитета «Методические рекомендации по проведению оценки коррупционных рисков в федеральных органах исполнительной власти, осуществляющих контрольно-надзорные функции» [3]. Документ нацелен на выявление в контрольно-надзорном органе, исходя из его компетенции, коррупционных рисков. Помимо этого документа в России действует также Методика оценки эффективности деятельности подразделений кадровых служб по профилактике коррупционных и иных правонарушений, утвержденная Министерством труда и социальной защиты России [4]. Она разработана во исполнение п. 14 плана мероприятий («дорожной карты») по реализации Основных направлений развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2016–2018 гг., утвержденных распоряжением Правительства России от 12 сентября 2016 г. № 1919-р [5].

Несмотря на достаточно высокий уровень подготовки методических рекомендаций, все они имеют узконаправленный характер и могут служить лишь средством предупреждения коррупционных проявлений в отдельных государственных органах России. В то же время правовой документ, который устанавливал бы порядок оценки состояния коррупции в обществе и структурах государственного управления, в России до сих пор отсутствует. Представляется целесообразным поручить заинте-

ресованным ведомствам России под патронажем Совета при Президенте России по противодействию коррупции разработать собственную рейтинговую систему оценки состояния коррупционности в стране.

Принимаемые со стороны государства различные меры противодействия преступности, в том числе и отраслевые средства борьбы с коррупцией, включая меры уголовной, административной, а также материальной ответственности, являются сдерживающим и эффективным средством противодействия этому социальному злу. Однако они не решают главной задачи – ликвидации условий и причин, которые способствуют формированию коррупции. Иными словами, коррупция может быть исключена в России только тогда, когда само общество и государство будут свободны от формирования и проявления коррупционных факторов.

В целях противодействия коррупции на международном уровне в настоящее время приняты широко известные международные антикоррупционные документы, такие как: Конвенция ООН против коррупции 2003 г. [6], участницей которой является Россия, Декларация ООН о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях [7] и др. В целях пропаганды знаний о коррупции 9 декабря является Днем борьбы с коррупцией, который учредила ООН.

В качестве правовых мер противодействия коррупции органы государства в России успешно используют уголовные, административные, материальные, а также дисциплинарные меры. Все они без исключения являются эффективным средством борьбы с коррупцией, их также в полной мере используют все страны мира. Тем не менее каждое государство помимо правовых мер вырабатывает свои организационные меры противодействия коррупции. В России одной из таких организационных мер является Национальный план противодействия коррупции. Он принимается с 2008 г. сроком на два года. Последний такой план был принят Указом Президента России 29 июня 2018 г. № 378 и рассчитан на 2018–2020 гг.

Арсенал средств борьбы с коррупцией в России можно расширить, если заимствовать опыт западных стран в использовании гражданско-правовых мер противодействия коррупции.

Его суть заключается в том, что если чиновник, а также члены его семьи или иные близкие родственники не смогли объяснить и путем предоставления декларации подтвердить полученные им чрезмерно высокие доходы или покупку дорогих вещей, то такие доходы по иску уполномоченных органов подлежат правовой оценке судом и возможной конфискации в бюджет государства.

Правовая база для использования такого метода у России имеется. Так, в частности нормы п. 8 ст. 235 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) гласят, что «обращение по решению суда в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы». Указанная норма тесно связана с положениями ст. 17 Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, занимающих государственные должности, и иных лиц их доходам»¹, которая дает право прокурору путем подачи иска в суд инициировать вопрос о конфискации имущества, если должностное лицо при декларировании своих доходов не представило сведения о законности их происхождения.

Идеи расширения возможности конфискации имущества определенной категории лиц, допустивших нарушения действующего законодательства, придерживаются также профессора А.А. Арямов и Е.О. Руева [8. С. 54–55].

Таким образом, в настоящее время законодательство России предусматривает меры конфискации имущества у должностных лиц, членов их семей, если ими не представлены в соответствии с законодательством России о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы. Однако такие меры целесообразно расширить, как это сделано во многих странах Запада, внося соответствующие изменения в части субъектного состава лиц, которые подпадали бы под действие федерального законодательства о конфискации. К их числу сле-

¹ О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам: Федер. закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ (ред. от 03.11.2015) // СЗ РФ. 2012. № 50 (ч. 4). Ст. 6953.

дует отнести взяткодателей и посредников во взяточничестве, иных родственников должностного лица.

Литература

1. Сведения судебной статистики по делам коррупционной направленности за 2018 г. // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=150> (дата обращения: 13.03.2020).

2. О проведении федеральными государственными органами оценки коррупционных рисков: Письмо Минтруда России от 25.12.2014 № 18-0/10/В-8980 // Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

3. Методические рекомендации по проведению оценки коррупционных рисков в федеральных органах исполнительной власти, осуществляющих контрольно-надзорные функции, утвержденные протоколом заседания проектного комитета по основному направлению стратегического развития «Реформа контрольной и надзорной деятельности» от 13.07.2017 № 47(7) // Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

4. Методика оценки эффективности деятельности подразделений кадровых служб по профилактике коррупционных и иных правонарушений, утвержденная Минтруда России // Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

5. Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по реализации Основных направлений развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2016–2018 годы: Указ Президента Российской Федерации от 11.08.2016 № 403 // СЗ РФ. 2016. № 38. Ст. 5604.

6. Конвенция ООН против коррупции принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН; Россия ратифицировала Конвенцию Федеральным законом от 08.03.2006 № 40-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.

7. Декларация ООН о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях: принята резолюцией 51/191 Генеральной Ассамблеи от 16.12.1996. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bribery.shtml (дата обращения: 13.02.2020).

8. Арямов А.А., Руева Е.О. Проблемы применения института конфискации имущества как средства противодействия коррупции // Рос. следователь. 2017. № 3. С. 52–55.

ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО

Г.С. Гайнетдинова, ст. преподаватель,
Н.В. Семенова, канд. биол. наук, доцент,
А.Р. Галяльтдинов, магистрант,
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Рассмотрено правовое значение государственной регистрации прав на недвижимое имущество. Приводятся различные мнения ученых-юристов по данному вопросу.

Ключевые слова: недвижимое имущество, государственная регистрация недвижимого имущества, Единый государственный реестр недвижимости, Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости».

LEGAL VALUE OF STATE REGISTRATION OF RIGHTS TO REAL ESTATE

G.S. Gainetdinova, N.V. Semenova, A.R. Galyaltdinov

Abstract. This article examined the legal significance of state registration of rights to real estate. Various opinions of legal scholars on this issue are considered.

Keywords: real estate, state registration of real estate, Unified state register of the real estate, Federal Law «About the State Registration of the Real Estate».

Действующее законодательство Российской Федерации предусматривает обязательную регистрацию права на недвижимость в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним [1; 2; 3].

Государственная регистрация права на недвижимое имущество есть акт признания и подтверждения для третьих лиц изменения, обременения, перехода или прекращения права субъекта гражданских правоотношений на недвижимое имущество государством в лице уполномоченных регистрационных органов.

Государственную регистрацию как деятельность следует рассматривать в широком и узком смысле. Понятие государственной регистрации в широком смысле как о процессе более отвечает интересам специалистов государственного управления. Понятие регистрации в узком смысле как субъективной цели

заявителя и есть интересующее юристов определение, о нем же и говорится в законе. Эта цель воплощается или не воплощается в результате государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним. При этом государственная регистрация не является ненормативным правовым актом, порождающим юридические последствия.

Ю.К. Толстой полагает, что «государственная регистрация как юридический факт не имеет самостоятельного значения, а является лишь элементом юридического состава, на основании которого происходит возникновение, ограничение, переход или прекращение прав на недвижимость» [5].

О.В. Скремента полагает, что государственная регистрация прав на недвижимое имущество не носит правоустанавливающий характер, так как акт регистрации, совершаемый регистрирующим органом сам по себе, не влечет возникновения прав на недвижимое имущество [6].

В научной литературе высказано мнение о том, что придание государственной регистрации правосоздающего характера вызывает ряд проблемных моментов. Так, например, при приобретении недвижимости покупатель, как правило, производит авансовый платеж, а уже после государственной регистрации перехода прав оплачивает ее полностью. Но после государственной регистрации прав за покупателем у него уже нет необходимости производить оплату полностью. Однако, если покупатель производит оплату, то речь идет о дарении, которое запрещено в отношениях между коммерческими организациями.

Итак, в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, государственная регистрация прав на недвижимое имущество определяет момент возникновения права, но не выступает в качестве основания возникновения такого права.

Н.Н. Гонтарь полагает, что основания для административно-правовой процедуры государственной регистрации наличия, возникновения и прекращения права собственности на недвижимое имущество следует классифицировать на два вида:

1) государственно-правовые: акты, изданные органами государственной власти или органами местного самоуправления в рамках их компетенции; акты (свидетельства) о приватизации

жилых помещений; акты (свидетельства) о правах на недвижимое имущество, выданные уполномоченными органами государственной власти; вступившие в законную силу судебные акты;

2) частноправовые (гражданско-правовые): договоры и другие сделки в отношении недвижимого имущества, свидетельства о праве на наследство, иные акты передачи прав на недвижимое имущество и сделок с ним заявителю от прежнего правообладателя, иные документы, которые в соответствии с российским законодательством подтверждают наличие, возникновение и прекращение прав [4].

Перечень правоустанавливающих документов, на основании которых может быть проведена государственная регистрация прав на недвижимое имущество, не является закрытым, что, с одной стороны, абсолютно верно, с другой – не всегда положительно сказывается на практике.

Таким образом, подводя итоги рассмотрения вопроса о значении государственной регистрации прав на недвижимое имущество, выделим следующие основные положения:

1. Государственная регистрация, исходя из своей правовой природы, имеет правоподтверждающее значение и определяет момент подтверждения, удостоверения государством наличия уже существующего субъективного вещного права на недвижимое имущество.

2. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество составляет ядро особого правового режима недвижимого имущества, основной целью установления которого является обеспечение устойчивости гражданского оборота посредством подтверждения государством и обеспечения им гарантии прав на недвижимое имущество.

3. Российская регистрационная система, приняв за основу германскую регистрационную систему перехода и обременения прав на недвижимое имущество, помимо регистрации прав знает и регистрацию сделок, в большинстве своем имеющих сильное социальное значение. Этот факт, безусловно, влияет на легальное и доктринальное определение понятия государственной регистрации.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята 12 декабря 1993 года всенародным голосованием (с учетом поправок, внесенных в Конституцию Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Рос. газета. 1993. 25 дек.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // СЗ РФ.

3. О государственной регистрации недвижимости: Федер. закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // СЗ РФ. 2015. № 29. Ст. 4344; 1994. № 32. Ст. 3301.

4. Гонтарь Н.Н. Государственно-правовое регулирование оборота недвижимого имущества в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008.

5. Гражданское право: в 3 т. / под ред. Ю.К. Толстого. М., 2009. Т. 1. 549 с.

6. Скремета О.В. Архитектурный менеджмент в условиях рыночной экономики. Челябинск, 2006. С. 11.

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

З.Ш. Гатауллин, канд. юрид. наук, доцент
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет», г. Казань

Аннотация. Представлен анализ содержания уголовного преследования в современном российском уголовном судопроизводстве. Показано различие в теоретических подходах к этому определению.

Ключевые слова: уголовное преследование, уголовный процесс, судебное производство, раскрытие преступлений.

CONCEPT AND CONTENT OF CRIMINAL PROSECUTION IN ADVERSARIAL PROCEEDINGS

Z.Sh. Gataullin

Abstract. The presented work provides an analysis of the content of criminal prosecution in modern Russian criminal proceedings. The difference in theoretical approaches to this definition is shown.

Keywords: criminal prosecution, criminal proceedings, judicial proceedings, disclosure of crimes.

В отечественной уголовно-процессуальной теории и практике дефиниция «уголовное преследование» используется с конца XIX века. До этого правовые документы его не использовали. В Уставе уголовного судопроизводства (1864) впервые законодателем термин «уголовное преследование» был применен легально.

Позже исследуемый нами термин применялся законодателем в нормах УПК РСФСР 1922 года [4]. Тем не менее его не было в тексте УПК РСФСР 1960 года [1], вновь он появился лишь в УПК РФ 2001 года как результат реформирования его отдельных положений [3]. До этого времени его можно было встретить в иных законодательных актах, регламентирующих уголовно-процессуальные отношения. Так, в частности, согласно ст. 35 «Закона о прокуратуре» [2] прокурор является государственным обвинителем в судебном заседании. Это положение в полной мере согласуется с предписаниями ч. 1 ст. 37 УПК РФ, возлагающей на прокурора не только процессуальный надзор за законностью осуществления предварительного расследования, но и уголовное преследование. В.Н. Махов, анализируя и сопоставляя роль прокурора в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран (помимо стран СНГ), приходит к выводу, что роль надзора в досудебном производстве не свойственна прокуратуре, за которой должно быть оставлено только уголовное преследование [7. С. 53–55], а об уголовном преследовании как самостоятельной функции в современном уголовном судопроизводстве России говорит Б.А. Тугутов [8. С. 30–35].

В юридической литературе высказана и иная позиция – о нетождественности терминов «уголовное преследование» и «обвинение», поскольку уголовное преследование – это автономная функция, включающая в себя выдвижение обвинения, его обоснование в процессе доказывания, формулирование, предъявление и изменение обвинения, составление обвинительного заключения и после утверждения его прокурором направление уголовного дела в суд, где оно осуществляется путём поддержания государственного обвинения. Деятельность прокурора как носителя уголовного преследования может выражаться в различных процессуальных формах, например, при за-

ключении досудебного соглашения о сотрудничестве с обвиняемым [6. С. 52–55].

Уголовное преследование – это установление не только деяния, но и лица, его совершившего. Эта дефиниция концентрирует внимание не на отдельном участнике, например прокуроре, а на *стороне обвинения*. Это объясняется тем, что круг субъектов уголовного преследования довольно широк и, как показывают последние изменения в УПК РФ, расширяется.

Согласно УПК РФ (п. 55 ст. 5) уголовное преследование – это «процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления». По нашему мнению, термин «сторона обвинения» не совсем правильный: содержание стороны обвинения состоит из деятельности нескольких участников, на каждого из которых возложена обязанность уголовного преследования. Кроме того, оно осуществляется конкретным участником стороны обвинения. По общему правилу дознаватель или следователь ведут расследование единолично, несут персональную ответственность и самостоятельно принимают процессуальные решения. Вместе с тем производство по делу может носить групповой характер (имеется в виду ст. 163 и ст. 223.2 УПК РФ), как и в суде поддержание государственного обвинения (ч. 4 ст. 246 УПК РФ). В уголовном преследовании может принимать участие подозреваемый, если с ним заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (ст. 317.1–317.9 УПК РФ). В таком случае его обязанность – активно участвовать в уголовном преследовании соучастников [5. С. 35–37].

Следовательно, понятие «уголовное преследование» нуждается в уточнении и дополнении следующими признаками:

1) реализуется в определенной нормами УПК РФ деятельности участников уголовного судопроизводства, прежде всего стороны обвинения;

2) в уголовном преследовании могут принимать участие лица, не относящиеся к стороне обвинения и прямо не указанные в таком статусе в УПК РФ.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592 (утратил силу).
2. О прокуратуре Российской Федерации: Федер. закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 // СЗ РФ. 1992. № 47. Ст. 4472.
3. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод: Федер. закон от 20 марта 2001 г. № 26-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 13. Ст. 140.
4. Об Уголовно-процессуальном кодексе (вместе с «Уголовно-процессуальным кодексом Р.С.Ф.С.Р.»): Пост. ВЦИК от 25.05.1922 // СПС «Консультант Плюс».
5. Багаутдинов К.Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: вопросы выделения и соединения уголовных дел // Рос. юстиция. 2018. № 5. С. 35–37.
6. Епихин А.Ю. Сделка с правосудием как средство противодействия коррупции в системе антикоррупционных мер // Актуальные проблемы экономики и права. 2009. № 4 (12). С. 52–56.
7. Махов В.Н. Роль прокурора в уголовном преследовании в России и в зарубежных государствах // Законность. 2014. № 8. С. 53–55.
8. Тугутов Б.А. Функция уголовного преследования: проблемы законодательного регулирования // Рос. юстиция. 2013. № 5. С. 30–33.

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ВЕДОМСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНЩИН, ИМЕЮЩИХ АЛКОГОЛЬНУЮ И НАРКОТИЧЕСКУЮ ЗАВИСИМОСТЬ

Т.В. Кириллова, д-р пед. наук, профессор,
главный научный сотрудник
ФКУ «Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний», г. Москва

Аннотация. Рассматриваются проблемы организации социально-психологической работы с осужденными женщинами, имеющими алкогольную и наркотическую зависимость, отбывающими наказание в лечебно-исправительных учреждениях. Даются рекомендации по организации внедрения Ведомственной программы социально-психологической работы в отношении осужденных женщин, имеющих алкогольную и наркотическую зависимость.

Ключевые слова: осужденные женщины, наркотическая зависимость, социально-психологическая работа, профилактическая работа, психологическая служба, ресоциализация.

EXPERIENCE IN IMPLEMENTING THE DEPARTMENTAL PROGRAM OF SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL WORK IN RELATION TO CONVICTED WOMEN WHO HAVE ALCOHOL AND DRUG DEPENDENCE

T.V. Kirillova

Abstract. Deals with the problems of organizing social and psychological work with convicted women who have alcohol and drug addiction and are serving their sentences in medical and correctional institutions. Based on the analysis of experience, recommendations are given for organizing the implementation of a Departmental program of socio-psychological work in relation to convicted women who have alcohol and drug dependence.

Keywords: convicted women, drug addiction, socio-psychological work, preventive work, psychological service, resocialization.

Наркомания и алкоголизм, являясь социально значимыми заболеваниями, разрушают систему взаимодействия человека с миром, систему ценностей и отношений, провоцируют совершение преступлений. Согласно данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, более 35% преступлений в 2017 году были совершены в состоянии наркотического или алкогольного опьянения. Официальная статистика по наркомании приводит цифру 500 тыс. наркоманов, однако это те, кто добровольно встал на медицинский учет. Медицинские учреждения могут стационарно пролечить за год не более 50 тыс. человек. Среди общего числа наркоманов в России по статистике 20% – школьники, 60% – молодежь в возрасте 16–30 лет, 20% – люди более старшего возраста. Средний возраст приобщения к наркотикам в России составляет 15–17 лет, резко увеличивается процент употребления наркотиков детьми 9–13 лет. Отмечены и случаи употребления наркотиков детьми 6–7 лет – к наркомании их приобщают родители-наркоманы. Основными очагами распространения наркотиков в городах России являются школы и места развлечения молодежи – дискотеки и клубы. Первый раз 70% опрошенных попробовали наркотики именно здесь. По мнению экспертов, каждый наркоман привлекает к употреблению наркотиков 13–15 человек. Количество смертей от употребления наркотиков за последние годы выросло в 12 раз, а среди детей – в 42 раза. Приблизительная продол-

жительность жизни наркоманов с момента начала употребления наркотиков составляет в среднем 4–5 лет. Ежегодно от наркотиков гибнут 70 тысяч россиян. В последние годы наркоманы становятся основной причиной роста заболеваемости СПИДом, роста преступности. В связи с этим совершенствование социально-психологической работы с осужденными является актуальной задачей, направленной на повышение эффективности профилактики и лечения осужденных, больных наркоманией и алкоголизмом, на снижение рецидивной преступности в стране.

В условиях развития уголовно-исполнительной системы актуально говорить о психологической и воспитательной работе с осужденными в направлении обеспечения ресоциализации осужденных, освоения ими основных социальных функций как необходимого условия исправления и успешной адаптации в обществе после их освобождения. В Концепции развития уголовно-исполнительной системы на период до 2020 года особое внимание уделяется поиску и внедрению новых индивидуальных форм работы, обеспечивающих оказание адресной психологической помощи каждому осужденному с учетом его социально-демографической, уголовно-правовой и индивидуально-психологической характеристики. Решение поставленной задачи невозможно без применения в пенитенциарной практике современных технологий.

Во исполнение Распоряжения ФСИН России от 21 февраля 2018 года № 52-р в УФСИН России по Чувашской Республике – Чувашии внедрена Ведомственная программа социально-психологической работы в отношении лиц, имеющих алкогольную и наркотическую зависимость, в следственных изоляторах и исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы в Федеральном казенном учреждении «Лечебно-исправительное учреждение № 7 для осужденных женщин, больных алкоголизмом и наркоманией» (далее – ФКУ ЛИУ-7 УФСИН), с лимитом наполнения 854 человека. По состоянию на 5 марта 2019 года в ФКУ ЛИУ-7 УФСИН содержится 657 осужденных. Штатная численность сотрудников учреждения составляет 156 единиц.

Отряд социально-психологической работы для осужденных женщин, имеющих алкогольную и наркотическую зависимость,

создан 10 мая 2018 года и размещается на базе реабилитационного центра «Аврора» (далее – Центр) при ФКУ ЛИУ-7 УФСИН. Открытие Центра при ФКУ ЛИУ-7 УФСИН стало результатом плодотворной деятельности сотрудников Межрегионального Фонда помощи заключенным и прежде всего его президента Каннабих Марии Валерьевны. Приказом ФКУ ЛИУ-7 УФСИН от 10 мая 2018 года № 180 утверждено положение об отряде социально-психологической работы для осужденных женщин, имеющих алкогольную и наркотическую зависимость. С учетом положений Программы и исходя из имеющихся возможностей учреждения, был разработан шестимесячный курс мероприятий для отряда социально-психологической работы. В распорядке дня предусмотрено время для реализации мероприятий Курса. Центр, где проживают осужденные, проходящие Курс, включает весь комплекс помещений, необходимых для максимально автономного нахождения и проведения воспитательной, социальной и психологической работы. В помещении есть все необходимое оборудование, позволяющее восстановить, а где-то даже обучить осужденных женщин, имеющих алкогольную и наркотическую зависимость, навыкам ведения домашнего хозяйства. Помещения отряда социально-психологической работы оборудованы семью видеокамерами с выводом изображения на пост оператора видеоконтроля. Отбор осужденных женщин, имеющих алкогольную и наркотическую зависимость, в отряд социально-психологической работы осуществляется сотрудниками психологической, социальной и медицинской служб с момента их прибытия в карантинное отделение учреждения. Информация о лице, имеющем алкогольную и наркотическую зависимость, рассматривается на комиссии учреждения, которая коллегиально принимает решение о возможности распределения его в отряд социально-психологической работы при наличии письменного заявления от осужденной с просьбой пройти Курс. Перед началом прохождения Курса с осужденной заключается соглашение, в котором прописываются условия его прохождения.

Основная идея заключается в том, что в фокусе внимания работы реабилитационного центра находится личность осужденной и разрешение ее частных проблем. Целенаправленная

комплексная работа с осужденными, оказание ей разносторонней помощи имеет индивидуальный характер и учитывает ее социально-демографическую, уголовно-правовую и индивидуально-психологическую характеристики, наличие профессиональных навыков. В практической работе для достижения целей, поставленных программой, психологами учреждения используются различные способы, приемы и средства.

Наиболее эффективным, на наш взгляд, является комбинированный подход к решению проблемы психотерапевтической помощи осужденным женщинам с зависимым поведением. В своей работе пенитенциарные психологи используют практики йоги, двенадцатишаговую программу и занятия куклотерапией.

Двенадцатишаговая программа – руководство для духовного развития, не носит религиозный характер и может использоваться на любой стадии выздоровления женщины с зависимым поведением. Также она способствует пробуждению в человеке внутренней совести, раскаянию, пониманию справедливости понесенного наказания, обращается к душе человека, способствует ее росту.

Каждая участница данной программы постепенно находит свой собственный путь выздоровления. Поэтому в процессе работы психологами используется обширный арсенал психокоррекционных методов работы: психологическая игра в качестве терапевтического вмешательства во внутренний мир с целью поиска новых перспектив в жизни; занятия йогой могут дать наркозависимым необходимые навыки для начала самостоятельной и здоровой жизни без наркотиков; применение метафорических материалов, которые разрешают распознавать внутренние состояния и трансформировать их в ресурсные. Успех программы зависит от желания осужденных измениться. Метод предполагает осмыслить свою жизнь, выявить источник проблемы, обрести смысл жизни. Каждый последующий шаг необходимо делать после того, как осмыслен и освоен предыдущий. Но уже сейчас можно с уверенностью утверждать, что внедрение данной программы дает ощутимые положительные результаты.

Литература

1. Алексеев К.В., Нечаева Е.В. Социально-демографическая характеристика осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы в лечебно-исправительных учреждениях // Проблемы качества российского законодательства: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2017. С. 589–593.
2. Воспитательная работа: новые направления, методы, пути развития / Т.В. Кириллова, О.В. Кириллова, С.Е. Корышева и др. Ульяновск, 2018.
3. Ганишина И.С., Кириллова Т.В. Психология аддиктивного поведения осужденных. Ульяновск, 2018. 169 с.
4. Кириллова Т.В., Кузнецов М.И., Красикова Ю.Ю. Оказание адресной психологической помощи осужденным: современное состояние и перспективы // Перспективы науки. 2019. № 5 (116). С. 109–112.
5. Кириллова Т.В., Кириллова О.В., Блок Р.И. Повышение эффективности воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях Чувашской Республики в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы // Глобальный науч. потенциал. 2013. № 12(33). С. 7–9.
6. Нечаева Е.В. Актуальные вопросы исполнения наказания в виде лишения свободы в лечебно-исправительных учреждениях // Oeconomia et Jus. 2017. № 4. С. 28–33.
7. Нечаева Е.В., Вырлан Е.В. Социальная адаптация лиц, освобожденных от отбывания уголовного наказания за преступления в сфере оборота наркотических средств // Уголовно-правовая превенция в сфере оборота наркотических средств или психотропных веществ, алкогольной и спиртосодержащей продукции (региональный аспект): сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2015. С. 177–180.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ИНТЕРНЕТ

А.В. Моторова, ст. преподаватель

Н.Б. Малинина, ст. преподаватель

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с информационными технологиями, интенсивным развитием информационной сферы, Интернетом, который существенно расширил коммуникационное пространство, в том числе изменил привычный взгляд на природу взаимодействия власти и общества.

Ключевые слова: интернет-технологии, гражданское общество, власть, гражданская активность, сетевые коммуникации.

CIVIL SOCIETY AND THE INTERNET

A.V. Motorova, N.B. Malinina

Abstract. The article is devoted to information technologies, the intensive development of the information sphere, and the Internet that has rapidly entered our lives, which has significantly expanded the communication space, including changing the usual view of the nature of interaction between government and society.

Keywords: internet technologies, civil society, government, civic activism, network communications.

Одной из важнейших практических и теоретических проблем сегодняшней действительности является создание в России хорошо развитого гражданского общества. Без становления и развития этого субъекта общественно-политических и социально-экономических процессов невозможно рассчитывать на формирование правового демократического государства.

Благодаря появлению информационных технологий гражданское общество получило новый виток своего развития. Современные интернет-сайты оказывают существенное воздействие на сознание общества. С появлением социальных сетей, интернет-блогов и подобных сайтов у граждан появилась реальная возможность участвовать в обсуждениях, осуществлять контроль за деятельностью органов государственной власти, а также принимать участие в онлайн-голосованиях, позволяющих определенным образом воздействовать на принятие социально значимых решений. Основными функциями гражданского общества, как правило, являются: осуществление широкого самоуправления во всех сферах и на всех уровнях общественной жизни; обеспечение свободного развития личности; защита интересов каждого человека и создание разветвленной системы механизмов такой защиты [1]. Одними из главных критериев существования гражданского общества являются гласность, которая обеспечивается через независимые СМИ, поддержка свободы слова и обеспечение открытости информационного пространства [2]. С появлением Интернета реализация этих критериев стала более эффективной.

Активизация гражданского общества в Интернете происходит по двум направлениям. Во-первых, по инициативе «сверху».

Характерной чертой этого вида активности является то, что каналы взаимодействия созданы и контролируются самим государством, т.е. граждане принимают существующие правила и действуют согласно заложенному властью плану. И, во-вторых, по инициативе «снизу». Это движения самих граждан с целью выражения своих прав, интересов и мнений. Активизация пользователей в Сети проявляется в основном в форме создания виртуальных сообществ, которые функционируют с определенными целями: общественные инициативы, группы по интересам, развлечения и т.д. В любом случае сообщество граждан в Сети, объединенных одной целью, располагает большими возможностями для ее осуществления.

Интернет дает возможность прямого общения практически всех граждан с представителем власти, а следовательно, открывает новые возможности для демократии. В настоящее время Интернет становится инструментом демократии, средой ее обитания. Рождается новый тип прямой демократии – «сетевая» демократия, которая формирует среду и механизмы мобилизации для проявления активности, помощи попавшим в беду, защиты пострадавших и ущемленных, гражданского активизма и волонтерства, выстраивания эффективных коммуникаций в обществе, креативного творчества и аккумуляирования социального капитала, восприятия инноваций. «Сетевая» демократия основывается на непосредственном волеизъявлении граждан с помощью онлайн-технологий. Основным принципом сетевой демократии – это возможность для каждого в текущем режиме непосредственно участвовать в принятии любых значимых решений сообщества, к которому он принадлежит, но, к сожалению, на сегодняшний день такой возможности нет [3].

Первой проблемой в становлении гражданского общества посредством глобальной сети является то, что приблизительно только 70% населения пользуется Интернетом. Основные причины, по которым общество его не использует, – это малообразованность и отсутствие материальных средств на использование интернет-услуг. Второй, и, на наш взгляд, главной, проблемой в становлении гражданского общества является политическая индифферентность россиян. По данным опроса, большая часть наших сограждан не заинтересована участвовать в поли-

тической жизни страны, причем даже на уровне своего города, а главная причина этого – их уверенность в неспособности оказать какое-либо влияние на происходящие процессы [4]. Из 52,9 миллионов пользователей Сети только 33% потенциально участвует в политическом процессе. В основном это образованные люди молодого и среднего возраста крупных городов России [5].

Глобальная сеть «Интернет» обеспечивает пространство для постоянных общественно-политических дискуссий, открывая реальную возможность для преодоления иерархизма общественных структур. Вследствие постоянного информационного обмена политических и общественных деятелей, СМИ и граждан последним предоставляется возможность активно участвовать в подготовке и принятии политических решений. Общественно-политический дискурс, наличие обратной связи между участниками политической интернет-коммуникации являются неотъемлемыми составляющими процесса реализации активной гражданской позиции в сети «Интернет» и таким образом влияют на развитие российского гражданского общества [2].

Литература

1. Функции гражданского общества. URL: <http://za-info.ru/metodika/661-2011-03-05-17-13-17>.
2. Влияние развития Интернета и СМИ на развитие гражданского общества. URL: <http://studentline.ru/work/277/8590/>
3. Что такое сетевая демократия и чем она отличается от современной представительной? URL: <http://www.pravda.info/society/60172.html/>
4. Интернет полезен для пожилых людей. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/525160/>
5. Программа повышения общественно-политической активности молодежи Гражданская инициатива URL: http://kdm44.ru/pages/gragd_unu4uatuva.htm

ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В.И. Перепелкин, канд. юрид. наук,
В.Я. Саливаров, канд. юрид. наук,
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Анализируются вопросы, возникающие при расследовании преступлений с точки зрения нравственности. Обсуждаются причины нарушения нравственных начал следователем, даются рекомендации по его преодолению.

Ключевые слова: следственные действия, нравственность, осмотр места происшествия, освидетельствование, допрос.

MORAL GROUNDS FOR CONDUCTING INVESTIGATIVE ACTIONS

V.I. Perepelkin, V.Ya. Salivarov

Abstract. Analyzes the issues that arise in the investigation of crimes from the point of view of morality. The reasons for the violation of moral principles by the investigator are discussed, and recommendations are given for overcoming it.

Keywords: investigative actions, morality, inspection of the scene, examination, interrogation.

Процесс организации и раскрытия преступления осуществляется путем проведения следственных действий и вовлекает различных участников уголовного процесса. В любом случае следователь, обладая властными полномочиями и выступая от имени государства, принуждает участников уголовного процесса к проведению следственных действий. Даже такие нейтральные участники уголовного процесса, как понятые, привлекаемые для удостоверения факта, содержания, хода и результатов производства следственного действия в определенной степени, привлекаются в основном принудительно, хотя при этом подразумевается, что они дали добровольное согласие. Нет сомнения в том, что понятые привлекаются на основании ряда статей УПК РФ (ст. 182, ч. 3 ст. 183, ст. 184, ст. 193) в обязательном порядке, а в некоторых других случаях (например, ст. 177, 178 УПК и др.) [1] на усмотрение следователя. В данном случае нет нарушений закона.

Для охраны прав и свобод человека, кроме того, в УПК РФ введены принципы, являющиеся основополагающими началами уголовного процесса, в частности, ст. 9 УПК – «уважение чести и достоинства личности», ст. 10 УПК – неприкосновенность личности и др.

Но понятия «законность» и «нравственность» – категории не равнозначные. Если следователь, проводя расследование уголовного дела, последовательно и методично следует букве закона, это не значит, что он соблюдает нравственные начала.

Согласно энциклопедическому словарю «нравственность – это внутренние (духовные и душевные) качества человека, основанные на идеалах добра, справедливости, долга, чести и т.п., которые проявляются в отношении к людям и природе» [6]. Таким образом, точное соблюдение норм закона еще не означает нравственную чистоту следователя при расследовании уголовного дела. Нравственность – это прежде всего человеческое отношение к любому участнику уголовного процесса, независимо от его статуса (потерпевший, свидетель, подозреваемый и т.п.). На практике немало примеров, когда бывший осужденный после отбытия наказания приходил к тому же следователю за помощью для обустройства дальнейшей своей жизни.

Но известно и немало других примеров, когда следователь, формально соблюдая нормы закона, предъявлял обвинение лицу, не причастному к совершению преступления. На дальнейших стадиях уголовного процесса эта ошибка оставалось незамеченной, и невиновное лицо отбывало реальный срок.

По словам бывшего генерального прокурора Юрия Чайки, «более 14 тысяч человек в России за последние три года пострадали от ошибок правоохранительных органов и были незаконно привлечены к уголовной ответственности и более 4,6 тысяч человек были незаконно арестованы и задержаны» [7].

Основные причины такого состояния, на наш взгляд, детерминированы следующими обстоятельствами [4–6]:

- нарушение прав лиц, участвующих в следственных действиях;

- бездействие и инертность следователя при организации и проведении следственных действий, результатом чего является нераскрытие преступления;

- стойкий обвинительный уклон в расследовании;
- выдвижение в ходе расследования всего одной или двух версий;
- неглубокое изучение собранных доказательств и иных документов следствия;
- невнимательность, халатность при производстве следственных действий;
- сознательное искажение материалов уголовного дела;
- низкий уровень профессионализма, малоопытность следователей;
- небольшой следственный стаж;
- недостатки в сфере правового и нравственного сознания:
- неразвитое чувство профессионального долга;
- дефекты профессиональной совести;
- процессуальный нигилизм;
- низкий уровень общей и правовой культуры и др.

Одной из причин такого положения дел в сфере уголовного судопроизводства является резкое сокращение учебных заведений в системе МВД России. Следует отметить, что эти заведения все же являлись основным «поставщиком» квалифицированных кадров в следственные аппараты не только МВД, но и другие правоохранительные органы.

Другой причиной является переход гражданских учебных заведений на двухуровневую систему образования. Получение первичного образования по системе осуществляется в четыре года. Это привело к резкому сокращению академических часов по основным дисциплинам уголовно-правового профиля: уголовного процесса, криминалистики, оперативно-розыскных действий, криминологии, судебной медицины и психиатрии, являющихся базовыми дисциплинами для подготовки следователя.

Преодоление указанных недостатков требует устранения многих объективных и субъективных причин.

Деятельность следователя при проведении каждого следственного действия может быть успешной лишь при условии соблюдения норм морали, нравственных начал и процессуального закона. Следователь должен создать здоровую нравственную атмосферу, уважать достоинство всех участников уголовного процесса, расследовать любое уголовное дело объективно.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // КонсультантПлюс.
2. Данилов В.М. К вопросу о фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности // Конституционные и административно-правовые основы российской государственности: история, современность и перспективы развития: сб. материалов заоч. Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2015. С. 79–82.
3. Кузьмин Ю.А. Актуальность принципов диалектики для совершенствования правового сознания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3-2 (77). С. 99–102
4. Мячина Т.А., Перепелкин В.И. Проведение государственной дактилоскопической регистрации как государственная функция // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф., посв. 25-летию юрид. факультета. Чебоксары, 2016. С. 443–446.
5. Саливаров В.Я. Прекращение уголовного преследования по фактам преступлений в сфере экономической деятельности // Проблемы противодействия экономической преступности и коррупции в современной России: сб. материалов Междунар. заоч. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2014. С. 243–246.
6. dic.academic.ru>dic.nsf/es/39982/нравственность (дата обращения: 19.03.2020).
7. ria.ru>20140212/994496671.html (дата обращения: 12.02.2014).

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИНФЕКЦИОННЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Н.Н. Подольная, канд. экон. наук, доцент
Казанский институт (филиал) Всероссийского
государственного университета юстиции, г. Казань

Аннотация. Лицо, нуждающееся в медицинской помощи, при определенных обстоятельствах может и должно быть привлечено к юридической ответственности за свои действия (бездействие) как за умышленное, так и неосторожное распространение инфекционных заболеваний, опасных своими последствиями. Введение уголовного наказания для лиц, отказывающихся соблюдать карантин, проходить принудительное лечение и проверяться на наличие инфекции, уже имеется в некоторых странах и подтвердило свою результативность в противодействии распространению инфекций.

Ключевые слова: здоровье, общественная опасность, инфекционное заболевание, криминализация.

LIABILITY FOR THE SPREAD OF INFECTIOUS DISEASES: CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS

N.N. Podolnaya

Abstract. A person in need of medical care, under certain circumstances, can and should be brought to legal liability for his actions (inaction) both for the deliberate and careless spread of infectious diseases dangerous by their consequences. Criminal penalties for those who refuse to comply with quarantine, undergo compulsory treatment and are checked for infection are already available in some countries and have proven effective in counteracting the spread of infections.

Keywords: health, public danger, infectious disease, criminalization.

Желание каждого человека быть здоровым вполне естественно, ведь от состояния здоровья зависит и им же определяется полноценность жизни человека. Особенность здоровья состоит в том, что обычно оно воспринимается людьми упрощенно, как данность, согласно пословице «Что имеем – не храним, потерявши – плачем». Понимание потребности в здоровье и ценность его, хотя и осознается, но ощущается лишь в ситуации потери. Однако здоровье является ценным не только самого человека, но и социума в целом. Ценность для общества и государства здоровья граждан подчёркивает и наличие уголовной ответственности за отдельные виды деяний, совершаемых в ходе оказания (неоказания) медицинской помощи [2].

Однако поведение человека даже в той ситуации, когда он болен, может быть неадекватным его состоянию, не говоря о том, что в случае отсутствия болезни люди не всегда соблюдают санитарно-гигиенические требования, рискуя заразиться инфекционными заболеваниями и стать источником заражения других людей. Отношение человека к своему здоровью и здоровью окружающих его людей обусловлено объективными обстоятельствами, в том числе воспитанием и обучением. В связи с этим, возможно, достаточно странным звучит утверждение о том, что в случае заражения лицо, нуждающееся в медицинской помощи, при определённых обстоятельствах может быть и должно быть привлечено к юридической ответственности за свои действия (бездействие). Однако здесь логика действует несколько иная: государство должно корректировать поведение, способное причинить вред правоотношениям по защите прав

своих граждан на охрану здоровья и негативно повлиять на эффективность системы здравоохранения страны.

Государство берёт на себя обязанность по обеспечению условий для поддержания гражданами своего здоровья в нормальном состоянии, включая применение для этого и мер уголовно-правового воздействия. В частности, предусмотрена уголовная ответственность за заражение социально опасными заболеваниями: венерической болезнью (ст. 121 УК РФ), ВИЧ-инфекцией (ст. 122 УК РФ).

Обязанности всегда предполагают наличие ответственности за их неисполнение или ненадлежащее исполнение [5]. В ст. 27 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 29 мая 2019 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» сформулированы обязанности граждан в сфере здравоохранения [3]. Граждане, страдающие заболеваниями, опасными для окружающих, обязаны проходить не только осмотры, но и обязательное лечение, а также принимать меры по профилактике названных заболеваний (ч. 2 ст. 27), а граждане, проходящие лечение (ч. 3 ст. 27), – соблюдать режим лечения и правила поведения в медицинских организациях [7].

В случае неисполнения любая обязанность предполагает наступление юридической ответственности. Обязанности граждан в сфере здравоохранения закреплены в ст. 10 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ (ред. от 26 июля 2019 г.) «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (далее – Закон о санэпидемиологическом благополучии). В защите граждан от заражения опасной инфекцией состоит один из аспектов конституционного права на охрану здоровья. Более того, вполне очевидно то, что устанавливаются обязанности по поддержанию собственного здоровья в связи со здоровьем других лиц – предотвращение распространения соответствующей инфекции, предотвращение эпидемии, из-за которой может пострадать значительное количество людей. Однако это не означает, что здоровье гражданина вне связи со здоровьем других людей для государства не представляет интереса. В ч. 3 ст. 27 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 29 мая 2019 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» названа обязанность гражданина по соблюдению режима

лечения. Данная обязанность ориентирована исключительно на то, чтобы гражданин поддерживал своё собственное здоровье.

Привлечение к уголовной ответственности за заражение венерической болезнью, к примеру, предотвращает возможность совершения тем же лицом новых преступлений, что ограждает жизнь и здоровье граждан, с которыми могло бы вступить в контакт лицо, страдающее названным заболеванием [1]. Правильным было бы расширить круг деяний, за которые необходимо привлекать к уголовной ответственности граждан, которые своими действиями ставят под угрозу жизнь и здоровье других. Следует поддержать предложения по криминализации заражения таким социально опасным заболеванием, как туберкулез, если лицо заведомо знало о наличии у него данного заболевания и не предпринимало ничего для того, чтобы упредить распространение данной инфекции [8]. Представлялась бы правильной также постанова для обсуждения вопроса о криминализации и установлении уголовной ответственности и за заражение некоторыми иными видами заболеваний, когда умышленное или безответственное поведение соответствующего лица вело к заражению других данным заболеванием (к примеру, за распространение гепатита С) [6]. Также это могут быть и другие опасные для жизни человека заболевания (такие, как официально включенная в перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих, 11 февраля 2020 г. Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 января 2020 г. № 66 коронавирусная инфекция (2019-nCoV) (В 34.2), распространяемые больным лицом, осведомленным о своем заболевании, который не предпринимает действий по предотвращению распространения инфекции и уклоняется от обязательной госпитализации в инфекционный стационар (или как альтернативы – изоляции), предусмотренной ч. 1 ст. 33 Закона о санэпидемиологической безопасности, и производимой согласно п. 6 ч. 1 ст. 51 этого же закона по мотивированному постановлению главного государственного санитарного врача или его заместителя.

Положительный опыт криминализации и введения уголовного наказания для лиц, отказывающихся соблюдать карантин, проходить принудительное лечение и проверяться на вирус, имеется в Китае и Южной Корее [4]. Так, о вспышке неизвест-

ной на тот момент пневмонии в городе Ухань (провинция Хубэй) власти Китая проинформировали ВОЗ 31 декабря 2019 г. Возбудителем её (как было позднее установлено) стал новый коронавирус COVID-19. ВОЗ 11 марта была объявлена мировая пандемия этого коронавируса, а 12 марта благодаря реализуемой в стране системе мер, включая введение уголовной ответственности, Государственным комитетом по вопросам здравоохранения КНР было объявлено о прохождении в Китае пика эпидемии этого вируса. Об общественной опасности распространения инфекционных заболеваний свидетельствует статистика о COVID-19: по состоянию на 16 марта за пределами Китая заболеванием охвачено 146 стран мира, а общее количество только подтвержденных случаев заражения составляет 72 469, скончался уже 2 531 человек [9]. А в самом Китае из 80 860 подтвержденных случаев заражения 3 213 пациентов скончались, а более 67,7 тысячи человек излечились и выписались из больниц.

Литература

1. Бурдинская А.Н. Квалификация преступного заражения венерической болезнью: отдельные проблемы теории и практики // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 6. С. 140–142.
2. Власюк И.В., Верхушина Н.С. История развития норм уголовного законодательства России об ответственности за заражение венерической болезнью и ВИЧ-инфекцией // Вестн. судеб. медицины. 2015. Т. 4, № 3. С. 23–27.
3. Калецкий Е.Г. Правовые аспекты исполнения гражданами обязанности по сохранению своего здоровья в Российской Федерации // Мед. право: теория и практика. 2015. Т. 1, № 1 (1). С. 57–62.
4. Китай объявил об уголовном наказании нежелающих лечиться от коронавируса. URL: <https://www.rbc.ru/society/30/01/2020/5e32728b9a7947188f192a74> (дата обращения: 16.03.2020).
5. Крашенинников М.П. К вопросу о принятии мер гражданско-правовой ответственности за неисполнение обязательств // Вестн. Саратов. гос. юрид. академии. 2012. № 2 (84). С. 186–191.
6. Норвартян Ю.С. Заражение инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих: проблемы законодательной регламентации в УК РФ // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2015. № 3 (21). С. 104–107.
7. Романовская О.В. Обязанности граждан в сфере охраны здоровья: соблюдение режима лечения // Прав. вопросы в здравоохранении. 2016. № 1. С. 62–73.
8. Тасаков С.В. Нравственные основы норм уголовного права о преступлениях против личности. СПб., 2008. С. 153.
9. Novel Coronavirus (COVID-19) Situation. URL: <https://experience.arcgis.com/experience/685d0ace521648f8a5beeee1b9125cd> (дата обращения: 16.03.2020).

**СТАДИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА –
ГАРАНТИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ
ГРАЖДАН ОТ НЕОБОСНОВАННОГО ПРОИЗВОЛА
И БЮРОКРАТИЗМА ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ**

Н.А. Подольный, д-р юрид. наук, доцент
Казанский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
г. Казань

Аннотация. Гуманизация – это основная задача реформы уголовного судопроизводства. В связи с этим подвергается переосмыслению стадия возбуждения уголовного дела. Встаёт вопрос либо о её сохранении, но при условии реформирования, либо отказа от неё. Одной из попыток взвесить все «за» и «против» является данная статья. В ней делается вывод о том, что сохранение данной стадии – это сохранение дополнительных гарантий прав и законных интересов граждан.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, предварительное расследование, стадия уголовного процесса, сообщение о преступлении.

**THE STAGE OF INITIATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS
IS A GUARANTEE OF PROTECTION OF THE RIGHTS
AND LEGITIMATE INTERESTS OF CITIZENS
FROM UNJUSTIFIED ARBITRARINESS AND BUREAUCRACY
OF LAW ENFORCEMENT OFFICIALS**

N.A. Podolnyy

Abstract. Humanization is the main task of criminal justice reform. In this regard, the stage of initiation of criminal proceedings is being reconsidered. There is a question of either maintaining it, but subject to its reform, or abandoning it. This article is one of the attempts to weigh all the pros and cons. The author concludes that the preservation of this stage is the preservation of additional guarantees of the rights and legitimate interests of citizens.

Keywords: initiation of a criminal case, preliminary investigation, stage of the criminal process, reporting a crime.

Одной из ключевых проблем современного уголовного судопроизводства является выполнение очередного этапа реформы уголовного правосудия – отказа от стадии возбуждения уголовного дела. Так, отказ от стадии возбуждения уголовного дела назван одним из основных условий проведения судебной реформы. На это указано в Концепции судебной реформы

в РСФСР, утверждённой Постановлением РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР». В данном документе особо подчёркивается то, что стадия возбуждения уголовного дела создаёт препятствия защиты прав граждан. В частности, она не позволяет гражданам, пострадавшим от совершённого преступления, защитить свои права. Препятствием для такой защиты прав граждан был назван институт отказа в возбуждении уголовного дела. Было также обращено внимание, что стадия возбуждения уголовного дела фактически не позволяет реализовывать основные принципы уголовного судопроизводства в силу её закрытости даже от тех лиц, которые имеют интерес к вынесению соответствующих процессуальных решений. Стадия возбуждения уголовного дела рассматривается названной Концепцией как средство, с помощью которого недобросовестные должностные лица правоохранительных органов имеют возможность скрывать свои злоупотребления и делать «хорошую» статистику работы.

Следует признать, что всегда имелись и в настоящее время имеются злоупотребления, связанные с особенностями стадии возбуждения уголовного дела. Существуют проблемы, обусловленные сложностями в обеспечении прав всех лиц, интересы которых затронуты или могут быть затронутыми в ходе рассмотрения сообщения о совершении конкретного преступления. Действительно, в стадии возбуждения уголовного дела возникает слишком много проблем, вызывающих сложности в реализации прав лиц, чьи интересы были либо нарушены совершённым преступлением, либо затрагиваются проводимой проверкой сообщения о совершённом преступлении. Стадия возбуждения уголовного дела имеет массу внутренних противоречий. Они отображаются в практике правоохранительных органов проблемами, которые достаточно сложно бывает преодолеть. Этими противоречиями часто пользуются недобросовестные должностные лица ради самых различных целей, далёких от целей установления истины и достижения справедливых процессуальных решений. То есть имеются вполне определённые проблемы в данной стадии. Но вопрос состоит в том, преодолимы ли они или нет? А может быть даже более правильным было бы определить вопрос следующим образом: стоит ли преодолевать

имеющиеся проблемы данной стадии? Не лучше ли решить их более радикально – ликвидировав стадию возбуждения уголовного дела?

Отказ от стадии возбуждения уголовного дела – это радикальный способ решения проблем, возникающих при проверке сообщений о совершённом преступлении. Здесь логика простая: нет стадии – нет проблем, которые возникают в ходе этой стадии. Это так, если проблемы связаны с процедурами стадии, но ведь отдельные аргументы свидетельствуют о том, что проблемы часто бывают связаны не с самой стадией, а с действиями, которые всё равно необходимо будет проводить даже в том случае, если стадия возбуждения уголовного дела будет отменена. В частности, многое в упреках в адрес стадии возбуждения уголовного дела связано с принятием решения о возбуждении уголовного дела, т.е. с решением, которое по своей природе близко к действию именуемому в уголовном судопроизводстве целого ряда стран как регистрация совершения преступления. Однако, как показывает практика реформирования уголовного судопроизводства в странах СНГ полностью уйти от стадии возбуждения уголовного дела достаточно сложно. Даже законодательная отмена данной стадии фактически не отменяет практики выполнения проверки конкретных сообщений о совершении преступления. Так, к примеру, в ст. 186 УПК Республики Казахстан сказано, что следователь, дознаватель и иные уполномоченные законом должностные лица выносят постановление о возбуждении уголовного дела только при наличии повода и основания возбуждения уголовного дела, которые определены в ст. 177 УПК РК. Но, чтобы определить наличие оснований, необходимо провести соответствующую проверку, несмотря на то, что о ней в УПК РК ничего не сказано, поскольку в ином случае будет нарушение требования ст. 186 УПК РК. Таким образом, реформа привела к ещё худшему – отсутствию регламентации того, как должна проводиться соответствующая проверка сообщения о совершённом преступлении (её сроках и порядке). Отсутствие такой регламентации – это основа для нарушения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, способная привести ещё к более серьёзным злоупотреблениям со стороны соответствующих должностных лиц. То есть вполне

очевидно, что стремление устранить злоупотребления и гарантировать права и законные интересы граждан оборачивается ещё большей их незащищённостью в случае отказа от стадии возбуждения уголовного дела.

В связи с этим следует вспомнить то, что введение стадии возбуждения уголовного дела в 1960-е гг. было ответом на произвол в правосудии, характерный для так называемого периода культа личности Сталина. Её введение в уголовный процесс являлось частью реформы уголовного правосудия того периода, когда в обществе и государстве была осознана недопустимость повторения произвола со стороны должностных лиц и государственных органов в отношении граждан. Целью её введения было создание гарантий от необоснованного привлечения к уголовной ответственности невиновных в совершении преступления лиц. Данная стадия предполагала фильтрацию всех сообщений на предмет их достоверности, чтобы уголовный процесс не стал средством сведения счётов по мотивам, не связанным с осуществлением правосудия и установлением справедливости. Она предполагала изначально введение процедур, которые бы помогли не допустить необоснованного привлечения к уголовной ответственности невиновных в совершении преступления лиц. При этом данные процедуры изначально предполагались достаточно сложными, чтобы благодаря этой сложности выявить возможность оговора невиновных лиц, необоснованного обвинения со стороны лиц, сообщивших о совершённом преступлении. Стадия возбуждения уголовного дела предполагала наличие достаточно сложного порядка проверки сообщения о совершённом преступлении [2]. В настоящее время данная проверка определена в ст. 144 УПК РФ, где указано, какие действия и в какой срок должен провести следователь, дознаватель для того, чтобы проверить сообщение о совершённом преступлении. Данный порядок гарантирует от совершения таких действий, которые могут нарушить права и законные интересы лиц, оказавшихся в сфере проведения данной проверки [1]. Уже сама по себе такая регламентация и определение срока проведения проверки являются средством упреждения бюрократизации, на недопустимость которой указывается в Концепции судебной реформы, что ставит вопрос: не получится ли, что ликвидацией

стадии возбуждения уголовного дела будут созданы благоприятные условия для бюрократических злоупотреблений? Представляется, что ответ на этот вопрос положителен, т.е. если мы желаем бороться с бюрократизмом, за обеспечение прав и законных интересов граждан в уголовном судопроизводстве, то отказываться от стадии возбуждения уголовного дела нельзя.

Стадия возбуждения уголовного дела предотвращает возможность причинения невиновному лицу страданий, которые могут быть связаны с необоснованным привлечением его к уголовной ответственности. Достаточно сопоставить сроки, которые отводятся для проведения проверки сообщения в рамках стадии возбуждения уголовного дела и стадии предварительного расследования. Вполне очевидно, что если выявлять невиновность в порядке стадии предварительного расследования, то этот срок куда более значителен, а потому и вызванные этим страдания невиновного лица будут более сильными и продолжительными. То есть, отказываясь от стадии возбуждения уголовного дела, государство обречёт невиновных лиц на страдания, вызванные проверкой их невиновности в ходе более продолжительного срока предварительного расследования. Следовательно, решение здесь может быть только одно – сохранение стадии возбуждения уголовного дела как стадии, в ходе которой можно избежать необоснованного привлечения к уголовной ответственности невиновных в совершении преступления лиц. При этом данная стадия не нарушает прав лиц, пострадавших от совершённых преступлений, поскольку позволяет достаточно оперативно реагировать на их заявления.

Бесспорно, что не всё в стадии возбуждения уголовного дела является идеальным, эффективно работающим. Здесь много проблем, которые необходимо решать. В частности – это проблемы гарантий прав тех лиц, которые пострадали от совершённого преступления, обеспечения прав и законных интересов лиц, обратившихся с заявлением о преступлении (это могут быть не только потерпевшие). В настоящее время, к сожалению, это недостаточно проработано в действующем уголовно-процессуальном законодательстве.

Литература

1. Аристархов А.Л. О значении стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе // Рос. следователь. 2020. № 1. С. 27–30.

2. Баркалова Е.В., Стрюкова Е.Н. К вопросу об определении оснований отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела // Военное право. 2019. № 4 (56). С. 247–254.

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА В СФЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ ИНФОРМИРОВАНИЯ И ИНФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ О СОСТОЯНИИ АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА

Р.Н. Салиева, д-р юрид. наук, профессор,
зав. лабораторией правовых проблем недропользования,
экологии и топливно-энергетического комплекса
Институт проблем экологии и недропользования
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань

Аннотация. Проведен анализ нормативных правовых актов, регламентирующих отношения в сфере организации информирования и информирования населения о состоянии атмосферного воздуха, а также правоприменительной практики в указанной сфере общественных отношений. Сформулирован вывод о том, что необходимо разработать и принять общий закон «Об экологической информации», в котором целесообразно выделить специальную главу об организации информирования и информировании о состоянии окружающей среды в целом, в том числе о состоянии атмосферного воздуха.

Ключевые слова: благоприятная окружающая среда, информирование о состоянии атмосферного воздуха, организация информирования, экологическая информация.

LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN THE FIELD OF ORGANIZATION OF INFORMATION AND INFORMING THE POPULATION ABOUT THE STATE OF ATMOSPHERIC AIR

R.N. Salieva

Abstract. The analysis of normative legal regulation of relations in the sphere of organization of information and informing the population about the state of atmospheric air, as well as law enforcement practice in this sphere of public relations. It is concluded that it is advisable to develop and adopt a General law «on environmental information», in which it is advisable to allocate a special Chapter on the organization of information and informing about the state of the environment as a whole, including the state of atmospheric air.

Keywords: favorable environment, information about the state of atmospheric air, organization of information, environmental information.

В соответствии со ст. 42 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

В Законе «Об охране окружающей среды»¹ также закреплены права граждан на благоприятную окружающую среду, на ее защиту от негативного воздействия, вызванного хозяйственной и иной деятельностью, чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера, на достоверную информацию о состоянии окружающей среды и на возмещение вреда окружающей среде.

В ст. 29 Закона «Об охране атмосферного воздуха»² среди других прав закреплены права граждан, юридических лиц и общественных объединений на информацию о состоянии атмосферного воздуха, его загрязнении, а также об источниках загрязнения атмосферного воздуха и вредного физического воздействия на него.

В сфере правоприменения и правореализации важное значение имеют гарантии осуществления указанных прав. Отметим, что информация о состоянии окружающей среды, в том числе о состоянии атмосферного воздуха, имеет жизненно важное значение для каждого.

Применительно к отношениям, связанным с информацией о состоянии атмосферного воздуха, действуют общие нормы Конституции Российской Федерации, гарантирующие право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии. Также действуют нормы специального законодательства. Так, в ст. 3 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»³ среди

¹ Об охране окружающей среды: Федер. закон от 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

² Об охране атмосферного воздуха: Федер. закон от 4 мая 1999 г. № 96-ФЗ // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2222.

³ Об охране окружающей среды: Федер. закон от 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

принципов охраны окружающей среды закреплен принцип соблюдения права каждого на получение достоверной информации о состоянии окружающей среды, а также участие граждан в принятии решений, касающихся их прав на благоприятную окружающую среду, в соответствии с законодательством.

Реализация права каждого на получение достоверной информации о состоянии окружающей среды, в частности, о состоянии атмосферного воздуха, зависит также и от того, как организован порядок информирования граждан о загрязнении атмосферного воздуха на той или иной территории.

В соответствии с Законом «Об охране окружающей среды» к полномочиям органов государственной власти Российской Федерации в области охраны атмосферного воздуха отнесены, в частности, полномочия по организации информирования населения о загрязнении атмосферного воздуха и выполнении федеральных целевых программ охраны атмосферного воздуха. А к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации относится информирование населения о состоянии атмосферного воздуха, его загрязнении и выполнении программ улучшения качества атмосферного воздуха и соответствующих мероприятий.

Согласно п. 5.4.9 Постановления Правительства Российской Федерации от 23 июля 2004 г. № 372 «О Федеральной службе по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды»¹ информирование пользователей (потребителей) о составе предоставляемых сведений о состоянии окружающей среды, ее загрязнении, о формах доведения данной информации и об организациях, осуществляющих информационное обеспечение пользователей (потребителей), осуществляет Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет). Кроме того, положениями ст. 11, 52 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»² на индивидуальных

¹ О Федеральной службе по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды: Пост. Правительства Российской Федерации от 23 июля 2004 г. № 372 // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3262.

² О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: Федер. закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.

предпринимателей, юридических лиц, должностных лиц, осуществляющих федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, возложена обязанность информировать население об аварийных ситуациях, остановках производства, о нарушениях технологических процессов, создающих угрозу санитарно-эпидемиологическому благополучию населения.

Вопросы предоставления информационных услуг в области гидрометеорологии и загрязнения окружающей природной среды регулируются Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 ноября 1997 г. № 1425 «Об информационных услугах в области гидрометеорологии и мониторинга загрязнения окружающей природной среды»¹. Положениями названного нормативного акта к информационным услугам отнесено предоставление организациями Росгидромета оперативно-прогностической, аналитической, режимно-справочной информации общего назначения и специализированной информации.

В соответствии со ст. 5 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»² к полномочиям Российской Федерации в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения относится своевременное и полное информирование органов государственной власти, органов местного самоуправления, юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и граждан о санитарно-эпидемиологической обстановке. В соответствии с положениями ст. 6 указанного законодательного акта к полномочиям субъектов Российской Федерации относится обеспечение своевременного информирования населения субъекта Российской Федерации о состоянии среды обитания. Порядок информирования органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций и населения о результатах, полученных при проведении социально-гигиенического мониторинга, утвержден Приказом Федеральной

¹ Об информационных услугах в области гидрометеорологии и мониторинга загрязнения окружающей природной среды: Пост. Правительства Российской Федерации от 15 нояб. 1997 г. № 1425 // СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5410.

² О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: Федер. закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.

службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека от 5 декабря 2006 г. № 383¹.

Правила предоставления информации о метеорологических условиях, способствующих накоплению вредных (загрязняющих) веществ в приземном слое атмосферного воздуха, требования к составу и содержанию такой информации, порядок ее опубликования и предоставления заинтересованным лицам утверждены Приказом Минприроды России от 17 ноября 2011 г. № 899².

Порядок государственного учета вредных воздействий на атмосферный воздух определен Положением о государственном учете вредных воздействий на атмосферный воздух и их источников, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 апреля 2000 г. № 373³. Основной задачей государственного учета вредных воздействий на атмосферный воздух является получение информации о количестве и составе выбросов вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух, видах и размерах вредных физических воздействий на атмосферный воздух и их источников. Кроме того, Постановлением Правительства Российской Федерации от 2 марта 2000 г. № 183 «О нормативах выбросов вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух и вредных физических воздействий на него»⁴ определен порядок разработки и утверждения нормативов выбросов вредных (загрязняющих) веществ в атмо-

¹ Об утверждении Порядка информирования органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций и населения о результатах полученных при проведении социально-гигиенического мониторинга: Приказ Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека от 5 дек. 2006 г. № 383 // Информ.-прав. обеспечение «Гарант».

² Об утверждении порядка представления информации о неблагоприятных метеорологических условиях, требований к составу и содержанию такой информации, порядка ее опубликования и предоставления заинтересованным лицам: Приказ Минприроды России от 17 нояб. 2011 г. № 899 // Бюл. норматив. актов федер. органов исполнит. власти. 2012. № 12.

³ Об утверждении Положения о государственном учете вредных воздействий на атмосферный воздух и их источников: Пост. Правительства Российской Федерации от 21 апр. 2000 г. № 373 // СЗ РФ. 2000. № 18. Ст. 1987.

⁴ О нормативах выбросов вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух и вредных физических воздействий на него: Пост. Правительства Российской Федерации от 2 марта 2000 г. № 183 // СЗ РФ. 2000. № 11. Ст. 1180.

сферный воздух, вредных физических воздействий на атмосферный воздух и временно согласованных выбросов, а также выдачи разрешений на выбросы вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух.

Общие требования к разработке, построению, изложению и содержанию документов о состоянии загрязнения атмосферы для специалистов территориальных подразделений Росгидромета, занимающихся анализом гидрометеорологической информации и подготовкой Ежегодников состояния загрязнения атмосферы в городах на территории УГМС и других информационных документов для государственных органов, общественности и населения, определены в подзаконном документе – Руководящий документ РД 52.04.667-2005¹.

Вместе с тем, как показывает анализ правореализационной практики в сфере организации информирования населения, правовой механизм информирования четко не прописан. Правоприменительная практика свидетельствует о целесообразности разработки методических документов по организации информирования населения о состоянии окружающей среды, в частности, о состоянии атмосферного воздуха.

Показательным примером является решение Сибайского суда Республики Башкортостан². Прокурор города Сибай Республики Башкортостан, действуя в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц, обратился в суд с административным иском к Администрации городского округа г. Сибай Республики Башкортостан о признании незаконным бездействия, выразившегося в нереализации полномочий по осуществлению в пределах своей компетенции координации деятельности физических и юридических лиц в области охраны атмосферного воздуха, по информированию

¹ Руководящий документ РД 52.04.667-2005 «Документы о состоянии загрязнения атмосферы в городах для информирования государственных органов, общественности и населения. Общие требования к разработке, построению, изложению и содержанию» (утв. Федеральной службой по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды 1 февр. 2006 г.) // Компания «Технорматив». М., 2013. Информ.-прав. обеспечение «Гарант».

² Решение № 2А-127/2019 2А-127/2019–М-41/2019 М-41/2019 от 6 февраля 2019 г. по делу № 2А-127/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ySqAWevskZHJ/?regulartxt=%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1> (дата обращения: 04.06.2020).

населения о состоянии атмосферного воздуха, его загрязнении и выполнении программ улучшения качества атмосферного воздуха и соответствующих мероприятий. Администрация городского округа г. Сибай Республики Башкортостан, не признавая административные иски требования прокурора города, указала, что информирование населения города об экологической обстановке в городе ведется путем непосредственного общения с жителями города, размещения информации в сети «Интернет», в средствах массовой информации. Решением суда иски требования удовлетворены частично, признано незаконным бездействие Администрации городского округа г. Сибай Республики Башкортостан, выразившееся в неинформировании населения о состоянии атмосферного воздуха, его загрязнении и выполнении программ улучшения качества атмосферного воздуха и соответствующих мероприятий. При этом на Администрацию была возложена обязанность принять меры по информированию населения о состоянии атмосферного воздуха в суммарной концентрации загрязняющих веществ, выполнении программ улучшения качества атмосферного воздуха и соответствующих мероприятий с периодичностью каждые два часа путем размещения соответствующей информации с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», телевидения и радиовещания.

Положительным примером информирования о загрязнении атмосферного воздуха является сайт Государственного природоохранного бюджетного учреждения «Мосэкомониторинг»¹ (далее – Мосэкомониторинг), где представлена обобщенная информация о качестве воздуха в Москве.

Необходимо отметить, что состояние атмосферного воздуха, уровень его чистоты или загрязненности оказывает влияние на состояние здоровья граждан, а также на состояние растительного и животного мира. Так, в соответствии с нормами п. 1 ст. 79 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»² установлено, что вред, причи-

¹ Государственное природоохранное бюджетное учреждение «Мосэкомониторинг». URL: <http://www.mosecom.ru/> (дата обращения: 07.09.2020).

² Об охране окружающей среды: Федер. закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

ненный здоровью и имуществу граждан негативным воздействием окружающей среды в результате хозяйственной и иной деятельности юридических и физических лиц, подлежит возмещению в полном объеме.

В связи с этим можно привести следующие примеры. В соответствии с позицией Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в Постановлении от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»¹ (далее – Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21), вред, причиненный окружающей среде, а также здоровью и имуществу граждан негативным воздействием окружающей среды в результате хозяйственной и иной деятельности юридических и физических лиц, подлежит возмещению в полном объеме. Кроме того, Верховный Суд Российской Федерации отмечает также, что возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина, в том числе сокрытием информации либо предоставлением несвоевременной и недостоверной информации о состоянии окружающей среды, а также отказом в предоставлении такой информации, повлекшим возникновение заболевания, осуществляется с учетом утраченного потерпевшим заработка (дохода), который он имел либо определенно мог иметь, а также дополнительно понесенных расходов, вызванных повреждением здоровья, в том числе расходов на лечение, дополнительное питание, приобретение лекарств и других расходов.

Необходимо также обратить внимание на то обстоятельство, что в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21² вред, причиненный здоровью граждан негативным воздействием окружающей среды, является основанием для компенсации морального вреда. Однако, разрешая вопрос о компенсации морального вреда, суду следует устанавливать, чем подтверждает-

¹ О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: Пост. Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 окт. 2012 г. № 21 // Рос. газета. 2012. № 251.

² Там же.

ся факт причинения вреда потерпевшему, какими действиями (бездействием) он был нанесен, степень вины причинителя вреда, а также какие нравственные или физические страдания перенесены потерпевшим, в какой сумме потерпевший оценивает их компенсацию и другие обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения заявленных требований. Так, например, в соответствии с Апелляционным определением Следственного комитета по гражданским делам Оренбургского областного суда от 18 января 2017 г. по делу № 33-276/2017¹ заявитель предъявил иск к индивидуальному предпринимателю о взыскании компенсации морального вреда. В заявлении указывалось, что для нужд предпринимательской деятельности ответчик использует топливный генератор, в результате чего было установлено превышение в атмосферном воздухе концентрации загрязняющих веществ, в том числе во дворе и в доме, где истец проживает постоянно. Это неблагоприятно сказалось на здоровье истца, в связи с чем он просит взыскать в свою пользу с ответчика компенсацию морального вреда. Индивидуальный предприниматель был привлечен к ответственности по ст. 6.3 КоАП РФ² за нарушение законодательства в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Однако требование о компенсации морального вреда судебной коллегией было отклонено в связи с тем, что доказательств, бесспорно подтверждающих факт причинения истцу физических или нравственных страданий действиями ответчика, повлекшими для него какие-либо негативные последствия, представлено не было. По делам о компенсации морального вреда истец должен доказать причинение вреда при определенных обстоятельствах и конкретным лицом, степень физических и нравственных страданий, претерпеваемых им, и в чем они выражаются, причинно-следственную связь между причинением вреда и наступившими физическими и нравственными страданиями, размер компенсации вреда. Сам по себе факт привлечения ответчика к админи-

¹ Апелляционное определение Следственного комитета по гражданским делам Оренбургского областного суда от 18 января 2017 г. по делу № 33-276/2017 // Информ.-прав. обеспечение «Гарант».

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

стративной ответственности за нарушение законодательства в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения, санитарно-эпидемиологических требований к эксплуатации общественных помещений не является достаточным основанием для взыскания с ответчика в пользу истца компенсации морального вреда, поскольку не свидетельствует о безусловном причинении вреда истцу.

Для установления причинно-следственной связи между причинением вреда от загрязнения атмосферного воздуха и наступившими заболеваниями, физическими и нравственными страданиями необходимо проведение судебно-медицинской экспертизы в соответствии с порядком, установленным российским законодательством.

В целях соблюдения конституционного права каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии, в соответствии с вышеизложенным полагаем, что необходимо полномочным организациям осуществлять более полное информирование о загрязнении атмосферного воздуха ежедневно в официальных источниках, а также в онлайн-режиме.

В целом анализ правоприменительной практики свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования нормативного правового регулирования отношений в сфере организации информирования и информирования населения о состоянии атмосферного воздуха.

Примером законодательного регулирования является Модельный закон «О доступе к экологической информации»¹. Согласно его п. 4 доступ к экологической информации является неотъемлемым и безусловным правом субъектов права на экологическую информацию вне зависимости от срока давности по отношению к фактам, служащим основанием для получения требуемой информации.

¹ Модельный закон о доступе к экологической информации (принят в г. Санкт-Петербурге 06.12.1997 Постановлением 10-7 на 10-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информ. бюл. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 1998. № 16. С. 130–139.

Как отмечается в Стратегии деятельности в области гидрометеорологии и смежных с ней областях на период до 2030 г.¹, основой системы получения информации о состоянии окружающей среды является наблюдательная сеть, включающая в себя наземную систему стационарных и подвижных пунктов наблюдений, предназначенных для наблюдений за физическими и химическими процессами, происходящими в окружающей среде, определения ее гидрометеорологических и гелиогеофизических характеристик, в том числе для определения уровня загрязнения атмосферного воздуха. Распространению гидрометеорологической информации, в том числе экстренной информации об опасных для населения природных явлениях среди потребителей информации, способствует активное взаимодействие со средствами массовой информации. Российским законодательством² сбор и хранение информации о состоянии окружающей природной среды, ее загрязнении возложены на Единый государственный фонд данных³.

Как следует из Распоряжения Правительства Российской Федерации от 31 августа 2002 г. № 1225-р «Об одобрении Экологической доктрины Российской Федерации»⁴, необходимо совершенствование нормативной базы, регламентирующей взаимодействие федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих государственный экологический мониторинг, включая формирование фонда информационных ресурсов, а также обеспечение открытости информации о состоянии ок-

¹ О стратегии деятельности в области гидрометеорологии и смежных с ней областях на период до 2030 г.: Расп. Правительства Российской Федерации от 3 сент. 2010 г. № 1458-р // СЗ РФ. 2010. № 38. Ст. 4850.

² См.: ст. 15 Федер. закона от 19 июля 1998 г. № 113-ФЗ «О гидрометеорологической службе» // СЗ РФ. 1998. № 30. Ст. 3609; Пост. Правительства Российской Федерации от 21 дек. 1999 г. № 1410 «О создании и ведении Единого государственного фонда данных о состоянии окружающей среды, ее загрязнении» // СЗ РФ. 1999. № 52. Ст. 6406.

³ Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды. Единый государственный фонд данных. URL: <http://meteo.ru/egfd> (дата обращения: 11.12.2018).

⁴ Об одобрении Экологической доктрины Российской Федерации: Расп. Правительства Российской Федерации от 31 авг. 2002 г. № 1225-р // СЗ РФ. 2002. № 36. Ст. 3510.

ружающей среды и возможных экологических угрозах; бесплатный доступ граждан к информации в сфере экологии, жизненно важной для их безопасности.

Исходя из изложенного, полагаем, что целесообразно разработать и принять общий закон «Об экологической информации», в котором выделить специальную главу об организации информирования и информировании о состоянии окружающей среды, в том числе о состоянии атмосферного воздуха.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ БАЗЫ В ПОРЯДКЕ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВА НА КОММЕРЧЕСКУЮ ТАЙНУ

Н.Ю. Спиридонова, ст. преподаватель

В.В. Иванова, ст. преподаватель

Н.Г. Васильева, магистрант,

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Проведен анализ судебных решений по разглашению коммерческой тайны, вынесенных судами различных уровней. Рассмотрены и выявлены актуальные проблемы, связанные с доказательственной базой при рассмотрении спора в суде. Выдвинуты предложения по защите сведений, отнесенных к коммерческой тайне.

Ключевые слова: коммерческая тайна, положение о коммерческой тайне, доказательственная база, судебная защита, разглашение коммерческой тайны.

PROBLEMS OF THE EVIDENCE BASIS FORMATION IN THE JUDICIAL PROTECTION PROCEDURE OF THE RIGHT TO TRADE SECRET

N.Yu. Spiridonova, V.V. Ivanova, N.G. Vasilyeva

Abstract. The analysis court decisions on the disclosure of trade secrets issued by courts of various levels, examined and identified urgent problems related to the evidence base during the procedure of a dispute considering in a court. Presented proposals for the protection of information that is classified as trade secrets.

Keywords: trade secret, provision on trade secret, evidence base, judicial protection, disclosure of trade secret.

Для обеспечения конфиденциальности информации организации используются различные технические средства, меры правовой защиты, организационные и социально-психологические инструменты [5. С. 24; 6. С. 344]. Одним из самых эффективных средств в системе охраны коммерческой тайны является защита нарушенных прав на коммерческую тайну в судебном порядке.

Анализ судебной практики показал, что при рассмотрении дел о разглашении коммерческой тайны суды предъявляют повышенные требования к доказательственной базе по данной категории дел. Прежде всего работодатель обязан доказать наличие доступа работника к материалам и сведениям, которые составляют коммерческую тайну. В противном случае суд обяжет восстановить сотрудника на работе и выплатить ему компенсацию за вынужденный прогул.

Работодатель обязан принять все необходимые меры для обеспечения сохранности сведений, отнесенных к коммерческой тайне [2]. Рассматривая споры, связанные с охраной конфиденциальности информации, суды принимают решения на основании следующих данных: порядок ограничения доступа к информации, организация пропускного режима в помещения, где хранятся сведения, составляющие коммерческую тайну, установление ограниченного круга лиц, имеющих доступ к коммерческой тайне, а также наличие на материалах или носителях грифа «Конфиденциально» или «Коммерческая тайна».

Также хозяйственные общества должны обеспечить такие условия работы, чтобы была реальная возможность исключить доступ сотрудников к компьютерам коллег. Отсутствие доказательств данного факта является основанием для признания увольнения незаконным [1].

Судами допускается проведение работодателями психофизиологического исследования работников и применения полиграфа в целях выявления фактов разглашения коммерческой тайны [3]. И напротив, акты, докладные и служебные записки не всегда принимаются в качестве доказательств. Данная позиция была отражена в решении Солнцевского районного суда г. Москвы от 14.12.2017 по делу 2-2932/2017 и основана на том факте, что юридические лица составляют указанные документы в од-

ностороннем порядке, не указывая в них позицию работника [7. С. 68].

В случае предъявления требований о возмещении убытков дополнительно возникает необходимость доказать факт причинения убытков, а также причинно-следственную связь между убытками и разглашением информации.

При рассмотрении судебной практики, связанной с защитой коммерческой тайны, судов различных уровней было выявлено, что, в отличие от арбитражных, в судах общей юрисдикции встречаются более разнообразные подходы. В частности, судьи не всегда проверяют принятие обладателем информации, составляющей коммерческую тайну, полного списка мер по охране конфиденциальности сведений, установленных законом [4]. Так, например, по делу об увольнении по подп. «в» ч. 6 ст. 81 ТК РФ судом не была исключена возможность получения информации, которая, согласно точке зрения работодателя, составляет его коммерческую тайну, из свободных источников [1. С. 87].

Многими организациями факт передачи коммерческой тайны оформляется лишь отдельными актами приема-передачи конфиденциальной информации. Однако более целесообразным видится установление порядка обращения с подобными сведениями путем принятия внутреннего локального акта, а именно Положения о коммерческой тайне (конфиденциальности, конфиденциальной информации). Также важным является ведение учета лиц, которым была передана информация. Данная мера может быть реализована в виде ведения журналов учета обращений сотрудников и контрагентов, которым была передана коммерчески ценная информация.

В процессе судебной защиты прав на коммерческую тайну значимым является наличие доказательств документально оформленных отношений с лицами, которым передается конфиденциальная информация. Это означает, что трудовые отношения с работниками должны быть регламентированы трудовыми договорами и Положением о коммерческой тайне (конфиденциальной информации), а с контрагентами должны быть подписаны договор и Соглашение о коммерческой тайне (конфиденциальности, конфиденциальной информации).

Также практика показывает, что наличие отметки о том, что информация в переписке по электронной почте является конфиденциальной, выступает дополнительной гарантией того, что вторая сторона не сможет заявить о своей неосведомленности на предмет запрета разглашения подобных сведений.

На основании вышеизложенного следует отметить, что защита нарушенных прав обладателем коммерческой тайны осуществляется в суде общей юрисдикции (в случае если ответчиком является сотрудник) либо в арбитражном суде. При этом позиции судов в отношении требований к предъявляемым доказательствам могут различаться. Для полноценного обоснования факта нарушения права на защиту охраняемой информации недостаточно доказательств введения режима коммерческой тайны, необходимо также доказать факт разглашения и наличие причинной связи.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что для защиты конфиденциальной информации и возможности реально привлечь нарушителя к ответственности в случае ее разглашения к данному вопросу нужно подходить максимально ответственно, тщательно изучая конкретную ситуацию и подготавливая документы исключительно с опорой на положения закона и на актуальную судебную практику.

Литература

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 16.12.2019) [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/.
2. О коммерческой тайне: Федер. закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ (ред. от 18.04.2018) [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48699/.
3. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 28.06.2017 по делу № 2-707/2017 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/N0hpqeBKn5ob/>.
4. Апелляционное определение Московского областного суда от 24.09.2018 по делу № 33-28974/2018 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1568563#0.7401070858152095>.
5. Иванова Е.В., Алексеев А.М., Хураськина Н.В. Проблемы использования информационных технологий в арбитражном процессе // *Oeconomia et Jus*. 2017. № 3. С. 24–27.
6. Иванова Е.В., Державина А.Д. Использование информационных технологий в арбитражном процессе // Проблемы качества российского законода-

тельства: сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Чебоксары, 2018. С. 344–350.

7. Кокурина М.А. Разглашение коммерческой тайны. Как обезопасить работодателя // Труд. споры. 2019. № 6. С. 68.

О ПРАВСТВЕННЫХ НАЧАЛАХ УГОЛОВНОГО ПРАВА

А.В. Сумачев, д-р юрид. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет»,
г. Ханты-Мансийск

Аннотация. Рассматриваются некоторые установки российских граждан морально-этического плана на отдельные уголовно-правовые явления, такие как ответственность за недоносительство о преступлении, различные виды лишения жизни с согласия человека.

Ключевые слова: доносительство, укрывательство, эвтаназия, самопожертвование, ответственность.

ON THE MORAL PRINCIPLES OF CRIMINAL LAW

A.V. Sumachev

Abstract. Some installations of the Russian citizens of the moral and ethical plan for the separate criminal and legal phenomena, such as responsibility for not informing about crime, different types of deprivation of life with the consent of the person are surveyed.

Keywords: informing, concealment, euthanizing, self-sacrifice, responsibility.

Конституция любого государства – это не просто основной закон страны, но и основа для развития отраслевого законодательства. Конституционные положения отражают, как правило, базовые ценности в обществе, в том числе и некоторые этические установки в социуме. В статье озвучим мысли, сформированные где-то на основе интуиции, где-то на основе того, что живем и трудимся в обществе, а не в отрыве от него, где-то на основе результатов собственных эмпирических исследований, где-то на основе идей, в разное время высказанных представителями науки.

Так, российский обыватель убежден, что, например, любое сокрытие фактов о готовящемся или совершенном преступлении (как в форме недоносительства, так и в форме заранее не обе-

щанного укрывательства) уголовно наказуемо. Какие выводы можно сделать из этого? Предположение о возможности привлечения к уголовной ответственности за недоносительство отрицательно сказывается на самом отношении граждан к уголовному закону, а равно отношению к правоохранительным органам в целом. Основу отрицательного отношения к доносительству, по-видимому, заложили известные события 30-х годов XX столетия. Вспоминается, как еще во времена обучения в юридическом вузе преподаватели уголовного права с восторгом говорили нам об изменениях от 29 апреля 1993 года в ст. 18 «Укрывательство» и ст. 19 «Недонесение» УК РСФСР, в соответствии с которыми не подлежали уголовной ответственности: за заранее не обещанное укрывательство – супруг и близкие родственники лица, совершившего преступление; за недонесение – супруг и близкие родственники лица, совершившего преступление, а также священнослужитель о преступлении, ставшем ему известным из исповеди. И едва ли не единственным аргументом такого решения законодателя, по их словам, было то, что сильное государство, борясь с преступностью, не имеет права заставлять своих граждан доносить на близких им людей. В 1996 году принятый Уголовный кодекс Российской Федерации, продолжая традицию морального осуждения «доносительства», вообще «забыл» о недонесении как преступлении.

Однако отметим, что напряженность в обществе, вызванная чудовищными актами терроризма (Москва, Буденовск, Беслан), существенно скорректировала общественное мнение относительно недонесения о готовящихся актах терроризма. В частности, по данным А.В. Зарубина, из более чем 200 опрошенных граждан лишь два человека возражали против установления уголовной ответственности за заранее не обещанное несообщение о готовящемся акте терроризма [1. С. 159]. Как видно, происходит морально-этическая переоценка «доносительства» как безнравственного акта. Происходит, хотя очень медленно и выборочно. В частности, Федеральным законом от 6 июля 2016 года № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной

безопасности» [2] УК РФ был дополнен ст. 205.6 «Несообщение о преступлении», в соответствии с которой уголовной ответственности подлежит лицо за несообщение в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ. При этом согласно примечанию к данной статье лицо не подлежит уголовной ответственности за несообщение о подготовке или совершении преступления его супругом или близким родственником. Аналогичного рода примечания содержатся в ст. 308 «Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний»¹ и ст. 316 «Укрывательство преступлений»² УК РФ.

Отметим, что в настоящее время ст. 205.6 УК РФ называется не «Недонесение» как в УК РСФСР 1961 г., а «Несообщение о преступлении».

Отдельно можно поставить вопрос о морально-этических установках современной российской молодежи. Весьма показательными являются результаты проведенного нами анкетирования на предмет отношения россиян к вопросам эвтаназии³. В частности, среди прочих звучал вопрос об уголовно-правовом значении согласия лица на причинение ему смерти другим человеком. При этом 16,4% опрошенных граждан не проводят границы между убийством с согласия и обычным убийством, 10,9% видят разницу лишь в возможности смягчения наказания за первые случаи. Абсолютное же большинство (72,7%) выступает либо за ненаказуемость всех видов убийств с согласия (8,9%), либо за ненаказуемость отдельных его видов (63,8%).

¹ «Лицо не подлежит уголовной ответственности за отказ от дачи показаний против себя самого, своего супруга или своих близких родственников».

² «Лицо не подлежит уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство преступления, совершенного его супругом или близким родственником».

³ Нами было проанкетировано более тысячи граждан в семи субъектах Российской Федерации: г. Москва, Владимирская, Нижегородская, Свердловская и Тюменская области, Ханты-Мансийский автономный округ и Ставропольский край. Стоит отметить, что соотношение респондентов по половому признаку (мужчин и женщин) было в пропорции примерно 1 : 1 (соответственно 50,9% и 49,1%).

Однако, как видим, действующий уголовный закон наказывает все случаи убийства, хотя порой и учитывает ситуации, при которых оно совершено.

И еще немного весьма интересной информации относительно ненаказуемости специфических видов лишения жизни с согласия. Среди них, в частности, в анкете приводился примерный их перечень:

- лишение врачом жизни неизлечимо больного пациента по его просьбе (эвтаназия);

- лишение жизни неполноценного новорожденного ребенка по просьбе его родителей;

- лишение жизни тяжело раненого человека во время экстремальной ситуации (военные действия, стихийные бедствия и др.);

- лишение жизни человека – объекта научного эксперимента при проведении такого эксперимента;

- иные виды лишения жизни с согласия.

Сразу отметим, что среди *иных видов* конкретных случаев ненаказуемого лишения жизни предложено не было. Соответственно, анализ отношения респондентов к ненаказуемым видам лишения жизни человека с его согласия мы проводили на основе названных выше примеров. И здесь мы хотим акцентировать внимание на отношении граждан к убийству с согласия в зависимости от возраста анкетированных.

Молодежная категория лиц относится к эвтаназии и лишению жизни неполноценного новорожденного ребенка по просьбе его родителей более осторожно, чем старшая группа. Причина, по-видимому, кроется в недостаточно богатом жизненно-бытовом опыте: отсутствие сведений об эвтаназии либо отсутствие собственных детей и т.п. Более того, существенная разница в пропорциях мнений относительно лишения жизни неполноценного новорожденного ребенка по просьбе его родителей у женщин молодежного и зрелого возрастов (в 5,07 раза) является свидетельством ничем *неопороченного инстинкта материнства*.

Диаметрально противоположная картина проявляется при анализе соотношения (пропорций) общего количества респондентов к сторонникам легализации лишения жизни тяжело раненого человека во время экстремальной ситуации (военные

действия, стихийные бедствия и др.) или лишения жизни человека – объекта научного эксперимента при проведении такого эксперимента. И здесь молодежные группы (от 17 до 19 лет) обоих полов преподносят «сюрприз»: в обоих случаях их пропорции (в сравнении с лицами более старшего возраста) достаточно велики (5,82 : 1 и 14,88 : 1 – у мужчин, 9,16 : 1 и 11 : 1 – у женщин, в то время как у лиц старше 30 лет склонность к легализации анализируемых видов лишения жизни либо мала, либо вообще отсутствует). Какой здесь напрашивается вывод? Опять же отсутствие жизненного опыта у молодежи. В то же время юношеский задор, вера в себя как в двигатель прогресса или ключевую фигуру в истории, пусть даже «районного» масштаба, – вот те факторы, определяющие качество ответа по анкете.

Можно, однако, констатировать и тот факт, что, несмотря на порой нелестные отзывы о современной российской молодежи, она отличается *повышенным чувством самопожертвования*. Действительно, отвечая на вопрос о наказуемости/ненаказуемости лишения жизни с согласия в условиях экстремальной ситуации или проведения научного эксперимента, анкетированный поневоле ставит себя на место лица, дающего согласие, а никак не исполняющего такую просьбу. А согласие (даже абстрактное) на ненаказуемость своего «убийцы» ради спасения других или ради достижения общественно полезной цели вообще – дело весьма непростое. В связи с этим представляется нравственно обоснованным наличие в уголовном законе института обоснованного риска как обстоятельства, исключающего преступность деяния.

Таким образом, выявление нравственных установок в социуме может (и должно) способствовать не только повышению эффективности профилактической работы среди населения, но и совершенствованию национального уголовного законодательства.

Литература

1. Зарубин А.В. Уголовно-правовое регулирование прикосновенности к преступлению: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2004. 212 с.
2. СЗ РФ. 2016. № 28. Ст. 4559.

ДОГОВОРНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ

А.В. Шкредов, магистрант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары

Аннотация. Проведен теоретико-правовой анализ инвестиционного договора в системе инвестиционных отношений в рамках осуществления инвестиционной деятельности. Рассмотрены некоторые аспекты правового регулирования и особенности специфики практического применения инвестиционного договора как одного из видов кредитного договора банковской сферы.

Ключевые слова: инвестиционный договор, инвестиционные отношения, договор, банковский инвестиционный кредит, нормативные акты.

LEGAL REGULATION OF INVESTMENT RELATIONS IN THE BANKING SECTOR

A.V. Shkredov

Abstract. The article is devoted to the theoretical and legal analysis of the investment contract in the system of investment relations in the framework of investment activities. Some aspects of legal regulation and specifics of practical application of an investment agreement as a type of credit agreement in the banking sector are considered.

Keywords: investment agreement, investment relations, contract, Bank investment credit, regulations.

Инвестиционный договор, несмотря на растущую популярность, нуждается в совершенствовании правового регулирования. Нестабильность гражданских правовых договоров, заключаемых между субъектами инвестиционной деятельности, обусловлена ненадлежащим исполнением субъектами такой деятельности взятых на себя обязательств, их недобросовестностью, отсутствием должного правового регулирования договорных инвестиционных правоотношений [б. С. 127]. Безусловно, результативность и действенность правового регулирования инвестиционных отношений находится в прямой зависимости от юридически корректной квалификации инвестиционного договора.

Как отмечает А.М. Мингазова, в настоящее время, «согласно сложившейся судебной практике, судами в качестве инвести-

ционных договоров рассматриваются споры, вытекающие из договоров аренды земли, строительного подряда, кредитного договора, а также споры с внесением вклада в уставной капитал хозяйственного общества. Суды к договорам, регулирующим инвестиционную деятельность, относят также договор на долевое участие в строительстве и договор купли-продажи предмета лизинга» [5. С. 105].

Аналогичной точки зрения придерживается и К.А. Багаева, автор высказывает свою точку зрения о том, что «инвестиционный договор можно считать особым видом договора, заключаемого на основании статьи 421 ГК РФ, согласно которой стороны могут заключить договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами» [3. С. 3].

Учитывая специфику инвестиционной деятельности, множественность ее видов, усложненную структуру договорных связей и многообразие возможных участников соответствующих правоотношений, законодательное закрепление понятия «инвестиционный договор», а также урегулирование всех разногласий по поводу содержания и правовой определенности данного договора как в юридической литературе, так и в сложившейся практике просто необходимы действующему российскому законодательству.

Наличие правовых пробелов, следовательно, отсутствие их законодательного закрепления на государственном уровне, является важным фактором, который замедляет интенсивное развитие инвестиционных правоотношений, при этом снижает уровень привлекательности осуществления инвестиционной деятельности иностранными инвесторами, вызывает ряд споров, неоднозначное толкование и применение ряда норм, регулирующих инвестиционные отношения при заключении и исполнении инвестиционных договоров на практике.

В условиях нестабильности и слабого развития экономики многие предприятия сталкиваются с проблемой невозможности осуществления деятельности путем исключительно самофинансирования. Вследствие таких ограничений они вынуждены обращаться к банковскому сектору, а именно к инвестиционному банковскому кредитованию, как к одному из основных средств существования на финансовом рынке.

Кредитование инвестиционных проектов имеет существенные отличия от иных форм кредитования. Предоставление банком инвестиционного кредита заёмщику является сложным механизмом, который подразумевает различные формы и способы взаимодействия не только между банком и заемщиком, но и не исключает привлечение специальных субъектов инвестиционных правоотношений, например, экспертов, при необходимости проведения оценки платежеспособности заемщика, перспектив и возможных рисков при инвестировании в проекты или привлечение специального лица, осуществляющего посредническую функцию во взаимодействии между банком и заемщиком, который именуется агентом.

Как отмечают Ю.Ю. Матвеева и Т.Н. Толстых, банковское инвестиционное кредитование представляет собой сложный процесс, который подчиняется многочисленным факторам. «Структурированность системы банковского инвестиционного кредитования определяется его механизмом, под которым понимается совокупность организационных действий, направленных на проведение и регулирование кредитного процесса» [4. С. 23].

По мнению Е.В. Бабушкина, А.А. Осиповой, «инвестиционный кредит представляет собой кредит юридическим лицам, направленный на модернизацию предприятия и производственных процессов» [2. С. 41].

По нашему мнению, банковский инвестиционный кредит необходимо рассматривать как кредит, предоставляемый на определенных договором условиях специальным субъектом – банком – заемщику, который может быть как юридическим лицом, так и индивидуальным предпринимателем, который направлен на достижение общепользных и социально значимых результатов, а также связан с реализацией инвестиционного проекта.

Основой кредитных отношений, выстраиваемых в процессе осуществления совместной деятельности банка и заемщика по выдаче сумм займа, является кредитный договор, в котором ставятся условия и порядок обеспечения заемщика кредитом. Представляется, что оформление кредитного договора и его подписание при осуществлении договорно-правового регулирования инвестиционной деятельности в банковской сфере зани-

мает центральное место в системе предоставления банковского инвестиционного кредитования.

В соответствии с действующим законодательством Российской Федерации ст. 819 ГК РФ регулирует отношения между банком и заемщиком по предоставлению банковского кредита и именуется «кредитный договор». В соответствии с п. 1 ст. 819 ГК РФ, «по кредитному договору банк или иная кредитная организация (кредитор) обязуются предоставить денежные средства (кредит) заемщику в размере и на условиях, предусмотренных договором, а заемщик обязуется возвратить полученную денежную сумму и уплатить проценты на нее» [1]. Однако положения ГК РФ в части кредитного договора содержат оговорку о существовании кредитного договора, иными словами, определяют существенные условия, обусловленные спецификой инвестиционных правоотношений, в частности, предполагая тем самым требования к инвестиционным договорам.

По мнению Ю.Ю. Матвеевой и Т.Н. Толстых, «в кредитном соглашении отражены: вид кредита, цель его получения, срок и размеры кредита, вид обеспечения ссуды, величина процентной ставки, порядок предоставления и погашения кредита, права, обязанности и ответственность банка и заемщика, а также дополнительные условия по соглашению кредитора и заемщика» [4. С. 23].

Вместе с тем, учитывая ряд особенностей инвестиционных правоотношений, можно сделать вывод о том, что инвестиционный договор, безусловно, имеет ряд отличий от кредитного договора, ввиду различности целей, которые преследуются заемщиком при необходимости заключения соглашения на предоставление банком инвестиционного банковского кредита, а также возможности включения в условия договора положений, благодаря которым можно квалифицировать данное соглашение в качестве банковского инвестиционного соглашения.

Законодательное закрепление отдельных видов инвестиционных соглашений не означает, что тем самым инвестиционный договор обязательно будет являться самостоятельным видом или подвидом договора. Оставаясь видом кредитного договора, законодательное закрепление инвестиционных договоров с определением их правовой природы, сущности и роли в граждан-

ских правоотношениях призвано прежде всего устранить правовые неопределенности и снизить риски неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по соответствующим договорам.

Таким образом, при эффективной оценке окупаемости и перспективности заемщика, а также рациональной кредитной политике банка в сочетании с положениями, содержащимися в кредитном инвестиционном договоре, выстраивается надежная система функционирования механизма банковского инвестиционного кредитования. Более того, необходимо отметить, что в большинстве случаев регулирование такой деятельности в банковском секторе со стороны государства отводится органам государственной власти субъектов Российской Федерации.

Учитывая сказанное, можно сделать вывод о том, что банки вправе самостоятельно определять или разрабатывать типовые формы банковских инвестиционных соглашений, подводя их к общим положениям кредитного договора, применяя зарубежный опыт и практику заключения подобных соглашений, с учетом особенностей предоставления инвестиционного кредита для реализации инвестиционных проектов, оформляемых в виде инвестиционных договоров. Наиболее распространенными видами банковского инвестиционного кредитования являются такие виды, как синдицированный кредит, который на практике именуется договором об организации синдицированного кредита, а также проектное финансирование, именуемое договором об организации инвестиционного кредита на основе проектного финансирования.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (часть вторая) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Бабушкин Е.В., Осипова А.А. Особенности рынка банковского инвестиционного кредитования предприятий в Российской Федерации // Проблемы учета и финансов. 2014. № 2 (14). С. 41.
3. Багаева К.А. Понятие, признаки и основы правового регулирования инвестиционного договора // Вестн. Поволж. ин-та управления. 2016. № 3 (54). С. 3.
4. Матвеева Ю.Ю., Толстых Т.Н. Особенности банковского инвестиционного кредитования в современных условиях // Соц.-экон. явления и процессы. 2014. Т. 9, № 6. С. 23.
5. Мингазова А.М. Виды гражданско-правовых договоров, заключаемых для обеспечения инвестиционной деятельности // Вестн. экономики, права и социологии. 2015. № 1. С. 105.

6. Минькеев О.Д. Особенности гражданско-правового регулирования инвестиционной деятельности (на примере Республики Калмыкия) // Вестн. Поволж. ин-та управления. 2016. № 3 (54). С. 127–128.

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ: ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ И МЕТОДЫ

А.В. Шкредов, магистрант
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары

Аннотация. Рассмотрены нормативные положения государственного регулирования инвестиционной деятельности в банковской сфере, основные формы и методы, классификация и содержание прямого и косвенного регулирования инвестиционной деятельности. Представлен обзор научного исследования вопросов государственной инвестиционной политики в юридической литературе, акцентировано внимание на отдельных региональных актах государственного регулирования инвестиционной и инновационной деятельности.

Ключевые слова: государственное регулирование инвестиционной деятельности, инвестиционные отношения.

THE LEGAL BASIS OF STATE REGULATION OF INVESTMENT ACTIVITY IN THE BANKING SECTOR, ITS MAIN FORMS AND METHODS

A.V. Shkredov

Abstract. Discusses the regulatory provisions of state regulation of investment activity in the banking sector, the main forms and methods, classification and content of direct and indirect regulation of investment activity, presents a review of the scientific research of issues of state investment policy in the legal literature, focuses on individual regional acts of state regulation investment and innovation.

Keywords: state regulation of investment activity, investment relations.

Рассматривая отношения, возникающие в сфере инвестиционной деятельности, необходимо определить механизм государственного регулирования инвестиционной деятельности и отношений, возникающих в процессе такой деятельности, который представляет собой совокупность средств и методов государственного регулирования, определяемый воздействием государства на указанные отношения. Для государственного регулирова-

ния инвестиционной деятельности важной является сфера государственной инвестиционной политики как структурное звено государственной политики в экономической сфере, представляющее собой определенную систему методов и действий органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также органов местного самоуправления, преследующих цель создания благоприятных условий для инвестиционной деятельности и привлечения необходимого количества средств на их обеспечение.

Как справедливо отмечает А.М. Лаптева, опираясь на общее понимание термина «метод», можно определить метод государственного регулирования инвестиционной деятельности как совокупность различных приемов и способов, посредством которых государство воздействует на участников инвестиционных отношений [12. С. 56].

На сегодняшний день в законодательстве Российской Федерации государственное регулирование инвестиционной деятельности, по мнению автора, носит более общий характер, регламентируя способы и действия, осуществляемые государством в отношении инвестиционной деятельности.

Учитывая действие закона, государственное регулирование осуществляется: в соответствии с государственными инвестиционными программами; введением системы налогов с дифференцированием налоговых ставок и льгот; предоставлением финансовой помощи в виде дотаций, субсидий, субвенций, бюджетных ссуд на развитие отдельных территорий, отраслей, производств; проведением финансовой и кредитной политики, политики ценообразования (в том числе выпуском в обращение ценных бумаг), амортизационной политики; антимонопольными мерами, приватизацией объектов государственной собственности, в том числе объектов незавершенного строительства; путем экспертизы инвестиционных проектов; предоставлением целого ряда гарантий со стороны государства субъектам, осуществляющим инвестиционную деятельность, предполагающим защиту прав и интересов таких субъектов.

Основным федеральным исполнительным органом власти, осуществляющим инвестиционную политику в России на федеральном уровне, является Минэкономразвития России. Регулиро-

вание инвестиционной деятельности оно осуществляет во взаимодействии с Правительством Российской Федерации, которое, в свою очередь, реализует свои полномочия в инвестиционной деятельности на основании Федерального конституционного закона от 17 декабря 1997 года № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» [1]. Важным подзаконным актом является Постановление Правительства Российской Федерации от 11 октября 2014 года № 1044 «Об утверждении Программы поддержки инвестиционных проектов, реализуемых на территории Российской Федерации на основе проектного финансирования» [2].

Нормативное правовое регулирование инвестиционной деятельности осуществляется также и подзаконными нормативными актами: это указы Президента и постановления Правительства Российской Федерации, оказывающие непосредственное влияние на развитие и реализацию инвестиционных отношений в отечественной экономике. Примерами таких подзаконных нормативных правовых актов могут послужить: Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 1998 года № 135 «О дополнительных мерах по привлечению инвестиций для развития отечественной автомобильной промышленности» [3], который гарантировал государственную поддержку крупномасштабным проектам создания и развития производственных мощностей для выпуска современных средств автомобильного транспорта и автомобильных компонентов, в том числе реализуемых при участии иностранных инвесторов, которые отвечают установленным в Указе критериям; Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» [4]; Распоряжение Президента Российской Федерации от 3 августа 2011 года № 535-рп «Об инвестиционных уполномоченных в федеральных округах» [5].

Также возрастает роль инвестиционного уполномоченного (омбудсмена).

Государственное регулирование инвестиционной деятельности на уровне субъектов Российской Федерации, по нашему мнению, во многом зависит от специфики региона, например, от уровня развития предпринимательства, развитой инфраструктуры, самокупаемости, а также его региональной инвестиционной привлекательности. Можно привести следующие примеры. Закон

Кемеровской области от 17 ноября 2006 года № 142-ОЗ «Об утверждении краткосрочной региональной целевой программы “Повышение инвестиционной привлекательности Кемеровской области на 2007 год”» [6]. Кемеровская область по совокупности природно-климатических, географических условий, обеспеченности квалифицированными кадрами и прочими факторами является достаточно привлекательным регионом. Привлечение инвестиций и создание новых производств позволяет сохранять в регионе стабильную ситуацию на рынке труда и способствует повышению потенциала кузбасской экономики в целом. Закон Кемеровской области от 13 января 2003 года № 120-ОЗ «О государственной научно-технической политике Кемеровской области и об организации научной и (или) научно-технической деятельности» [7] закрепляет порядок создания и полномочия совета по инвестиционной и инновационной деятельности, которые утверждаются губернатором Кемеровской области, функциями которого являются: формирование и эффективная реализация государственной научно-технической политики Кемеровской области по инновационной и инвестиционной политике; координация деятельности научных организаций; проведение анализа научных и (или) научно-технических проектов и т.д.

Таким образом, по мнению автора, государственное регулирование инвестиционной деятельности на федеральном уровне носит более общий характер, в то время как законодательство и компетенция органов власти субъектов Российской Федерации регулируют инвестиционные отношения, возникающие между всеми участниками таких правоотношений, в том числе и в банковской сфере.

Государственное регулирование инвестиционной деятельности имеет определенную специфику в зависимости от субъектов, объектов и сферы такой деятельности, но при этом соблюдаются общие принципы, среди которых в последнее время становятся особенно актуальными обеспечение баланса интересов различных субъектов и государственно-частное партнерство.

Как отмечает А.Р. Батяева, принцип государственного регулирования предполагает устойчивое равновесие между императивным воздействием государства на инвестиционную деятельность и свободой ее осуществления. Избыточное государствен-

ное регулирование повышает коррупционные риски и вызывает ухудшение инвестиционного климата, стагнацию и отток инвестиций в экономически более привлекательные юрисдикции. В то же время трудно не согласиться с точкой зрения В.Н. Горюнова и Е.Б. Кониченко, которые отмечают, что «государственное регулирование инвестиционной деятельности должно быть адекватным ее правовой природе, учитывать ее сложный субъектный состав и многообразие видов» [9. С. 69].

Помимо вышеуказанных форм государственного регулирования инвестиционной деятельности существуют также и методы такого регулирования, которые традиционно подразделяются на прямые и косвенные методы воздействия государства на инвестиционные отношения.

Примерами прямого воздействия государственного регулирования на инвестиционные процессы могут служить такие мероприятия, как принятие антимонопольных мер, которые включают в себя, например, запрет на злоупотребление хозяйствующим субъектом доминирующим положением, сдерживание и ограничение конкуренции. Иными действиями государственного воздействия могут быть также расширение инвестиционного потенциала предприятий, повышение инвестиционной привлекательности отдельных отраслей, секторов, регионов, создание благоприятного инвестиционного климата. Кроме того, к прямым методам можно отнести проведение государственной экспертизы инвестиционных проектов, а также направление предписаний о совершении определенных действий конкретному субъекту инвестиционной деятельности, примером которого может послужить предписание Федеральной антимонопольной службы России ОАО «Башэнергоактиву» от 15 июня 2012 года [13]. Вместе с тем И.В. Костин отмечает, что «прямые методы регулирования непосредственно воздействуют на субъект хозяйствования и ограничивают его экономические свободы» [10. С. 497].

Помимо прямого метода государственного регулирования инвестиционной деятельности выделяют иной метод, именуемый косвенным, который часто соотносится с экономическим методом такого регулирования. Особенностью данного метода является то, что, в отличие от прямого метода регулирования, косвенный метод предполагает исключительное воздействие

с помощью различных финансовых инструментов, таких как бюджетная, налоговая, денежно-кредитная политика. К основным примерам косвенного воздействия на инвестиционную деятельность со стороны государства относятся следующие: амортизационная политика, которая является частью инвестиционной и налоговой политики; предоставление налоговых льгот участникам инвестиционных отношений; предоставление государственных субсидий на осуществление такой деятельности в качестве помощи инвесторам; предоставление кредитов на льготных условиях; предоставление государственных гарантий лицам, получающим кредиты в банках для реализации инвестиционных проектов, и др.

Единство мнений в отношении классификации и содержания прямого и косвенного регулирования инвестиционной деятельности, осуществляемого государством, не выработалось и в юридической литературе. Так, например, Н.В. Безлепкина считает, что «к прямым методам следует относить лишь административные распоряжения и бюджетное финансирование инвестиций. Все другие методы влияния на инвестиционные процессы, которые не адресованы конкретным субъектам и объектам инвестирования, являются косвенными, к которым, в свою очередь, относятся, например, кредитные и налоговые рычаги, амортизационная политика и другие механизмы [8. С. 57]. И.В. Костин считает, что такой метод государственного регулирования, как бюджетная политика, может рассматриваться и как прямой метод, и как косвенный. Так, например, он относит бюджетный кредит, налоговый кредит, субсидии к косвенному методу регулирования инвестиционной деятельности, а бюджетные инвестиции, бюджетное законодательство и налоговые льготы – к прямому [11. С. 499].

Таким образом, анализируя формы и методы государственного регулирования инвестиционной деятельности, можно сделать вывод о том, что проблема единого подхода в определении содержания, сущности и разграничения всех форм и методов такого регулирования является актуальной, поскольку однозначное и ясное понимание и толкование законодательства во многом предопределяет такие условия осуществления инвестиционной деятельности в Российской Федерации, как привлекательность, перспективность, доступность, для всех субъектов

инвестиционных правоотношений, как для инвесторов, так и для самого государства.

Литература

1. О Правительстве Российской Федерации: Федер. конст. закон от 17.12.1997 № 2-ФКЗ // СЗ РФ. 1997. № 51. Ст. 5712.
2. Об утверждении Программы поддержки инвестиционных проектов, реализуемых на территории Российской Федерации на основе проектного финансирования: Пост. Правительства Российской Федерации от 11.10.2014 № 1044 // СЗ РФ. 2014. № 42. Ст. 5751.
3. О дополнительных мерах по привлечению инвестиций для развития отечественной автомобильной промышленности: Указ Президента Российской Федерации от 05.02.1998 № 135 // СЗ РФ. 1998. № 6. Ст. 721.
4. О долгосрочной государственной экономической политике: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 596 // СЗ РФ. 2012. № 19. Ст. 2333.
5. Об инвестиционных уполномоченных в федеральных округах: Расп. Президента Российской Федерации от 03.08.2011 № 535-рп // СЗ РФ. 2011. № 32. Ст. 4818.
6. Об утверждении краткосрочной региональной целевой программы «Повышение инвестиционной привлекательности Кемеровской области на 2007 год»: Закон Кемеровской области от 17.11.2006 № 142-ОЗ // Кузбасс. 2006. № 218.
7. О государственной научно-технической политике Кемеровской области и об организации научной и (или) научно-технической деятельности: Закон Кемеровской области от 13.01.2003 № 120-ОЗ // Кузбасс. 2003. № 35.
8. Безлепкина Н.В. Государственное регулирование инвестиционных процессов как фактор инвестиционной активности промышленных предприятий // Основы экономики, управления и права. 2013. № 3 (9). С. 57.
9. Горюнов В.Н., Кониченко Е.Б. Правовое регулирование инвестиционных процессов в экономике // Вестн. Междунар. ин-та экономики и права. 2014. № 2 (15). С. 68–69.
10. Костин И.В. Характеристика основных методов и механизмов бюджетного регулирования инвестиционной деятельности в регионах // Теория и практика обществ. развития. 2012. № 12. С. 497.
11. Костин И.В. Характеристика основных методов и механизмов бюджетного регулирования инвестиционной деятельности в регионах // Теория и практика обществ. развития. 2012. № 12. С. 498–499.
12. Лаптева А.М. Понятие и виды субъектов инвестиционной деятельности // Вестн. СПбГУ. 2014. Сер. 14. Вып. 1. С. 56–57.
13. <https://www.interra.ru/investors/disclosure/other-disclosures/FAS/> (дата обращения: 21.03.2017).
14. <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depInvest/> (дата обращения: 19.03.2017).

СОДЕРЖАНИЕ

Миняева Т.Ф. Подход к криминализации общественно опасного деяния в России	3
Мишин А.В. О расследовании преступлений, связанных с посягательствами на участников уголовного судопроизводства	10
Михайлов Д.Ю., Семенова И.Ю. Авторитаризм и экономический либерализм: опыт Сингапура	13
Могушков А.М. О процессуальном положении представителя исправительного учреждения как участника стадии исполнения приговора по российскому и зарубежному законодательству	17
Могушкова М.Т. Отсрочка исполнения приговора: проблемы российского и международного регулирования	23
Мубаракзанова Р.Р. Проблемы участия несовершеннолетних подсудимых, совершивших повторные преступления, в разбирательстве по уголовному делу	26
Муртазина Г.М. Институт общественного помощника Уполномоченного по правам ребенка – важный дополнительный инструмент в правовой помощи детям	31
Мусаев Э.Т. Основные направления противодействия коррупции в области физической культуры и спорта в Республике Узбекистан	35
Мусина Р.Р., Камалов А.А. О правах плода в антенатальном периоде развития	40
Наметкин Д.В. Повышение эффективности деятельности по выявлению и расследованию преступлений в оборонно-промышленном комплексе как гарантия безопасности функционирования гражданского общества	44
Нестерова М.Ф. Неблагополучная семья как фактор, влияющий на криминальную активность несовершеннолетних лиц женского пола	47
Нестерова М.Ф. Специальные меры по предупреждению преступлений, совершаемых несовершеннолетними лицами женского пола	52
Нечаева Е.В., Поята В.В. Причинный комплекс женской наркопреступности	57
Нечипоренко Г.А. Терроризм и транснациональные преступные организации	62
Николаев А.З. Проблемы формирования экономической безопасности России на региональном уровне	66
Носаненко Г.Ю., Гаврилюк Р.В., Уразов А.А. Аффилированные лица: злоупотребление правом и виды ответственности	69
Павлова Е.В. Участие прокурора в исследовании заключения эксперта и допросе эксперта в суде апелляционной инстанции как форма противодействия преступности	74
Павлова М.В., Петрова Т.Н. Эволюция понятий «право» и «нравственность»: философский и психолого-педагогический аспекты	80
Панова А.С. Государственно-частное партнерство: значение и особенности правоприменения	85

Патова Т.В. Формирование творческого воображения и нравственных ценностей у детей дошкольного возраста средствами этнопедагогики.....	89
Патшина Т.А., Малинина Н.Б. Предпринимательская деятельность как объект охраны в правовом государстве	94
Петрова Т.Н., Павлова М.В. Педагогические условия формирования нравственно-правовой культуры студентов вуза.....	99
Погодина Т.Г. Нравственные проблемы, способствующие совершению и препятствующие расследованию отдельных видов экономических преступлений в сфере здравоохранения.....	104
Полтарыхин В.А. Криптовалюта как предмет коррупционного преступления.....	109
Поята В.В. Совершенствование российского уголовного законодательства в сфере противодействия женской наркопреступности.....	114
Рамазанов Р.М. Использование видеоконференц-связи в судебном заседании как иная мера безопасности участников российского уголовного процесса	119
Рахимова Э.В. Проблемы социальной адаптации осужденных	126
Рахматуллин Р.Р. Общая характеристика противодействия раскрытию преступлений	137
Рогов А.В., Андреев Е.А. Особенности деятельности нарядов патрульно-постовой службы полиции по предупреждению преступлений, обеспечению общественного порядка, общественной безопасности и личной безопасности граждан.....	141
Романов В.И. Правовые и нравственные аспекты уголовно-процессуальной деятельности с применением технических средств криминалистики.....	147
Романова Е.В. Нравственный аспект применения видеоконференц-связи в уголовном судопроизводстве России: реальность и перспективы развития.....	152
Рыбаков А.Н., Тихонов С.Н. Некоторые вопросы совершенствования законодательства в сфере освобождения осужденных от отбывания наказания.....	157
Салаев Н.С. Вопросы ресоциализации в пенитенциарной системе и перспективы ее совершенствования в Республике Узбекистан	162
Саливаров В.Я., Перепелкин В.И. Проблемы нравственности при осуществлении оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве России	169
Сверчков В.В. Влияние противоречивых положений Конституции России на развитие отечественной уголовно-правовой политики	174
Семенова И.Ю., Еремеева Д.И. Сравнительно-правовой анализ института гражданского общества в Российской Федерации и зарубежных странах	183
Семенова И.Ю., Маскайкина Е.О. Проблемность защиты прав несовершеннолетних в информационном пространстве.....	187

Семенова Н.В., Спиридонова Н.Ю., Чуйкова Ю.А. Возмездный договор дополнительного образования взрослых: сравнительно-правовой анализ с зарубежными странами	194
Семёнова Д.М. Концептуальные основы противодействия множественности преступлений	199
Серкова Т.В. Гражданско-правовой взгляд на проблему эвтаназии в современном обществе.....	206
Скаков А.Б. О некоторых результатах применения прогрессивной системы исполнения лишения свободы.....	213
Скиба А.П. Уголовно-исполнительное и иное законодательство, регулирующее общественный контроль за соблюдением прав лиц, содержащихся в местах принудительного содержания: некоторые коллизии	227
Смирнов М.А. Вопросы квалификации преступлений в сфере предпринимательской деятельности.....	232
Соколов А.В., Комаров О.Е. Функции краудсорсинга в управлении региональных и местных органов власти	239
Сошко И.А. Состояние регионального законодательства о бесплатной юридической помощи в Чувашской Республике	246
Спиридонова Н.Ю., Семенова Н.В. Конкуренция между вузами как фактор повышения качества образовательных услуг	254
Степанова С.Е. Мораль и право как факторы развития гражданского общества.....	258
Страхова Е.Р., Матеров С.Ю. Нравственные аспекты личного обыска: теория и практика	261
Тимофеева Т.Ф. Законодательство в сфере исполнительного производства	265
Тихонов В.И. О результатах социологических исследований изучения института смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств на современном этапе правоприменительной практики	269
Ткачев И.О. Теоретико-прикладные проблемы назначения судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) по совокупности преступлений	274
Токарева К.Г. Организационные аспекты в деятельности прокурора в противодействии коррупции	281
Толстова М.Л., Кашкирова Н.Г. О правовом обеспечении информационной безопасности государства	285
Топилдиев Б.Р. Договор доверительного управления имуществом и перспективы его развития в Республике Узбекистан.....	289
Ужахов А.С. О закреплении в уголовном законодательстве России и ряда стран СНГ предупреждения преступлений как цели наказания	298
Фалина Е.И. Эвтаназия: плюсы и минусы для развития гражданского общества.....	303
Филиппова О.Е. Соотношение права, политики и морали в заключении Конституционного Суда Российской Федерации о конституционности закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации	307

Фролов А.А., Бовыкин К.А. Влияние информационно-коммуникационных технологий на становление современного гражданского общества.....	316
Фролов А.А., Егоров Д.В. Практики гражданской интернет-активности на примере кампании в поддержку закона о профилактике домашнего насилия	321
Хайдаров А.А. Гарантии правдивости показаний свидетелей при смешении процессуальных статусов в отечественном уголовном процессе	325
Хужаев Ш.А. Дальнейшее реформирование деятельности административных судов в Республике Узбекистан	334
Чесноков И.А. О соотношении права каждого человека на честь, достоинство и свободу слова.....	342
Чинчикова Г.Б. Спор с Токвилем о демократии.....	345
Чулахов В.Н. Закономерности множественности преступлений (криминалистический аспект)	350
Шабанов В.Б. Особенности социальной работы с осуждёнными, освобождаемыми из исправительных учреждений по отбытии срока наказания: правовой аспект	355
Шавьер Ф.С.К. Нормы нового закона о борьбе с преступностью в Бразилии	364
Шармойц А.Н., Ларина Н.Д. Актуальные проблемы развития гражданского общества в Российской Федерации	372
Шаякубов Ш.Ш. Правовые аспекты регулирования осуществления общественного контроля в Узбекистане	376
Шеслер А.В., Шеслер С.С. Влияние норм морали на уголовно-правовой подход к определению преступления и наказания	383
Шидловский А.В. Назначение лишения свободы несовершеннолетним по совокупности преступлений.....	390
Эртевциан М.Р., Шадрина А.В. Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера	394
Яковлева С.А., Тимофеева О.В. Отдельные положения о фальсификации доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности	399
Ярускина А.А. О необходимости законодательного закрепления понятия множественности преступлений	404
Henry José Devia Pernia, Daniel Torres Vargas. Challenges of humanities and social sciences in the civil society of America.....	409
Белясов С.Н. Коррупция в России: существующие подходы в ее противодействии	419
Гайнетдинова Г.С., Семенова Н.В., Галяльдинов А.Р. Правовое значение государственной регистрации прав на недвижимое имущество	425
Гатауллин З.Ш. Понятие и содержание уголовного преследования в состязательном судопроизводстве	428
Кириллова Т.В. Опыт реализации Ведомственной программы социально-психологической работы в отношении осужденных женщин, имеющих алкогольную и наркотическую зависимость	431
Моторова А.В., Малинина Н.Б. Гражданское общество и Интернет.....	436

Перепелкин В.И., Саливаров В.Я. Нравственные основы при проведении следственных действий.....	440
Подольная Н.Н. Ответственность за распространение инфекционных заболеваний: уголовно-правовой и криминологический аспекты	443
Подольный Н.А. Стадия возбуждения уголовного дела – гарантия защиты прав и законных интересов граждан от необоснованного произвола и бюрократизма должностных лиц правоохранительных органов	448
Салиева Р.Н. Правоприменительная практика в сфере организации информирования и информирования населения о состоянии атмосферного воздуха	453
Спиридонова Н.Ю., Иванова В.В., Васильева Н.Г. Проблемы формирования доказательственной базы в порядке судебной защиты права на коммерческую тайну	464
Сумачев А.В. О нравственных началах уголовного права	468
Шкредов А.В. Договорно-правовое регулирование инвестиционных отношений в банковской сфере.....	473
Шкредов А.В. Правовая основа государственного регулирования инвестиционной деятельности в банковской сфере: основные формы и методы	478

Научное издание

ПРАВОВЫЕ И НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции,
посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации,
доктора юридических наук, профессора В.П. Малкова
Чебоксары, 2–3 октября 2020 г.

В двух частях

Часть 2

Редактор Т.Н. Князева
Компьютерная верстка А.Ю. Храбровой

Согласно Закону № 436-ФЗ от 29 декабря 2010 года
данная продукция не подлежит маркировке

Подписано в печать 29.09.2020. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Times. Усл. печ. л. 28,48. Уч.-изд. л. 28,50.
Тираж 150 экз. Заказ № 724.

Издательство Чувашского университета
Типография университета
428015 Чебоксары, Московский просп., 15